

50 знаменитых террористов

Александр Ильченко, Илья Вагман, Станислава Евминова

От авторов

История терроризма уходит своими корнями в глубь веков. Немало кровавых страниц было вписано в нее античными тираноборцами, исмаилитами, ассасинами, якобинцами, карбонариями, народовольцами, большевиками... Но наибольший размах волна терроризма приобрела в XX веке, превратив его в страшное и неотъемлемое явление современности, беспрецедентное по масштабам и неожиданное по формам.

Исследования, проведенные на стыке 80–90-х годов прошлого столетия, указывают на опасные тенденции развития национал-экстремистских, террористических и мафиозных движений во многих странах. В мире сейчас насчитывается около 500 групп и организаций, использующих в своей деятельности террор. Они существуют в 70 странах – на всех континентах, за исключением, пожалуй, только Австралии. К числу наиболее активных из них принадлежат исламская террористическая организация «Аль-Каида», ливанская Хезболлах, палестинские движения сопротивления ХАМАС и «Фронт освобождения Палестины», египетские «Аль-Джихад» и «Братья-мусульмане», «Революционный совет ФАТХ» (Саудовская Аравия), арабский «Черный сентябрь» (группа Абу Нидаля), алжирская «Аль-Джамаа», «Исламский джихад Пакистана», фронт «Тигры освобождения Тамил-Элама» (Шри-Ланка), Рабочая партия Курдистана (Турция), баскская сепаратистская группировка ETA и «Эскудита Аскатасуна» (Испания), Ирландская республиканская армия (ИРА), итальянские «Красные бригады», немецкая фракция «Красной армии», Армия освобождения Косово, «Революционное движение Тупак Амару» (Перу), «Экстрадитаблес» (Колумбия), «Черные пантеры» (США) и многие другие.

По оценкам специалистов, в настоящее время ежегодно в террористических акциях гибнет свыше 5 тысяч человек. 90 % терактов составляют взрывы бомб, обстрелы и вооруженные нападения (все это мы сейчас наблюдаем в Ираке). Остальные 10 % приходятся на похищение людей, захват заложников, угон самолетов и вредительство. Характерны для нынешнего терроризма также высокий уровень финансирования и организации, широкое использование в своих целях электронных СМИ, особенно радио и телевидения. В этих условиях он становится глобальной угрозой XXI века.

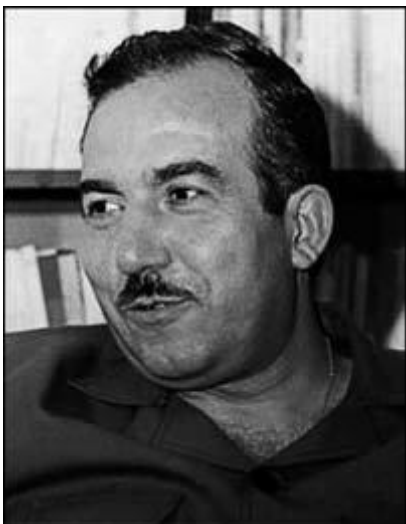
Причины всплеска терроризма в наши дни большинство политологов и представителей средств массовой информации связывают с политической, социальной и националистической борьбой различных группировок, которая к тому же нередко сопровождается религиозным противостоянием. Характерно в этом отношении высказывание современной американской журналистки Фрэн Лебовиц, которая считает, что «действия террористов вызваны политическим недовольством, социальной несправедливостью и... необоримым желанием видеть себя на телевизионном экране». Последнее, скорее всего, относится к террористам-одиночкам, считающим себя сильными личностями и непризнанными героями.

Между тем в рядах террористических организаций можно найти людей самых различных – как по политическим и религиозным убеждениям, социальному положению, так и по личным качествам. Характеризуя их, американский исследователь Ливингстон пришел к выводу, что «террористическое движение содержит в равной мере альтруистических идеалистов и безнравственных богохульников, прожектеров и негодяев, умеренных и экстремистов, тех, кто ищет удобного случая, и тех, кто спасается бегством от банкротства, сторонников авторитарной власти и противников всякой устоявшейся власти. Богатые, так же как и бедные, оказываются

рекрутированными в террористические организации, ученые наравне с неграмотными, те, кто побуждается личными амбициями, а также и те, кто движим идеологическими мотивами». Ярким подтверждением тому являются герои этой книги – люди, избравшие террор и насилие средством для достижения своих жизненных целей. Но чем бы они ни руководствовались в своей деятельности и каким бы идеалам ни служили, не стоит забывать слова Джузеппе Мадзини – одного из идеологов терроризма, который вынужден был признать, что «террор, возведенный в систему, есть признак слабости и выражение страха».

АБУ ДЖИХАД

Настоящее имя – Халил Ибрахим Махмуд эль-Вазир (род. в 1935 г. – ум. в 1988 г.)

Один из руководителей организации «Аль-Фатх», организатор многих террористических акций палестинцев, вдохновитель «интифады» – восстания палестинцев на западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, провозгласивший уничтожение государства Израиль вооруженным путем. Заместитель главнокомандующего вооруженными силами Организации освобождения Палестины (ООП).

7 марта 1988 года трое боевиков «Аль-Фатх» захватили в пустыне Негев на территории Израиля пассажирский автобус, в котором ехали сотрудники сверхсекретного израильского атомного центра в Димоне. При освобождении заложников террористы успели убить троих из них. В Израиле это было расценено как удар по самому важному объекту в государстве и стало поводом для разработки операции по ликвидации организатора этой акции – Абу Джихада. Эта операция получила название «Меч Гедеона».

Халил Ибрахим Махмуд эль-Вазир – таково настоящее имя Абу Джихада (этот псевдоним означает «Отец священной войны») – давно привлекал внимание израильских спецслужб. Лидер самой мощной и крупной фракции в ООП «Аль-Фатх», он был организатором большинства террористических акций палестинцев, совершенных против Израиля, вдохновителем «интифады» и создания палестинского правительства в изгнании. Его популярность и влияние среди палестинцев непрерывно росли. Он имел репутацию одного из самых непримиримых вождей ООП и выдвинул идею о том, что создание независимого арабского государства в Палестине возможно только вооруженным путем. А это означало бы новую большую войну на Ближнем Востоке, чего нельзя было допустить ни в коем случае. Нападение на сотрудников атомного центра в пустыне Негев стало последней каплей в чаше терпения: правительство и военное командование Израиля дали санкцию на уничтожение этого «Отца священной войны».

...С 1982 года штаб-квартира ООП располагалась в Тунисе. Там, в пригороде столицы Сиди Бусейд, жил с семьей и Абу Джихад. Это не было секретом для израильских спецслужб, имевших здесь мощную агентурную сеть. К началу апреля 1988 года бойцы израильского морского спецназа детально изучили тунисское побережье, разведали систему охраны, наметили

подходящие для высадки места. Представители других спецслужб собрали данные о дорогах, аэродромах, полицейских и армейских объектах. Службы радиоэлектронной разведки круглосуточно прослушивали все радио- и телефонные переговоры Абу Джихада и его окружения. Непосредственно акция была возложена на бойцов «Саерет Миткаль». Эта сверхсекретная воинская часть – ее еще называют «Соединение 269» и «Разведчики генерального штаба», – находящаяся в непосредственном подчинении начальника Генштаба Армии обороны Израиля, изначально предназначалась для проведения особо важных диверсионно-разведывательных мероприятий, боевой поддержки спецслужб, контртеррористических мероприятий и акций возмездия как на территории Израиля, так и за его пределами. В начале апреля неподалеку от Хайфы, где была построена точная копия виллы Абу Джихада и близлежащего квартала, агенты «Моссада» и бойцы «Саерет Миткаль» провели «генеральную репетицию» предстоящей операции. Она прошла успешно. На ее проведение было затрачено 22 секунды.

14 апреля в Тунис разными авиарейсами прибыла первая группа участников операции. Среди них была одна женщина. У всех были документы граждан Ливана, и все они говорили на арабском с сильным ливанским акцентом. На следующий день прибыл командир «Саерет Миткаль», а в ночь на 15 апреля к побережью Кипра подошли четыре израильских корвета. На них размещались штаб операции, который возглавлял генерал Эхуд Барак, будущий премьер-министр Израиля, спецназовцы, два быстроходных катера «Кобра», которые должны были прикрыть огнем бойцов в случае их обнаружения и вынужденного отступления, полевой госпиталь и вертолет, предназначавшийся для эвакуации раненых и огневой поддержки десантников. В воздухе постоянно барражировали два «боинга», оснащенные системой АВАКС и аппаратурой, способной подавить любые наземные средства связи и управления. Кроме них в воздухе находились два самолета-танкера для дозаправки и четыре истребителя прикрытия. 16 апреля группы спецназа в водолазном снаряжении на электрических буксировщиках поплыли к пляжу в местечке Рас Картаге, находящемся на месте древнего Карфагена. Там их встретили сотрудники «Моссада». На двух автофургонах и «Пежо-305» участники операции направились в Сиди Бусейд.

Действовать нужно было осторожно. Здесь, помимо Абу Джихада, проживали и другие руководители ООП, и все они имели вооруженную охрану. В момент прибытия спецназовцев оказалось, что Абу Джихада нет дома. Пришлось ждать. Он прибыл только в 1 час 30 минут ночи. Тут же один из спецназовцев вывел из строя телефонную связь, были заблокированы все подходы к зданию и взято под прицел пространство вокруг дома. Через час в окне Абу Джихада погас свет. Это стало сигналом к началу операции. Первым был ликвидирован шофер-телохранитель, спавший в машине, затем с помощью приспособлений, неизвестных тогда еще миру, удалось преодолеть в полной тишине запертые двери с парадного и заднего входов. Уничтожив на первом этаже еще двух телохранителей, спецназовцы устремились на второй этаж. В здании теперь находились только Абу Джихад, его жена, 14-летняя дочь и 2-летний сын. Абу Джихад только успел поднять голову от подушки на скрип открываемой двери, как был прошит несколькими автоматными очередями. В него попало 68 пуль 9-го калибра. Спавшая рядом жена очнулась ото сна, когда все уже кончилось. Ее никто не тронул. Вся операция заняла 13 секунд. За это время спецназовцы успели еще изъять на вилле несколько пачек секретных документов. Возвращение их на корабли прошло без всяких проблем.

Халил Ибрахим Махмуд эль-Вазир родился 10 октября 1935 года в палестинском городе Рамла. В 1948 г., когда начало создаваться государство Израиль, разразилась арабо-израильская война, обозначившая проблему Палестины. Тогда появились первые организации палестинского движения сопротивления. В это время эль-Вазир очутился в лагере беженцев в секторе Газа. Там он получил среднее образование, прошел военное обучение. В 1956 году будущий террорист начал посещать лекции в Александрийском университете, но высшего образования так и не получил. Перебравшись в 1959 году в Кувейт, он до 1963 года работал там учителем, затем переехал в Алжир.

К началу 1950-х годов относится создание основного ядра ведущей палестинской организации «Аль-Фатх» («Движение за национальное освобождение Палестины»). Его окончательное становление пришлось на 1956 год. Основателями организации были Ясир Арафат, Салах Халиф и Халил эль-Вазир. Однако на этом этапе палестинское движение сопротивления было относительно слабо, отсутствовало единство, оно ориентировалось на разные страны. В 1957 году Ясиром Арафатом и Абу Джихадом в Кувейте была основана военно-политическая организация палестинцев, имеющая своей целью освобождение Палестины от израильской оккупации, уничтожение государства Израиль, изгнание с территории Палестины вновь прибывших евреев. Через два года, в октябре 1959 года, «Аль-Фатх» уже представляла собой стройную организацию, ставшую ядром будущей ООП. Методами борьбы «Аль-Фатх» были диверсии и партизанская война. Причем не только на территории Израиля, но и в Европе, Тунисе, Ираке, Ливане, Алжире, Йемене и других странах. С этой целью в 1963 году с

благословения Москвы Абу Джихад создал в Алжире первый лагерь для обучения боевиков. Сам же он учился тактике партизанской борьбы, посетив в 1964 г. Китай, Северный Вьетнам и КНДР. Тогда же Абу Джихад провозгласил «доктрину опустошения и захвата приграничных районов», в соответствии с которой боевые отряды ООП развязывали террористическую войну против Израиля в середине 1960-х годов. Согласно этой доктрине, постоянные диверсии против израильских населенных пунктов, прилегающих к границам с арабскими странами, вызовут панику, а затем и бегство жителей из терроризируемых поселений. Эту опустошенную местность предполагалось захватить и удерживать силами палестинских отрядов, действующих при поддержке арабских армий. Идея Абу Джихада была поддержана руководством Сирии, которая стала базой «Аль-Фатх», а сам Абу Джихад поселился в Дамаске.

ООП появилась на свет 1 июня 1964 года. Через три месяца была создана Армия Освобождения Палестины, состоявшая из трех бригад. Наибольшей из многих организаций, входивших в ООП, стала «Аль-Фатх». В это время Абу Джихад доработал свою доктрину, сделал ее центральным пунктом тезис о необходимости превратить ООП в катализатор общеарабской войны против Израиля. Именно он, более чем другие лидеры ООП, стал тогда ассоциироваться с антиизраильским и антиеврейским террором. Он сосредоточил в своих руках рычаги управления боевыми структурами «Западного сектора» ООП, осуществлявшими диверсии против Израиля с территории ряда арабских стран. Вооруженные рейды на территорию Израиля начались с 1964 года. В декабре была осуществлена первая боевая операция «Аль-Фатх» – взорвана израильская водочка.

После Шестидневной войны 1967 года, когда Израиль захватил часть территории Сирии, Египта и Иордании, «Аль-Фатх» расширила свои ряды и стала основной и самой многочисленной силой палестинского движения сопротивления, а после того как в 1969 году ООП возглавил Ясир Арафат – доминирующей силой этой организации, контролирующей деятельность всего движения. Деятельность ООП, а следовательно, и «Аль-Фатх», финансировалась союзными арабскими режимами и частными пожертвованиями палестинцев. Главные базы боевиков находились тогда в Иордании, и «Аль-Фатх», мощная вооруженная организация, стала реальным соперником государственных институтов этой страны в населенных палестинцами территориях Западного берега реки Иордан, оккупированного Израилем. В результате в сентябре 1969 года в Иордании началась гражданская война. Иорданская армия разбила основные силы «Аль-Фатх». Эти события получили название «Черный сентябрь» и стали причиной длительной террористической войны палестинцев против Иордании. Большая часть сил «Аль-Фатх» перебазировалась тогда в Ливан, который на десятилетие стал основной базой ООП.

В своей структуре «Аль-Фатх» имела различные боевые подразделения: «Force-17», «Хавари – группа специальных операций» и ряд других, а после сентябрьских событий 1969 года к «Аль-Фатх» примыкала группа «Черный сентябрь», созданная для проведения акций международного терроризма. На основе антисемитизма началось сотрудничество с ультралевыми и ультраправыми террористическими группировками Италии, Австрии, Германии. Создавалась террористическая сеть, охватывающая Европу и Средиземноморье. В 1971 году боевики уничтожили нефтяные резервуары в Роттердаме, атаковали офис иорданской авиакомпании ALIA в Риме, напали на самолет той же компании в Каире, захватили самолет рейса на Алжир, напали на самолет рейса Бейрут – Каир, убили премьер-министра Иордании, устроили покушение на посла Иордании в Лондоне. В 1972 году террористы «Аль-Фатх» устроили нападение на резиденцию короля Иордании в Лондоне, захватили и убили 11 израильских спортсменов на олимпиаде в Мюнхене, провели серию диверсий против посольств и консульств Израиля в Амстердаме, Париже, Женеве, Монреале, Вене, Оттаве, Брюсселе, Киншасе, Буэнос-Айресе, Вашингтоне, Бангкоке.

Стратегия использования международного терроризма была пересмотрена руководством «Аль-Фатх» после арабо-израильской войны 1973 года. Под давлением Запада Арафат отказался от проведения террористических операций. Но группы «Аль-Фатх», подчинявшиеся Абу Джихаду, неоднократно нарушали политику Арафата. После того как в апреле 1973 года израильские командос застрелили в Бейруте Мухаммада Юсуфа ан-Наджара, Абу Джихад окончательно утвердился как второй человек в ООП и управляющий силовыми структурами этой организации. Его прочили в преемники Ясира Арафата, что означало бы стремительную эскалацию боевых действий, поскольку Абу Джихад отрицал даже саму возможность переговоров с Израилем, считая, что воссоздать палестинское государство можно только вооруженным путем. И террористические акции продолжились.

1973 год начался с атаки израильского агентства в Париже, затем румынской разведке, курировавшей ООП по «просьбе» советского КГБ, стало известно, что под руководством Абу Джихада террористы собираются взять в заложники американских дипломатов в столице Судана Хартуме и обменять их на убийцу Роберта Кеннеди Сирхан Сирхана. Попытка остановить Абу Джихада успехом не увенчалась. Палестинцы захватили участников дипломатического приема в саудовском посольстве в Хартуме. 2 марта, после того как президент США Р. Никсон отказался

пойти на сделку, террористы убили американского посла, его заместителя и бельгийского поверенного в делах. Кстати, из перехваченного радиообмена между Арафатом и Абу Джихадом явствовало, что приказ убить американского посла дал Арафат. В сентябре того же года террористы предприняли ракетную атаку на самолет израильской авиакомпании Эль-АЛ в Риме.

С 1974 по 1978 год израильские спецслужбы приписывали Абу Джихаду нападение на поселок Нахария, жертвами которого стали четверо еврейских поселенцев; нападение на тель-авивский отель «Савой», приведшее к гибели 10 и ранениям 12 израильтян; захват израильского автобуса, в ходе которого погибло 33 человека и 82 было ранено; убийство 38 израильтян в загородном клубе под Тель-Авивом. Эти и многие другие преступления сделали Абу Джихада в глазах израильтян врагом № 2 – после Абу Нидаля, чьи опорные базы находились в Сирии и Ливии. Кроме терактов на территории Израиля, за Абу Джихадом числились захват шести заложников в посольстве Египта в Мадриде и убийство посла Ирака в Великобритании.

Продолжающиеся атаки ООП с территории Ливана заставили Израиль совершить в 1982 году вторжение в эту страну. Бейрут, где находилась штаб-квартира ООП, был окружен. Большинству палестинцев разрешили выехать, и они отбыли в дружественные арабские страны. Арафат, Абу Джихад и прочие палестинские лидеры обосновались в Тунисе, откуда продолжали осуществлять свою деятельность. В апреле 1985 года израильские пограничники обстреляли катер, на котором находились палестинцы. 20 боевиков было убито, 8 арестовано. В ходе допросов выяснилось, что готовилось убийство тогдашнего министра обороны Израиля Ицхака Рабина, организатором операции был Абу Джихад, руководитель военного отдела ООП. В сентябре того же года боевики из «Force-17» захватили на Кипре туристическое судно и убили трех израильтян. Это стало причиной налета израильской авиации в октябре на штаб-квартиру ООП в Тунисе. Она была разрушена. После этого силы «Аль-Фатх» были рассредоточены на территориях Йемена, Судана, Ирака и Алжира. ООП в это время оказалась в глубоком кризисе. Из-за идеологических и политических разногласий из нее вышли некоторые группировки. А Абу Джихад продолжал осуществлять личное руководство действиями палестинских боевиков против Израиля и израильских объектов на Западе. В феврале 1986 года боевики «Force-17» взорвали в Израиле автобус. При взрыве было ранено шесть человек.

Но терроризм составлял лишь одну сторону деятельности Абу Джихада. Обладая большим авторитетом в арабском мире, он стал в 1987 году вдохновителем «интифады» – вооруженного восстания палестинцев на западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. «Интифада» приняла формы бойкота товаров Израиля, атак на израильских поселенцев, демонстраций. Кроме того, по инициативе Абу Джихада восставшие истребляли информаторов израильских спецслужб. Однако от терроризма он не отказывался. В марте 1988 года в пустыне Негев боевики «Force-17» захватили автобус с заложниками из израильского атомного центра. Трое пассажиров были убиты. И тогда был поднят «Меч Гедеона».

АБУ НИДАЛЬ

Настоящее имя – Сабри Халиль Абдель Кадир эль-Банна (род. в 1937 г. – ум. в 2002 г.?)

Знаменитый палестинский террорист, лидер и создатель международной организации боевиков «Абу Нидаль» (ОАН), также известной как «Черный сентябрь». ОАН осуществлены теракты в 20 странах, на счету организации – около 900 убитых и раненых. Абу Нидаль стал олицетворением самого кровавого терроризма 80-х годов прошлого столетия, а его смерть, странная и страшная, как и вся жизнь этого палестинца, оставила массу вопросов, ответа на которые не существует. С равной степенью достоверности можно считать официальную версию гибели террориста, представленную иракскими властями, правдивой либо ширмой, скрывшей от общественности истинное положение вещей. Ясно одно: требовать проведения полного расследования данного дела не будет никто; не найдется и лиц, которые бы горько оплакивали смерть этого 64-летнего человека, прозванного западной прессой «наемным пистолетом».

В том, что международный терроризм является врагом человечества номер один, убеждены все крупные политические лидеры и средства массовой информации мира. Спорить с этим желающих найдется немного. И в самом деле, сложно оправдывать действия, в результате которых гибнут ни в чем не повинные люди – их уничтожают во имя чьих-то убеждений, то есть непонятно во имя чего. Терроризм как тактика борьбы используется движениями самого различного толка, при этом сами боевики предпочитают именовать себя партизанами, борцами сопротивления, борцами за веру.

В 60-х годах прошлого века многие были убеждены, что мир стоит на пороге новой революции. Студенческие и рабочие волнения в 1968 году в Европе, демонстрации протеста против войны во Вьетнаме и за равноправие чернокожего населения в США, восстания в Польше и ввод советских войск в Чехословакию, антиимпериалистическая борьба в странах Третьего мира поддерживали эти убеждения. Чтобы противостоять неизбежным в такой ситуации репрессиям и институциональной блокаде, многие решили взяться за оружие.

Сабри Халиль Абдель Кадир эль-Банна родился в мае 1937 года, в палестинском городе Яффа. Отец Сабри, один из самых богатых людей в подмандатной Палестине, владел 3000 гектаров земли от Яффы до Ашкелона, а также в секторе Газа и разбогател на торговле овощами и фруктами. Фактически этот человек контролировал 10 процентов продукции, которая экспортировалась из Палестины в Европу. Семье эль-Банна принадлежали также дома во Франции, Турции и Сирии. У отца семейства было 13 жен, которые подарили ему 16 сыновей и 8 дочерей. Сам Сабри являлся сыном восьмой жены, сирийки по происхождению. Отец стремился к тому, чтобы все его дети получили хорошее образование, поэтому многие братья и сестры мальчика отправились в Англию, где воспитывались в частных школах с хорошей репутацией. А Сабри отдали в католическую французскую школу в Яффе, где будущий террорист успел окончить начальный курс. Когда в 1945 году мальчик потерял отца, старшие братья настояли на его переводе из католического в мусульманское учебное заведение. Теперь Сабри предстояло получать знания в престижной иерусалимской школе Аль-Умария.

29 ноября 1947 года Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию о разделе Палестины на два государства – арабское и еврейское. Вслед за этим начались вооруженные столкновения между представителями двух наций; вскоре бои достигли Яффы. Город был захвачен евреями, и семья эль-Банна вынуждена была уехать сначала в Маждали, а затем отправиться в лагерь палестинских беженцев «Аль-Бурдж», расположенный в печально известном секторе Газа.

Земли отца Сабри конфисковало израильское правительство, и теперь вся семья, привыкшая к спокойной жизни в красивом доме из 20 комнат, вынуждена была ютиться в обычной палатке среди десятков тысяч других таких же беженцев.

Эль-Банна, привыкшие к достатку, впервые в жизни столкнулись с настоящей нищетой. Ежедневно Сабри выстаивал огромные очереди, чтобы получить дневной паек, состоявший из картошки, риса и масла. День за днем мальчик растил в себе ненависть к тем, кто обрушил на него и его семью страдания, нищету и отчаяние. Отныне врагами будущего террориста стали Израиль и Англия – именно они, по мнению Сабри, лишили его обеспеченного будущего. Лагерьный кошмар продолжался долгие девять месяцев, после чего у семьи появилась возможность перебраться в Наблус. Этот крупнейший город Западного берега реки Иордан находился под контролем Иордании. Здесь эль-Банна помогли неплохо устроиться прежние связи главы семейства. К тому же в Наблус перебрались и многие служащие отца Сабри; спустя некоторое время они вновь начали работать на своих старых хозяев.

Обосновавшись на новом месте, 12-летний мальчик после годичного перерыва возобновил учебу. Правда, теперь ему приходилось посещать обычную государственную школу. В 1955 году, получив среднее образование, он поступил на инженерный факультет Каирского университета.

Однако через два года будущего террориста исключили из этого учебного заведения и он был вынужден возвратиться в Наблус, так и не получив диплома. (Кстати, данный факт совершенно не мешал Абу Нидалю впоследствии неоднократно заявлять, что он является дипломированным инженером.)

По возвращении в Наблус Сабри некоторое время работал учителем в местной школе, но особого призвания к педагогике не имел и данным видом деятельности явно тяготился. Поэтому в 1960 году он послушался совета старшего брата и уехал работать электриком в Саудовскую Аравию, в город Джидда. Однако Сабри был всегда очень привязан к своей семье, так что каждый год приезжал домой, чтобы навестить мать и пообщаться с родственниками.

Один из таких приездов поставил точку на его жизни холостяка: Сабри познакомился с девушкой и впервые задумался о необходимости создать семью. Вскоре он женился и вместе с супругой уехал в Саудовскую Аравию. Там у будущего лидера «Черного сентября» родилось трое детей: дочери Бизан и Наифа и сын Нидаль.

Молодой электрик постепенно стал увлекаться политикой. Он все чаще принимал участие в дискуссиях, которые устраивали члены палестинской общины. Новое увлечение привело эль-Банна в Партию арабского социалистического возрождения. Позднее членство в этой организации помогло Сабри завоевать расположение иракских властей. Почти одновременно с этим он вступил в созданную в 1965 году Ясиром Арафатом палестинскую организацию ФАТХ, попал в зону пристального внимания саудовских спецслужб, был арестован, подвергнут допросам и пыткам. В конце концов, измученного, но злого и несломленного палестинца выдворили из страны. Неудивительно, что знаменитый террорист всю жизнь крайне негативно относился к Саудовской Аравии! В Наблус Сабри с семьей вернулся за несколько месяцев до «шестидневной войны», начавшейся 5 июня 1967 года. Вступление в город израильских войск стало глубокой травмой не только для эль-Банна, но и для многих палестинцев, нашедших в Наблусе убежище. Израиль оккупировал сектор Газа, Голанские высоты, Синайский полуостров и Западный берег реки Иордан. Эти события подтолкнули Сабри к активным действиям: он включился в подпольную борьбу.

Израильские спецслужбы, обосновавшись на Западном берегу реки Иордан, начали выявлять членов ФАТХа, поэтому эль-Банна вынужден был покинуть Наблус и отправился в столицу Иордании, Аман, где обосновались его старшие братья. Тогда же Сабри выбрал себе псевдоним и стал называться Абу Нидаль: в переводе с арабского это означает «отец Нидаля» и «отец борьбы». В те годы он поддерживал тесный контакт с одним из заместителей Арафата, Салахом Халафом, и благодаря его протекции быстро продвинулся по служебной лестнице. Правда, руководство организации уже тогда отмечало не только его инициативность и стальную волю, но и честолюбие, временами переходившее в жестокость. Тем не менее, Абу Нидаль стал одним из первых членов ФАТХа, направленных для прохождения военной подготовки сначала в Китай, а затем в Северную Корею. В 1969 году будущий террорист получил от своей организации направление в Судан – там планировалось открыть представительство ФАТХа, которое он должен был возглавить. Но через восемь месяцев Сабри обвинили в излишней самостоятельности и перевели в Ирак. Так начался длительный период его сотрудничества с Саддамом Хусейном.

В Багдаде Абу Нидалю удалось установить контакты с правительственными секретными службами, и в штаб-квартиру ФАТХ начали поступать сообщения о том, что отношения иракских властей и палестинца принимают неожиданный и не слишком хороший оборот. Тогда Арафат впервые задумался об истинных целях, которые преследовал его представитель, – ведь ФАТХ придерживался того мнения, что необходимо как можно меньше зависеть от арабских стран.

Абу Нидаль все чаще отказывался следовать распоряжениям своего руководства, одновременно занимаясь укреплением контакта с местными спецслужбами. Вскоре он стал «палестинцем № 1» в Ираке. Используя свои новые связи, Абу Нидаль постепенно укреплял личную независимость. Единство организации оказалось под угрозой, и Арафат направил в Багдад своих представителей, чтобы убедить Сабри изменить свою позицию и не вносить раскол в ряды ФАТХ. Но тот уже играл в свою игру и при поддержке иракских спецслужб в 1973 году занялся созданием собственной организации, которая должна была носить его имя. Поначалу она состояла из 150–200 человек и представляла собой одну из первых палестинских террористических группировок, получивших поддержку на государственном уровне. Боевики Абу Нидаля действовали в 20 странах на трех континентах: от них нельзя было укрыться ни в Европе, ни в Африке, ни в Азии. Скоро на счету террористов было уже 200 актов насилия, жертвами которых стали американцы, израильтяне, европейцы, арабы и представители Организации освобождения Палестины.

Вчерашний друг Ясира Арафата, Сабри постепенно превратился в его злейшего врага. Эль-Банна ставил в вину Арафату и другим руководителям ФАТХа «избыточную умеренность» и

протестовал против идеи мирного урегулирования палестинского конфликта и арабоизраильского противостояния. Бывшие соратники, по мнению Сабри, предали палестинскую революцию, поскольку готовы были вести переговоры с сионистами. К тому времени Абу Нидаль сформулировал основные принципы деятельности собственной организации. Предполагалось, что она будет прилагать все силы для уничтожения «сионистского образования» (так Сабри называл Израиль), укрепления арабского единства и освобождения Палестины, которая должна была превратиться в демократическое государство. Каждый, кто предавал «палестинское дело», подлежал немедленному уничтожению. С тех пор жизненным кредо Абу Нидаля стало: «Я убиваю, следовательно, я существую»... Он считал, что арабы – единый народ, а их общая родина просто была насильственно расчленена в результате империалистических заговоров. Поэтому Палестина должна была, по его мнению, стать составной частью Сирии. А поскольку Израиль, пользующийся поддержкой международного империализма, является отнюдь не гипотетической опасностью для арабов, последние просто-таки обязаны объединиться для борьбы против него. Результатом такой войны должен был стать единый арабский народ, жить которому равноправно и свободно до сих пор мешали оккупанты-сионисты.

У Абу Нидаля слова, к сожалению, с делом обычно не расходились. Поэтому он не стал удовлетворяться теорией и перешел к практическому воплощению в жизнь собственных призывов. Его группа провела первый террористический акт уже 5 сентября 1973 года: боевики захватили посольство Саудовской Аравии в Париже, превратив 11 его работников в заложников. В тот же день Сабри эль-Банна официально исключили из рядов ФАТХа. Похоже, террориста это событие ничуть не расстроило. В декабре того же года он и Ахмед Гафур убили в аэропорту Афин 55 человек. В октябре 1974 года Сабри по-своему выразил отношение к бывшим соратникам, организовав покушение на «правую руку» Арафата – Абу Мазена. Следующей жертвой группы стал лидер ООП, неосторожно заявивший о признании права евреев жить в Палестине. На этот раз удача отвернулась от убийц – они были схвачены, так и не успев выполнить возложенную на них миссию. Тогда Сабри вновь переключился на уничтожение сторонников Арафата. После проведения акций по устранению Саида Хаммаи и Иссама Сартави эль-Банна, как экстремист, трибуналом был заочно приговорен к смертной казни. С того момента вспыхнула настоящая война между организациями бывших друзей, которые теперь старались уничтожить друг друга.

В 1980 году Сабри был назначен властями Ирака руководителем «Политического комитета палестинской революции в Ираке», объединившего все палестинские группировки, поддерживаемые Багдадом. В 1981 году он получил на нужды своих боевиков 50 млн долларов от правительства страны, миллион от правительства Сирии и несколько миллионов – от Ливии. На эти средства были созданы радиостанция «Голос Палестины», газета «Палестинская революция» и информационное агентство ВАФА.

Однако в ноябре 1983 года спокойная жизнь Сабри в Ираке закончилась: его выслали в Сирию. Там, на родине своей матери, ему предстояло прожить долгих пять лет. Интересно, что президент Хафез Асад принял террориста весьма радостно, «забыв» о многочисленных нападениях Абу Нидаля на его граждан. Теперь, по указке нового босса, палестинец занялся организацией актов против Иордании. Все складывалось для него удачно, пока в конце 80-х годов Асаду не пришлось позаботиться об улучшении отношений с западными странами. Для этого прежде всего было необходимо отказаться от поддержки международного терроризма. Таким образом, Абу Нидаль вновь лишился своего пристанища и был вынужден отправиться в Ливию.

Каддафи принял боевика, считавшегося уже даже среди сообщников редким параноиком и крайне жестоким деспотом, с распростертыми объятиями. Но очередной переезд плохо сказался на организации: всплыло большое количество разногласий, что впервые поставило группу на грань ликвидации. Ее боеспособность помог сохранить Саддам Хусейн, вовремя вмешавшийся и оказавший поддержку Сабри. В 1990 году ливийский диктатор также пришел к заключению, что пребывание у власти его вполне устраивает, поэтому ему стоит поумерить выражение ненависти к США и Израилю. Так что в 1998 году Абу Нидаля выдворили и из Триполи. Скорее всего, к тому времени террорист уже имел серьезные проблемы с сердцем, к которым добавилась лейкемия. После того как ему отказались предоставить вид на жительство практически все остальные арабские страны, эль-Банна возвратился в Ирак. Хусейн, в качестве платы за убежище, решил использовать боевиков Сабри в собственных целях. Абу Нидаль не стал отказываться: в то время он сам находился в сложных условиях, поскольку в одном из банков Австрии полиция конфисковала около 8 млн долларов, принадлежащих ему лично. А когда возникла угроза блокирования его счетов швейцарскими банками, Сабри похитил находившегося в Ливане представителя швейцарского Красного Креста. Вскоре террорист вынужден был вновь отправиться в путь – теперь он искал убежища в Судане.

Абу Нидаль, старавшийся сохранить анонимность своей группы, упорно избегал встреч с журналистами и интервью. Отказывался он от этой тактики всего несколько раз за свою

деятельность. В частности, в декабре 1974 года «отец борьбы» общался с представителем ливанской газеты «Ад-Диар», в июле 1978 года встречался с корреспондентом английского издания «Миддл Ист», а в 1985 году, когда в прессу просочились слухи о его смерти, беседовал с сотрудниками немецкого журнала «Дер Шпигель» и кувейтской газеты «Аль Кабас».

Со временем поведение «террориста № 1» и его осторожность приняли параноидальную форму. Приближенные Сабри говорили: недоверчивость босса доходила до того, что он подозревал в связях с ЦРУ даже... собственную жену! Постепенно Абу Нидаль перестал разговаривать по телефону: он был убежден, что его могут взорвать. В отношении пищи террорист вел себя подобно правителям древности: опасаясь отравлений, он никогда не приступал к еде прежде, чем каждое блюдо не пробовали несколько человек. Ближайший сподвижник Абу Нидаля утверждал, что «отец борьбы» виновен в уничтожении сотен собственных сторонников в Ливане и Ливии: только в ходе одной секретной операции, проведенной в 1989 году, стараниями Сабри отправились к праотцам 352 члена организации, которых обвинили в некотором расхождении взглядов с руководителем. Кроме того, с 1987 по 1989 год в Ливии Абу Нидаль устранил 152 представителя оппозиции в собственной группе. После этого в рядах «Революционного совета ФАТХ» была проведена грандиозная «физическая чистка», в ходе которой уничтожались даже близкие друзья и сторонники Сабри: их обвиняли все в тех же «расхождениях в политических взглядах». Абу Нидаль любил проводить казни или пытки далеко за полночь, накачавшись к тому времени по уши спиртным. Как выразился Дэвид Хирст, эль-Банна из патриота превратился в психопата, а его группа – в банальных наемников.

А «Организация Абу Нидаля» создавала все новые ячейки. Теперь террористы обосновались практически по всему Ближнему Востоку. Количество боевиков, находившихся под началом «отца борьбы», увеличилось до 400 человек (кроме того, число агентов составляло 2000).

Организация, построенная Сабри, действовала по клановому принципу и состояла из нескольких функциональных комитетов: финансового, политического и военного. Каждый террористический акт совершали небольшие группы (от трех до пяти человек), практически не связанные друг с другом. Конспирация была настолько строгой, что члены ячеек ничего не знали о составе и роде занятий других групп, «работали» исключительно под псевдонимами, сообщения тщательно шифровались и передавались через специальных курьеров.

Излюбленными местами проведения диверсий у боевиков Абу Нидаля оставались аэропорты, посольства, места массового скопления народа. Налеты, похищения, убийства, угоны самолетов и кораблей следовали одни за другими и отличались особой циничностью и наличием большого количества жертв. Сабри считают организатором терактов в аэропортах Рима и Вены, в ходе которых погибло 18 человек. На его совести также захват и уничтожение израильской команды в Олимпийской деревне в Мюнхене, целый ряд акций во Франции в 80-х годах прошлого века, среди которых числится взрыв в синагоге и вооруженный налет на еврейский ресторан. Сабри приписывают взрыв американского самолета, происшедший почти 16 лет назад в небе Шотландии, убийство израильского посла в Великобритании (1982 г.) и множество других «дел». Правда, всплыла информация, что именем знаменитого террориста иногда прикрывались другие организации боевиков и государственные военные разведки. Сам Абу Нидаль получал за это солидные денежные выплаты. В архивах большинства спецслужб мира содержится огромное количество документов о деятельности эль-Банна: в 70–80-х годах минувшего столетия он был столь же печально известен, как сегодня бен Ладен.

Во время своей активной «деятельности» Сабри неоднократно получал поддержку от Сирии, Ирака, Иордании и Ливии: ему предоставлялись убежища, учебные лагеря, обеспечивалась тыловая и финансовая поддержка. При этом Абу Нидаль проводил операции, исходя исключительно из собственных представлений о политической ситуации в мире. Кроме того, две трети бюджета боевиков (группа Сабри являлась одной из богатейших террористических организаций) составляли деньги, полученные в ходе проведения самих актов и благодаря торговле оружием.

Сам Сабри также не был чужд коммерции. Он активно занимался перепродажей боеприпасов. Бизнес процветал: на нем террорист заработал около 400 млн долларов. По свидетельству близких, эль-Банна имел деловые связи с лондонским «Кредитно-коммерческим банком» и спецслужбами ГДР.

В течение последних лет ни одна из спецслужб не обвиняла Сабри в проведении террористических операций. Его группа была практически расформирована, но «отец борьбы» продолжал заниматься бизнесом, пытаясь извлечь максимум выгоды из своих старых знакомств. На мировой арене появились новые террористические организации, установившие свои правила игры. Смертельно больному Абу Нидалю уже не было места среди них.

19 августа 2002 года Сабри эль-Банна был найден мертвым в своей квартире в Багдаде. По официальной версии, лидер боевиков покончил с собой, когда его пытались задержать для допроса. Террорист, якобы нелегально приехавший в страну по фальшивому йеменскому паспорту, во время задержания вышел в соседнюю комнату, чтобы переодеться. Вместо этого он выстрелил себе в рот. Пуля прошла навылет. Через восемь часов Абу Нидаля скончался в реанимационном отделении больницы, так и не придя в сознание.

Однакостораживает тот факт, что руководитель спецслужб, Джалил Хабуш, так и не назвал точной даты происшедшего. По данным газеты «Аль Айам», Сабри покончил с собой в пятницу, иные источники называют другие дни. А недавно один из членов организации Абу Нидаля вообще опроверг информацию о гибели своего патрона. Согласно его утверждению, террорист продолжает вести обычную жизнь, а слухи о его гибели – не более чем очередная «утка». Вслед за этим представитель ФАТХ в Бейруте обвинил американские спецслужбы в распространении ложной информации. Но Джалил Хабуш по-прежнему продолжает утверждать, что знаменитый террорист покончил с собой во время ареста. Официальные источники подчеркивают, что эль-Банна был неизлечимо болен и попросту решил приблизить собственную смерть. Однако близкие и родственники этого человека говорят, что он обладал огромной силой воли и не горел желанием самостоятельно уйти из жизни. А саудовские газеты наперебой убеждают читателей, что «отец борьбы» был убит сотрудниками иракских спецслужб еще 16 августа, в 15.00 по багдадскому времени. Кстати, палестинские источники не торопятся подтвердить информацию о гибели Абу Нидаля...

В общем, сказать точно, жив Сабри эль-Банна или нет, трудно. Хотя устранение этого человека было выгодно многим – удивительно, что он вообще смог прожить столь долгую жизнь. Но – кто знает! – может быть, печально известный террорист в очередной раз попросту обвел своих недругов вокруг пальца, а сам в данный момент преспокойно занимается разработкой новых планов и коммерческими операциями...

АГДЖА МЕХМЕД АЛИ

(род. в 1958 г.)

Известный всему миру турецкий террорист, член ультраправой экстремистской организации «Серые волки», совершивший несколько вооруженных ограблений в Турции, убийство известного журналиста и одно из самых громких покушений XX в. – на Папу Римского Иоанна Павла II.

Так сложилось исторически, что на религиозной почве всегда возникало и возникает сейчас гораздо большее количество вооруженных конфликтов, чем по каким-либо другим причинам. Люди различных вероисповеданий с помощью оружия на протяжении многих веков упорно пытаются обернуть иноверцев в свою религию, несмотря на то что история знает лишь

единичные случаи такого обращения, увенчавшиеся успехом. Идея, за которую гибнут десятки, сотни тысяч человек во всем мире, здесь ясна. А вот какую цель преследовал мусульманин Али Агджа, стреляя в главу всех католиков, Папу Римского, – неизвестно до сих пор и вряд ли когда-нибудь прояснится. Даже если среди нескольких десятков уже выдвинутых версий выплывет одна правдивая, она, скорее всего, просто затеряется среди остальных – правдоподобных, неправдоподобных и совсем фантастических. А если эта версия выйдет из уст самого террориста Али Агджи, в нее уже точно никто не поверит.

Али Агджа родился 9 января 1958 года в турецком поселке Хекимхан, в бедной семье крестьянина-издольщика. С раннего детства он страдал от припадков эпилепсии. Когда мальчику исполнилось восемь лет, умер его отец, и ему, несмотря на ранний возраст и болезнь, пришлось зарабатывать себе на жизнь, настолько бедной была его семья. Сначала он работал водоносом, затем – подсобным рабочим на стройке в Малатье. Ребенок рос замкнутым, почти не имел друзей, зато обладал богатой фантазией и очень хорошо учился в школе. Особенно ему давались сочинения. Несмотря на совсем небольшое количество свободного времени, Али успевал заниматься самообразованием – много читал, ходил в театр. За свои способности и отличную учебу он получил стипендию в педагогическом училище. Именно тогда Агджа впервые попал в полицейский участок – за сочинение антиармянских стихов. В кумиры себе молодой человек избрал Карлоса (известный международный «революционный террорист» Ильич Рамирес Санчес) и Гитлера. После окончания училища юноша изучал в университете Анкары литературу, историю и географию.

В 1978 году Али Агджа был зачислен в высшую школу экономики и торговли Стамбульского университета. В это время Турция находилась на пороге гражданской войны, возникало огромное для масштабов одной страны, количество террористических организаций, в одну из которых и вступил молодой Агджа. Она носила название «Серые волки» и враждебно относилась как к коммунизму, так и к капитализму, ее члены мечтали о создании Великой Турции от Средиземного моря до Монголии. Али Агджа входил в группу террористов, состоявшую из 7–8 человек, которой поручались наиболее ответственные и сложные задания. Существует недоказанная версия о том, что попал он в такую элитную группу после того, как в 1977 году «грамотно» убил своего преподавателя философии, нелестно отзывавшегося об одном из его кумиров – Гитлере. Степени бакалавра, несмотря на незаурядные умственные способности, Агджа не получил – участие в экстремистской группировке отнимало слишком много времени и сил.

Широкой общественности имя Али Агджи стало известно в 1979 году. Тогда, 1 февраля, в Стамбуле на улице Каракал перед собственным домом был убит популярный журналист из газеты «Миллиет» Абди Ипекчи, активно выступавший против терроризма в целом и турецких правых экстремистов в частности. После этого события Агджа был моментально зачислен «Серыми волками» в террористы № 1 и получил прозвище «Одиночка». За информацию об убийце полиция объявила награду в 200 тыс. долларов. Благодаря анонимному звонку Агджу арестовали довольно быстро. Что примечательно, за наградой никто не явился. Террорист не сопротивлялся аресту и в дальнейшем вел себя достаточно спокойно. Глава Министерства внутренних дел Турции, присутствовавший на допросах убийцы, так охарактеризовал его: «Умный парень. Знает, что делает и что говорит. Турецкие террористические организации, как правило, нанимают для этих дел неграмотных бандюков. Агджа не из них. Быстрореагирующий, сильный и отважный. Прекрасно вышколенный и дисциплинированный. Не слишком озабочен собственной защитой. Его больше беспокоило, чтобы не выявить своих связей». Можно себе представить, насколько ценили этого человека «Серые волки», если такие уважительные слова прозвучали из уст стража правопорядка. Поначалу Агджа признался следствию в совершении этого преступления, однако вскоре отказался от своих показаний и заявил, что не убивал журналиста и не знает, кто это сделал. 5 ноября 1979 года он и еще один заключенный, захватив заложников, попытались бежать из хорошо охраняемой военной тюрьмы Картал-Мальтепе, но были схвачены и возвращены обратно. Однако уже 22 ноября при помощи шестерых солдат Агджа успешно бежал из тюрьмы, переодетый в военную форму. Достоверно не известно, был ли этот побег организован самим террористом или здесь все же не обошлось без помощи его соратников из «Серых волков».

Через четыре дня после побега, накануне приезда Папы Римского в Турцию, в газете «Миллиет» вышла статья, подписанная «Али Агджа», в которой автор сообщал о своем намерении убить «вождя крестоносцев Иоанна Павла II». Правоохранительные органы не обратили особого внимания на эту статью, сочтя ее простым хулиганством, и действительно, визит понтифика прошел спокойно.

В апреле 1980 года скрывающийся от правосудия Агджа за убийство Абди Ипекчи был заочно приговорен турецким судом к смертной казни. С мая по сентябрь этого же года террорист под именем Йогиндера Сингха, гражданина Индии, скрывался в Иране и Болгарии. Как стало известно позже, за полтора года, прошедшие со дня побега из тюрьмы до дня покушения в Риме,

он побывал в Софии, Риме, Вене, Цюрихе, Милане, Тунисе, потратив за это время около 50 тыс. долларов. Правда, установить, с кем Агджа вступал в контакты за этот период времени, так и не удалось. В начале мая 1981 года террорист приехал в Рим и снял комнату в пансионате «Иса», расположенном неподалеку от Ватикана.

13 мая 1981 года произошло событие, повергшее в ужас всех католиков планеты. Папа Римский Иоанн Павел II, в прошлом – польский кардинал Кароль Войтыла, чаще всех своих предшественников напрямую общался с народом, что принесло ему огромную популярность. Однако обратной стороной этой доступности и близости к народу была его относительная незащищенность. В среду – традиционный день общей аудиенции – папа благословлял толпы народа, стекавшиеся на площадь Святого Петра в Риме. На белом джипе с открытым верхом, двигавшемся на самой маленькой скорости, Иоанн Павел II объезжал ряды верующих, пожимая им руки и благословляя. Автомобиль сделал один круг по площади и пошел на второй, повернув к собору Святого Петра. В 17 часов 19 минут папа взял на руки маленькую светловолосую девочку, прижал ее на мгновение к себе и отдал счастливым родителям. И в этот самый момент из толпы, совсем рядом с автомобилем Иоанна Павла II, прогремело шесть выстрелов подряд. На белом одеянии понтифика проступило красное пятно, и он упал на руки своего личного секретаря, епископа Станислава Дживича. Две пули, выпущенные из автоматического браунинга 9-го калибра, попали папе в брюшную полость, задев указательный палец правой руки, и в правый локоть. Телохранители, прикрывая собой Иоанна Павла II, бросились в автомобиль, который мгновенно сорвался с места и помчался под Колокольную арку в Ватикан, где папу переложили на носилки и увезли на карете «скорой помощи» в госпиталь Агостино Джемелли, принадлежащий медицинскому факультету католического университета. Машина домчалась до клиники за семь минут, несмотря на пробки и сломанную сирену. Понтифика, потерявшего за время дороги около трех литров крови, сразу же положили на операционный стол. К счастью, ни позвоночник, ни другие жизненно важные органы не были задеты – жизнь главы католической церкви была вне опасности. Уже через три дня после операции Иоанн Павел II в ходе воскресной службы, проходившей прямо в госпитале, назвал своего несостоявшегося убийцу «братом».

Стрелявший в папу 23-летний Али Агджа был схвачен сразу же после того, как отъехала машина понтифика, – в дни встреч Иоанна Павла II с верующими на площади собиралась такая плотная толпа народа, что выбраться из нее было фактически невозможно. Убийца даже не успел выпустить из рук пистолет. Его увезла полиция, и площадь Святого Петра погрузилась в тишину. Люди не спешили расходиться: одни молились, встав на колени, другие тихо плакали.

На судебном процессе, проходившем в Риме с 22 по 24 июля 1981 года, Али Агджа заявил, что Папа Римский – «это вождь крестового похода против моей религии, это он несет ответственность за нападки Запада против ислама». Итальянский суд признал турецкого террориста виновным и приговорил его к пожизненному заключению. Агджа отбывал свой срок в одиночной камере. 27 декабря 1983 года Иоанн Павел II встретился с ним в этой камере один на один. Папа не пожелал предавать огласке содержание их беседы, известно только, что он сказал заключенному, что простил его, о чем официально заявлял и ранее, сразу после выхода из больницы. В течение всего срока пребывания в итальянской тюрьме Агджа посылал понтифику поздравления с различными праздниками и другими знаменательными событиями, на что получал в ответ благодарность и очередное заверение в том, что он прощен. Неудавшийся убийца, как выяснилось позднее, небезосновательно надеялся получить помощь от неудавшейся жертвы.

Однако итальянские власти не были настроены столь великодушно, как папа, они хотели знать, кто стоит за покушением, и допросы террориста продолжались. По некоторым данным, Агджа выдвинул целых 128 версий своего преступления. По одной из них, «приказ убить папу пришел из советского посольства в Софии». На основании этой версии, которую Агджа поддерживал два с половиной года, было арестовано три человека, так или иначе связанных с советскими спецслужбами в Болгарии. Однако суд не нашел достаточных оснований для предъявления им обвинений и отпустил всех троих на свободу. Но несмотря на это, итальянские спецслужбы все же высказывались в пользу версии об участии КГБ в покушении на папу. Но вскоре Агджа сообщил, что версию с Болгарией и КГБ ему навязал сотрудник итальянской военной разведки, посещавший его в тюрьме, связанный с ЦРУ и мафией. Еще позднее Али дал показания о том, что у него был сообщник – Бекир Челенк, крестный отец турецкой мафии в Софии, имевший связи с военизированной масонской ложей «Пропаганда-2». Показания Агджи постоянно менялись до тех пор, пока 13 мая 2000 года, через 19 лет после покушения на Папу Римского, не был обнародован так называемый «третий секрет Фатимы».

Согласно легенде, 13 мая 1917 года в португальской деревне Фатима трем детям-пастушкам явилась Дева Мария, открывшая им три пророчества. Первое из них говорило о том, что преисподняя существует. Второе – об окончании Первой мировой войны, скором начале Второй и возрастании роли России в истории человечества. Третье пророчество долго держалось в тайне,

записи его хранились в Ватикане и тщательно скрывались от посторонних глаз до тех пор, пока Иоанн Павел II сам не совершил паломничество в Фатиму и не пообщался с единственной оставшейся в живых пастушкой, получившей откровение от Богородицы. «Третий секрет Фатимы» гласил о мятущейся толпе и «епископе, белые одежды которого окропились кровью». Как только сведения об этом пророчестве попали в средства массовой информации, Али Агджа, обладавший яркой фантазией и незаурядным умом, выдвинул новую, мистическую версию своего преступления. Он созвал у себя в камере пресс-конференцию, на которой заявил, что во время подготовки к покушению и собственно в момент оно им овладела «какая-то непонятная, сверхъестественная сила», что он – «всего лишь человек, который должен был ранить папу», и «являлся орудием высших сил». Эту версию живо поддержал и сам Папа Римский, заявив, что «никогда не верил в так называемую болгарскую связь», которая казалась итальянским правоохранительным органам наиболее правдоподобной.

Известно, что Иоанн Павел II лично обращался к президенту Италии Карло Азелио Чампи с просьбой о помиловании человека, покушавшегося на его жизнь. И вот 13 июня 2000 года отсидевший 19 лет в итальянской тюрьме Али Агджа был официально помилован лично президентом и выдан турецким властям. За время, проведенное террористом за пределами родины, вынесенный ему в 1980 году смертный приговор был заменен на 10 лет тюремного заключения. Несмотря на то что помимо этих десяти лет ему грозило еще лет семь за всплывшее уже после его побега вооруженное ограбление стамбульской фабрики в 1977 году, Агджа был счастлив и не скрывал своей радости: «Осуществилась моя мечта. Я все еще не могу поверить в это. Спасибо Папе Римскому, спасибо Ватикану, спасибо президенту Италии!» Возможно, в тот момент эти слова были действительно искренними. На аэродроме в Стамбуле Али Агджу встречали два бронетранспортера, три полицейских автобуса и четыре машины сопровождения. Родина помнила своего «героя» в лицо и приняла все возможные меры предосторожности, чтобы не допустить повторения истории 20-летней давности.

Оказавшись на родине, Агджа передал из тюрьмы письмо в турецкие средства массовой информации с новой версией покушения на Папу Римского, также связанной с предсказаниями в Фатиме, но уже менее мистической, чем предыдущая. В письме говорилось, что покушение на Иоанна Павла II было организовано группой ватиканских кардиналов, сознательно искаживших смысл «третьего секрета Фатимы», для того чтобы отвести от себя подозрения. По мнению террориста, пророчество было представлено людям не до конца, так как Дева Мария предсказала не только само покушение, но и то, что оно будет организовано приближенными Папы Римского. Но судьбу Агджи это заявление изменить уже не могло – в Италии его помиловали, а Турцию больше волновали преступления, совершенные им на ее территории. Вряд ли Агджа осмелился бы заявить нечто подобное из итальянской тюрьмы, а если бы даже сделал это, то, скорее всего, сидел бы там весь свой пожизненный срок. В турецкой тюрьме террорист расслабился и вел себя не так мирно и тихо, как в итальянской. Он, явно играя на публику, выдавал одно за другим заявления скандального характера, касающиеся в основном вопросов религии. Например, по словам Агджи, Святой престол якобы предложил ему 50 млн долларов за то, чтобы он сменил мусульманскую веру на католическую, естественно, террорист остался верен своим жизненным принципам: «Мне предлагали свободу и сан кардинала, но я отказался, ибо предпочту быть обезьяной в африканских лесах королевской должности в Ватикане». На судебном процессе по делу о вооруженном ограблении, проходившем в Стамбуле, он заявил, что объявляет войну Ватикану. А немного позже – что хотел бы удалиться от мирской суеты и жить в маленьком селении.

Сегодня, несмотря на дерзкие, зачастую совершенно противоречивые заявления и тяжесть своих преступлений, человек, совершивший одно из самых громких и дерзких покушений в истории XX века, находится на свободе. В мае 2002 года министр юстиции Турции Хикмет Сами Турк объявил об амнистии 44-летнего Али Агджи, которому еще оставалось отбыть в заключении не менее девяти лет. И дело здесь, скорее всего, не в великодушии турецких властей и не в чистосердечном раскаянии террориста, а в том, что на последних парламентских выборах второе место заняла правая Партия Националистического Движения, имеющая весьма тесные связи с «Серыми волками», очевидно, даже за 20 лет не забывшими своего героя.

Вспоминая о событиях, происшедших в мае 1981 года, Иоанн Павел II как-то сказал: «Все время после этого дня мне было подарено Провидением». Судя по всему, он оценил этот «подарок». Страдающего болезнью Паркинсона и артрозом 84-летнего Папу Римского возят теперь по улицам в его знаменитом, со всех сторон бронированном, «папамобиле», он больше не общается с верующими настолько тесно, как раньше. Прощенный им и правительством своей страны турецкий террорист Мехмед Али Агджа живет на родине тихой и спокойной жизнью, как и обещал незадолго до выхода на свободу. Вот только надолго ли хватит его спокойствия?

АЗ-ЗАВАХИРИ КАМИЛЬ АЙМАН МУХАММАД РАБИИ

(род. в 1951 г.)

Один из наиболее одиозных представителей «исламского» терроризма, чья преступная деятельность началась в 70-х годах прошлого века. Личный врач и «правая рука» Усамы бен Ладена, главный идеолог организации «Аль-Каида».

Камиль Айман Мухаммад Раби аз-Завахири родился 19 июня 1951 года в Каире, в семье египетских аристократов. Отец его, Мухаммад аз-Завахири, был одним из лучших медиков Египта, профессором фармакологии, а дед по материнской линии, Абд аль-Ваххаб Аззам, занимал пост ректора Каирского университета, долгое время являлся послом Египта в Пакистане и Саудовской Аравии. Но, как оказалось впоследствии, большее влияние на Аймана оказал его дед по отцу – авторитетнейший теолог Рабиа аз-Завахири, который в начале XX века был шейхом крупнейшего в мире Каирского исламского университета Аль-Азхар.

Еще во времена президента Гамаля Абдель Насера 14-летний Айман примкнул к организации «Мусульманское братство». Когда подростку было всего 15 лет, его арестовали как члена старейшей фундаменталистской организации Египта «Братья-мусульмане». Но вскоре вынуждены были выпустить на свободу – за отсутствием состава преступления.

Продолжая семейную традицию, в 1974 году Айман окончил медицинский факультет Каирского университета и получил диплом хирурга. Молодой врач к тому же великолепно владел французским языком и отличался литературным талантом. Однако подлинное призвание Аймана смог угадать вовсе не его отец, а дед, Рабиа аз-Завахири.

В 1970-х годах Айман стал одним из лидеров египетской экстремистской группировки «Аль-Джихад аль-ислам», отколовшейся от «Братьев-мусульман». Став самостоятельной, группа аз-Завахири оказалась наиболее мощной и заложила новую стратегию и структуру на основе тезисов старой организации. Ее международная активность отразила нетрадиционные оценки учения о «враге дальнем» и «враге ближнем». В работе «Последнее завещание» аз-Завахири писал, что борьба за создание исламского государства никак не может считаться войной региональной, поскольку «альянс крестоносцев и сионистов, возглавляемый США», сделает все возможное, чтобы не дать мусульманским силам прийти к власти в одной из стран. Поэтому борьба должна вестись как против внутреннего врага (вероотступников), так и против «крестоносцев и сионистов». Причем войну с последними ни в коем случае не стоит откладывать, поскольку так будет значительно легче одержать победу на «внутреннем фронте». Небольшие группы боевиков, считал аз-Завахири, должны наводить «большой страх» на «врагов ислама». Для этих целей планировалось проводить акции, от которых «враг будет нести огромные потери». Подобная тактика, утверждал аз-Завахири, является единственным языком, «который понимает Запад». При этом самым эффективным тактическим оружием египтянин считал «готовность моджахедов к самопожертвованию».

Позднее Айман стал руководителем группы, состоявшей из 1000 «египетских афганцев» – граждан АРЕ, ветеранов войны в Афганистане, составивших «костяк» «Аль-Каиды».

В середине 1980-х годов бывший врач возглавил внешнее руководство «Аль-Джихада» в Афганистане. С того времени, наряду с египетской организацией, в разных странах возникли внешние структуры и ячейки, самостоятельно определявшие свою военную стратегию и дублирующие структуру прежнего «Аль-Джихада». К середине 1990-х годов такие ячейки действовали в девяти государствах мира: пяти арабских, трех европейских и одном азиатском.

Айман является автором нескольких фундаментальных трудов по истории, теории и практике исламских движений. Наиболее известным из них является «Горький урожай»; в этой книге аз-Завахири критически переосмыслил деятельность «Братьев-мусульман».

Молодого врача, работавшего в престижной клинике в одном из лучших районов Каира, впервые арестовали в октябре 1981 года. Причиной ареста послужило то, что он принимал активное участие в организации убийства Садата на военном параде в каирском районе Наср-сити. И снова аз-Завахири быстро оказался на свободе: доказательств его причастности к убийству следственным органам собрать не удалось. Позднее, в 1990-х годах, Аймана обвиняли в большом числе попыток покушения на видных египетских политиков. Его группа начала свои акции с убийства председателя парламента Рифата Махгуба. Наиболее шумным стало покушение на тогдашнего премьер-министра Атефа Сидки. Тогда же, в 1993 году, аз-Завахири осуществил теракты против министра печати и информации Сафвата аш-Шарифа, министра внутренних дел Хасана аль-Альфи и генерала Мухаммада Абд аль-Латифа аль-Гобаши. Через год жертвой бывшего врача стал генерал службы безопасности и начальник отдела по борьбе с религиозным экстремизмом Рауф Хейрат. В 1995 году группа распространила коммюнике с угрозами в адрес президента Египта Хосни Мубарака. В том же году боевики аз-Завахири в Женеве шесть выстрелами в упор в подземном гараже убили торгового представителя Египта Аля ад-Дин Назами. Через шесть дней террористы устроили взрыв в посольстве Египта в Исламабаде; в результате погибло 18 человек. Попытку же теракта в центре Каира, в районе известного базара Хан эль-Халили, спецслужбам удалось предотвратить буквально в последний момент. А в 1996 году аз-Завахири организовал и провел взрыв египетского посольства в Исламабаде. Кроме того, США обвиняют террориста в организации взрывов собственных посольств в Кении и Танзании летом 1998 года.

Когда после трагических событий в Каире в 1980 году египетские спецслужбы нанесли тяжелый удар по «Аль-Джихаду», организация находилась на грани уничтожения. Аз-Завахири, который был вынужден перебраться в Афганистан, задался целью возродить группу. В начале 1998 года она слилась с организацией «Аль-Каида». Аз-Завахири, по некоторым данным, являющийся не только близким другом, но и родственником бен Ладена, быстро занял положение «правой руки» главы организации и его личного врача. Считается, что египтянин – вероятный преемник бен Ладена, если лидер «Аль-Каиды» будет схвачен или убит.

На родине в 1995 году Аймана заочно приговорили к смертной казни, а три года спустя аналогичный приговор был вынесен и на территории США. 25 сентября 2001 года к розыску террориста подключился Интерпол, выдав ордер на его арест. После этого аз-Завахири бесследно исчез и лишь время от времени давал о себе знать, показывая, что складывать оружие он не собирается. Самым страшным напоминанием миру стали теракты в США 11 сентября 2001 года (американские спецслужбы считают их главным организатором Аймана аз-Завахири).

В начале прошлого года бывший врач отправил письмо известному египетскому исламскому адвокату Мунтасеру аз-Зайату, в котором угрожал и впредь не отказываться от тактики проведения терактов против граждан Америки по всему миру.

А в конце мая 2003 года телекомпания Катара «Аль-Джазира» транслировала аудиозапись обращения аз-Завахири. В нем исламский лидер призывал мусульман совершать новые нападения на США и «брать пример с 19 братьев, атаковавших Америку в Нью-Йорке и Вашингтоне при помощи самолетов...» Помощник Усамы бен Ладена требовал не прекращать нападения на посольства и коммерческие представительства США, Великобритании, Австралии и Норвегии по всему миру, усиливая джихад против американцев и евреев. «Нападайте на их миссии, атакуйте их компании и их сотрудников. Превратите землю под их ногами в преисподнюю и вышвырните их из ваших стран», – говорил аз-Завахири. По его словам, мусульмане не одиноки в борьбе против американской оккупации. Кроме того, террорист заявлял, что президент Мушарраф является ставленником США и поэтому делает все возможное для того, чтобы не допустить превращения Пакистана в сильное азиатское государство. Айман требовал от армии Пакистана бойкотировать приказы президента и поддержать боевиков «Аль-Каиды» и «Талибана» в районе Южного Вазиристана. Судя по острой реакции госдепартамента США, его специалисты не ставят под сомнение тот факт, что голос на пленке и в самом деле принадлежит аз-Завахири. Протест, выраженный американцами, содержал заявление, в котором говорилось: «Трансляция подобных посланий сеет ненависть по всему миру и способствует росту напряженности в регионе...»

20 декабря прошлого года террорист беседовал по телефону с представителем арабского журнала «Аль-Маджалля», который издается в Лондоне. «Правая рука» бен Ладена сказал, что его сторонники будут вести партизанскую войну в Афганистане. «США никогда не добьются победы», – уверенно заявил он. В марте этого года аз-Завахири дал интервью пакистанскому журналисту Хамиду Миру, своему биографу. В нем египетский доктор утверждал, что у «Аль-Каиды» есть ядерное оружие, и приобрели его исламисты у... российских ученых! Айман насмешливо сообщил, что «ядерные чемоданчики» можно свободно купить на черном рынке. Видя недоверие журналиста, аз-Завахири сказал, что «если в вашем распоряжении есть 30 млн долларов, то стоит съездить в Центральную Азию, связаться с любым недовольным российским ученым, и вы получите доступ к большому количеству умных бомб в чемоданчиках». Кстати, аз-Завахири всерьез изучал перспективы временного пребывания в регионах постсоветского пространства. С этой целью он совершил короткие визиты в Азербайджан и Дагестан. На территории последнего террорист был задержан ФСБ по подозрению в организации диверсии, однако поскольку его личность в тот момент установить не удалось, египтянин был отпущен.

В течение последнего времени постоянно возникали слухи о поимке, ранении либо смерти аз-Завахири, но каждый раз они оказывались ложными. Этот демон вновь и вновь появлялся в самых разных уголках мира, как будто насмехаясь над стараниями и надеждами человечества избавиться от него. В распоряжении террориста были фальшивые документы (известно, что Айман пользовался как минимум 12 псевдонимами) и средства для изменения внешности. На одной из фотографий, вклеенных в такой паспорт, «правую руку» Усамы бен Ладена не смогли узнать даже близкие люди.

За голову главного идеолога «Аль-Каиды» США назначили награду в 25 млн долларов. Столько же спецслужбы готовы выложить за информацию, которая может привести к захвату террориста. На официальном сайте ФБР этот человек числится в списке «самых разыскиваемых» американским правосудием преступников, а среди самых опасных международных террористов занимает второе место – после собственного босса. Хотя, если говорить откровенно, многие специалисты считают аз-Завахири таким «серым кардиналом» – основной фигурой, мозгом организации, скрывающейся в тени столь одиозной фигуры, как бен Ладен. Последний фактически был превращен своим другом, дальним родственником и личным врачом в символ, прикрывающий истинную расстановку сил. Аналитики безапелляционно утверждают, что Айман аз-Завахири – значительно более важная личность, чем Усама бен Ладен, оказавшая огромное влияние на последнего и радикализировавшая главу «Аль-Каиды», фактически превратив его в экстремиста. Журналист Хамид Мир также утверждает, что аз-Завахири является «настоящим стратегом, значительно более опасным, чем бен Ладен, играющий роль вывески». Диа Рашван, египетский эксперт по военным действиям экстремистов, согласен с подобными утверждениями, говоря, что аз-Завахири, бесспорно, более опытен, чем лидер «Аль-Каиды». «Его имя постоянно всплывало в связи со всеми эпизодами, в которые были вовлечены исламские террористы начиная с 70-х годов и до наших дней», – указывал эксперт.

Интересен тот факт, что глава Американского совета по изучению ислама, президент Пакистано-исламского фонда доктор Малик утверждает, что поимка аз-Завахири необходима для удачной предвыборной кампании президента; доктор не исключает того, что в начале 80-х годов и Айман, и его патрон были связаны с ЦРУ. Тогда афганские моджахеды, к которым принадлежал аз-Завахири, вели войну на территории Афганистана с советскими войсками, и в эти операции было очень серьезно вовлечено ФБР.

С момента начала своей террористической деятельности египетский врач, как оказалось, неоднократно посещал Швейцарию. В частности, в 1989 году он открыл счет на свое имя в Женеве, который был закрыт им же в 1993 году. Деньги (50 000 франков) Айман перевел в Великобританию, однако тамошние власти отказались отвечать на запрос относительно судьбы этого вклада.

В 1991 году террорист снова прибыл в Женеву, чтобы выступить с лекцией в гостинице. Там он появился вместе со «слепым шейхом» – Омаром Абдель Рахманом, который позднее стал инициатором первого теракта против Всемирного торгового центра, проведенного в 1993 году. О приезде аз-Завахири, представленного «моджахедом», было объявлено во время молитвы в Исламском центре городка О-Вив.

Несмотря на все попытки пресечения его преступной деятельности, в 1990-х годах «террорист № 2» спокойно разъезжал по всему свету, налаживая связи в исламистских кругах. В 1993 году он снова «всплыл» в Швейцарии, где попытался организовать шумную пресс-конференцию и презентацию своего нового произведения – «Черной книги», в которой рассказывалось о репрессиях режима Хосни Мубарака в Египте. Тогда же он решил получить статус беженца – правда, безуспешно. (На аналогичную просьбу террориста Болгария в 1996 году также ответила отказом.) В 1994 году он снова появился в стране и прожил в Цюрихе почти год. Скорее всего,

Айман выполнял поручение Усамы бен Ладена и создавал группы сторонников «Аль-Каиды». По этому же делу египтянин приезжал в Швейцарию также в 1997 году.

Обратите внимание: Египет на протяжении нескольких лет утверждал, что знаменитый террорист скрывается именно в этой стране, однако Федеральное бюро расследований неизменно отвечало, что не располагает такой информацией. Оказалось, ФБР усиленно искало Аймана, проверяя регистрационные списки в отелях! Работники бюро с упорством кротов рылись в бумагах, разыскивая среди постояльцев аз-Завахири. О том, что террорист пользуется фальшивыми документами, они как будто даже не догадывались.

В конце весны 2002 года саудовская «Аль-Хайят» сообщила, что «террорист № 2» находится в каком-то «безопасном месте» и даже успел жениться на двух вдовах своих соратников, погибших во время бомбардировок американской авиацией базы талибов в Тора-Бора и Кандагаре.

А осенью того же года вышла в свет интересная статья под названием «Преемник бен Ладена погиб в Афгане. снова». В ней рассказывалось, что поступило очередное сообщение о смерти одного из лидеров «Аль-Каиды», якобы имевшей место 3 октября в Афганистане, в результате спецоперации, проведенной американскими военными. Независимые источники на Западе комментировать поступившую информацию попросту отказались. Видимо, устали. Ведь подобные сообщения в прессе появляются с завидной регулярностью, заставляя думать о недостаточной добросовестности падких на сенсации журналистов. Ведь иначе остается одно – считать неуловимого террориста прямым потомком Вечного Жида с тяжелой наследственностью!

В конце июня 2003 года СМИ (со ссылкой на дипломатические источники в Тегеране) сообщили о том, что в Иране полиция задержала человека, являющегося «правой рукой» бен Ладена. Однако 28 февраля того же года террорист, предположительно, сбежал из афганского города Хост (еще один неразрешенный вопрос: как он туда попал, ведь задержали аз-Завахири якобы в Иране?) через пакистанскую провинцию Белуджистан в Северную Африку. Наиболее вероятным убежищем Аймана называли Алжир. Побег якобы был совершен лидером «Аль-Каиды» после того, как в результате одной из бомбардировок, проведенных американскими войсками, погибли его жена и сын.

Но уже 19 марта 2004 года появилась информация другого плана. Оказывается, пакистанский спецназ проводил боевую операцию на западе провинции Вазиристан в горном районе на границе Пакистана и Афганистана. В ходе ее войска вышла к глинобитной крепости, состоящей из нескольких соединенных между собой зданий и превращенной защитниками в неприступный форт. Боевики, скрывавшиеся в крепости, организовали хорошо продуманную оборону и вели интенсивный огонь из гранатометов и крупнокалиберных пулеметов. Сопrotивление взятого в плотное кольцо гарнизона, состоявшего в основном из представителей местных племен, поддерживавших «Аль-Каиду», и чеченцев, было столь упорным, что его не смогли преодолеть ни артобстрел пакистанских войск, ни воздушный удар с применением штурмовых вертолетов. Учитывая это, а также принимая во внимание качество вооружения боевиков, представитель военного командования выдвинул предположение, что среди обороняющихся может находиться «крупная фигура». Однако дать подтверждение тому, что данное лицо может быть Айманом аз-Завахири, военный отказался. Тем не менее, СМИ распространили сообщение, что, согласно информации, полученной от 18 сторонников «Аль-Каиды», арестованных спецслужбами, в комплексе зданий действительно находился этот человек. Кроме того, захваченные в ходе операции боевики утверждали, что их предводитель ранен.

Пакистанские власти, тем не менее, не спешили официально подтвердить информацию о нахождении в заблокированном комплексе «человека № 2» в «Аль-Каиде» и одного из самых опасных террористов в мире. Американские СМИ также выразили сомнение, поскольку считают, что если бы речь действительно шла о чеченском лидере, президент Пакистана не стал бы давать интервью телекомпании CNN. «Радужные» прогнозы не разделял и генерал Султан, руководивший операцией. Он не был уверен, что знаменитый террорист – укрывающееся в осажденной крепости лицо. «С точностью сказать, кем же являлся этот лидер, невозможно», – говорил он. Поэтому все сообщения об обнаружении и ранении аз-Завахири генерал считал спекулятивными.

Помощник президента Пакистана сообщил, что будут приняты все меры, чтобы «захватить этих людей живыми; если нет, то будут предприняты усилия, чтобы выбить их оттуда живыми или мертвыми». А пока пакистанцы изыскивали в Вазиристане большое количество боеприпасов, оружия, взрывчатки, радиопередатчиков и переговорных устройств. Спецназ обнаружил секретные подземные ходы, идущие от домов местных жителей к пустырям. Правда, ни одного иностранного боевика «Талибана» или «Аль-Каиды» арестовать так и не удалось: несмотря на заявления о том, что район надежно блокирован, они смогли покинуть Вазиристан. Зато власти района Вана, где находится крепость, выражают серьезное недовольство действиями военных.

Они считают, что спецоперация провалилась и все действия войск свелись к разрушению домов населения и арестам мирных жителей. Местные власти заявили, что в случае, если операция продолжится, пакистанским военным будет оказано сопротивление.

Откуда же взялась убежденность некоторых лиц в том, что в осажденной крепости находится «террорист № 2»? Дело в том, что 29 апреля этого года во время крупной операции спецподразделений Пакистана все в том же Южном Вазиристане был арестован сын аз-Завахири, Халид (кстати, тот самый, которого якобы убили во время бомбардировки Хоста!). Его допросы вели одновременно специалисты ЦРУ и сил безопасности Пакистана. В ходе «бесед» спецслужбы получили информацию, благодаря которой ЦРУ смогло захватить крупный секретный архив «Аль-Каиды». Предполагают, что пакистанский спецназ мог выйти на след аз-Завахири также благодаря материалам допросов. Источники в ЦРУ довольно оптимистично заявили, что показания задержанного имеют «критически важное значение», а поимка Усамы бен Ладена и его «правой руки» теперь практически неизбежна.

Тем не менее, президент США принял решение о повышении на одну степень уровня террористической угрозы на территории государства. Сейчас он считается высоким и обозначается оранжевым цветом по пятиуровневой шкале, принятой в Америке. С момента принятия новой шкалы в 2001 году такая степень угрозы объявляется только в четвертый раз. Причиной этого решения стали данные, полученные американской разведкой. В них идет речь о возможном проведении новых крупных террористических актов на территории самого государства.

В данный момент специалисты ЦРУ заняты проведением в Пакистане анализа ДНК останков сгоревшего в бронемашине человека. Предполагают, что такая судьба могла постигнуть все того же аз-Завахири. Во время боя в Южном Вазиристане три бронированные машины пытались прорвать кольцо окружения. Две из них были подбиты, а одна смогла вырваться из заблокированного района. Переговоры боевиков, естественно, перехватывались, и спецподразделения получили информацию о том, что в одной из машин погиб высокопоставленный руководитель «Аль-Каиды». Американцы сразу же решили, что речь шла об аз-Завахири, однако официального сообщения не передали. Итак, очередная смерть «террориста № 2»? Действительно ли в Вазиристане оборвался кровавый жизненный путь египетского доктора? Или, может, это всего лишь очередная «утка», рожденная из стремления выдать желаемое за действительное? В таком случае миру вскоре вновь предстоит столкнуться с воплощенными планами лидера «Аль-Каиды», возродившегося в добром здравии, подобно злобному демону, в очередном забытом Богом уголке нашей планеты.

АЗЕФ (АЗЕВ) ЕВНО ФИШЕВИЧ

(род. в 1869 г. – ум. в 1918 г.)

Уникальная фигура в российском революционном движении. Провокатор и террорист в одном лице, руководитель Боевой организации партии эсеров.

Русская эмиграционная революционная среда конца XIX – начала XX в. была довольно разнообразной. Кого только в ней не было, начиная со сторонников мирных средств борьбы с царизмом и заканчивая сторонниками террористических методов! И среди этой разношерстной толпы выделялся человек довольно неприятной внешности: грузный, толстый, с тяжелым набухшим лицом, с оттопыренной нижней губой. И говорить он толком не может – еле-еле что-то бормочет. Но это только на первый взгляд, а есть еще второй, третий... По мнению некоторых, «глаза у него всегда бегали, и он никогда не смотрел в лицо собеседнику»; другие считали, что «...в его чистых глазах нельзя не увидеть бесконечную доброту»; третьи отмечали, что у него «двойное лицо» с «печальными глазами». Да, взгляда три, а человек один. Однако это тоже только кажется. В нем одном сидит два человека-близнеца, но один из них – легендарный террорист, глава Боевой организации (БО) партии эсеров, другой – агент полиции, да еще и самый высокооплачиваемый. И никакого раздвоения личности! Любой террорист – объект изучения психиатра, но Азеф – случай из ряда вон выходящий. Это – явление, созданное атмосферой безграничного доверия, преклонения и провокации. 17 лет Азеф вел свою двойную игру и не попадался. Его разоблачение, в общем, дело случая.

Как революционер-террорист Азеф участвовал в подготовке террористических актов против харьковского губернатора И. М. Оболенского, уфимского Н. М. Богдановича, организовал убийства министра внутренних дел В. К. Плеве, которого считал виновником еврейских погромов в Кишеневе, великого князя Сергея Александровича, киевского генерал-губернатора Клейгельса. Это громкие дела. А были и тихие, агентурные. В его послужном списке в Департаменте полиции в период с 1901 по 1908 год можно обнаружить выданные им организации: съезд эсеров в Харькове, типографию Северного союза в Томске, членов Северного Союза и Северного Летучего отряда, участников покушения на Богдановича, боевого комитета по подготовке в 1905 году восстания в Петербурге и многих крупных эсеровских групп, предотвращение убийств московского обер-полицмейстера Трепова и министра внутренних дел Дурново, три предотвращения покушений на царя, выдачу БО и боевого отряда эсеров (казнены семь человек). Да и жизнь самого могущественного человека Российской империи П. А. Столыпина во многом зависит от него, Азефа. Какая азартная игра! Какие ставки! На кону жизнь или смерть. От желания только Азефа зависит: казнить или миловать. Да это же божественная Власть! Да, все это, конечно, могло быть романтично, если бы не одно банальное обстоятельство – деньги. К ним у Азефа была не меньшая страсть, чем к игре в жизнь и смерть. Делец от террора – пожалуй, это будет самое точное определение сущности этого человека, этого феномена как в революционном движении, так и в делах тайной полиции. Убивать власти предрержащих и одновременно защищать их, оберегать и быть при этом почитаемым и в революционной среде, и в полицейской – кому еще такое удавалось?

Родился Евно Азеф в 1869 году в местечке Лысково Гродненской губернии. Он был вторым ребенком в семье бедного еврея-портного. Затем семья переехала в Ростов-на-Дону. Здесь родители держали убогую лавку, испытывали крайнюю нужду, но страстно мечтали, чтобы их маленький Евно «выбилась в люди». Отказывая себе во всем, они постарались, чтобы он поступил в гимназию, где учились дети самых состоятельных и уважаемых евреев города. В 1890 году Евно окончил гимназию и некоторое время перебивался мелкими заработками корректора, репортера, занимался и мелкой комиссионной торговлей. Тогда же произошло его приобщение к революционной работе. Весной 1892 года жандармы начали дознание о распространении в городе прокламаций, призывающих бороться с существующим режимом. И в тот же миг Евно Азеф исчез из Ростова, прихватив с собой чужие деньги. По этому поводу существуют две различных в психологическом плане версии. Согласно одной из них (автор – начальник Донского жандармского управления Страхов), товарищи Азефа выманили у него чужие деньги, поставив его перед необходимостью бежать за границу, но по другим сведениям, он просто присвоил деньги одного из мариупольских купцов. Вскоре молодой человек объявился в Германии, в г. Карлсруэ, где начал учиться в Политехническом институте. Специальность инженера-электротехника тогда была весьма перспективной.

Но для жизни в Германии нужны были деньги. В марте 1893 года Департамент полиции в Петербурге и жандармское управление в Ростове-на-Дону стали получать короткие письма от неизвестного корреспондента с предложением освещать деятельность русского студенческого кружка в Карлсруэ. В Ростове по почерку быстро выяснили, кто автор писем, и доложили в Петербург, и вскоре Азеф был зачислен секретным сотрудником Охранного отдела Департамента полиции с окладом в 50 рублей в месяц. Вряд ли кто мог тогда предположить, что очень скоро его жалование достигнет 14 тыс. рублей в год, что несколько больше, чем у некоторых царских министров. С тех пор Азеф жил и работал в России и за рубежом, и в полицейских отчетах проходил под фамилиями Е. Ф. Виноградов, С. М. Валуйский, Гирс, И. Даниельсон, Деканский, А. Неймайер, Петров, Раскин, Росс, Филипповский. Были у него и псевдонимы: «Валентин Кузьмич»,

«Великан», «Евгений Филиппович», «Иван», «Иван Николаевич», «Новый приятель», «Сергей Милитонович», «Толстый».

В течение шести лет Азеф являлся заграничным корреспондентом Департамента полиции и в качестве осведомителя быстро совершенствовался. Один из руководителей Департамента и куратор Азефа Ратаев отмечал: «Сообщения Азефа поражают своей точностью, при полном отсутствии рассуждений». А в письме к своему агенту он писал: «Больше всего на свете я боюсь Вас скомпрометировать и лишиться Ваших услуг». В 1899 году Азеф по заданию полиции примкнул к заграничной организации эсеров, а затем вернулся в Россию и вошел в состав Северного союза эсеров. К этому времени он был уже дипломированным инженером, служащим электрической компании и, на первый взгляд, жизнь вел довольно серую. Никто ведь еще не догадывался, что у него есть еще две, тайные жизни. Он жил тогда в Москве и находился в распоряжении начальника московского Охранного отделения С.В. Зубатова. Два события произошли в этот момент: выдача полиции Азефом Союза социалистов-революционеров, которым руководил А. А. Аргунов, и продвижение Азефа в руководство эсеров. По мнению Зубатова, секретный агент должен был проникнуть в центр революционной организации, выявить руководство, что дало бы возможность покончить с ними одним ударом.

В декабре 1901 года Азеф вновь оказался за границей. В Берлине он вместе с Г. А. Гершуни, признанным эсеровским лидером, участвовал в объединении разрозненных кружков в партию эсеров. Здесь же произошло их сближение. Вместе они разрабатывали теоретическое обоснование террористической деятельности. Эсеры, в отличие от большинства революционеров, особенно марксистского толка, считали, что привести Россию к революции может только террор. Для его осуществления в недрах партии была создана глубоко законспирированная Боевая организация, которую возглавил Гершуни, а после его ареста в мае 1903 года – Азеф. Санкцию на это, в нарушение всех существующих тогда правил для секретных агентов, с подачи начальника Департамента полиции А. А. Лопухина и С.В. Зубатова, возглавлявшего отдел политического сыска, дал не кто иной, как министр внутренних дел В. К. Плеве. Но теперь перед Азефом открылись новые горизонты. Теперь только от него зависит, казнить или миловать самых высоких царских чиновников. От него же зависит и жизнь революционеров – участников террористических акций. У него в руках огромная власть, и ему, человеку, в общем, беспринципному, теперь глубоко наплевать и на революцию, и на полицию.

Однако игра, которую он вел и которая затягивала его все сильнее, была очень опасна и рискованна для него самого, для его собственной жизни. Узнай об этой игре какая-либо из сторон?! Но ему безгранично доверяют и те и другие, да он и требует полного доверия. «Мне кажется, – пишет Азеф Ратаеву, – что у Вас нет ни одного факта, который бы мог Вас заставить думать, что я способен Вам солгать. Кажется, ни разу не лгал, это не лежит в моей натуре. Ваше недоверие для меня оскорбительно и страшно обидно». Написано достаточно цинично и с чувством полного самообладания. Точно так же можно расценивать и встречу Азефа в 1912 году с разоблачившим его Бурцевым. Бурцев вспоминал: «"Ну, вы сравните сами, – убеждающим голосом говорил он [Азеф]. – Что я сделал? Организовал убийство Плеве, убийство великого князя Сергея... – и с каждым новым именем его правая рука опускалась все ниже и ниже, как чаша весов, на которую кладут гири. – А что я дал им? Выдал Слетова, Ломова, ну еще Веденяпина." – и, называя эти имена, он не опускал, а наоборот, вздергивал кверху свою левую руку, наглядно иллюстрируя все ничтожество полученного полицией по сравнению с тем, что имела от его деятельности революция». Мало того, он обвинил Бурцева, что своими разоблачениями тот помешал ему убить царя: «Если бы не вы, я его убил бы....» Да, пожалуй, именно эти качества – самообладание, наглость, цинизм – помогли Азефу столько лет ни разу не попасться. Правда, не следует сбрасывать со счетов и его смелость, феноменальную память и, главное, метод действий. Этот метод заключался в следующем. Азеф организовывал сразу несколько террористических акций. Некоторые из них – удачные – он проводил в глубокой тайне от полиции. Это страховало его от любых подозрений со стороны товарищей по партии и создавало вокруг него ореол таинственности и поклонения. Другую часть задуманных террористических акций Азеф своевременно выдавал полиции, и каждая из противостоящих сторон была убеждена, что он всецело предан именно ей.

К моменту разоблачения, к 1908 году, в «революционном активе» Азефа числилось свыше 30 терактов, и он считался одним из самых проверенных членов партии (в январе 1906 года на I съезде Азефа избрали в состав ЦК партии эсеров). Но в это же время, после 1905 года, он провалил ряд групп БО (казнено семь человек), готовящих убийства министра внутренних дел П.Н. Дурново, министра юстиции М. Г. Акимова, военного министра А. Ф. Редигера, генералов Г. А. Мина и Н. К. Римана, председателя Совета министров С. Ю. Витте, великого князя Николая Николаевича, императора Николая II. С его помощью в 1905 году были арестованы все члены эсеровской группы по изысканию оружия и формированию особых вооруженных групп для уличных боев, провален ввоз в Россию на пароходе «Джон Графтон» огромной партии оружия, предназначавшегося для будущей организации Гапона. Кстати, как только Гапон заподозрил в

этом Азефа, его немедленно уничтожили. В это же время он «сдал» в полном составе боевой комитет, готовящий восстание в Петербурге. В общем, почти все, кто принимал участие в подготовленных им терактах, попадались, кроме тех, естественно, кто своим присутствием должен был подтверждать легендарность самого руководителя БО. Те же, кто пытался проводить теракты самостоятельно, изначально были обречены.

Помимо денег, получаемых за секретную службу, Азеф, как глава БО, сосредоточил в своих руках огромные суммы, предназначенные для проведения террористических актов. В то время как некоторые товарищи партии с умилением говорили, что Азеф «живет на хлебе и селедке», он спокойно «заимствовал» огромные суммы из партийной кассы. Считается, что он на этом сколотил капитал в 250 тыс. немецких марок, но если прислушаться к мнению А. А. Аргунова, то окажется, что названная цифра весьма скромна. «Денег было много, – вспоминал Аргунов. – Кроме специальных “боевых сумм”, оставшихся в особом фонде Боевой организации. и находившихся в распоряжении и на отчете Азефа (отчета он никому не давал, в том числе и ЦК), были изысканы новые источники пожертвований на боевое дело. Насколько богата была касса ЦК, можно судить по тому, что в 1906 году расход доходил до 1000 рублей в день, не считая трат на боевые дела. Отношение к боевому делу всегда было такое: сколько просит Боевая организация, столько и давать надо». Вот так – сколько просит!

Постоянный риск требовал постоянного расслабления. Часть денег Азеф откладывал в зарубежных банках, а часть тратил на шансонеток, певичек и актрис варьете. Его часто можно было видеть в петербургском «Аквариуме», в московском «Яре». Пил он, однако, очень мало. Его интересовали только женщины. На них Азеф денег не жалел, благо деньги все равно были «грязные» – за убийства и предательство. Мало кто знал, что у него были жена и сын, которые, узнав о его истинной роли, сменили фамилию и эмигрировали в Америку. За год до разоблачения Азеф в «Аквариуме» познакомился с певицей, немкой Хедди де Херо. С ним она осталась до конца его дней.

В 1906 году у Азефа появился новый начальник, полковник А. В. Герасимов, который возглавлял петербургское охранное отделение. Еще до этого, после выхода царского Манифеста 17 октября 1905 года, Азеф начал выступать за прекращение террора и роспуск БО. Этого не произошло, и тогда он попросту «сдал» БО Герасимову. Вплоть до 1908 года никаких громких акций эсерам провести не удалось. Мало того, Азефом очень стал интересоваться новый премьер России П. А. Столыпин, и не только его деятельностью как секретного агента, но и его взглядами и суждениями по тем или иным вопросам внутренней политики России, настроениям в революционной и оппозиционной среде. По сути, по этим вопросам Азеф стал для Столыпина главным консультантом. Его информация была исключительно богата фактическими указаниями, ценна и точна. И недаром в первом правительственном сообщении после разоблачения Азефа он будет назван «сотрудником правительства».

Насколько Азеф оказался изобретателен как «сотрудник правительства», настолько, а может, и более, он оказался изобретателен как террорист. То, что он придумал, «благополучно» используется и сегодня. Кто сейчас не слышал о «поясах шахидов»? А тогда?.. В начале 1905 года Азефу стало казаться, что он стоит на грани провала, что его двойная игра станет известна партии. Тогда у него появился план послать в помещение Охранного отделения боевиков и ценой их гибели взорвать полицейский архив. В тот же период, как впоследствии вспоминал Ратаев, Азеф занимался обучением иностранных революционеров, в частности, организаций армяно-дрошакистов и македонцев, связанных с русскими террористами и занимавшихся транспортировкой оружия и взрывчатки с Балкан на Кавказ. По заданию полиции Азеф побывал в Константинополе, и вскоре после его отъезда, 12 июля 1906 года, с помощью начиненного взрывчаткой автомобиля было совершено покушение на турецкого султана Абдул-Гамида. Это был тот способ, который Азеф еще в 1904 году хотел применить против Плеве. Интересно, что уже в 1907 году он поставил на обсуждение партии вопрос о применении последних достижений науки и техники в целях политического террора. Особые надежды возлагались на подкопы с использованием зарядов, воспламеняемых на расстоянии, а также на использование только что появившихся самолетов для доставки к цели взрывчатки. А целью, как считал ближайший соратник Азефа Б. В. Савинков, был царский дворец. Видимо, уже тяготясь своей двойной карьерой, Азеф решил выйти из игры, громко хлопнув дверью, осуществив все же мечту русских террористов начала XX века, акт центрального террора – покушение на царя. Это предполагалось сделать в 1903 году во время торжественного царского смотра по случаю приемки нового корабля, только что построенного в Англии крейсера «Рюрик». Азеф накануне побывал в Англии, сумел даже проникнуть на крейсер и подобрать исполнителей акции – двух матросов, сочувствующих эсерам, – Авдеева и Каптеловича. Они получили от БО револьверы и написали прощальные письма, которые Азеф забрал с собой. 7 октября 1908 года царский смотр состоялся, но выстрелов не последовало. Однако разбираться, почему так случилось, у Азефа уже не было времени: со своими разоблачениями в его адрес выступил Владимир Бурцев.

Подозрения против Азефа высказывались в разное время и разными людьми. Об этом эсеры информировали даже некоторые сотрудники полиции. Но руководство партии – от Гершуни до Савинкова – отнеслось к этому с недоверием. Даже за три месяца до разоблачения Б. Савинков заявил: «Если бы против моего брата было столько улик, сколько их есть против Азефа, я застрелил бы его немедленно. Но в провокацию Ивана я не поверю никогда!» Да и кто бы мог поверить?! В это не поверили даже тогда, когда осенью 1907 года появилось так называемое «саратовское письмо», разоблачавшее провокаторскую роль Азефа. Оно было оглашено на заседании ЦК партии эсеров. Но несмотря на произведенное впечатление, письмо осталось без последствий, а эсер, которому все же поручили рассматривать это дело, вскоре был арестован.

Бурцеву же, издававшему в те годы в Петербурге «Былое», еще в мае 1906 года от одного сотрудника Департамента полиции, сочувствовавшего эсерам, стало известно о провокаторе в руководстве партии, действовавшем под кличкой «Раскин». Сопоставляя различные детали, он пришел к выводу, что Раскин – это Азеф. Но нужны были веские доказательства. И Бурцев их получил, и с самой неожиданной стороны – от бывшего начальника Департамента полиции, который в тот момент являлся эстляндским губернатором. Их разговор состоялся в августе 1908 года в купе поезда, следовавшего из Кельна в Берлин, и продолжался шесть часов. Правда, Лопухин молчал, говорил Бурцев. Когда же до Лопухина дошло, чем занимался секретный агент полиции, будучи главой БО эсеров, и особенно то, что он готовил царевубийство, – Лопухин подтвердил Бурцеву, что Раскин и Азеф – одно и то же лицо. По прибытии в Россию он написал письмо своему бывшему однокашнику П. Столыпину с предложением самому премьеру покарать провокатора. Ответом на это письмо было появление на квартире у Лопухина самого Азефа, примчавшегося из Берлина, чтобы заставить того отказаться от своих слов. Это стало ошибкой Азефа, которая усугубилась неудачно подготовленным для него алиби. Лопухин сообщил о неожиданном визитере А. Аргунову, а Азеф же говорил, что в это время он был в Берлине. Но агент Герасимова, который должен был подготовить ему алиби, остановился не в той гостинице, что нужно; и проверка, устроенная эсерами, не подтвердила пребывания Азефа в Берлине.

Для Лопухина встреча с Бурцевым стала роковой. После доклада П. Столыпина царю он был осужден и сослан в Сибирь. Премьер горой встал за Азефа, заявив на слушаньях по этому делу в Государственной Думе: «Обстоятельств, уличающих его в соучастии в каких-либо преступлениях, я, пока мне не дадут других данных, не нахожу». Не верили в предательство Азефа и в революционной среде. Известный террорист-революционер Карпович грозился перестрелять своих товарищей по партии, осмелившихся заподозрить главу БО в службе в полиции. А эсеры для выяснения всех обстоятельств устроили третейский суд над Бурцевым. Судьями были назначены старые опытные революционеры Г. А. Лопатин, П. А. Кропоткин и В. Н. Фигнер. В. Бурцеву, «как клеветнику», на суде никто из эсеров не подавал руки, а после 17-го заседания суда (всего их было 18) В. Фигнер сказала ему: «Вы ужасный человек, вы оклеветали героя, вам остается только застрелиться!» Бурцев на это ответил: «Я и застрелюсь, если окажется, что Азеф не провокатор».

23 декабря 1908 года на квартиру к Азефу явились В.М. Чернов и Б.В. Савинков и предложили ему «честно обо всем рассказать». Азеф свою связь с полицией отрицал, но в ту же ночь бежал в Париж, хотя не так давно с возмущением написал в ЦК партии: «Оскорбление такое, как оно нанесено мне вами, знайте, не прощается и не забывается. Будет время, когда вы дадите за меня отчет партии и моим близким. В этом я уверен».

В настоящее время я счастлив, что чувствую силы с вами, господа, не считаться. Моя работа в прошлом дает мне силы и подымает меня над смрадом и грязью, которой вы окружены теперь и забросали меня». Через два дня после бегства Азефа ЦК партии эсеров объявил его провокатором. Но почему же его не убили товарищи по партии? Ведь в революционной среде не принято было особенно церемониться! Ответ прост: все растерялись. Одни были потрясены, другие отошли от партии, некоторые покончили с собой. А Столыпин, выступая в Государственной Думе, заявил, что если один из главарей революции был, собственно, сотрудником Департамента полиции, то это, конечно, весьма печально, но никак не для правительства, а для революционной партии.

Между тем Азеф в 1909 году со своей пассией из «Аквариума» отправился путешествовать. Они посетили Италию, Грецию, Египет, а затем вернулись в Германию и поселились в Берлине. Теперь он стал господином Александром Неймайером и особенно не опасался своих вчерашних однопартийцев. Азеф не скрывался, не прибежал к гриму, он неплохо устраивался в своей новой жизни: в 1910 году снял квартиру, затратил на ее обустройство и подарки подруге свыше 100 тыс. марок, обзавелся немецкими приятелями и занялся коммерческими делами – стал играть на бирже. Жил, в общем, в свое удовольствие, посещал увеселительные места, театры, часто выезжал на дорогие курорты. Но летом 1912 года случилась неприятность: на курорте в Нейенаре его узнали и тут же сообщили Бурцеву. Тот, угрожая Азефу «отдать» его эсерам, настоял на личной встрече, которая состоялась 15 августа во франкфуртской кофейне. Разговор

продолжался несколько часов, и Азеф почти убедил Бурцева, что просто жаждет суда над собой своих прежних товарищей и что в случае вынесения ему смертного приговора сам покончит с собой. Накануне этой встречи Азеф составил завещание, сдал квартиру в Берлине и заставил свою подругу переехать к матери в провинцию, а после встречи, на протяжении 1912–1913 годов, стал замечать следы: много ездил, менял гостиницы и паспорта.

Первая мировая война разорила Азефа. Все его состояние было вложено в русские бумаги, но с началом войны они утратили ценность в Германии. А в июне 1915 года германская полиция неожиданно арестовала его как опасного анархиста и террориста. Сколько он затем ни пытался доказать властям, что он не анархист, это ничего не дало – до декабря 1917 года Азеф находился в Моабитской тюрьме. Ему, правда, предлагали перейти из тюрьмы в лагерь для гражданских лиц русской национальности, но Азеф это предложение отклонил.

После прихода в России к власти большевиков провокатора неожиданно выпустили на свободу. Мало того, его приняли на службу, да не куда-нибудь, а в германское министерство иностранных дел. Вряд ли Азеф годился для дипломатической работы, но он стал поговаривать о скором переезде в Швейцарию, которая и тогда являлась главным центром мирового шпионажа. Но этому случиться было не суждено. Резко обострилась болезнь почек, и 24 апреля 1918 года Азеф покинул этот бранный мир, унеся с собой в могилу не одну тайну. Хоронила его Хедди на Вильмерсдорфском кладбище в Берлине по второму разряду. Во избежание неприятностей надпись на могиле не была проставлена, только номер – 446.

АМИР ИГАЛЬ

(род. в 1969 г.)

Террорист, член подпольной ультраправой националистической организации «Эял». Был обвинен в убийстве израильского премьер-министра Ицхака Рабина в ноябре 1995 года и осужден к пожизненному заключению без права амнистии.

С именем этого экстремиста связан один из самых громких терактов в истории Израиля. Убийство известного политического лидера породило множество вопросов, на которые не найдены ответы. Спустя семь лет после рокового события премия в размере миллиона шекелей была предложена тому, кто найдет истинных виновников смерти Рабина и оправдает Игаля Амира.

Родился будущий террорист в 1970 году (по другим данным – в 1969 году) в семье переселенцев из Йемена. Учился в духовном учебном заведении «ешиват-хесдер», выпускники которого кроме хороших знаний получали неплохую физическую подготовку и отличались высокими боевыми качествами. Не зря же Амира взяли служить в «Голани» – элитную дивизию ЦАХАЛа (Ивритская аббревиатура: «Армия Обороны Израиля»). В годы учебы на юридическом

факультете Бар-Иланского университета он попал в поле зрения ультраправой организации, и его близкий друг, Авишай Равив, завербовал будущего юриста в ряды террористов. Хотя однокурсники помнили Игаль застенчивым, сосредоточенным, серьезным и прилежным студентом, а его фотография даже попала в рекламный проспект университета.

Авишай руководил подпольной ультраправой националистической организацией «Эял» («Еврейская Боевая Организация»), заявленная цель которой состояла в срыве ближневосточного урегулирования путем политических убийств. В действительности боевая организация представляла из себя лишь вывеску, за которой стоял ШАБАК («Общая Служба Безопасности») – израильский аналог ФБР. Как потом выяснилось, друг-вербовщик являлся с 1987 года внештатным сотрудником этой спецслужбы, агентом-provokatorом по кличке Шампанья («Шампанское»). Ректор Тель-Авивского университета Итамар Рабинович попытался исключить его из рядов студентов за экстремистскую деятельность, но тогдашний премьер-министр Ицхак Шамир направил к нему своего помощника, Йоси Ахимеира, и террорист-provokator остался в стенах этого учебного заведения.

Замысел ШАБАКА состоял в том, чтобы завлекать в «Эял» радикальных противников «мирного процесса», провоцировать их на незаконные действия, а затем арестовывать. Теракты радикалов правительство предполагало использовать в достижении своих политических целей. Равив с вербовкой справлялся хорошо и не зря получал за свою работу девять тысяч шекелей в месяц. Как правый политик он безнаказанно действовал в Хевроне, Кирьят-Арбе, Элькане и других израильских поселениях, а также в университете Бар-Илан. Около двадцати уголовных дел против Авиша было закрыто госпрокуратурой. Под влиянием такого друга Амир стал придерживаться правоэкстремистских взглядов, считал, что политика мирного урегулирования палестинской проблемы противоречит интересам Израиля. Игаль говорил о друге: «Я познакомился с Авишаем Равивом в университете. Он очень помог мне, дал сотовый телефон, кучу вещей. У меня есть близкие душевные друзья, с которыми я могу поговорить, и Авишай был таким другом. Он хороший парень, и мне нравится его характер».

Весну и лето 1992 года студент-юрист провел в Риге по заданию секретной службы Натив – Бюро по связям с евреями в Советском Союзе при Канцелярии премьер-министра Израиля. Спецслужба была основана в начале 1950-х годов и выработала свою независимую разведывательную и оперативную политику. Деятельность Натива неоднократно вызывала недовольство и подозрения со стороны российских властей. Так, например, в июне 1996 года работник Натива Даниэль был уличен в занятии, несовместимом с его дипломатическим статусом (незаконном приобретении секретных спутниковых фотоснимков), арестован и выслан из страны.

Потом, после убийства премьера, израильские власти заявили, что Амир преподавал в Риге иврит в течение пяти месяцев. Этой версии не поверили, поскольку у него не было педагогического образования. Тогда министр полиции Моше Шахаль объяснил, что Игаль проходил курс учебы телохранителей. Так или иначе, правительству совсем не нравились спекуляции по поводу связей террориста с секретным Нативом. Пресс-секретарь Канцелярии премьер-министра Ализа Горен заявила на пресс-конференции: «Амир никогда не был в Риге, и всякий, кто говорит, что он был там, проявляет полную безответственность». Но эта хитрость была разоблачена после того, как телекомпания Би-би-си взяла интервью у семьи Игаля Амира и сняла на пленку его паспорт, в котором стоял штамп «СССР».

Сам Игаль рассказывал на суде о рижской поездке так: «Деятельность Бюро по связям (Натива) уже не была такой секретной. Там нужны были люди для организации сионистской деятельности, преподавания иврита и других вещей. Они обратились к моему армейскому подразделению, чтобы им прислали людей. Каждые два месяца люди менялись. Я поехал с моим товарищем, Авиноамом Эзером. Когда мы приехали туда, они работали с пятнадцатилетними подростками, хотели убедить их уехать в Израиль. Я думал, что они не правы, и что лучше работать со студентами. Я надел на голову кипу, пошел по улицам и нашел их. Я начал по-настоящему привлекать всеобщее внимание – йеменит с кипой. В итоге у меня подобралась группа человек в сто. Это был огромный успех». Не исключено, что Амир имел какое-то небольшое секретное задание. Он был обучен технике организации и работы с группой и вернулся из Риги другим человеком, а может быть, и с миссией, которая ему тогда была непонятна до конца. Но какова бы ни была истинная цель пребывания будущего юриста в Советском Союзе, осенью 1992 года он вернулся оттуда другим – студенческим радикалом из Бар-Иланского университета. Что-то произошло там и изменило его отношение к жизни, хотя молодой человек еще не был убийцей. Спецслужбам только предстояла работа по превращению его в настоящего террориста.

В том же 1992 году Ицхак Рабин стал премьер-министром. В предвыборной кампании он обещал избирателям ни за что не отдавать Голанские высоты и не вести переговоры с Ясиром Арафатом. Но после избрания развернулся на все 180 градусов, ринулся строить палестинскую

автономию и уничтожать еврейские поселения на западном берегу реки Иордан. Политика стареющего лидера Рабочей партии, архитектора мирного процесса подвергалась жесточайшей критике. Популярный израильский певец Авив Гефен пел по радио: «Кто там идет пьяный? Да это ж глава правительства!» К 1995 году политическое положение Рабина было далеко не лучшим. Амира к тому времени уже «обработали» и склонили к мысли, что нужно убить премьер-министра. В процессе подготовки студента юрфака к теракту Равив убеждал его в необходимости избиения арабов, но Игаль отказывался от таких мероприятий. Лишь однажды он принял участие в антиарабской акции «Ночной патруль» в Хевроне. «Патрулировавшие» вначале побили стекла в арабских домах, а затем разбили фотокамеру одного из палестинских журналистов.

Барри Хамиш в своей книге «Кто убил Ицхака Рабина?» предоставляет читателям свидетельские показания о подталкивании будущего террориста на политическое убийство. «Согласно Саре Элиаш, директору женской средней школы "Лахава", некоторые из ее учениц слышали, как Равив подбивал Амира убить Рабина. Равив сказал Игалю и другим, что Рабину вынесен приговор, он должен умереть, и тот, кто убьет его, будет праведником. Равив имел большое влияние на Игаль. Он все время подчеркивал перед ним и перед другими студентами, что тот, кто приведет в исполнение приговор против Рабина, выполнит святую миссию».

А вот что говорила Геула Амир, мать Игаля: «Согласно показаниям друзей Игаля, Равив был просто помешан на одном вопросе: убийстве Рабина. Он и Игаль часто обсуждали возможность теракта...»

Игаль Амир уже не скрывал своего намерения убить премьер-министра. Он говорил об этом сотням людей на организованных им субботних семинарах, а также в Бар-Илане. В Израиле будущий террорист стал известен еще за два месяца до убийства. В газете «Маарив» приводились сведения о том, что он арестовывался полицией 27 июня 1995 года по подозрению в планировании убийства Рабина и что 1 июля был выпущен на свободу по приказу ШАБАКа. Доказательством служили три письма из переписки между этой спецслужбой и полицией.

По одной из версий, была задумана операция, в ходе которой в Ицхака Рабина должны были выстрелить холостыми патронами. Для этого Авишай Равив должен был найти какого-нибудь «правого» фанатика, готового убить премьера. Равивом руководил Хези Кало, начальник Отдела ШАБАК по борьбе с еврейской подрывной деятельностью. Тому, в свою очередь, приказывал Карми Гилон, глава ШАБАКа, выполнявший указания самого Ицхака Рабина.

Вероятно, план премьера предусматривал арест террориста на месте преступления. Рабин, который перед выборами по всем опросам проигрывал тогдашнему лидеру оппозиции Биньямину Нетаниягу, заявил бы всему Израилю: смотрите, что эти «правые» хотели со мной сделать! Теракт послужил бы оправданием для общенациональных репрессий в отношении его противников. Это был план подготовки условий, необходимых для проведения эвакуации поселений на палестинских территориях и последующей победы на выборах. Похоже, Рабин сам оказался виноват. Он задумал трюк и попал в собственную ловушку на площади Царей Израиля в Тель-Авиве. Там, на митинге в поддержку «мирного процесса» 4 ноября 1995 года премьер-министр и был физически устранен.

Большинство сотрудников спецслужб и полицейских, находившихся при исполнении служебных обязанностей в тот вечер, знали кое-что о секретной операции, но получили инструкции не мешать ей. Скорее всего, ШАБАК зарядил пистолет Игаля холостыми патронами и пропустил его в «стерильную зону» вокруг трибуны. (Спецслужба потом объясняла, что террорист попал туда, предъявив удостоверение Натива.) Игаль выстрелил жертве в спину, когда тот закончил свою речь с балкона здания тель-авивской мэрии и шел к машине. «Я сделал свое дело, – сказал Амир одному из задержавших его охранников, – теперь ты делай свое».

В книге «Кто убил Ицхака Рабина?» автор говорит, что после его выстрелов премьер не упал, а только повернул голову на шум и продолжал идти к своему автомобилю. Здесь на него, как бы спасая от покушения, навалились сотрудники ШАБАКа и втащили в автомобиль. По одной из версий, главу правительства застрелили уже в автомобиле с нулевого расстояния и спереди, а не сзади. Доказательство тому – простреленная пулей фотография листка с «Песней о мире», который находился в нагрудном кармане его пиджака.

Сама сцена убийства оказалась заснята на видеопленку «туристом» Рони Кемплером (который «случайно» оказался сотрудником аппарата государственного контроля и получил миллион шекелей за видеоматериал). Любитель снимал выход премьера с балкона здания муниципалитета. Пистолет в протянутой руке убийцы практически упирался в спину премьера (которого, кстати, окружали телохранители – лишь прикрывавший спину сдвинулся влево и поотстал). Сразу за выстрелами (или даже во время стрельбы) кто-то громко крикнул: «Холостые, холостые». Это слышали все, кто находился рядом. Один из телохранителей сбил Рабина на землю и был ранен третьей пулей.

Любительская пленка, которую продемонстрировало израильское ТВ, также породила дополнительные вопросы. Во-первых, на ней виден один выстрел. Во-вторых, ее изучали-переизучали и пришли к выводу, что она отредактирована (чтоб не сказать – подделана). В-третьих, на ней видно, как Рабин реагирует на первый выстрел (как человек должен реагировать на разрывную пулю в спине?). Рабин начинает поворачивать голову, продолжая движение, и падает лишь через несколько шагов – будучи сбит с ног телохранителем, прикрывавшим его. Сколько раз стрелял Амир? Четыре. Две пули в Рабина, одна – в телохранителя, еще одна – мимо (ее потом нашли). Террорист сказал, что пистолет был заряжен девятью патронами. В пистолете было обнаружено восемь. Свидетели слышали три выстрела, какой-то полицейский – еще два приглушенных.

Официальное свидетельство гласило, что в теле Рабина обнаружили две пули. Одну получил телохранитель. Экспертам удалось установить, будто пули, находившиеся в пистолете Амира, были медными, а результаты патологоанатомической экспертизы показали, что Рабина сразили свинцовые пули.

Главный врач больницы, проводивший вскрытие, утверждал, что покойный получил сильное ранение в область позвоночника. В то же время профессор Иегуда Хисс из института судебной медицины в Абу-Кабире заявил, что никакого ранения в позвоночник не было. На фотографиях, сделанных во время убийства, видно, что Рабин обернулся, чтобы посмотреть, кто в него стреляет. Если бы стреляли боевыми патронами, его должно было бы отбросить вперед. Но – не отбросило. Допустим, у Рабина действительно был поражен позвоночник. Это означает, что убийца – не Игаль Амир. Его выстрелы такого ранения вызвать не могли. Возможно, он стрелял холостыми патронами, а вовсе не теми, которые попали в позвоночник. Сразу же после убийства Игаль Амир говорил, что оно было инсценировано.

В той же книге Барри Хамиша цитируются строки из газеты «Маарив», 10 ноября 1995 года: «В прошлую субботу вечером, через несколько минут после покушения на премьер-министра Рабина и еще задолго до того, как убийца был опознан, глава «Эяла» Авишай Равив уже объявил, что убийца – это Игаль Амир».

Уже на следующий день после теракта пошли разговоры о том, что с убийством нечисто. Ведь еврея и сиониста Рабина убил не арабский террорист, а такой же еврей и сионист. Сразу встал извечный вопрос: кому это выгодно? «Правым!» – кричали «левые» (такой ответ, при всей своей глуповатости, имел под собой железную линейную логику – Амир ведь был «правым» и он был против «мирного процесса»). «Нет, “левым”», – отвечали «правые», многозначительно кивая на рабинского преемника, Шимона Переса.

Возможно, сотрудники спецслужбы лишь подтолкнули Игаля Амира к убийству, уговорили его, а сами снабдили пистолет холостыми патронами для того, чтобы он сам свято верил в то, что стрелял. Таким образом, они бросили тень на весь «правый» лагерь. А террорист или его брат Хагай подвел их и вставил в магазин боевые патроны.

На руках у Игаля Амира не было обнаружено результатов выстрелов. Зато на образцах, взятых с его волос, следы выстрелов (очевидно, пороховые частицы) все-таки обнаружили! А они могли появиться только в одном случае – если кто-то стрелял из-за головы Игаля Амира.

Доктор Давид Хен (больница Асаф Ха-Рофе), расследовавший баллистические аспекты убийства Ицхака Рабина, пришел к выводу, что премьер-министр не был убит пулями, выпущенными из пистолета Игаля Амира.

Яков Веркер, председатель общественной комиссии, предполагал, что речь идет о заговоре ШАБАКа, а истинным убийцей был Йорам Рубин – телохранитель премьера. «Кроме него, рядом с Рабиным никого не было. А Игаль Амир, Авишай Равив и Маргалит Хар-Шефи были лишь винтиками в этой игре. Пули, вынутые из тела Рабина, были заменены на те, которыми стрелял Амир. В Рабина стрелял не Игаль Амир, а кто-то другой, и возможно, этот человек до сих пор на свободе». Потом последовало загадочное самоубийство и закрытые похороны одного из команды телохранителей, того самого, кто кричал про холостой выстрел (свидетельство о его смерти, датированное 11 ноября 1995 года, журналист «Маарива» нашел – причина смерти там не указана).

Депутат Кнессета (парламента) от партии Ликуд Михаэль Эйтан принес в телестудию секретный протокол встречи представителей службы безопасности Израиля и высших чинов прокуратуры. Документ свидетельствовал о том, что на тайной встрече, состоявшейся в канцелярии юридического советника правительства 16 июня 1996 года, стороны договорились об утаивании сведений, касающихся убийства Ицхака Рабина 4 ноября 1995 года. Как сообщала израильская радиостанция «Аруц Шева» («Седьмой канал»), когда Михаэль Эйтан собирался зачитать секретный документ в прямом эфире, на ТВ позвонил генеральный прокурор Израиля

Элиаким Рубенштейн и запретил обнародование протокола, так как это, по его словам, «угрожало интересам национальной безопасности».

Игалья Амира приговорили к пожизненному заключению (смертной казни в Израиле нет). Его брат Хагай, признанный виновным в пособничестве (он модернизировал пули, предназначенные Рабину), получил семь лет изоляции. Друг, Дрор Адани, тоже оказался в заключении за соучастие. Авишай Равив выступал на суде только в качестве свидетеля. Маргалит Хар-Шефи, экс-подруга Игалья, осудили на девять месяцев тюрьмы за якобы недоносительство о готовящемся преступлении. Дерзкая девушка после объявления приговора назвала главным виновником трагедии ШАБАК.

По словам самого террориста, он знал больше, чем мог сказать на суде. Игаль говорил, что действовал не в одиночку, чувствовал поддержку масс и опирался на постановления некоторых раввинов.

Осужденный террорист содержался в тюрьме строгого режима, не имел права принимать посетителей, кроме членов своей семьи. В начале 2004 года он объявил о своем решении жениться на репатриантке из СНГ, докторе философии Ларисе Трёмбовлер и подал официальное заявление о бракосочетании. Его избранница – мать четырех детей, младшей из которых два с половиной года. Их воспитанием и образованием она занималась вместе с бывшим мужем, сохранив с ним хорошие отношения. Сама Лариса говорила, что ее решение связать свою жизнь с Амиром – это не политическая декларация, а ее личный шаг. Она сказала также, что заплатила за это знакомство высокую академическую цену. (По-видимому, имелись в виду проблемы в академической карьере.) Трёмбовлер опровергала появившиеся слухи, что женитьба на разведенной женщине, в то время как террорист получал сотни писем от юных девушек с предложением выйти за него замуж, выглядела как предлог для послаблений в тюрьме и даже для последующего освобождения. Она хорошо сознавала невозможность вести нормальную семейную жизнь в таких условиях: управление тюрем если и разрешит им супружеское воссоединение, то не чаще, чем раз в два-три месяца.

Сообщение о возможной свадьбе Игалья Амира очень сильно повлияло на дочь покойного Ицхака Рабина, Далию Рабин-Философ. После информации по ТВ она почувствовала себя плохо и ее увезли в больницу с диагнозом «аритмия».

Начальник службы тюрем Яаков Ганот заявил прессе, что приложит все усилия, дабы воспрепятствовать этому браку. Бывший заместитель начальника службы тюрем Йосеф Полак тоже возражал против этого супружества. Он считал, что затея со свадьбой принадлежит матери Амира. «У него умная мама, которая занимается этим делом, и вовсе не брак является целью, а освобождение. Террорист получал сотни писем от девушек, так чего это вдруг он решил жениться на разведенной с четырьмя детьми? Через несколько лет найдется президент, который, вероятно, и помилует его».

Специальное совещание в Управлении тюрем Израиля решило отказать Игалью в любой просьбе об организации и проведении процедуры бракосочетания. Новобрачные подали апелляцию, и адвокаты опротестовали это решение. В случае если суд разрешит осужденному жениться, но не позволит уединиться со своей женой Ларисой Трёмбовлер, супружеская пара попросит предоставить Ларисе возможность забеременеть методом искусственного оплодотворения. Невеста сказала: «Мы не откажемся от борьбы за право на уединение, но поженимся в любом случае». Амир заявил, что он «готов заключить брак, даже если власти лишат его права на уединение с супругой».

А девушки со всех уголков страны продолжают посылать ему письма с признаниями в любви.

АСАХАРА СЁКО

Настоящее имя – Чидзуо (Тидзуо) Мацумото (род. в 1955 г.)

Лидер и основатель культа «Аум Синрикё», международной религиозной организации, относящейся к разряду тоталитарных сект. Организатор похищений и убийств людей, а также двух терактов на территории Японии с применением отравляющего газа.

20 марта 1995 года. Спокойная, благополучная, безопасная Япония. В утренние часы пик на 16 станциях токийского метро неизвестными был распылен нервно-паралитический газ зарин. Результат – 12 погибших и около 5,5 тыс. человек с тяжелым отравлением. Полицейское расследование довольно быстро установило, что все нити ведут к религиозной организации «Аум Синрикё» и непосредственно к ее лидеру – «Его Святейшеству, Духу Истины, Преподобному Учителю» – Сёко Асахаре, ранее провозгласившему себя Мессией. Очевидно, его понятия о спасении человечества расходились с общепринятыми.

Чидзуо Мацумото (таково настоящее имя террориста) родился в 1955 года в деревне Ятсуширо, провинция Кумамото. Его семья была бедной (отец изготавливал татами-циновки) и многодетной – 5 сыновей и две дочери. В раннем детстве из-за глаукомы Чидзуо ослеп на один глаз и почти перестал видеть вторым. Предпринимательская жилка проявилась у него очень рано, еще в интернате для слепых, где он за деньги выступал своеобразным проводником у совсем слепых детей. Там же Чидзуо освоил иглоукалывание и мануальную терапию. После окончания интерната он безуспешно попытался поступить в Токийский университет. В 1978 году Мацумото женился и работал в аптеке в г. Фунабаши, где впервые был привлечен к уголовной ответственности за мошенничество при выписке счетов. Но уже в 1981 году он сумел открыть свою аптеку в этом же городе, в которой организовал производство и продажу фальшивых лекарств, на чем, по некоторым данным, заработал несколько сотен тысяч долларов. В 1982 году Чидзуо Мацумото был арестован, но ему удалось отделаться сравнительно небольшим штрафом и закрытием аптеки.

Все это время, начиная с 1977 года, он активно занимался йогой, и неудивительно, что следующим его шагом на пути зарабатывания денег было открытие зала для занятий йогой, где вскоре сформировалась группа единомышленников, назвавшая себя «Ауми Шинсенно-кай». В 1986 году Мацумото отправился в длительное путешествие по Гималаям, где «познал истину» и достиг «окончательного спасения». По возвращении он переименовывает свою, к тому моменту разросшуюся, организацию в «Аум Синрикё» – «Учение об истинном Аум» (Аум – сложная тантрическая мантра), а себя – в Сёко Асахару. Дословно это имя переводится на русский язык как «Сияющий свет в долине конопли». «Аум Синрикё» приобрела статус религиозной организации и именовала себя во многих документах буддийской общиной, хотя, по сути, являлась очень сложным для понимания коктейлем из буддизма, индуизма, христианства и собственной философии «Преподобного учителя» Асахары. Духовный представитель Далай-ламы в России так отзывался об этом учении: «Я могу сказать, что ни Далай-лама, ни представители традиционного тибетского буддизма не одобряют того, что он делает. Приверженцы традиционного буддизма не поддерживают миссионерскую работу и считают, что противоречит принципам буддизма стремление обращать в свою веру других людей, эта секта на 100 процентов не принадлежит к тибетской традиции».

Действительно, ни буддистская терпимость к другим религиям и учениям, ни бескорыстие не были свойственны политике «Аум Синрикё». Хотя сама философия Асахары базировалась исключительно на альтруистических идеях, главная из которых – спасение всего человечества. «Спасение» должно было осуществляться в три этапа: первый – избавление людей от болезней, второй – достижение счастья в этом мире и третий – достижение просветления и освобождения. Достигнуть этого было достаточно просто. Для начала – вступить в организацию, заплатив пожертвование (чем больше, тем лучше, о чем, не стесняясь, без устали повторял Асахара), а в идеале – уйти из дома, передав все имущество «Аум Синрикё». Людей, не имевших возможности внести пожертвование, тоже принимали. Они отработывали право присутствовать на занятиях, раздавая листовки, расклеивая плакаты и зазывая в секту более состоятельных людей. Этим же занимались и все остальные рядовые члены секты, только в гораздо меньших объемах. За каждого приведенного неопита, раздачу листовок, расклейку объявлений, распространение книг Асахары адепт получал баллы, по результатам накопления которых мог перейти на следующую ступень обучения и соответственно продвинуться на пути к «спасению». Однако переход на более высокую ступень можно было значительно упростить и ускорить – за деньги. Члены «Аум Синрикё» платили за все – участие в ритуальных действиях, посвящения, семинары, занятия – деньгами или работой. Также для рядовых сектантов имелся в наличии специальный преискуртант с чудотворными ритуалами и целебными веществами. Например, сосуд с водой, в которой изволил искупаться сам Асахара, стоил 200 долларов; обряд «шактиат» – члену секты позволялось дотронуться до лба другого, с более высоким уровнем духа с целью перекачки последнего – 500 долларов; внутривенная инъекция неизвестного состава под названием «Озарение Бардо» – 5 тыс. долларов. Можно было даже телепатически «подключиться» к мозгу самого Учителя или испить его крови за 10 тыс. долларов. А за личную встречу с Сёко Асахарой рядовые члены секты выкладывали по 100 долларов за 2–3 минуты. Его «хождения в народ» – массовые «исцеления» и «просветления» граждан различных стран и городов на многотысячных стадионах – также стоили недешево.

Асахара был женат с 1978 года и имел шестерых детей. Поначалу его жена Томоко неодобрительно относилась к деятельности мужа, который занимался только делами своей организации, практически не уделяя времени семье. В 1988 году после шумной ссоры он приговорил ее к 50 дням лишения света, которые она и провела в наглухо закрытой комнате в полнейшей темноте, скорее всего, все это время ее держали на наркотиках. Это действие Асахары возымело должный эффект, и после окончания заключения Томоко стала его самой верной последовательницей и занималась производством агитационных видеоматериалов и анимационных фильмов.

В начале 1990 года Асахара предпринял попытку легально пробиться к власти. Он и 25 активистов из «Аум Синрикё» баллотировались в нижнюю палату японского парламента от имени некоей «Партии истины». Несмотря на огромные денежные затраты и обширную агитационную деятельность, эта попытка не имела успеха – ни он, ни его выдвиженцы не набрали достаточного количества голосов.

Перу Сёко Асахары принадлежит несколько книг. В первой, со скромным названием «Провозглашая себя Христом», он пишет: «Сим провозглашаю себя Христом, Дух истины – это не кто иной, как я, руководитель “Аум Синрикё”». Здесь же он развенчивает традиционные религиозные и политические учения и утверждает, что только он в состоянии привести человечество к «освобождению», приводит примеры исцеления им больных, умалчивая, правда, почему его зрение остается все таким же плохим. Книга наполнена многочисленными ирреальными описаниями различных метафизических субстанций – ада, небес, иерархической структуры божеств и т. п. В частности, адов в понимании Асахары великое множество, все они делятся на горячие и холодные, а их названия поражают воображение: «Ад Крика от Горя и Боли», «Ад Непрерывного Блуждания по Аду», «Ад Ужасных Страданий от Опухолей, Больше Которых Быть Не Может», «Ад Ужасных Страданий Вхождения в Состояние, Подобное Малому Белому Лотосу»... Небеса Асахары носят названия менее страшные, но не более вразумительные; чего стоят, например, «Земные Небеса Богов Страсти» или «Первое Небо Небес Игривого Вырождения»!

Десятки тысяч людей во всем мире, казалось, находились под гипнозом этой харизматической личности, воспринимая со всей серьезностью любое, самое алогичное и бредовое слово Асахары. По свидетельствам родителей молодых людей, ставших последователями культа Асахары, они становились замкнутыми и неуправляемыми, мало ели и через некоторое время вообще теряли связь с окружающей действительностью и людьми. По состоянию на 1995 год секта насчитывала около 10 тыс. приверженцев в Японии и более 40 тыс. в мире, причем в России – не менее 30 тыс. человек, и, по некоторым данным, пользовалась покровительством высокопоставленных чиновников российского правительства. «Аум Синрикё» имела отделения по всей Японии, в России, Украине, Германии, Австралии, Шри-Ланке, бывшей Югославии и США. Так

продолжалось до рокового дня 20 марта 1995 года, когда на центральных станциях токийского метро членами «Аум Синрикё» была проведена газовая атака.

На всех подвергшихся атаке станциях события разворачивались по одному сценарию: из вагона метро выходил человек в солнцезащитных очках, «случайно» оставляя на сиденье завернутый в газету пакет. Пока поезд доезжал до следующей станции, половина вагона уже была отравлена, открывались двери, и свою дозу отравляющего вещества получали люди, стоявшие на платформе. Отравление получили и вызванные на место происшествия пожарные и полицейские. Движение токийского метро было остановлено, пострадавшие от атаки станции заблокированы. Позже полиция обнаружила шесть контейнеров, содержащих зарин с небольшими примесями других химических веществ. Ни Асахара, ни кто-либо другой из арестованных позднее членов секты не сказал, с какой целью они устроили газовую атаку. Возможно, сектанты хотели посеять панику в Токио и под шумок захватить власть, а возможно, они решили ускорить наступление конца света, предсказанного Учителем, или это была часть химических испытаний – в лабораториях опыты с отравляющими веществами ставились на животных, а необходимо было проверить их действие на людях.

Японские власти не были готовы к такому повороту событий – никогда в этой стране не происходило никаких террористических актов. Но вскоре вспомнили о так и не раскрытом инциденте в префектуре Нагано в 1994 году. Тогда от отравления непонятно каким образом взявшимся в жилых кварталах газом сходного состава погибло 7 человек, а неподалеку была обнаружена брошенная подпольная химическая лаборатория со следами экспериментов с отравляющими веществами, и зарином в том числе. К тому времени с организацией «Аум Синрикё» уже было связано несколько скандалов, вызванных волной непонятных смертей и самоубийств среди ее адептов. Секту также подозревали в похищении и убийстве токийского адвоката Цуцуми Сакамото, который был председателем «Ассоциации жертв Аум Синрикё» и имел достаточное количество материалов не в пользу секты, и членов его семьи. всплыли на поверхность и упоминание Асахарой в одной из проповедей о зарине, малоизвестном в Японии, и его довольно-таки навязчивые предсказания о скором конце света. 22 марта 1995 года полиция получила санкцию на «силовой обыск» в 25 опорных точках, принадлежавших «Аум Синрикё», в котором были задействованы 2,5 тыс. полицейских и спецотряды по борьбе с терроризмом. В ходе операции в одном из зданий секты было обнаружено около 50 человек в состоянии комы и с признаками дистрофии, во многих точках были изъяты документы и разнообразные вещественные доказательства, подтверждающие проведение химических экспериментов и изготовление опасных веществ: десятки канистр с реактивами, использовавшимися для производства и транспортировки зарина, противогазы и спецодежда химической защиты. Также в ходе обыска здания выяснилось, что «Аум Синрикё» занималась и бактериологическим оружием – в нем обнаружили около 500 книг по биохимии, в том числе руководства по культивированию бактерий, инкубационные установки, питательные «бульоны» с бактериями, способными вырабатывать ботулизм. Помимо всего этого, были найдены картонные коробки с наличностью в сумме более 7 млн долларов и золото в слитках. По некоторым данным, материалы и оборудование для производства зарина и других опасных веществ поставлялись из России, существуют также свидетельства того, что на одном из полигонов российского спецназа группа членов «Аум Синрикё» проходила огневую подготовку.

Через несколько дней после массовых обысков было совершено покушение на начальника японской полиции Кодзи Кунимацу, который возглавлял особую комиссию по расследованию террористического акта в токийском метро и 22 марта отдал приказ о начале широкомасштабного обыска во владениях «Аум Синрикё». Стрелявший в него благополучно скрылся с места происшествия. Сразу после покушения японские власти отдали распоряжение о задержании всего руководства организации «Аум Синрикё», и в первую очередь Асахары, уже исчезнувшего к тому времени из поля зрения. В результате было задержано несколько десятков членов секты, в том числе и непосредственные исполнители теракта в Токио, которые сообщили, что Асахара лично отдал приказание о проведении газовой атаки, а также о похищении и убийстве адвоката Сакамото и его семьи. Во время массовых арестов руководящих членов секты в токийской штаб-квартире «Аум Синрикё» был убит химик Хидэо Мураи, руководивший всеми научными исследованиями и производством отравляющих веществ. Как выяснилось позже, опять-таки по приказу Асахары, который считал его человеком излишне разговорчивым и мягкотелым. 5 мая того же года в ответ на массовые обыски и аресты была предпринята попытка устроить еще один террористический акт, который, правда, удалось предотвратить благодаря уборщице, нашедшей одну из емкостей с отравляющим газом, оставленную в туалете огромного подземного квартала в токийском районе Синдзюку. Еще несколько пакетов, содержавших сосуды с отравляющим веществом, было обнаружено почти сразу после первой находки. Если бы газ успел активизироваться, могли погибнуть по меньшей мере 13 тыс. человек.

«Преподаватель учитель» был задержан почти через два месяца после теракта в метро, утром 16 мая 1995 года, в результате полицейского рейда в 130 местах на территории страны. Он был

найден после 5-часового поиска в деревне Камикуисики, в потайной комнате здания, принадлежавшего «Аум Синрикё». Асахара находился там один и на момент ареста занимался медитацией. Сопrotивления полиции он не оказывал.

После ареста Учителя активизировались и российские последователи Асахары. Глава отделения «Аум Синрикё» во Владивостоке Дмитрий Сидачев с двумя сообщниками готовил ряд террористических актов в городах Токио, Саппоро и Аомори. Позже, на суде, он признался в незаконном приобретении, хранении и транспортировке взрывчатых веществ и оружия на территорию Японии с целью проведения терактов, которые должны были, по его мнению, заставить японское правительство освободить Сёко Асахару и других лидеров секты из тюрьмы. Сидачев был приговорен российским судом к восьми годам лишения свободы.

Вскоре после теракта в токийском метро деятельность религиозной организации «Аум Синрикё» была официально запрещена, по решению суда был наложен арест на все банковские счета и принадлежавшую ей недвижимость – земельные участки общей площадью 136 тыс. кв. метров, 16 зданий в десяти префектурах страны. По состоянию на 1995 год имущество секты оценивалось не менее чем в 29 млн долларов. В марте 1997 года японские власти приступили к демонтажу объектов, принадлежавших организации, решено было временно сохранить всего три здания, в которых сектанты занимались производством отравляющих веществ и бактериологического оружия, поскольку они еще могли понадобиться следствию.

Судебный процесс по делу Сёко Асахары продолжался в течение восьми лет. Всего перед судом предстали 189 членов секты, 11 из которых были приговорены к высшей мере наказания. Асахаре было предъявлено обвинение в 17 преступлениях, в том числе в похищении и убийстве людей, а также в организации двух террористических актов с применением отравляющего газа – в Токио и префектуре Нагано. Его адвокаты всеми средствами пытались убедить суд снять обвинения, доказать, что Асахара осуществлял только миссию духовного руководителя, а теракт – дело рук рядовых членов «Аум Синрикё», и даже списать организацию теракта 20 марта на убитого Хидзо Мураи. Сам же главный обвиняемый ко всему происходящему относился с полнейшим безразличием. По свидетельствам участников процесса, он «либо смотрел с отсутствующим взглядом в одну точку, либо тихо бормотал себе под нос какие-то бессвязные фразы, либо засыпал прямо на скамье подсудимых».

Приговор лидеру «Аум Синрикё» был вынесен в Токио 27 февраля 2004 года. У здания окружного суда собралась более чем четырехтысячная толпа родственников и друзей жертв теракта 20 марта, тщетно пытаясь прорваться в зал заседаний, рассчитанный всего на 36 мест. Обвинительная речь прокурора заняла четыре часа. Приговор судьи звучал так: «Он обвиняется в попытке стать правителем Японии путем создания секты “Аум Синрикё”, вставшей на путь вооруженной борьбы. Он обвиняется в убийствах людей, пытавшихся противостоятъ его заговору. Он заслуживает высшей меры». Сёко Асахара слушал стоя, безразлично глядя в одну точку, казалось, что в своих мыслях он где-то очень далеко и не ему сейчас выносят смертный приговор, который осуществляется в Японии через повешение.

Адвокаты Асахары подали апелляцию в Верховный Суд Японии, и не исключена вероятность замены смертной казни пожизненным заключением, но, учитывая отношение к организатору самого масштабного теракта в Японии его сограждан, эта вероятность ничтожно мала. Сейчас «Преподобный учитель» ожидает в тюрьме окончательного вердикта, но, если судить по его поведению, ему все равно, каким он окажется.

Несмотря на запрет деятельности «Аум Синрикё», разговоры о зомбировании ее членов психотехническими и гипнотическими методами воздействия на личность верующих под видом религиозных обрядов и смертный приговор, вынесенный Асахаре, организация продолжает свое существование и насчитывает около 30 общин по всей Японии. Ее ряды заметно поредели, она сменила название на «Алеф», не афиширует, как раньше, свою деятельность, но у нее хватает приверженцев, так что деньги поступают в кассу новых ее руководителей, открываются фирмы с ее капиталом, а Сёко Асахара остается «Его Святейшеством, Духом Истины, Преподобным Учителем». Последователи старой организации с новым названием ведут активную пропаганду в молодежной среде, открывая курсы по йоге, боевым искусствам, астрологии, создавая многочисленные религиозные сайты в Интернете. Насколько действенными будут эти методы и сможет ли когда-нибудь «Алеф» достигнуть уровня «Аум Синрикё» в годы ее расцвета, ответить пока невозможно.

БААДЕР АНДРЕАС

(род. в 1943 г. – ум. в 1977 г.)

Немецкий террорист, один из создателей печально известной фракции «Красная армия». Предполагают, что на совести этого боевика – около 100 покушений, в ходе которых было убито 39 человек и 75 ранено, серия поджогов и взрывов, участие в проведении и разработке 555 террористических актов. Его смерть в тюрьме крепости «Штаммгайм», происшедшая при вызывающих сомнение обстоятельствах, до сих пор остается загадкой.

Взрывы, рвущееся вверх пламя, разлетающиеся искореженные куски бетона, брызги стекла – то, что еще несколько секунд назад было зданием, валится бесформенной грудой, хороня под собой людей. Крики, стоны, кровь... Машины, превращающиеся в столбы огня после того, как был повернут ключ в замке зажигания. Самолеты, разваливающиеся на куски в воздухе и устилающие землю оплавленными обломками железа. И жертвы, жертвы... Это – террор. Форма борьбы за идею.

Историки могут яростно ломать копья, пытаясь выяснить, кто был первым террористом человечества. Для живущих ныне нет большой разницы, когда в угоду убеждениям впервые была принесена человеческая жертва. Главное – тактика «цель оправдывает средства» прочно прижилась в современном мире и нашла своих почитателей и приверженцев. Можно ли понять таких людей? Видимо, да. Но прежде чем попытаться оправдать кого-то из боевиков, вспомните, что следующей мишенью можете оказаться вы сами.

XX век подарил миру немало известных террористов. Ими может «похвастать» буквально каждая страна на земном шаре. Германия также не является исключением из этого печального правила. Одной из самых известных группировок боевиков в этой стране стала «Красная армия», обладательница кровавой репутации. Ее деятельность имела огромный резонанс среди организаций подобного толка. «Крестный отец» фракции, Андреас Баадер, был весьма неординарной личностью. Вспоминая самых известных террористов века, ему действительно стоит уделить внимание.

Когда отгремела Вторая мировая война, в среде немецкой молодежи родился новый миф, сказка об экономическом чуде, которое позволит возродить Германию, сделать ее еще сильнее и благополучнее, чем раньше. Правда, в эту утопию верили далеко не все. В некоторых слоях интеллигенции зрела идея новой революции. Моделью государства будущего эти люди всерьез считали ФРГ, отгороженную от Восточной Германии высокой стеной и несколькими рядами колючей проволоки; именно академическая, университетская среда скрывала в себе дремлющего покуда демона терроризма: апологеты «истинно пролетарской» революции свято верили в то, что капитализм окончательно изжил себя и наступило время строительства более справедливого общества. Вот только строить этот новый мир собирались в буквальном смысле на крови, поскольку немецкие «перестройщики» считали, что реализовать их идеи мирным путем невозможно. Подобное убеждение привело к тому, что Германию захлестнула волна насилия. Одной из самых известных террористических групп, созданных в то время, была организация под руководством Андреаса Баадера и Ульрики Майнхоф.

Андреас Баадер родился в 1943 году в Мюнхене. Окончив школу, этот красивый шалопаи и бездельник, любимец женщин, не проявивший желаний хоть где-нибудь работать и считавший, что общество у него в долгу, решил заняться переустройством последнего. Он был убежден, что настала пора классово-борьбы – жестокой, использующей исключительно насильственные методы. В общем, Андреас мнил себя таким немецким Че Геварой, хотя больше всего напоминал провинциального Герострата. Баадер переехал в Берлин, где принял самое активное участие в различных (и едва ли не ежедневных) демонстрациях. Молодой человек протестовал против всего и готов был бороться за что угодно. Во время одного из таких выступлений, в 1967 году, он познакомился с убежденной коммунисткой Гудрун Эннслин. Спустя совсем немного времени женщина оставила своего мужа и маленького ребенка, чтобы сойтись с Баадером. Начало их совместной жизни пришлось на то время, когда молодой человек стал активно убеждать окружающих в справедливости своей философии классовой ненависти и призывать к вооруженной партизанской борьбе против государства, которую называл «народной войной».

Правда, начало этой самой борьбы оказалось весьма неудачным для начинающих террористов. Баадер и Эннслин не придумали ничего более оригинального, как заложить зажигательные устройства в универмаг «столицы капитала» – Франкфурта-на-Майне (это произошло 2 апреля 1968 года). Таким образом парочка решила выразить свой протест против войны во Вьетнаме. Универмаг, конечно, сгорел, но вот человеческих жертв, к разочарованию «революционеров», не было. Зато причиненный материальный ущерб внушал уважение: добра сгорело на 75 000 марок. Владельцы магазина провели серьезную беседу с представителями полиции, и преступники были объявлены в розыск. Организовать поджог и уйти безнаказанными

оказалось не так уж просто. Через день после взрыва Андреас и Гудрун были схвачены по доносу приятеля своей домохозяйки и, естественно, загремели за решетку. Итог судебного процесса по этому делу, имевшему место 14 апреля 1968 года, – по три года тюремного заключения для Баадера, Эннслин и еще двух «партизан». Адвокат террористов, Малер, решил поддержать миф о разветвленной террористической организации и незадолго перед последним заседанием, 11 апреля, организовал взрыв в здании издательства Шпрингера.

Прошло долгих 14 месяцев, прежде чем 13 июня 1969 года стараниями юристов преступники были отпущены под залог, а дело отправлено на пересмотр. В случае неблагоприятного вердикта обвиняемые должны были 25 февраля 1970 года вернуться в тюрьму. Оказавшись на свободе, женщины-террористки занялись проституцией («для политического шантажа системы»), а Баадер во главе малолетних преступников стал развлекаться ночным вандализмом. Правда, «партизаны» не склонны были ожидать, пока правоохранительные органы сочтут необходимым отправить их опять в зал суда, и накануне 25 февраля сбежали во Францию. По приезде в Париж Баадер загорелся идеей создания «первой ячейки Красной армии» (РАФ). Он хотел, по примеру герильи (партизанской войны) в Латинской Америке, изменить общество при помощи оружия. Первая акция от имени новой организации должна была пройти 11 апреля того же года – Андреас и его сторонники собирались совершить нападение на американский склад оружия. Немецкие власти отнюдь не были обрадованы таким поворотом событий, да и французов перспектива пополнения рядов собственных террористов уж никак не устраивала. К делу был подключен Интерпол, который в 1970 году разыскал беглых боевиков. Перед самым налетом Баадер был схвачен полицией по дороге на кладбище, где террористы хранили боеприпасы. Андреаса и его товарищей выдворили обратно в Германию.

Обрадованные местные власти быстренько отправили боевиков обратно за решетку тюрьмы «Моабит». Ни о каком пересмотре дела речь идти уже не могла. Но, тем не менее, Андреас пользовался всеми благами «мягкого» режима заключения. Громкий процесс над поджигателями принес ему и Эннслин нездоровую популярность. Баадера современники считали уже едва ли не лидером терроризма. Одна из его поклонниц, Ульрика Майнхоф, порвала с мужем и, связавшись со сторонниками своего кумира, помогла Андреасу сбежать из тюрьмы. Побег произошел 14 мая 1970 года из здания библиотеки Социально-политического института, которую заключенному было разрешено посещать. Боевики «Красной армии» во главе с Майнхоф отбили его у охранников. РАФ торжествовала победу. Общественный резонанс от этой акции был огромен. Только теперь власти всерьез осознали, на что способны террористы-леваки.

Фактически группу людей, вдохновленных идеями молодого шалопая, объединил в единую фракцию «Красная армия» Хорст Малер. Этот адвокат, защищавший Баадера на судебном процессе, был ярким сторонником насильственного свержения государственного строя в Западной Германии. Фракция быстро наладила связи с местными группировками боевиков и вышла на контакт с ближневосточными террористическими группами. После того как Баадер и Эннслин оказались на свободе, верхушке «Красной армии» потребовалось срочно покинуть Германию. Хотя бы на время.

15 мая 1970 года «великолепная четверка» совершила ограбление «Банк фюр Индустри унд Хандель». Захваченные 200 000 марок позволили боевикам совершить поездку на Ближний Восток. Баадер и Эннслин, сопровождаемые Малером и Майнхоф, приняли решение отсидеться в Иордании, а заодно пополнить свое террористическое «образование» в местном учебном лагере. Там немцы почерпнули немало интересного и полезного для себя, но отношения приезжих и хозяев ухудшались с каждым днем. Арабы и арийцы не блистали оригинальностью, обвиняя друг друга в высокомерии. Особенно раздражал хозяев Баадер. Он постоянно нарушал дисциплину, конфликтовал с окружающими, отказывался от участия в групповых занятиях. Андреас неоднократно заявлял, что презирает арабов, а руководство учебного центра пичкает его группу навыками, «не подходящими» для той войны, которую он будет вести в Европе. Естественно, очень скоро хозяева вежливо дали понять гостям, что больше не склонны терпеть их присутствие в своем лагере. Немцев выдворили из Иордании, и они были вынуждены тайно вернуться на родину. С момента отъезда «партизан» прошло всего 60 дней.

Теперь фракция Баадера, состоящая уже из трех групп по 30 человек, тайно скрывалась в домах сочувствующих им радикалов. Впереди у нее были более двух лет грабежей, похищений, нападений, подрывов и убийств. «Партизаны» имели в Западном Берлине конспиративные квартиры, транспорт, склады оружия и финансовый резерв «на революционные нужды». А пока разрабатывался глобальный план «народной войны», Малер предложил Баадеру пополнить кассу «Красной армии» за счет грабежей. Андреас охотно согласился. Группа совершила целую серию налетов на банки – деньги шли на приобретение фальшивых документов, взрывчатки, оружия и на аренду складов для его хранения. Тщательную подготовку операций осуществлял адвокат вместе со своим бывшим подзащитным, а сам Баадер проявлял безрассудную смелость при их осуществлении. Позднее в зону внимания команды Андреаса попали различные государственные

учреждения, ставшие для террористов источником официальных бланков документов и печатей. «Красноармейцы» вместе со своим лидером жили в условиях полной конспирации, пользуясь поддельными паспортами, ночуя в снятых подставными лицами квартирах, разъезжая по стране на украденных машинах.

27 августа 1970 года Баадер ограбил крупный универсам, а 22 сентября в Берлине все три группы совершили одновременное нападение на три банка, после чего было принято решение в целях безопасности «залечь на дно» и временно не встречаться.

В октябре того же года Малер совершил совершенно непростительную для него грубую ошибку и попал в полицейскую ловушку. Теперь руководство фракцией полностью находилось в руках неуравновешенного, склонного к авантюрам и достаточно истеричного Баадера. Правда, у него хватало трезвой логики опереться в управлении «партизанской армией» на аналитический ум и железную волю Майнхоф. Вместе они спланировали и провели за год около 80 взрывов и поджогов банков, магазинов, казарм, учреждений бундесвера и НАТО, складов.

Два ограбления банков в Касселе заставили полицию активизировать поиски членов преступной группировки. Чтобы раз и навсегда покончить с «красноармейцами», немецкая криминальная полиция сформировала специальное подразделение для борьбы с терроризмом. Его деятельность оказалась успешной: вскоре на свободе остался только «мозг» группировки да несколько боевиков. К сожалению, Баадер не испытывал недостатка в желающих поддержать его в «борьбе за правое дело» и решил, что настала пора перейти от обычных ограблений к уничтожению физических лиц. Правда, 3 сентября 1970 года он сам едва не был схвачен полицией, сбежав в последнюю минуту. После этого Андреасом были спланированы и осуществлены террористические акты в Кёльне, Мюнхене, Франкфурте, Дюссельдорфе, Глодбахе, Эссене, Западном Берлине. Дело осложнялось тем, что не слишком многочисленной «Красной армии» оказывали поддержку сотни «симпатизирующих».

«Партизаны» Баадера провели 555 акций в 1971 году, присвоив более двух миллионов марок в ходе ограблений. «Красноармейцы» держали ФРГ в состоянии глубокого непрерывного стресса. С лета 1971 года боевики в ответ на облавы и аресты, проведенные спецподразделением, развернули антиполицейский террор.

Идеи лидера «Красной армии» были очень созвучны взглядам доктора Вольфганга Хубера из Гейдельбергского университета. Этот деятель утверждал, что виновником психических заболеваний отдельных лиц является государство. Для того чтобы сделать профессию психиатра невостребованной, считал он, необходимо изменить политическую систему. Хубер создал «Банду сумасшедших» из своих пациентов, которых учил приемам рукопашного боя, владению оружием, приемам слежки, подрывному делу. К середине 1971 года он решил, что «Красная армия» очень близка по духу его группе психопатов-убийц, и сделал ее одним из подразделений «армии» Баадера. 22 октября того же года при попытке задержания одного из «партизан» пострадали двое полицейских. Один из них, Хельмут Шмидт, умер на месте, прошившись шестью пулями. Убийцы через несколько дней были схвачены полицией, а вместе с ними в руки правоохранительных органов попала так называемая «Черная церковная книга» – список лиц, которые могли оказать «красноармейцам» помощь в любой ситуации.

22 декабря террористы под руководством Баадера совершили очередное ограбление банка и убили полицейского, ставшего свидетелем налета. Одна из молодых участниц группы не выдержала кровавого зрелища, решила «выйти из игры» и уехать к матери в Берлин. Ее решение недолго оставалось секретом для руководства «Красной армии», которое уничтожало любого «партизана», решившего вернуться к нормальной жизни. Баадер, прихватив Майнхоф, отправился к «отступнице». Девушку привезли к заброшенному карьеру и расстреляли.

Весной 1972 года полиция Германии провела грандиозную операцию, в ходе которой было задействовано совершенно невероятное количество агентов – свыше 150 000. Полторы тысячи из них были отправлены во Франкфурт-на-Майне – туда, где, предположительно, скрывался Баадер. Вскоре агентура обнаружила явку главы «Красной армии».

1 июня 1972 года, в семь утра, его арестовали возле гаражей, выстроенных на пустыре рядом с жилым массивом, где террористы хранили оружие. Снайперы, изображавшие рабочих, занятых озеленением территории, потихоньку обыскали гаражи, заменили боеприпасы и взрывчатку муляжами и стали дожидаться хозяев склада. Боевики появились рано утром. Баадер и Майнс вошли в помещение, а Распэ остался в машине. Он оказал отчаянное сопротивление полиции при задержании и успел выпустить почти обойму патронов по «рабочим», но уйти все же не смог. Оставшиеся два террориста решили использовать для прорыва хранившееся в гараже оружие, но обнаружили вместо боеприпасов лишь безобидные игрушки. Для того чтобы ускорить процесс обсуждения «красноармейцами» сложившегося положения, полиция применила гранаты со слезоточивым газом. После использования такого убедительного аргумента в пользу выхода из

помещения, Баадер попытался уйти, отстреливаясь из находившегося при нем пистолета. Почти сразу лидер «партизан» получил пулю в ногу и был вынужден сдаться. Майнсу это «свежее» решение пришло в голову значительно раньше – он даже не пытался сопротивляться группе захвата. (Позднее правоохранные органы использовали этого подручного Андреаса в качестве особо ценного свидетеля.)

Итак, Баадер, Распэ и Майнс были отправлены в тюремные камеры крепости «Штаммгайм» под 24-часовое наблюдение. Несмотря на то что вина обвиняемых не была еще доказана, уже в период следствия к ним относились как к важным государственным преступникам и содержали в одиночных камерах, под потолком которых круглосуточно горели мощные лампы. Спустя шесть дней за решетку угодила и Гудрун Эннслин, которую арестовали в магазине модной одежды. 15 июня к «красноармейцам» присоединилась и Майнхоф. Поначалу Эннслин пыталась объявить голодовку, однако результатом этого акта стало лишь то, что через месяц террористку перевели на принудительное питание.

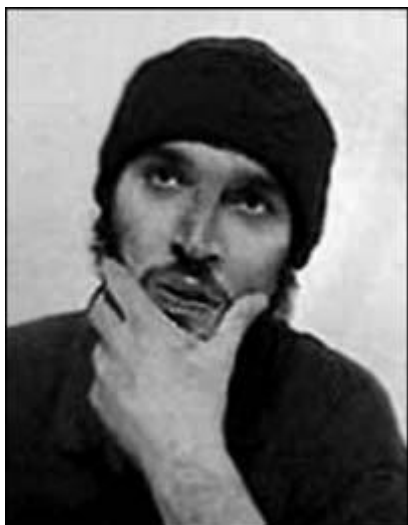
В 1975 году, после трех лет предварительного заключения, начался знаменитый Штаммгаймский процесс над основателями и руководителями «Красной армии». Баадеру предъявили обвинение в пяти убийствах, 55 покушениях, серии грабежей и поджогов. Здесь прокурор явно скромничал: специалисты утверждали, что подсудимому можно смело инкриминировать организацию 100 покушений, в ходе которых 39 человек было убито, а 75 – ранено, и участие в большинстве этих террористических актов. Но судебный процесс буквально топтался на месте еще в течение целого года: от обвиняемых не могли добиться ни одного показания, а Андреас Баадер напрямую заявлял, что он сам и его друзья отказываются признавать законность данного суда. Неизвестно, сколько продолжалось бы такое противостояние, если бы у Эннслин не сдали нервы. Женщина признала свою причастность к серии убийств. Андреасу и его «соратникам» больше не имело смысла запереться. Спустя четыре дня после того, как подруга главы «партизан» стала давать показания, Майнхоф повесилась в собственной камере.

Еще в октябре 1974 года Баадер достаточно ясно дал понять полиции, что складывать оружие он не собирается. Лидер «красноармейцев» передал на свободу свое распоряжение избежавшим ареста подчиненным. В частности, они должны были приступить к захвату и уничтожению «сильных мира сего». В течение трех последующих лет приказ Баадера активно претворялся в жизнь его сторонниками: ими было проведено большое количество похищений и убийств крупных политиков, бизнесменов, чиновников. В 1977 году террористы предприняли попытку обменять Баадера на одного из таких заложников и, получив отказ, убили его, подчеркнув серьезность своих намерений. Кроме того, в поддержку требований боевиков, ратовавших за освобождение главы «Красной армии», на Мальорке был захвачен аэробус с немецкими пассажирами.

18 октября 1977 года Андреас и его помощники были найдены в своих камерах мертвыми. Официальная версия расследования гласила, что «красноармейцам», отбывавшим пожизненное заключение, с воли были переданы заряженные пистолеты, и они, ошеломленные волной террора, причину которого видели в себе самих, решили уйти из жизни... Почти сразу после вынесения этого вердикта среди почитателей Баадера поползли слухи, что самоубийство лидера террористов было инсценировано. На самом же деле неукротимому боевику «помогли» отправиться к праотцам: уж слишком много хлопот доставлял он полиции одним своим существованием. Тем более, что тюрьма для него отнюдь не являлась «безвыходным положением» – своим побегом из предыдущего заключения террорист это наглядно продемонстрировал. Сложно не признать того, что в данном утверждении есть изрядная доля здравого смысла. Ведь действительно Баадер и его «партизаны» ставили своей целью освобождение народа от гнета и насилия, однако их методы борьбы привели только к принуждению и репрессиям. В итоге государство действительно оказалось в тупике: что делать с этими людьми, не было ясно никому, а оставшись в живых, они превращались в этакий дамочлов меч над головой современного немецкого общества. Так что самоубийство Баадера и его друзей, которое произошло при весьма таинственных обстоятельствах, невольно наталкивало на мысль о банальном убийстве... И в самом деле, сложно согласиться с тем, что при такой строгости наблюдения в камеры можно было передать без ведома охраны заряженное оружие. И уж совсем не верится, что Баадер, известный своим безрассудством и отчаянной смелостью, использовал «посылку» для того, чтобы лишить себя жизни, а не для того, чтобы попытаться бежать. Как бы там ни было, правду о смерти лидера «Красной армии» общество, скорее всего, не узнает никогда. Тем более, что практика «самоубийств» среди осужденных террористов распространена не только в немецких тюрьмах. Государственная власть никогда не пренебрегала методами своих оппонентов...

БАРАЕВ АРБИ АЛАУТДИНОВИЧ

(род. в 1973 г. – ум. в 2001 г.)

Чеченский террорист, полевой командир и некоронованный король чеченской работоторговли, руководитель бандформирования. Псевдоним – «Эмир», радиопозывной – «Тарзан».

Арби родился в 1973 году в бедной семье, в станице Ермоловка возле Грозного (ныне – Алхан-Кала). Его отец, не имеющий никакого образования, умер, когда сыну было 11 лет. Спустя два года скончалась и мать. В 1980-х годах на грозненские дискотеки Арби ходил с остро заточенной вязальной спицей и в драке не раздумывая пускал ее в ход вместо ножа. Он с трудом окончил среднюю школу в Урус-Мартане и, как тысячи молодых чеченцев в те годы, был без работы и каких-либо перспектив. Однако его поддержал дядя по материнской линии – Ваха Арсанов, будущий вице-президент Ичкерии и ближайший помощник Аслана Масхадова. В то время Арсанов работал в управлении ГАИ тогда еще советской Чечено-Ингушской республики. Он пристроил молодого племянника в госавтоинспекцию, где тот начинал сержантом, зато на «хлебном» месте – на трассе «Кавказ» при въезде в Урус-Мартан.

Бараев был исключительно предан своему дяде, и вскоре был зачислен в формировавшуюся национальную гвардию, а в 1991 году стал его личным охранником. Потом он перешел в охрану председателя Службы национальной безопасности Ичкерии Султана Гелисханова, бывшего начальника гудермесской ГАИ. Поскольку Бараев был очень развит физически, он стал хорошим телохранителем, и позже Гелисханов передал его в личную охрану тогдашнему вице-президенту Чечни Зелিমхану Яндарбиеву, одному из идеологов «чистого ислама», получившего название «ваххабизм». С этого момента начался взлет бандитской карьеры Бараева.

В начале 1995 года Джохар Дудаев издал секретный указ о создании отряда по захвату российских военнослужащих. Руководитель группы Ваха Арсанов попросил включить в нее своего родственника Бараева. Правда, Арби предпочитал похищать богатых земляков, сотрудничавших с федеральной властью, за которых родственники или федералы платили солидный выкуп.

В составе банды Шамиля Басаева террорист Бараев участвовал в рейде на Буденновск. После гибели Джохара Дудаева ставший президентом Яндарбиев вспомнил о своем бывшем телохранителе и поручил ему формирование Исламского полка особого назначения. Вся первую чеченскую войну Бараев прошел с оружием в руках, а после ее окончания получил заслуженную награду: за храбрость, проявленную в боях с русскими, бывшего сотрудника ГАИ назначили бригадным генералом.

Новоиспеченный генерал активно занялся захватом заложников и работоторговлей. Боевым крещением для него стало похищение двух полковников милиции. Арби потом обменял их на двух своих родственников-рэкетиров, задержанных в Москве. В январе 1996 года на ТЭЦ-2 в Грозном террорист со своими головорезами взял в заложники 29 энергетиков из Ростова-на-Дону. В октябре 1996 года люди Бараева похитили Демельханова – жителя села Гойты. Полученный выкуп – 60 тыс. долларов и иномарку за 100 тыс. – генерал поделил с Яндарбиевым. На

вырученные деньги Бараев содержал свой полк и соорудил специальную тюрьму для заложников в Урус-Мартане и Гойском.

Позже Арби нашел новую «крышу»: его поделщиком и покровителем снова, как и прежде, стал дядя, тогдашний вице-президент Ичкерии Ваха Арсанов. Уже в 1997 году были сотни желающих отомстить Эмиру-Тарзану (так он любил себя называть), особенно в соседней Ингушетии, где он промышлял очень широко. Например, Бараеву была объявлена кровная месть родственниками погибшего сотрудника МВД Ингушетии, ингуша по национальности, захваченного террористами в июле 1997 года на посту «Алмаз-2», на 725-м км трассы Ростов – Баку. Милиционером работорговец обменял на шестерых своих боевиков, арестованных в Ингушетии за похищения людей. Осенью 1997 года на Бараева несколько раз совершались покушения, но неудачно.

С 1997 года Арби начал игнорировать Аслана Масхадова и его власть. А 14–15 июля 1998 года попытка во главе своего отряда спецназовцев захватить Гудермес и ввести там законы «чистого ислама». Но пришельца разгромили местные жители и отряды национальных гвардейцев под командованием братьев Ямадаевых. Масхадов разжаловал генерала Бараева в рядовые, распустил его полк, а ваххабизм объявил вне закона.

Такого унижения бывший бригадный генерал не мог простить даже президенту Ичкерии. 23 июня 1998 года в центре Грозного под джипом Аслана сработала радиоуправляемая мина. Президента спасло от верной гибели бронированное днище внедорожника. В организации теракта наряду с другими лицами подозревался и рядовой Арби Бараев. Только клятва в своей непричастности, которую он дал, положив руку на Коран, спасла его от шариатского суда.

По просьбе неких лиц люди Бараева взяли в заложники и убили троих англичан и новозеландца (четыре отрезанные головы нашли на снегу в декабре 1998 г. на обочине трассы «Кавказ»). Эти инженеры-связисты приехали в Чечню восстанавливать телекоммуникации. Зачем было убивать людей, когда о выкупе в десять миллионов долларов уже договорились, и деньги были на подходе, о чем прекрасно знал Бараев? Позже говорили, что ему заплатили именно за то, чтобы он как можно «круче» разобрался с иностранцами. И деньги ему якобы привезли из белокаменной. Выходит, убийство было выгодно кому-то в столице. Это чудовищное преступление возмутило не только мировую общественность, но даже власти Ичкерии. Масхадов объявил Бараева вне закона, а уважаемый в Чечне полевой командир Руслан Гелаев даже пообещал «лично снять голову» с Арби за убийства и похищения мирных людей. Уже тогда не только официальные власти Ичкерии, но и многие полевые командиры поняли, что мстительный и неуправляемый террорист опасен для всех и с ним пора кончать.

Осенью 1998 года на грозненской площади Минутка джип, в котором находился Бараев, изрешетили из четырех автоматов. Раненый, парализованный Арби впал в кому, хирурги вставили ему два аппарата Илизарова в руку и ногу, удалили селезенку, почку, части легкого и желудка. Ему пришлось заново учиться ходить. (По другим данным, охранник полевого командира Гелаева во время разборки разрядил в экстремиста в упор обойму «стечкина»). Как бы там ни было, поправившись, Бараев публично заявил, что порывает все отношения с Масхадовым и ни в дележе власти, ни в войне больше не участвует. После этого он перебрался в Урус-Мартан, чтобы заниматься бизнесом.

Говорят, Арби торговал «левым» бензином, печатал фальшивые доллары, контролировал несколько рынков на Северном Кавказе и в Москве. Взрыв центрального рынка во Владикавказе в марте 1999 года, когда погибли 64 человека и около 100 получили тяжелые ранения, скорее всего, его рук дело. Возможно, причиной трагедии стал отказ хозяев рынка платить бандиту долю от доходов.

Бараев и его банда, в которую вошла часть воинов расформированного исламского полка, снова занялись захватом и торговлей заложниками, что теперь стало очень выгодным предприятием. Для начала экстремисты похитили полпреда президента России Валентина Власова и получили за его освобождение 15 млн долларов. Работорговля была поставлена, что называется, на поток. Эмир-Тарзан брал в заложники солдат и офицеров, чиновников и коммерсантов, детей богатых родителей, милиционеров, журналистов, сотрудников Красного Креста – всех, за кого можно было получить выкуп. Его головорезы похитили телевизионщиков ОРТ, итальянца Мауро Галлигани, представителя верховного комиссара ООН по делам беженцев в Северной Осетии гражданина Франции Венсана Коштеля и многих других. Мозговым центром и соучастниками работорговли сотрудники следственного комитета при МВД России считали заместителя министра внутренних дел Чечни и нескольких высокопоставленных людей этой республики. Потом прошла информация, что к работорговле Бараева причастны и некие высокие чины с Лубянки.

Арби «прославился» жестокостью по отношению к узникам. Он лично пытал пленных и заложников, добивал раненых. Шокирующие пытки женщин записывал на видео. С января 1995 года террорист собственноручно казнил более 190 человек. Говорят, он изобрел так называемое «чеченское лото». Пленники, приняв упор лежа, отжимались от земли. Тех, кто терял силы, ждала пуля, а победителя – участие в следующем кровавом «тираже». Родственники похищенных и убитых «королем работорговли» людей поклялись отомстить ему. В июне 2000 года они заложили фугас на одной из ингушских дорог близ Чечни, но мина сработала с запозданием, и автомобиль террориста не пострадал.

Вторую чеченскую войну Бараев встретил в Грозном, правда, защищал окруженную столицу недолго. Поняв, что сопротивление бесполезно, со своим отрядом, в который входило, по разным данным, от 300 до одной тысячи человек, он вырвался из кольца и вернулся в родную Алхан-Калу. Террорист по-прежнему отличался особой жестокостью и коварством. Скажем, он публично расстрелял нескольких своих боевиков, обвинив их в краже 500 тыс. долларов, полученных из-за рубежа, которые сам же и прикарманил. В своем селе, как говорят соседи, Бараев спокойно жил, ни от кого не скрываясь. Слухи о связях Арби с высокими чинами неких спецслужб повсюду гуляли по Чечне: слишком уж наглым и неуловимым был этот тип, спокойно проезжавший на своих шикарных джипах через любой российский блокпост. Благодаря связям Бараева с российскими спецслужбами ему удавалось всегда уходить от облав федеральных сил. А потом с помпой отпраздновать свою очередную свадьбу. Его шестой женой стала Зура, которая в октябре 2002 года отправилась мстить за мужа и командовала женщинами-камикадзе во время захвата заложников в театральном центре в Москве на Дубровке.

В июне 2000 года Арби снова объявил войну федералам, создав террористическую группу «Джихад-3». Его двоюродная сестра Хава в начиненном взрывчаткой грузовике въехала на базу российских омоновцев в Алхан-Юрте. От мощного взрыва, помимо самой женщины, погибли 17 военнослужащих, десятки были ранены. Она стала первой чеченской женщиной-камикадзе. Затем последовала целая череда терактов против чеченских чиновников, сотрудничающих с федеральными спецслужбами. Последней акцией Арби Бараева стала серия взрывов в Гудермесе, повлекшая человеческие жертвы. Это и переполнило чашу терпения российских войск – неуловимого экстремиста решили ликвидировать.

Обладая поистине звериным чутьем, террорист довольно умело скрывался, используя около сорока схронов в разных районах и населенных пунктах Чечни. Он не верил никому, даже женщинам, с которыми спал. Часть своих друзей и сподвижников Эмир-Тарзан казнил лично, по одному только подозрению или по навету. Именно из-за того, что его боялись и ненавидели практически все жители, информация о появлении экстремиста в том или ином селе контрразведчикам поступала регулярно.

Однако несколько операций по его захвату ничего не дали, у боевиков был четкий план перемещения из еще не «зачищенных» районов села в те, где «зачистка» уже была закончена. Передвигаясь таким образом, Бараев абсолютно уверовал в свою неуловимость.

Последняя охота на бандита шла с 19 по 24 июня 2001 года. В боевых действиях принимали участие спецподразделения ФСБ и МВД, в частности элитная группа «Витязь» и отряд специального назначения Внутренних войск МВД РФ «Русь». Были уничтожены вплоть до подвалов 23 дома, из которых 20 принадлежали семьям, не имевшим никакого отношения к боевикам (так, во всяком случае, утверждают чеченцы). В акции участвовали десятки вертолетов, сотни единиц бронетехники. Спасаясь, Арби бегал по домам своих многочисленных родственников и по коротковолновой радиостанции просил помощи у других полевых командиров. Но выручить Эмира-Тарзана никто не пришел.

Во время очередной проверки один из спецназовцев, отодвинув шкаф в доме, увидел лаз, из которого сразу ударили из автоматов. Под шкафом находился вход в схрон, оборудованный под домом. Один спецназовец был убит, а офицер и боец ранены. Дом начали расстреливать из бронетехники. В результате ответный огонь автоматов стих, а здание загорелось. На следующий день у забора в тайнике в развалинах кирпича был обнаружен труп Бараева. После судебно-медицинской экспертизы мертвого террориста предъявили журналистам, сняли на пленку, а затем его тело передали родственникам.

Террориста не получилось похоронить как положено. Грузовик с телом Арби у въезда в Алхан-Калу встретили вооруженные чем попало жители села и не пустили на кладбище. Даже в своем родном селе Бараев убил как минимум пять человек: трех руководителей администрации, имама и завуча местной школы. Теще Арби, его последней жене и племяннику Мовсару пришлось разворачивать процессию и ехать в соседнее село Гехи. Когда машины выезжали из Алхан-Калы, вслед покойнику летели камни и проклятия.

Дело Арби Бараева продолжил племянник (мать Мовсара является родной сестрой Арби). Его настоящая фамилия – Сулейманов, но еще при живом дяде – дабы подчеркнуть собственную значимость – он начал пользоваться известной семейной фамилией Бараев.

Мовсар родился в 1979 году в чеченском городке Аргунь. Соседи вспоминают о нем, как о тихом и спокойном ребенке. По словам бывшей учительницы, «он был нежным мальчиком, хорошим учеником». В 11-летнем возрасте его забрал к себе дядя, Арби Бараев, живший в Алхан-Кале, который и воспитал из мальчика жестокого боевика.

Молодой Бараев стал одним из командиров диверсионного батальона, отличавшегося необыкновенной дерзостью и жестокостью. Он успел пройти курс подготовки у «черного араба» Хаттаба. Были сведения, что Мовсар являлся эмиром джамаата Мескерт-Юрта, т. е. главой местных ваххабитов. Он стал одним из лучших боевиков и был назначен личным телохранителем своего дяди Арби. На счету Сулейманова-Бараева несколько взрывов в Грозном, Гудермесе и Урус-Мартане, нападения на колонны федералов и другие преступления. Согласно сведениям чеченской милиции, Мовсар был одним из организаторов теракта в Алхан-Юрте 9 декабря 2000 года, когда взорвался заминированный автомобиль «Москвич-412». Тогда 20 человек погибли и 17 были ранены.

В ходе спецоперации в Грозном у боевика отряда Мовсара Бараева нашли видеопленку. На кассете – запись допроса и пыток двух женщин и мужчины из поселка Андреевская Долина. Террористы требовали от пленников сознаться в сотрудничестве с российскими спецслужбами, потом одной из пленниц отрезали голову. Палачи при этом смеялись и издевались над двумя оставшимися заложниками.

После смерти Арби Бараева в июне 2001 года племянник возглавил его бандформирование. Мовсар заявил, что «продолжит дело своего родственника до победного конца». В первые же месяцы командования он сумел укрепить свои позиции как среди руководства бандформирований, распределяющих деньги, так и среди подчиненных командиров мелких шаек. Ему удалось наладить щедрое финансирование своей банды за счет получаемых от Хаттаба денег. В марте 2002 года Бараев-младший с гордостью сообщил информационному агентству, поддерживавшему террористов, что его боевикам удалось уничтожить 13 российских солдат, но и в его «батальоне» было пять раненых.

Мовсар Сулейманов, так же как и его родственник, из-за своей алчности поссорился с другими полевыми командирами. Говорят, он расстрелял другого вожак, также известного похитителя людей из клана братьев Ахмадовых – Ризвана, забрав у него 45 тыс. долларов. Чтобы обелить себя, Мовсар обвинил убитого в том, что именно он предал Арби Бараева, и навел на него спецназ федеральных сил в июне 2001 года. Сулейманов конфликтовал и с чеченским командиром Усманом Ченчиевым. Причиной послужил самый обычный криминальный передел сфер влияния. Несколько раз федералы говорили как о гибели, так и о задержании Мовсара, однако все эти сообщения не подтверждались. И вот в октябре 2002 года Сулейманов-Бараев объявился в Москве. Перед этим он выступил с заявлением перед кинокамерами «Аль-Джезиры»: «Каждый из нас готов пожертвовать собой ради Аллаха и независимости Чечни. Клянусь Аллахом, мы больше готовы умереть, чем вы готовы жить». А женщина-террористка заявила: «Даже если нас убьют, тысячи наших братьев и сестер, готовые пожертвовать собой, придут вместо нас».

23 октября 2002 года на улице Мельникова, 7, в бывшем Доме культуры Подшипникового завода, а ныне – театральном центре, шел мюзикл «Норд-Ост». Во время второго акта в партер ворвалась группа вооруженных людей в масках. Террористы сделали несколько выстрелов в воздух и приказали всем оставаться на местах. В помещении театра было около тысячи человек. 40 бандитов, очевидно, надели так называемый «пояс шахида» – по примеру арабских террористов-смертников. В каждом поясе – 15 кг взрывчатки. Последствия взрыва сорока бомб могли быть ужасными.

Одному из авторов мюзикла, известному барду Алексею Иващенко и нескольким актерам удалось бежать из гримерки. Позже бандиты выпустили мусульман, группу детей и французского дипломата Катю Иванову-Терьян. Террористы выдвинули требования – прекратить военные действия и вывести российские войска из Чечни. Люди, которых боевики отпустили, утверждали, что заложников избивают. Чеченцы же заявили, что театр заминирован и будет взорван, если российские спецслужбы попытаются взять здание штурмом. Они назвали себя смертниками 29-й бригады, которой командует чеченский полевой командир Мовсар Бараев.

На место происшествия прибыли усиленные наряды милиции, бойцы ОМОНа и СОБРа, а также руководство столичного ГУВД. Операцию по освобождению людей возглавили первые лица ФСБ России. Здание окружили бойцы антитеррористического подразделения «Альфа» и снайперы. Переговоры с российскими парламентариями, в том числе с чеченским депутатом Госдумы

Асланбеком Аслахановым, не принесли никаких результатов. Ночью 24 октября экстремисты освободили девушку, которой стало плохо, двух беременных женщин и 15 детей. Асланбек Аслаханов провел телефонный разговор с главой террористов Мовсаром Бараевым, но это не принесло результатов. Экстремисты выдвинули новое требование – предоставить им крупную сумму денег. Потом убили 20-летнюю девушку, пытавшуюся связаться по телефону со своими родителями.

Двум девушкам удалось бежать из здания. Террористы стреляли по ним из гранатомета и одну заложницу ранили. По официальной версии, после того как 23-летний Мовсар Бараев-Сулейманов и его боевики на рассвете стали убивать заложников, российский спецназ начал штурм здания, в котором находилось около 700 человек. Силовики взорвали тыльную стену и ворвались внутрь Дома культуры. Похоже, большая часть террористов погибла от применяемого газа, а не от пуль. У заложников тоже были отравления, и далеко не всех удалось спасти: погиб каждый десятый – такова цена штурма. По словам представителя органов безопасности, Мовсар Бараев был ликвидирован во время этой акции.

В марте 2004 года в офис премьер-министра Жан Пьера Раффарена и в редакции ведущих французских газет обычной почтой поступили письма. Авторы требовали от правительства отмены закона, запрещающего девочкам в государственных школах носить одежду, подчеркивающую религиозную принадлежность. В случае невыполнения этого ультиматума «слуги Аллаха» обещали «принять жесткие ответные меры». «Мы ввергнем Францию в ужас, пучину террора и угрызений совести», – говорилось в одном из посланий. Подписавшиеся как «коммандос Мосвара Бараева» и называющие себя «слугами Аллаха, всемогущего и мудрого», неизвестные террористы угрожали Франции самыми жестокими акциями в ответ на «вступление в войну против ислама».

Информационное агентство чеченских сепаратистов «Кавказ-Центр» сообщило о том, что осуществить крупные теракты на территории Франции якобы планирует ФСБ России. Во Францию дипломатической почтой уже доставлены 200 кг взрывчатки, которая хранится на территории российского посольства в Париже. В ответ на это Центр общественных связей ФСБ назвал сообщения чеченцев «полным бредом и весенней шизофренией».

На сегодняшний день французские спецслужбы не могут ответить на вопрос, действительно ли существуют террористические группировки, носящие название «Коммандос Мосвара Бараева» и «Слуги Аллаха, всемогущего и мудрого». Остается также невыясненным, почему имя чеченского террориста, убитого во время освобождения заложников в здании московского театрального центра на Дубровке в октябре 2002 года, написано с ошибкой. В одном из писем «коммандос» ведут повествование от лица своего командира, «Мосвара». На самом деле Бараева звали Мовсаром. Экстремисты продолжают его дело, и терроризм непобедим? Однако, по словам министра внутренних дел Франции, эти угрозы не носят «характерного почерка» исламских экстремистов. Несмотря на это, они восприняты властями всерьез. Специалисты считают, что пока рано говорить, действительно ли группировка «Коммандос Мосвара Бараева» готова привести свои угрозы в исполнение.

БЕН ЛАДЕН УСАМА

Настоящее имя – Усама (Осама) бен Мухаммед бен Авада бен Ладен (род. в 1957 г.)

Террорист № 1, известный также по прозвищам Эмир, Муджахил Шейх и Абу Абдалла. «Воин ислама», объявивший джихад Америке. Человек, ставший символом терроризма XX века. Американские службы объявили его умершим и тут же предложили за его голову вознаграждение в один миллиард долларов.

Имя Усамы (Осамы) бен Мухаммеда бен Авада бен Ладена почти 20 лет не дает покоя спецслужбам многих стран и пользуется неослабным вниманием со стороны средств массовой информации. Для западного мира он представляется воплощением чуть ли не всемирного зла. Исламисты же видят в нем героя и борца против «Великого Сатаны», как с легкой руки покойного главы Исламской Республики Иран Рухоллы Мусави Хомейни величают они Соединенные Штаты Америки. К моменту смерти грозного аятоллы бен Ладену исполнилось 32 года и он наверняка успел проникнуться идеями духовного учителя шиитов. Однако политические реалии последних двух десятилетий заставили знаменитого террориста расширить поле деятельности. Если для Хомейни главными врагами были США и Израиль, то Усама объявил войну всем западным странам, так или иначе поддерживающим политику США. Эта война не имеет границ. От нее в первую очередь страдают мирные люди. Такова идейная платформа бен Ладена, как-то заявившего: «Мы не делаем различия между теми, кто одет в военную форму, и теми, кто носит гражданскую одежду. Все они для нас – ходячие мишени». Кровавыми терактами он поставил себя вне закона, но завоевал огромную популярность среди мусульман, проникнутых идеями священной войны, джихада, против «неверных», то есть немусульман.

Пока мир не узнал настоящего имени террориста № 1, Усама бен Ладен был известен под кличками Моджахед, Директор, Хадж, Абу-Абдалла. Информация о нем собиралась крупная за крупницей, пока в общих чертах не стала известна биография руководителя самой мощной из террористических организаций мусульман – «Аль-Каиды». Однако по сей день многое в жизни бен Ладена остается неясным.

«Главный герой» мусульманского терроризма родился 28 июля 1957 года. Местом рождения называют или столицу Саудовской Аравии Эр-Рияд, или Джидду – город, который на протяжении многих веков служил пунктом отправления мусульманских паломников на хадж в Мекку. Детство Усамы прошло на родине ислама – в Хиджазе, провинции Саудовской Аравии. Следует заметить, что эта страна по сей день является теократическим государством исламского толка, где действуют законы шариата; долгое время она была практически закрыта для «неверных». Таким образом, не приходится удивляться тому, что исламские устои Усама впитал, что называется, с молоком матери. По слухам, она действительно отличалась глубокой набожностью. Ее сын с раннего детства проникся идеями ислама и, наряду с этим, отличался агрессивностью и нетерпимостью ко всякому инакомыслию. По словам одноклассников, мальчик уже тогда подстрекал сверстников избивать соучеников, которые, по его мнению, не чтит Аллаха. В 16 лет он стал членом одной из исламских фундаменталистских группировок. А позже служил в шариатской полиции королевства, в обязанности которой входил надзор за соблюдением гражданами государства предписаний шариата. Однако взгляды юноши, очевидно, были слишком радикальными даже для Саудовской Аравии. В полиции он не прижился.

Предками бен Ладена были йеменские крестьяне, перебравшиеся в Саудовскую Аравию. Во время нефтяного бума семья сумела разбогатеть на строительстве зданий и дорог. К моменту рождения Усамы его отец Мухаммед бен Ладен, пройдя путь от чернорабочего до преуспевающего бизнесмена, стал крупным строительным магнатом, был связан с королевской семьей и, конечно, имел несколько жен. Всего у него было 52 ребенка. Усама был единственным сыном десятой жены. Это, однако, никак не отразилось на его благополучии. Мальчика воспитывала гувернантка. Он общался только с детьми из аристократических семей, за что получил среди домашних прозвище Принц. В 1979 году после гибели отца в авиакатастрофе наследство было разделено между 20 сыновьями Мухаммеда. Часть Усамы составила 80 млн долларов.

Позже Усама закончил факультет экономики и менеджмента университета имени короля Абдель Азиза в Джидде. Там он познакомился со знаменитым шейхом Абдаллой Аззамом, который оказал огромное влияние на молодого фанатика. Именно он был духовным лидером так называемых «афганских арабов», которые уже тогда успели совершить несколько кровавых терактов по всему миру.

В 1989 году Абдалла Аззам и его семья стали жертвами неизвестных лиц, подоживших взрывчатку в их машину. Преступники так и не были найдены. Однако в смерти «учителя» больше всех был заинтересован именно бен Ладен. Теперь лидерство среди «афганских арабов» перешло к нему.

Сразу после окончания университета Усама отправился в Афганистан. Королевская семья, которая поддерживала здесь мусульманские антиправительственные группировки, сделала его своим представителем в этой стране. В январе молодой человек, которому едва исполнился 21 год, объявился в пакистанском городе Пешаваре, имея под началом 2 тыс. молодых арабов, стремившихся поучаствовать в джихаде против советских войск. Действуя на территории Афганистана, этот отряд прославился особой жестокостью в отношении советских военнопленных и торговлей наркотиками. А командир освоил военное дело и несколько раз выступал посредником при передаче денег афганским антиправительственным группировкам от разведок Пакистана. С первых же шагов командир-миллионер заслужил уважение в среде моджахедов^[1]. Он отказался от личного оружия и заявил, что захватит его в бою. Это обещание Усама выполнил.

По-видимому, бен Ладен был тесно связан с саудовскими спецслужбами. Известно, что по поручению принца Турки аль-Фейсала, который руководил спецслужбами королевства, он передавал моджахедам огромные пожертвования. Проценты от посреднических услуг оставались в карманах у королевского представителя. Идеи идеями, а бизнес есть бизнес. Бывший спецгент всегда выступал в роли прекрасного бизнесмена.

Отправившись «на дело», Усама привез с собой строительную технику. С ее помощью он занялся прокладкой туннелей под границей между Пакистаном и Афганистаном. Именно по ним в Афганистан проникали моджахеда и доставлялось оружие. По некоторым данным, он участвовал и в работах по созданию системы подземных укреплений в горах, которые через несколько лет, вероятно, позволили ему избежать американского плена. На саудовские деньги Усама вербовал добровольцев и организовал для них военно-тренировочные лагеря на юге Судана, в Пешаваре и Афганистане. Примерно в это же время будущий террорист пошел на контакт с сотрудниками ЦРУ, которые вышли на него через египетского шейха Омара Абдурахмана.

Приняв участие в осаде Джелалабада, которая послужила толчком для вывода советских войск из Афганистана, бен Ладен вернулся домой. В одном из последних сражений разорвавшаяся неподалеку граната лишила его одного глаза. Залечив рану, он обратился к бизнесу. Дело отца Усаме удалось значительно расширить, добавив к своему состоянию целый ряд крупных фирм в арабских странах, Германии и Великобритании. Однако вскоре герой афганской войны впал в немилость. По одной из версий, королевскому дому не понравилась критика бен Ладеном проводимой им политики, обвинения правящей элиты в коррупции и отходе от норм ислама. Усама отрицательно отзывался о размещении на святой саудовской земле сил антииракской коалиции перед операцией «Буря в пустыне», поэтому подвергся преследованиям. В 1994 году его к тому же лишили саудовского гражданства: ко всему прочему, он взял на себя ответственность за взрывы на американских военных базах в Эр-Рияде и Дахране. Террористу пришлось перебраться в соседний Судан.

Однако строительная компания семейства бен Ладен спокойно продолжала работать, выполняя важный для правительства заказ по расширению Святой Мечети в Мекке и Мечети Пророка в Медине. Он начал реализовываться еще в 1984 году и считался одним из самых масштабных проектов XX в. Проценты со строительных подрядов семьи продолжали поступать на счета ее отпрыска, очень авторитетного в исламистских кругах и широко известного в

мусульманском мире. Кроме того, американская разведка утверждает, что Саудовская Аравия продолжала передавать бен Ладену средства на его террористическую деятельность, хотя внешне они выглядели врагами.

В Судане на берегу Голубого Нила у бен Ладена была ферма. Здесь он и обосновался, занимаясь вроде бы сугубо мирным делом: выращивал подсолнухи и экспортировал семечки в Италию. Позже построил кожевенный завод, продукцию которого сбывал на Апеннины, строил шоссе. Любопытно, что оно соединило город Порт-Судан, расположенный на берегу Красного моря, со столицей Саудовской Аравии, куда опальному бизнесмену доступа как будто бы не было.

В Судане у него были влиятельные друзья. В стране в 1989 году власть захватил генерал аль-Башир. Он поддерживал Национальный исламский фронт, претендовавший на роль авангарда исламского фундаментализма. С его лидером Хасаном Тураби бен Ладен поддерживал тесные отношения. Безусловно, ферма служила лишь прикрытием для совершенно иной деятельности – оказания поддержки исламским террористическим организациям везде, где они существовали, а бизнесом глава исламского терроризма никогда не переставал заниматься. Вскоре при его активном участии в Европе и США через подставных лиц были зарегистрированы различные организации, через которые Усама осуществлял свои идеи.

А планы экстремистского лидера мусульман были огромны. Будучи последователем вахабитов, западную цивилизацию он рассматривал как ущербную и развращенную. Усама вынашивал идею создания «Объединенного исламского государства», в которое должны были войти 50 государств Азии, Африки и даже Европы. Наряду с типично мусульманскими странами в его списке фигурировали бывшие советские республики, Албания, Босния, даже Израиль и Армения, чьи религиозные устои к исламу никакого отношения не имеют. Потом экспансия ислама должна будет осуществиться на территории Северной и Южной Америки, Австралии и даже Гренландии. Таким образом, к 2100 году всю планету предполагалось превратить в единое мусульманское государство – халифат со столицей в Саудовской Аравии. При этом ислам как самая молодая, а значит, по его мнению, самая правильная из религий, должна была распространиться по всему миру.

Однако для простых мусульман ставились более конкретные, близкие и понятные цели. Необходимо было стремиться к свержению светских режимов в арабских государствах, чтобы установить там режим исламского права, то есть шариата. Самой главной задачей должна была стать борьба с Соединенными Штатами и странами, которые их поддерживают. Прежде всего, планировалось изгнание их войск из Персидского залива. Военное присутствие этих стран рассматривалось как американский крестовый поход против мусульман. Отдельной целью ставилось уничтожение Израиля.

В 1988–1989 годах бен Ладен организовал и возглавил интернациональную террористическую организацию «Аль-Каида», что в переводе означает «основа», «фундамент»^[2]. Она и была призвана выполнять все перечисленные задачи путем создания новых террористических исламских образований и радикализации уже существующих. На ее становление и развитие ушло несколько лет.

Сейчас организация насчитывает от 3 до 7 тыс. членов. Ударной силой «Ай-Каиды» являются ветераны афганской войны. Она представляет собой крупное интернациональное объединение, поскольку среди ее боевиков числятся граждане Алжира, Боснии, Египта, Саудовской Аравии, Сирии, Сомали, Палестины, Туниса, Уганды, Чечни, Эфиопии, Эритреи, Филиппин. Для их обучения создано несколько тренировочных лагерей в Афганистане, Сомали, Кении и Пакистане.

Организационно детище бен Ладена построено по принципу строгой иерархии. Всю структуру знает только глава и создатель «Аль-Каиды». В случае его гибели место руководителя займет следующий по списку из лидеров организации. Руководители и боевики отдельных отрядов не знают, где находятся остальные члены организации. Считается, что ячейки «Аль-Каиды» существуют по всему миру. При этом называют от 35 до 85 стран.

Однако вернемся в Судан, где пока еще пребывает герой этого очерка. Его деятельность не могла оставаться незамеченной. В середине 1990-х годов США и их сторонники развернули в ООН широкую кампанию по обвинению этой страны в поддержке международного терроризма. В 1996 году правительство Судана вынуждено было потребовать от бен Ладена прекращения деятельности на его территории, и он перебрался в Афганистан. Однако подготовка террористов на территории Судана не прекратилась. Учебные лагеря, готовящие боевиков, продолжали действовать под видом исламских больниц, мечетей и школ. Усама по-прежнему их финансировал.

Известно, что в июне 1996 года бен Ладен во главе 400 боевиков вновь появился в Пешаваре. В боевом отряде находились и два его сына – Омар и Саадат. Старшему исполнилось 17, младшему – 15 лет. Оттуда группа перебазировалась в Афганистан и присоединилась к фундаменталистскому движению «Талибан». Именно благодаря финансовой поддержке бен Ладена талибам удалось так быстро захватить большую часть Афганистана. Незадолго до решающего наступления на Кабул в сентябре 1996 года он пожертвовал им 3 млн долларов. На эти деньги было приобретено оружие и подкуплены командиры правительственных войск. Альянс был подкреплен и родственными связями – за лидера талибов Мухаммеда Омара террорист выдал одну из своих дочерей.

Семья бен Ладена, состоящая из 4 жен (одна из них филиппинка) и 13 детей, обосновалась на вилле в Кандагаре. Усама зарабатывал деньги на строительных работах и торговле наркотиками. Его капитал к тому времени составлял уже 300 млн долларов. Однако не возрастание его было основной задачей террориста.

Вначале Усама и его боевики расположились в Джелалабаде, а потом перебрались в одну из горных деревень на юге страны к востоку от Кандагара. Там они и организовали штаб. Маленькую мазанку оснастили ультрасовременной техникой – компьютерами, факсами, сотовыми телефонами. По ночам в сопровождении вооруженной охраны на бронетранспортерах Усама время от времени наезжал в Кандагар. Его телохранители были вооружены американскими ракетами «Стрингер», способными противостоять неожиданным авиационным налетам.

Находясь в Афганистане, бен Ладен мог осуществлять свою деятельность совершенно безнаказанно. Талибы, захватившие власть на большей части территории страны, создали для этого все условия.

В афганской провинции Нангархар был организован очередной лагерь по подготовке террористов. Затем Усама занялся мощным комплексом военных баз и тренировочных лагерей «Завакили аль-Бадр», созданным им еще во время первого пребывания в Афганистане. Здесь готовились командиры, пропагандисты, специалисты по минно-взрывному делу, разведке и связи. Были установлены контакты с вождями пуштунских племен юга и юго-востока Афганистана.

Не оставил бен Ладен без внимания и соседние страны. Именно тогда под его влияние подпала наиболее экстремистская часть «Объединенной таджикской оппозиции». Особенно его интересовали исламские группировки в европейских странах и США. По данным ЦРУ, бен Ладен выделил крупную сумму в поддержку таких организаций, существующих в Бруклине, Нью-Джерси и Детройте. Иногда он выезжал и за рубеж. Известно, что в июне 1996 года главный спонсор терроризма принимал участие в конференции исламских террористических организаций в Тегеране, которая проводилась под патронатом иранского разведывательного управления.

В 1998 году Усама опубликовал фатву (фетву) – воззвание к мусульманам с призывом уничтожить американцев и их союзников – как военных так и гражданских. А в фатве 1999 года потребовал от правоверных убивать американских налогоплательщиков за то, что их средства расходуются на военные операции в арабских странах. К тому времени на счет бен Ладена уже накопился целый ряд крупных террористических актов. С 1998 года США внесли его в список 10 самых опасных преступников мира.

В этом же году американцы получили информацию, что Усама находится в одном из тренировочных лагерей на территории Афганистана, и обрушили на лагерь крылатые ракеты. Однако за 2 часа до этого они все же сообщили правительству Афганистана о готовящейся операции. Конечно, бен Ладена предупредили. В правительстве у террористов были свои люди, которые помогли ему спастись.

И вот грянули события 11 сентября 2001 года. Самый крупный в истории теракт тут же был приписан деятельности «Аль-Каиды», а Усама бен Ладен объявлен врагом Соединенных Штатов № 1. В октябре 2001 года США и их союзники начали на территории Афганистана военную операцию, закончившуюся разгромом талибов. Одной из главных целей операции был захват Усамы бен Ладена. Однако всей мощи самой сильной из мировых держав не хватило для того, чтобы поймать террориста. Каждый день средства массовой информации предлагали разные версии о том, где находится Усама. Нельзя сказать, что все они были ложными. Скорее всего, террорист прятался в горном укреплении Тора Бора вблизи Джелалабада. Во всяком случае, это подтверждают данные радиоперехватов.

Тора Бора представлял собой вырытый в горе лабиринт из туннелей, бункеров, хранилищ, арсеналов, жилых помещений, пунктов связи, оснащенных современной техникой. Его длина составляла 25 км! К укреплению вела единственная дорога между отвесными скалами и пропастью, на которой были расставлены ловушки. 16 декабря 2001 года американцам наконец

удалось овладеть неприступной крепостью. Однако эту победу можно рассматривать как полное фиаско американской военной машины. В ходе операции удалось захватить лишь несколько десятков раненых. Большая часть защитников ушла через горы в «зону племен» между Афганистаном и Пакистаном, где действовали только племенные законы «пуштунвали», которые предписывали не только принять гостя, но и защищать его от опасности.

Что же касается вождя террористов, то он исчез из крепости еще раньше. Во время охоты за ним Усама использовал незамысловатый трюк. По словам попавшего в плен его личного охранника, марокканца Абдаллы Табарана, более известного по кличке Абу Омар, бен Ладен передал ему свой спутниковый телефон. Время от времени Омар звонил по нему, направляя погоню по ложному следу.

С тех пор местонахождение вождя террористов не известно. Он стал самым неуловимым человеком в мире. Время от времени появляются сообщения о том, что Усама находится у пуштунских племен, на границе между Афганистаном и Пакистаном, или в самом Пакистане. Называют даже пакистанскую столицу Исламабад. По другим источникам, бен Ладен перебрался на родину отца, в глухую йеменскую провинцию Хадрамут. Иногда появляются видео- или аудиозаписи, в которых Усама передает очередное сообщение миру с угрозами новых масштабных терактов. Особенно урожайным в этом отношении был 2003 год. Видимо, американцам нужно было оправдать нападение на Ирак.

В феврале агентство «Аль-Ансаар» (Бирмингем) объявило о приобретении видеозаписи, где Усама якобы пообещал в 2003 году погибнуть как мученик. Слова: «Я молюсь за то, чтобы погибнуть не под зеленым знаменем в гробу, но во чреве орла...» истолкованы как намерение погибнуть при совершении грандиозного теракта в Америке. Этого, однако, не произошло. Скорее всего, данную информацию следует рассматривать как очередную «утку».

Одно из самых интересных сообщений касается того, что в апреле Усама провел в горах Афганистана самую крупную после 11 сентября встречу международных мусульманских террористов. Если эти данные соответствуют действительности, то бен Ладен продолжает активно руководить организацией. Ходят слухи, что он регулярно направляет своим единомышленникам и соратникам записки и дискеты с указаниями. Материалы передаются через многочисленных курьеров, которые не знают, что именно передают. Перед такой системой, невзирая на ее примитивность, средства электронной разведки оказываются бессильными.

Итак, бен Ладен продолжает действовать. Но так ли велика его роль в эскалации мусульманского терроризма, как представляется американцам, утверждать трудно. Недаром высказываются мнения, что бен Ладен является агентом ЦРУ, а «Аль-Каида» – детище американских спецслужб. Приводятся данные о том, что брат Усамы до самого последнего времени поддерживал тесные коммерческие связи с братом президента Буша, что компания «Microsoft» не единожды оказывала финансовую поддержку террористам через разные благотворительные организации. Правда, в оправдание приводятся соображения, что компания не могла знать, куда направляются ее средства. Однако выглядит это не слишком убедительно.

Но самой любопытной является информация о том, что на видеозаписях, которые показывали на весь мир после терактов 11 сентября, изображен не бен Ладен, а актер и певец Мохаммед бен Юсуф, известный по участию в нескольких «мыльных операх». Более того, анализ записей свидетельствует о том, что сняты они не в Афганистане, а в пещерах Маккрам-Суяз на Синайском полуострове и на плато в штате Невада. Спецслужбы отговорились тем, что Усама якобы использует двойников. Однако вся эта история наталкивает на мысль, что правительству США просто необходимо было найти козла отпущения. Вот им и стал Усама бен Ладен. Сейчас за помощь в его задержании правительство США обещает выплатить 25 млн долларов. Еще 2 млн предлагают неправительственные организации. Желающих, однако, пока не нашлось. К тому же поимка или гибель мусульманского экстремиста все равно не прольет свет на одну из самых масштабных дезинформаций начала нового тысячелетия, каковой, возможно, является фигура Усамы бен Ладена, ставшего самым знаменитым террористом в истории человечества.

БЛЮМКИН ЯКОВ ГРИГОРЬЕВИЧ

(род. в 1898 г. – ум. в 1929 г.)

Террорист, убийца германского посла в России графа Вильгельма Мирбаха в 1918 году, чекист, разведчик.

В 1920-е годы Блюмкин был одним из самых знаменитых людей России. Ему посвящали стихи Сергей Есенин, Николай Гумилев, Вадим Шершеневич.

Блюмкин появился на свет в марте 1898 года в Одессе. По другим данным, он родился в г. Сосница на Черниговщине, а чуть позже его семья вернулась в Одессу. По старой еврейской традиции на восьмой день мальчику дали имя: Симха-Янкель. Отец, приказчик Гирш Блюмкин, рано умер от сердечного приступа. Рос Янкель болезненным, денег в семье катастрофически не хватало. Мать, заботясь о будущем восьмилетнего сына, отдала его в бесплатное начальное духовное училище – Первую одесскую Талмуд-тору. Ею руководил один из крупнейших знатоков Библии и древнееврейских авторов, писатель Шолом Яков Абрамович (более известный под псевдонимом Менделе-Мойхер-Сфорим) – основоположник современной еврейской литературы.

Окончив училище, Янкель поступил на службу учеником в электротехническую мастерскую Ингера. Монтируя электропроводку в частных домах и конторах, он получал по 30 коп. в день, а ночью подрабатывал в трамвайном парке. В 1915 году юноша примкнул к партии социал-революционеров, или попросту эсеров. Он посещал их собрания, а также водил дружбу с одесскими анархистами. Уже тогда, в столь юном возрасте, за Яшей тянулся шлейф дурных историй и утвердилась слава жестокого человека. Вместе со знаменитым Мишкой Япончиком он занимался грабежами. Во время службы в торговой компании у некоего Перемена будущий террорист за крупное вознаграждение умело подделывал подписи чиновников. По Одессе поползли слухи о молодом брюнете, который помогал увильнуть от службы в армии. Брюнетом с левым «лисьим» глазом заинтересовалась уголовная полиция. Яков свалил все на своего начальника: мол, это по его требованию он занимался подделкой справок. Перемен, ошарашенный наглостью своего работника, подал на него в суд. Блюмкин проконсультировался у адвоката, можно ли дать судье взятку. Но судьей оказался один из самых честных и принципиальных юристов Одессы. Яша все же купил небольшой подарок и отправил его служителю Фемиды. Каково же было удивление полиции и адвоката, когда молодой проходимец выиграл безнадежный процесс! Позже Блюмкин хвастал, что в отосланный судье презент он вложил визитную карточку своего начальника.

В 1917 году Яша переехал в Харьков. Местные эсеры отправили его проповедовать их идеи в Симбирск, на родину В. И. Ленина. В январе 1918 года социал-революционер записался в Первый Одесский добровольческий железный отряд при штабе шестой армии Румынского фронта. Двадцатилетний боец участвовал в сражениях с войсками Петлюры, штыком и пулей устанавливал советскую власть в нынешнем Приднестровье и в Одесской губернии. За боевые подвиги его ввели в Военный совет армии в качестве комиссара, а в апреле 1918 года Яков стал начальником штаба армии.

И тут опять произошла неприятная история. Блюмкину было поручено экспроприировать деньги в госбанке. Умелый налетчик, а ныне – красный командир, захватил четыре миллиона рублей, предложил взятку в десять тысяч командарму, столько же запросил себе, а остальные

деньги был согласен передать на нужды партии. Проходимца припугнули расстрелом, и он отдал три с половиной миллиона, а с полумиллионом сбежал. «Всплыл» Яша в Москве, где его приютили товарищи по партии. Якова Григорьевича зачислили в охрану ЦК партии левых эсеров, а с мая 1918 года он стал работать в ВЧК. Бывший налетчик, полиглот вскоре занял кресло руководителя отдела по борьбе с международным шпионажем. Надо отметить, что некоторые разработки Блюмкина до сих пор используются в работе спецслужб.

Работа в ВЧК сделала его еще более тщеславным. В разговорах со знакомыми Блюмкин выдавал себя за человека, наделенного полномочиями решать, жить человеку или умереть. А своим новым московским приятелям Сергею Есенину и Осипу Мандельштаму будущий террорист не раз предлагал посмотреть, как в подвалах расстреливают контрреволюционеров. Шефу ВЧК Дзержинскому нравился молодой чекист, под него планировались операции, которые максимально могли задействовать его природные качества – авантюризм и изворотливость, умение без грима изменять свою внешность, превращаясь из молодого человека в старика, и наоборот.

Дипломатам Германии в Москве стало известно, что 24 июня 1918 года ЦК партии левых эсеров вынес смертный приговор немецкому послу – графу Вильгельму Мирбаху. Они официально обратились в ВЧК с просьбой обеспечить его безопасность, однако никакой реакции с Лубянки не последовало. Четвертого июля, в день открытия V Съезда Советов, эсеры приняли решение привести приговор в исполнение. По их мнению, это было единственной возможностью сорвать невыгодный для России Брестский договор, заключенный Лениным с Германией в счет платы за помощь ему в захвате власти в России. Исполнителями теракта назначили Якова Блюмкина и Николая Андреева, фотографа ВЧК.

Яков понимал – наступил его звездный час. В любом случае его имя останется в истории России. Используя свое служебное положение, он собирал информацию о графе и неожиданно вышел на его племянника, офицера Роберта Мирбаха, бывшего в то время в русском плену. Изошренные способы допроса и психологического воздействия позволили Блюмкину взять с него подписку о сотрудничестве с ВЧК, а потом завербовать и нескольких немецких дипломатов. От них он узнал план помещений посольства и постов внутренней охраны. Детали операции обговаривались в кабинете Дзержинского с заместителем «железного Феликса», чекистом эсером Александровым.

Мирбах добился в Берлине очередных миллионов марок для поддержки большевистского режима в России, с вождями которого давно поддерживал тесные контакты. (Фамилия графа значилась в секретных документах еще со времен подготовки немецким генштабом большевистского переворота в России.) Однако вскоре ему стало известно, что Ленин ведет двойную игру и Москва якобы стала тайно заигрывать с Францией, к тому времени в полной мере ощутившей сокрушительные удары высвободившихся на Востоке германских войск. Только вступление России в войну могло спасти Францию от поражения. Париж обещал Кремлю крупнейшие субсидии, если будет сорван Брестский договор. Мирбах начал лихорадочные поиски путей нейтрализации закулисной сделки большевиков. Ему необходимо было найти такого лидера, который бы мог возглавить новое правительство России, но при этом твердо держал бы слово. С его помощью граф собирался убрать Ленина с политической арены. Но так как в большевистском стане таких не нашлось, посол обратил свой взор к правым партиям. Не исключено, что, прознав о ленинском двурушничестве, Вильгельм мог намекнуть Владимиру Ильичу, что если тот не одумается, то он предаст гласности всю подноготную Октябрьского переворота.

Ранним утром шестого июля 1918 года Блюмкин пришел в ВЧК, взял бланк мандата и уполномочил себя вести переговоры с германским послом. Подпись Председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Феликса Дзержинского он умело подделал, печать поставил эсер Александров. В 14.15 темного цвета «паккард» остановился у особняка германского посольства в Денежном переулке Москвы. Выйдя из машины, Блюмкин приказал шоферу не глушить мотор. Вместе с ним пошел его однопартиец Андреев. Советнику посольства Бассевитцу Яков Григорьевич показал поддельный мандат и потребовал личной встречи с послом Мирбахом. Его провели через вестибюль в гостиную и предложили подождать. Немцев и тут подвела их законопослушность. Посол, наслышанный о готовящемся покушении, избегал встреч с посетителями, но, взглянув на мандат и узнав, что прибыли официальные представители советской власти, решил выйти к ним в сопровождении первого советника посольства Карла Рицлера и военного атташе лейтенанта Леонграта Мюллера. Ведь Блюмкин, а это было им хорошо известно, являлся начальником контрразведки ВЧК.

Яков предъявил графу бумаги, которые красноречиво говорили о шпионской деятельности на территории России его племянника. Мирбах заметил, что ему безразлична судьба Роберта. Тогда Андреев поинтересовался, не хочет ли граф узнать о мерах, которые собирается предпринять

советское правительство. «Да, господин посол, вы желаете это знать?» – повторил вопрос Блюмкин. Его слова были сигналом для обоих террористов. Яков выхватил из портфеля револьвер и произвел несколько выстрелов по Мирбаху, но попал в советника и атташе. Тяжелораненые Мюллер и Рицлер повалились на пол. Граф, вскочив с кресла, бросился в зал. Андреев побежал за ним и бросил ему под ноги бомбу, но она не взорвалась. Тогда он сильным ударом сбил посла с ног, затем резко отскочил от него. Блюмкин в это время подобрал бомбу, поправил детонатор и бросил ее в Мирбаха. Раздался взрыв, посол, обливаясь кровью, упал на ковер. Он был смертельно ранен в голову, лежал в луже крови. Якова взрывной волной отбросило на несколько метров. Оставив на столе шляпы, мандат и портфель с запасным взрывным устройством, террористы выпрыгнули в разбитое взрывом окно. Николай через несколько секунд уже был в машине. Блюмкин же приземлился неудачно и повредил ногу. Он с трудом карабкался через ограду, и сотрудник посольства прострелил ему ягодицу. Террорист прыгнул на тротуар, хромя, побежал к автомобилю и ввалился в салон. Вскоре «паккард» въехал во двор особняка Морозова в Трехсвятительском переулке. Там размещался штаб отряда ВЧК под командованием левого эсера матроса Д. Попова. Блюмина быстро остригли, сбрили бороду, переодели в красноармейскую форму и положили в лазарет. Спустя полчаса Дзержинский, Чичерин, Троцкий и Свердлов узнали о теракте. Председатель ВЧК доложил Ленину о вероятном убийце Якове Блюмкине и о том, где он может прятаться. «Только, – отметил шеф ВЧК, – по описанию внешность его и убийцы не совпадают». Двадцатилетнего террориста Мюллер, оставшийся в живых, принял за тридцатипятилетнего мужчину. Чекист № 1 тогда еще не знал, что Яков, не применяя грима, мог старить и молодить свое лицо в течение нескольких секунд. Эта особенность не раз спасала ему жизнь.

Как потом свидетельствовал нарком просвещения А. Луначарский, сразу же после покушения на Мирбаха Ленин в его присутствии отдал по телефону очень интересный приказ об аресте убийц: «Искать, очень тщательно искать, но не найти». Осень 1918 года Блюмкин провел в Петрограде. По указанию Дзержинского местные чекисты надежно спрятали его – после нашумевшего убийства за голову террориста немцы посулили бешеные деньги.

Затем чекиста послали в Украину, где он под именем Григория Вишневого вел революционную пропаганду, готовил покушение на гетмана Павла Скоропадского, спровоцировал несколько восстаний в Киевской и Полтавской губерниях. Когда же Красная Армия вступила в Киев, в 1919 году Яков Григорьевич явился с «повинной» к председателю местной ЧК Лацису. 16 мая 1919 года Президиум ВЦИК специальным постановлением, «учитывая добровольную явку Блюмкина и подробное объяснение обстоятельств убийства германского посла», амнистировал его. Ленин не очень и сердился на террориста – ведь Мирбах слишком много знал компрометирующих подробностей о Владимире Ильиче. Вскоре по рекомендации «железного Феликса» решением Орготдела ЦК РКП(б) Яков Григорьевич стал членом компартии большевиков.

Левые эсеры, к которым некогда примкнул Блюмкин, за отступничество приговорили бывшего однопартийца к смерти. Они стреляли в него из револьвера, но Яков был только ранен, и его отвезли в больницу. Там террористы-эсеры бросили бомбу в окно палаты, но за несколько секунд до взрыва Блюмкин успел выпрыгнуть в окно. После этого на него покушались еще несколько раз, но неудачно.

В июне 1920 года палача и террориста послали в Северный Иран, чтобы он разобрался в тамошней непростой политической ситуации. Под видом дервиша Яков проник в Персию. Выдавая себя за личного друга Троцкого, Дзержинского и вообще всех сильных мира сего, он разработал и подготовил государственный переворот. Уже через четыре месяца Блюмкин осуществил революцию в северных провинциях страны, провозгласил Гилянскую советскую республику и стал членом ЦК Компартии Ирана.

Москва поощрила инициативного и удачливого большевика, наградив боевым орденом и зачислением в Академию Генерального штаба РККА. Компартия выделила террористу четырехкомнатную квартиру на Арбате. Здесь часто собирались представители богемы и партийные бонзы, например Лев Троцкий, который подружился с Блюмкиным и сделал его потом своей правой рукой, и Сергей Есенин, которого «товарищ Блюмочка» называл «террористом в поэзии». Захаживали сюда и Осип Мандельштам (его Яков любил пугать расстрелом), Владимир Маяковский, Николай Гумилев и многие другие. Хозяин роскошной квартиры публиковал свои очерки в журнале «Огонек» под псевдонимом «Я. Сущевский» и писал стихи, говорят, неплохие. Их любил Гумилев, боготворивший палача и называвший его «ангелом ада». У Блюмкина всегда было что выпить и чем закутить, с Востока он привозил наркотики и дорогие вещи, к нему липли женщины, террорист иногда предлагал им заняться любовью на трупах расстрелянных контрреволюционеров. Такая богемная жизнь привела Блюмкина к зависимости от алкоголя и наркотиков. Тогда же он женился на Татьяне Файнерман, дочери известного толстовца Тенеромо. Потом его женой была Нина Сац, убитая при загадочных обстоятельствах. Якова подозревали в

организации по заданию Троцкого убийства «антисоветчика» Сергея Есенина. Как вспоминал дворянин, а позже большевик и многолетний зэк ГУЛАГа Николай Леонтьев, они с Блюмкиным сначала задушили поэта, а потом с целью инсценировки самоубийства повесили тело Сергея на ремне от его штанов.

На Кавказе террорист принимал участие в подавлении антисоветских мятежей и сдружился с Берией. В 1922 году Якова отозвали из Академии РККА и направили в секретариат наркома по военным делам для выполнения особых поручений Л. Д. Троцкого. В октябре 1923 года Ф. Дзержинский перевел террориста в иностранный отдел ОГПУ на должность главного инструктора государственной внутренней охраны Монголии и руководителя советской разведки в Тибете, Монголии и северных районах Китая. Новый начальник очень скоро подмял под себя всю советскую миссию в Улан-Баторе и жил в свое удовольствие. В первую очередь его интересовали женщины, кокаин, алкоголь и новые авантурные приключения.

В 1924 году Москва попыталась разгадать тайну страны чародеев Шамбалы, расположенной, согласно легенде, в глубине Азии, в труднодоступных горах на границе Индии, Афганистана и Тибета. Большевики, а позже и руководители фашистской Германии хотели овладеть уникальными знаниями и получить доступ к неисчерпаемым источникам психотропной энергии для управления большими массами людей. Кремлевская верхушка мечтала устроить в Тибете социалистическую буддийскую федерацию как один из эпицентров мировой революции. Началось все с Блюмкина, который еще в 1918 году случайно побывал в Петрограде на лекции ученого-биолога, автора мистических романов Александра Васильевича Барченко и захотел сам стать первым обладателем секретных знаний Шамбалы. Для этого он разработал план и стал претворять его в жизнь.

В ноябре 1924 года Яков Григорьевич в Москве сообщил Барченко, что его опыты по телепатии заинтересовали органы ОГПУ, и попросил написать отчет об этом на имя Дзержинского. Главный чекист России, заинтригованный устным рассказом террориста, передал документы сотруднику секретного отдела ВЧК Я. Агранову. В личной встрече ученый рассказал тому не только о своих опытах, но подробно изложил теорию существования замкнутого научного коллектива в Центральной Азии и проект установления контактов с обладателями его тайн. Агранов был потрясен. Дело завертелось, была создана нейроэнергетическая лаборатория (один из главных государственных секретов Советской России). Она занималась всем: от гипноза, НЛО и «снежного человека» до изобретений, связанных с радиопеленгацией. Перед учеными лаборатории для начала ставилась цель: научиться посредством телепатии читать мысли противника на расстоянии, снимать информацию с мозга собеседника взглядом, управлять поведением толпы. Параллельно занялись поисками Шамбалы, на экспедицию в Гималаи правительством были выделены огромные по тем временам деньги – 600 тыс. долларов. Посредством интриг Яков сумел столкнуть лбами две враждующие группировки ВЧК и сделать так, чтобы вместо огромной экспедиции послали в Тибет его одного с имеющимися секретными документами и картами. Отдел иностранной разведки в строжайшей тайне поручил Блюмкину отыскать загадочную Шамбалу и установить с ней контакт с целью использования ее непревзойденных знаний и умений для мировой революции. Сам же Яков хотел стать единоличным обладателем уникальных навыков для управления людьми.

17 сентября 1925 года «монгольский лама» присоединился к экспедиции художника и философа-мистика Николая Константиновича Рериха. Она двигалась в район предполагаемого нахождения Шамбалы. Лама Блюмкин незаметно наносил на карту тропы, погранпосты, заграждения, коммуникации, высоты, метраж участков дорог. Вместе с экспедицией террорист посетил более 100 тибетских святынь и монастырей; преодолел 35 высокогорных перевалов, в том числе перевал Дангла, который считался неприступным. Но достичь таинственной страны магов Якову не удалось. То ли ее не существовало вовсе, то ли на картах была нанесена неполная информация, то ли простым смертным туда не добраться. Впоследствии все причастные к поискам Шамбалы были расстреляны.

В декабре 1926 года бывший «лама» отправился в Китай советником к генералу Фэн Юйсяну – организовать работу разведки и контрразведки, с которой он блестяще справился. Потом Блюмкин поехал в Монголию. В Улан-Баторе руководитель советской миссии позволил себе расслабиться, устраивая ночные оргии, продолжая употреблять кокаин. А на новогоднем банкете в ЦК МНРП Яков перепил, полез целоваться с высоким монгольским начальством, заставлял всех произносить тосты за Одессу-мату, отдавал портрету Ленина пионерский салют и в конце концов его обильно стошнило на установленный посреди зала портрет вождя. Кремль закрыл глаза и на эту «шалость» своего любимца.

В 1928 году Блюмкина под именем персидского купца Якуба Султанова отправили в Палестину для организации шпионской сети на Ближнем Востоке. По легенде, он должен был заниматься торговлей антикварными еврейскими книгами, для чего по всему Советскому Союзу

изымали раритеты, которые «купец» за огромные деньги продавал, а выручку клал себе в карман. Но главное, что задание партии было выполнено. Основная ближневосточная резидентура Я. Блюмкина располагалась в Тель-Авиве, нити советской разведки тянулись в Турцию и Персию, Египет и Грецию, Северную Африку, Малайзию и другие страны.

С 1928 года убийца Мирбаха возглавлял советскую резидентуру в Стамбуле, где допустил непоправимую ошибку. 16 апреля 1929 года он тайно встретился с высланным из СССР Львом Троцким, и они проговорили несколько часов. Блюмкин согласился работать на оппозицию и взялся тайно доставить в Москву письмо с обращением к партийным деятелям СССР, в котором Лев Давидович предупреждал об опасности узурпации власти Сталиным.

По дороге домой, на пароходе, подвыпив, Яков начал болтать о своей исключительности, что, мол, сам Троцкий с ним советуется и критикует политику СССР на КВЖД. «Стукачи» сообщили об этом в Москву. К неблагонадежному разведчику подслали чекистку Лизу Горскую, которой начальство предложило вступить в интимную связь с убийцей Мирбаха и выведывать необходимую информацию. Женщина согласилась – многие мечтали поближе познакомиться с обаятельным брюнетом, а бабник Блюмкин клюнул на приманку. После встречи с другом, большевиком Карлом Радеком, которому Яков под большим секретом сообщил о связях с Троцким и показал письмо, начались настоящие неприятности. Радек «заложил» Блюмкина Сталину, и тот приказал своим подручным не спускать с него глаз и установить все его связи с оппозицией. Судьба Я. Г. Блюмкина была предрешена. Поняв это, он решил бежать из страны. Взяв с собой чемодан долларов и любовницу, разведчик отправился на вокзал. Но Горская уговорила его «залечь на дно» у нее дома. Блюмкин поверил ей и вернулся. На квартире Лизы его ждала засада. Он добровольно сдался, надеясь на очередное помилование, но просчитался. Террориста осудили 3 ноября 1929 года «за повторную измену делу пролетарской революции и Советской власти» и расстреляли.

БОГРОВ ДМИТРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Настоящее имя – Мордехай (Мордко) Гершкович Богров (род. в 1887 г. – ум. в 1911 г.)

Секретный агент Киевского охранного отделения, «освещавший» деятельность социал-демократов, анархистов, эсеров. 1 сентября 1911 года во время премьеры оперы «Сказки о царе Салтане» в Киевском оперном театре выстрелом из револьвера смертельно ранил премьер-министра Столыпина. Казнен 12 сентября 1911 года. Предполагают, что террористический акт, направленный на устранение «главного сатрапа России», был спланирован и проведен руководством Департамента полиции.

Дмитрий Григорьевич Богров родился 29 января 1887 года в семье присяжного поверенного Григория Григорьевича Богрова, богатого киевского домовладельца, активно занимавшегося

благотворительной деятельностью. Семья Дмитрия занимала видное положение в обществе и имела обширные связи и знакомства в разных сферах.

Во время учебы в гимназии будущий террорист познакомился с теорией социал-демократов и стал принимать активное участие в революционном движении. Продолжил образование Дмитрий в Киевском университете, где примкнул к партии эсеров. Однако уже в 1906 году он перешел к максималистам, а в 1907 году – к монархистам. В среде молодежи этот элегантный молодой человек, картежник и любитель женщин, был довольно популярен. А среди товарищей по партии его знали как Митьку-буржуя. Он свободно владел тремя иностранными языками, был умен, расчетлив и не нуждался в средствах. Богров был известен как молодой, но успешный адвокат и коммерсант. Вскоре он перебрался в Петербург, где в 1907 году был арестован. При допросе Дмитрий скрыл свою настоящую фамилию, так что по этапу отправился под вымышленным именем. Правду знали только в Киеве. Вскоре молодого человека освободили из-под ареста – его отец ходатайствовал об этом перед губернатором и начальником Киевского охранного отделения. От тюрьмы Дмитрия спасло и то, что кроме разрозненных и неконкретных агентурных данных, никаких улик, подтверждавших его антиправительственную деятельность, не было.

Однако освобождение из-под ареста в столь рекордно короткий срок подорвало доверие к Богрову со стороны его товарищей по партии. Воронежские максималисты обвинили Дмитрия в предательстве, тайных связях с охранным отделением и растрате имевшихся у него партийных денег. В результате в 1908 году над Митькой-буржуем был учинен общественный суд, в ходе которого его полностью оправдали. В том же году молодой человек попросил разрешения на выезд за границу. Вице-губернатор Чихачев прошение подписал, и вскоре Богров поселился в Ницце. Он также часто и подолгу жил в Мюнхене, Монте-Карло и Париже. В столице Франции Дмитрий привлек к себе внимание полиции. Так, в 1909 году заведующим заграничной агентурой департамента полиции было получено интересное донесение. В нем сообщалось, что Богров, выступая на собрании эмигрантов-анархистов, заявлял о необходимости убить русского самодержца или Столыпина. При этом он утверждал, что с радостью возьмется выполнить такое поручение партии. Интересно, что свое решение молодой человек обосновывал совершенно неожиданным образом: мол, в таких условиях жизнь не стоит того, чтобы ее тянуть.

Как бы там ни было, весной 1909 года Богров возвратился в Киев и сразу же попал под негласное наблюдение охранного отделения. Однако поведение молодого человека было безупречным: он всерьез занялся учебой. В феврале 1910 года, получив диплом Киевского университета, Дмитрий снова уехал в Париж. Вернулся он домой лишь через год и поселился в доме своих родителей. Но интерес охранки к Богрову не утих, в дело была пущена активная агентурная разработка, которая не дала ничего нового: установить какие-либо конкретные факты его антиправительственной деятельности долгое время не удавалось. Настораживало, правда, то, что поднадзорный несколько раз встречался с анархистом-террористом Муравьевым, состоявшим на учете в полиции. Муравьев проживал в Киеве под вымышленным именем и готовился эмигрировать за границу. Наблюдение осложнялось и особенностями характера самого Богрова: этот крайне замкнутый, нервный, упрямый и довольно агрессивный человек с большой неохотой шел на контакт с посторонними людьми, хотя и производил впечатление личности, способной на самые непредсказуемые действия. Письма будущего палача Столыпина, датированные 1906–1908 годами, пронизаны странной усталостью и отсутствием всякого интереса к жизни. Он часто говорил о тоске, скуке и одиночестве, о том, что работа присяжного поверенного ему опостыла. Богров жаловался приятелю, что ему надоело все и хочется совершить что-нибудь из ряда вон выходящее.

Стремление свое террорист осуществил 1 сентября 1911 года. В тот день он проник в Киевский оперный театр, где должна была состояться премьера оперы «Сказка о царе Салтане». На представлении присутствовал Столыпин, к убийству которого террорист долго и тщательно готовился.

В самом начале второго акта, подойдя к премьер-министру, Богров дважды выстрелил в него из револьвера. Интересно, что сам звук выстрелов услышали немногие. В зале стоял общий шум, так что большинство присутствующих попросту не обратили внимание на негромкий треск. Однако стоявшие вблизи люди подняли крик, и через несколько мгновений внимание присутствующих сосредоточилось на Столыпине, в зале воцарилась тишина. Пострадавший как будто не сразу понял, что произошло. Он с удивлением рассматривал свой белый сюртук, который с правой стороны начинала заливать кровь из ран.

Богров же в это время пробирался к выходу из зала. Еще немного, и ему удалось бы беспрепятственно покинуть место преступления. И только в партере преступнику загродили проход. Один из зрителей кинулся на него, и это словно сняло оцепенение с присутствующих. Через несколько секунд к террористу сбежались не только молодые люди, но и старики. Богрова стали бить кулаками, шпагами и шашками. Вероятнее всего, судить вскоре было бы просто

некого. Но в театр возвратился полковник Спиридович, пробился через толпу и объявил Богрова арестованным, тем самым предотвратив самосуд. Сам террорист к этому моменту имел весьма жалкий вид: одежда его была порвана, лицо в багрово-синих кровоподтеках, изо рта у него шла кровь.

Столыпина спешно перенесли в одну из комнат театра, чтобы иметь возможность осмотреть его и перевязать рану. Здесь выяснилось, что убийца был метким стрелком, а от мгновенной смерти премьера спасла случайность: первая пуля попала в крест Святого Владимира, раздробила его и ушла в сторону от сердца. Однако она все же пробила грудную клетку, разворотив плевру, грудобрюшную преграду и печень. Вторая пуля пронзила кисть левой руки. Врачи срочно поместили раненого в клинику доктора Маковского, но сделать что-либо для спасения жизни сановного пациента оказались бессильны. Столыпин пережил четыре дня мучительной агонии. Под конец он впал в забытие, из которого уже не вышел. 5 сентября врачи констатировали его смерть. После вскрытия тела было установлено, что убийца использовал разрывные пули.

Богрову же предстояло прожить еще неделю. Хотя при попытке самосуда толпы он получил увечья, но на допросах держался с достоинством, демонстрируя редкое хладнокровие. Он утверждал, что является анархистом по убеждению, а покушение подготовил и осуществил в одиночку. На все последующие вопросы убийца отвечать отказался. Добиться от него каких-либо новых сведений следователи так и не смогли, и дело было передано в суд. 9 сентября состоялось закрытое заседание Киевского военно-окружного суда по делу Богрова. Адвокат в процессе участия не принимал, поскольку террорист сам отказался от защиты. Рассмотрение дела заняло всего лишь три часа, а на совещание судей перед вынесением приговора ушло лишь 20 минут. Богрова приговорили к смертной казни через повешение. Но и это не поколебало самообладания убийцы. Он был удивительно спокоен, а обжаловать приговор или подавать прошение о помиловании категорически отказался.

Казнь состоялась через три дня. В начале четвертого утра Богрова разбудили и повезли в тюремной карете на виселицу. Для наблюдения за исполнением приговора были допущены представители нескольких партий: они опасались, что Богрова, являвшегося агентом охраны, могут подменить и вместо него повесить другого человека. Палачом согласился быть один из заключенных. Жандармы попросили присутствующих, среди которых был и человек, задержавший террориста в театре, опознать приговоренного. Убийца Столыпина неожиданно обратился к публике с просьбой передать последний привет родителям. Перед тем как накинуть ему веревку на шею, Богрову предложили высказать свою последнюю волю. Он захотел переговорить с глазу на глаз с раввином, но получил отказ: жандармы заметили, что у него была такая возможность в тюрьме. Преступника вешали дважды, поскольку первый раз оборвалась веревка. После повешения тело находилось на виселице 15 минут, в соответствии с законом. По истечении этого времени врач констатировал смерть преступника. Его тело положили в вырытую поблизости яму, засыпали и сровняли с землей. Вся процедура заняла в общей сложности не более 45 минут.

Казалось бы, все. Что еще можно сказать об этом деле? Тиран убит, преступник понес заслуженное наказание. Но вот тут-то и начинается самое интересное.

Выяснилось, что в театр на премьеру было не так-то просто попасть. Богров же пришел по билету, выданному ему лично начальником охраны подполковником Н. Н. Кулябко... К тому же, террорист действительно сотрудничал с охранным отделением еще с 1906 года, поставляя сведения о деятельности социал-демократов, анархистов и эсеров, с которыми имел тесные связи. Оказалось, что в деле убийства Столыпина замешаны командир Отдельного корпуса жандармов, товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант Курлов и другие высокопоставленные лица: подполковник Спиридович (начальник дворцовой охраны), вице-директор Департамента полиции Веригин, уже упоминавшийся начальник Киевского охранного отделения подполковник Кулябко и другие. Они не только позаботились о том, чтобы Богрову был выдан специальный пропуск, но и создали в театре беспрецедентный вакуум охраны высших должностных лиц, включая и Николая II. Все это как нельзя лучше способствовало выполнению плана, составленного террористом. Последний наивно полагал, что России по тогдашнему положению дел не хватает именно такого акта для начала еврейских погромов (ведь сам убийца – еврей), которые должны вызвать революцию. Но его расчет оказался ошибочным. Погромов не было, поскольку их истинной причиной является отнюдь не смерть сановного лица, на которого большинству наплевать.

И еще: заговор расследовался на сенатском уровне, но государь внезапно прекратил дело. Почему? Может быть, смерть Столыпина его не так уж и огорчила?

Так каковы же на самом деле были причины убийства российского премьер-министра? Версий существует множество. Среди них выделяются несколько достаточно правдоподобных. Это сионистская версия и вероятные условия, поставленные Богрову эсерами, подозревавшими Митьку-буржуа в сотрудничестве с охранкой. Однако и для суда, и для близких террористу людей его поступок так и остался загадкой. О какой сионистской версии может идти речь, если с иудеями-ортодоксами Дмитрий отношений не поддерживал, а реформы, проводимые Столыпиным, считал прогрессивными и необходимыми? Да и мнение премьера касательно своих соплеменников хорошо знал: в то время права евреев были действительно ущемлены, и Столыпин планировал предоставить им те же привилегии, что и остальным гражданам империи. А от обвинений со стороны товарищей по партии Дмитрию удалось избавиться еще в 1908 году. Многие историки до сих пор настаивают на причастности к данному террористическому акту большевиков, мотивируя свое мнение довольно близким знакомством Богрова и его двоюродного брата с Лениным. Кроме того, теоретически заказать убийство большевики могли, но нужно ли это было им в тот момент? Ведь их организация ставила перед собой задачу укрепить, набраться сил; убийство же Столыпина повлекло бы за собой волну репрессий, так что подобный теракт большевикам был тактически невыгоден. А о том, что поводом для взрыва, прозвучавшего 1 сентября, стали гонения на революционеров, последовавшие за взрывом столыпинской дачи, не стоит и говорить ввиду отсутствия самих репрессий. А ведь премьер не боялся испачкать руки! И если революционеры не понесли наказания, то не является ли это следствием того, что Столыпин прекрасно знал: за первым покушением стояли вовсе не они? И кстати, поведение Николая II тоже наводит на разные мысли. Ведь он сделал все, чтобы люди, так или иначе причастные к трагедии, избежали какого-либо наказания.

Так что же в действительности стало причиной убийства премьер-министра?

Мало кто знает, что, несмотря на борьбу с революционным движением, то время было периодом расцвета религиозной терпимости и демократии. Вся молодежь поголовно увлекалась революционными идеями. Особой популярностью пользовались эсеры, анархисты и либералы. Каждый находил в их организациях что-то свое, заражаясь иллюзией борьбы с режимом (большинство этих организаций было неспособно вести настоящую борьбу за власть). Кроме того, практически все революционные организации в Российской империи тогда существовали за счет охранного отделения или иностранных финансовых источников! Ведь охранке было важно не допустить слияния слабых мелких объединений в одну политическую силу, способную привести к смене режима в стране. Для правительств иностранных государств многочисленные агрессивные организации были выгодны по другой причине: они дестабилизировали ситуацию в Российской империи, тормозя ее экономический рост. Но тут на политической арене появился Петр Столыпин, и ситуация в корне изменилась. Став премьер-министром, он занялся наведением порядка в распределении казенных средств, чем, естественно, многим перешел дорогу. Однако по-настоящему сильно он мешал своему предшественнику на посту премьера, Сергею Витте, и его влиятельной группировке. А тут подвернулась возможность убрать неугодного сановника, свалив вину на революционеров, объявивших терроризм одной из форм революционной борьбы. «Оппоненты» Столыпина постарались не упустить такой шанс. И вспомнили о странноватом агенте охранного отделения, не скрывавшем своей приверженности идее индивидуального террора.

Примечателен тот факт, что после смерти Столыпина охранное отделение провело у него на даче. обыск! Кто еще, кроме царя, отдал бы подобное распоряжение? Это мог сделать только один человек, непосредственный помощник Столыпина, его заместитель генерал Курлов. А сей господин погряз в коррупции, о чем премьер был прекрасно осведомлен, собрав на своего зама внушительное секретное досье. После злополучной премьеры в оперном театре Столыпин собирался отправиться к государю и потребовать пресечь деятельность Курлова, назначенного на должность, кстати, помимо его воли самим Николаем II.

Богров тщательно планировал убийство и искал политические силы, которые взяли бы на себя ответственность за теракт. При этом он пользовался данными из личных дел революционеров, имевшихся в архивах полиции. Странно, но за время сотрудничества с охранкой Богров не «сдал» ни одного человека, заслужив при этом уважение руководства. Не исключено, что Дмитрий был принят на агентурную работу для того, чтобы его впоследствии можно было использовать для особых поручений. Тем более, что у него была «подходящая» национальность и революционные взгляды, да и натура достаточно управляемая.

И все же – как террорист попал в театр 1 сентября? Ведь по инициативе Столыпина агентам охранки запрещалось сопровождать высокопоставленных особ! Но Богров, тем не менее, билет получил, причем на имя, являвшееся одним из его «рабочих» псевдонимов. Пристав вообще отказался пропускать его в театр, но в разговор вмешался начальник охранного отделения Кулябко, и Богров попал-таки в фойе. Все дальнейшие события говорят о том, что смерть премьера планировалась Департаментом полиции при молчаливом согласии царя. Николай

наблюдал за происходящим в партере, но не отдавал никаких распоряжений, заметив, что в сторону его ложи направляется неизвестный. Убийца и его жертва в течение нескольких секунд рассматривали друг друга, стоя рядом, но охрана премьера почему-то ничего «не заметила». Дмитрий, посмотрев на царя, перевел взгляд на Столыпина, после чего беспрепятственно выстрелил, спокойно спрятав оружие и пошел к выходу. Ни царские телохранители, ни охрана премьера не сделали никаких попыток его задержать. Охранники в зале ожидали приказа о задержании преступника, но его никто не торопился отдавать. И только у самых дверей на убийцу бросился один из зрителей... В чем же причина ненависти представителей охраны к премьеру? Столыпин пытался сильно оградить ее руководство от превышений полномочий, не раз наказывая провинившихся и скрупулезно собирая на них досье, в которые вносились все факты злоупотреблений служебным положением. Так что высокопоставленные чины охранного отделения были крайне заинтересованы в том, чтобы весь компромат на них не получил огласки. Смерть же Столыпина гарантировала исчезновение с политической арены могущественного противника. Да и сам Николай II вряд ли не оставался причастен к убийству. Ведь он явно потворствовал тому, чтобы люди, имевшие отношение к террористическому акту, не были привлечены к ответственности. И государь, и его супруга не могли дальше терпеть премьера, который их заслонял. Возможно, царская чета была даже рада смерти строптивого министра-реформатора. Вот только его гибель обернулась драмой для всей России. Для нас, ориентирующихся на сведения из старых учебников истории, «Столыпин» и «палач» – синонимы. А ведь в действительности дело обстояло несколько иначе. Вклад этого человека в развитие империи огромен. Например, именно благодаря его реформам в 1913 году Россия заняла первое место в мире по росту промышленного производства. Столыпин разрушил крестьянскую общину, являвшуюся основой самодержавия, благодаря чему государство стало иным. Резкие реформы премьер-министра были направлены на усиление державы и ограничение самодержавной власти. (Именно поэтому его ненавидели как революционеры, так и монархисты.) Этот сановник фактически требовал от царя изменить государственное устройство, конституционно ограничив монархию. Он подготавливал проект изменений правового законодательства, активно занимался благотворительной деятельностью, держал под контролем работу многих попечительских советов, не позволяя их членам злоупотреблять своим положением и расхищать вверенные им средства. Премьер, заручившись поддержкой матери Николая Второго, собирался перенести столицу государства в Киев (именно во время той поездки, закончившейся гибелью Столыпина, царь должен был принять такое решение). Он стал первым в истории борцом с коррупцией и международным терроризмом. Столыпин был прекрасно осведомлен, кто на самом деле создавал революцию: очень многие развитые страны заботились, чтобы политическая ситуация в России не изменилась, так как наличие межпартийной борьбы выступало гарантом экономической нестабильности державы. В общем, слишком многие обрадовались гибели премьера, в котором видели главную опасность для революционного движения в России. Ведь он боролся с первой русской революцией столь активно, что заслужил прозвища «палач» и «вешатель».

Итак, окружение Николая II при его молчаливом согласии санкционировало убийство Петра Столыпина, стремясь остановить реформы в стране и сохранить абсолютную монархию. Для этого царя убедили в том, что действия премьера подрывают его власть. Те, кто старался убрать неугодного и непредсказуемого сановника руками Митьки-буржуя, были уверены: монархия от этого только выиграет. Сам же Богров был убежден, что самодержавие в России падет после смерти министра-реформатора, и оказался проникательнее представителей правящих кругов. Ведь сейчас совершенно ясно, что именно этот выстрел, прозвучавший 1 сентября 1911 года, стал одной из главных причин распада Российской империи.

БРАЗИНСКАС ПРАНАС БРАЗИНСКАС АЛЬГИРДАС ВАЙЛЬ

Первые советские воздушные террористы, 15 октября 1970 года захватившие самолет Аэрофлота АН-24, совершавший рейс из Батуми. В ходе этого террористического акта погибла стюардесса, получили тяжелые ранения члены экипажа. Командир лайнера вынужден был изменить маршрут и лететь в Турцию. Вскоре угонщики получили возможность уехать в США, где были приняты как политические беженцы, первые из многих. А в октябре 2002 года 77-летний Пранас Бразинкас был забит до смерти собственным сыном, 46-летним Вайлем.

Более тридцати лет назад произошло событие, ставшее шоком для советской империи: первый на ее территории захват самолета, следовавшего из Батуми в Сухуми.

15 октября 1970 года АН-24 с 46 пассажирами на борту отправился в очередной рейс. Как часто пишут в прессе, ничто не предвещало трагедии, никаких плохих предчувствий не было ни

у летчиков, ни у пассажиров. Полет обещал быть недолгим. Экипаж находился в прекрасном настроении, обсуждая предстоящую свадьбу своей стюардессы: Надежда пригласила сотрудников в Удмуртию; бракосочетание должно было состояться на ноябрьские праздники. Но уже через час оставшиеся в живых знали, что никакой свадьбы не будет.

Через пять минут после взлета, когда самолет лег на заданный курс и находился на высоте около 800 метров, один из пассажиров, сидевший с сыном-подростком на самых передних креслах, нажал кнопку вызова бортпроводницы. Надежда Курченко, 19-летняя стюардесса, недавно перешедшая на эту работу из бухгалтерского отдела, поспешила на вызов. Пассажир попросил ее передать какой-то пакет командиру экипажа, и девушка, не подозревавшая о том, что истекают последние минуты ее короткой жизни, согласилась выполнить эту просьбу. Но стоило Наде двинуться по направлению к кабине летчиков, как мужчина поднялся с места и пошел за ней. Видимо, девушка почуяла неладное, потому что внезапно попыталась преградить ему путь к кабине и закричала: «Нападение!» В этот момент с места вскочил второй пассажир, подросток. Он заорал на людей, находившихся в салоне: «Никому не вставать! Иначе взорвем самолет!»

Через мгновение прогремели выстрелы, и стюардесса упала. Вслед за этим террористы открыли огонь и по летчикам. Позднее в кабине насчитали 18 пробоин, а всего в самолете было выпущено 24 пули. Командир экипажа, Георгий Чахракия, даже не успев обернуться, получил ранение в позвоночник. У него сразу же отнялись ноги, потом он потерял сознание. Та же участь постигла штурмана Валерия Фадеева (у него оказались прострелены легкие) и бортмеханика Оганеса Бабаяна (он был ранен в грудь). Из-за этого летчики не смогли сразу же передать на землю сигнал SOS. Придя в себя, Чахракия увидел в кабине обоих террористов. 45-летний Пранас и 14-летний Альгирдас угрожали экипажу обрезом и пистолетом. Старший из нападавших, вооруженный гранатой, грозил взорвать самолет, если курс не будет изменен и лайнер не приземлится в Турции. Надежда Курченко без движения лежала в дверях пилотской кабины и истекала кровью, рядом с ней упал штурман. Второй пилот, Сулико Шавидзе, вынужден был подчиниться террористам и направить самолет в Трапезунд. Бандиты требовали строгого соблюдения их условий: держать берег моря слева, в облака не входить, курс – на юг. С экипажем они не церемонились: с пилотов были сорваны наушники радиосвязи, убийцы хладнокровно топтали по лежавшим на полу кабины телам. Неожиданно пришедший в сознание тяжелораненый Фадеев получил от угонщика удар ногой. Во время перелета Пранас продолжал держать под прицелом находившихся в кабине людей, а Альгирдас – салон самолета.

Лайнер бросало из стороны в сторону: летчик жаловался на рану, в действительности надеясь, что угонщики не устоят на ногах. В это время на землю все же удалось подать сигнал бедствия. Чахракия попытался объяснить Бразинскасам, что вести самолет только при помощи рук, с парализованными ногами, он не сможет, и ему необходима помощь второго пилота. Экипаж предпринял попытку обмануть угонщиков, посадив лайнер на советской территории, в Кобулет. Однако Пранас понял маневр и потребовал вернуться на курс. В противном случае он обещал немедленно пристрелить пилота и взорвать машину. Поначалу у командира возникло желание направить самолет на скалы. Но это привело бы к неминуемой гибели всех пассажиров, среди которых были дети. Поэтому Чахракия отказался от подобной мысли и предупредил помощника, что если потеряет сознание, тот должен продолжать полет к турецкой территории и попытаться спасти самолет и пассажиров. Границу АН-24 пересек на малой высоте. Поскольку горючее заканчивалось, Чахракия принял решение сажать лайнер в Трабзоне. Если бы дотянуть до аэропорта не удалось, экипаж попытался бы посадить машину на воду.

Несмотря на ранения, летчикам все же удалось избежать аварии при посадке на турецкой территории, хотя аэродром они нашли чисто визуально. Используя последнее горючее, экипаж сделал круг и выпустил зеленые ракеты, требуя освободить полосу. АН-24 сразу же был оцеплен. Второй пилот открыл передние двери, впустив турецких представителей. Заложники спустились на землю, неся с собой тело стюардессы. Затем вышли отец и сын Бразинскасы. Они были арестованы и обысканы. У Пранаса под плащом все тело было перевито патронташами. Даже турки не скрывали недоумения: как же так, пассажиров пропустили на борт самолета без досмотра? Местные власти немедленно оказали членам экипажа медицинскую помощь и предложили всем желающим остаться в Турции. Желающих не нашлось, и на следующий день пассажиры злополучного рейса были отправлены на специально прилетевшем за ними самолете в Советский Союз. Тело погибшей стюардессы было отправлено отдельно. Угнанный АН-24 вернули чуть позже и поставили на капитальный ремонт. Во время осмотра кабины выяснилось, что причиной, по которой единственный член экипажа, Сулико Шавидзе, не получил ранения, был слепой случай. В него тоже стреляли, но пуля застряла в стальной трубке спинки сиденья. После ремонта самолет перевели на одну из линий в Узбекистане. Так и летал он с фотографией Нади Курченко в кабине.

СССР, естественно, потребовал немедленной выдачи преступников, но турецкие власти отказались выполнить это требование. Позднее выяснилось, что представители официальных учреждений Соединенных Штатов, в том числе и ЦРУ, специально спешно прибыли в Анкару. Их целью было не допустить выдачи преступников советскому правосудию. Террористов все же предали суду на территории Турции, но наказание за содеянное оказалось на удивление мягким: Пранас Бразинкас был приговорен к восьми годам заключения, а Альгирдас – к двум. Но убийцы не отсидели даже этот не слишком большой срок: уже в 1974 году отец и сын попали под амнистию, продолжая все же находиться под домашним арестом. А еще через два года террористы бежали в Анкару, где обратились в американское посольство с просьбой о предоставлении политического убежища. Получив отказ, они отправились в Венесуэлу, а оттуда – в Канаду. Но к месту назначения так и не прибыли, исчезнув по пути в Нью-Йорке. Прошло несколько недель, прежде чем представителям Службы иммиграции и натурализации США удалось найти и арестовать Бразинкасов. Вместо того чтобы позаботиться о немедленном выезде террористов из страны, иммиграционный судья постановил, что террористы имеют право вновь подать прошение о предоставлении им политического убежища. Ознакомившись с этим решением должностного лица, служба иммиграции опротестовала его, выразив вполне понятное возмущение. Однако Бразинкасов неожиданно поддержали американцы литовского происхождения.

В конце концов, угонщики получили-таки вид на жительство и поселились в Санта-Монике. Там они устроились на работу малярами (отец впоследствии дослужился до должности управдома) и сменили имена и фамилию. Теперь Пранас Бразинкас стал именоваться Фрэнком Уайтом, а Альгирдас Вайль – Альбертом Виктором Уайтом. Они так и не получили политического убежища, но остались жить в Штатах, которые не покидали с 1976 года. Одно время террористы пытались выдать себя за патриотов, «борцов за свободу Литвы» и даже выпустили книгу, в которой рассказывали о своих «подвигах» на этом поприще. Пранас Бразинкас говорил в своих интервью, что принимал активное участие в послевоенном вооруженном сопротивлении советской оккупации, так что жил в постоянном страхе и ожидании репрессий. Позднее, к 30-й годовщине угона самолета, отец и сын написали письма в литовские газеты, где утверждали, что совершили настоящий подвиг. Они подчеркивали, что прорвались сквозь «железный занавес» советских оккупантов, впервые в истории направив «советский самолет из тюрьмы поработанных Советами народов в свободный мир. Это событие потрясло советскую империю зла, прославило дело свободы Литвы во всем мире, мобилизовало живущих на Западе литовцев...» и далее в том же духе. В своих письмах Бразинкасы пытались объяснить мотивы поступка, совершенного три десятка лет назад: «Наш подвиг, как и подвиг литовских партизан, был и личным, и политическим, и моральным». Что же касается погибшей при захвате девушки, то убийцы хладнокровно замечали, что борьба никогда не обходится без случайных жертв. При этом они приводили в пример борьбу Америки за независимость, подчеркивая, что она имела много общего с борьбой Литвы за ту же цель. Ответственность же за жертвы ложится, по их убеждению, не на «борцов за свободу», а на «оккупантов и поработителей». Исходя из всего этого, террористы призывали своих соотечественников избавиться от комплекса неполноценности и чтить их как героев.

В среде американских литовцев не было однозначного отношения к Бразинкасам. Кто-то действительно видел в них героев, а кто-то придерживался прямо противоположного мнения. В целом же в общине к ним относились настороженно, более того – откровенно побаивались. Отец и сын предприняли попытку организовать сбор средств в фонд собственной помощи, но почти никто из литовцев, проживавших в США, не дал убийцам ни доллара. А после того как в 1991 году Литва стала независимой, «борцы за свободу» почему-то «забыли» о том, что настала пора вернуться на родину.

Удивляться тут не приходится, если вспомнить о том, что угон самолета был далеко не первым преступлением в жизни Бразинкасов. Пранас, в СССР работавший продавцом, был судим за хищение и растраты. Отбыв наказание (оба раза условно), будущий террорист поселился в Средней Азии, где занялся скупкой национальных узбекских ковров. Позднее приобретенные вещи с немалой выгодой перепродавались в Литве. Кроме того, Пранас не брезговал и другими способами пополнения своего кошелька. Например, он охотно спекулировал запчастями к автомобилям. В столь нелегком «труде» ему помогал и несовершеннолетний сын. Одновременно с этим Пранас почему-то продолжал занимать материально ответственные должности в районном отделении литпотребкооператива. Вся эта разномастная деятельность приносила солидный доход. При угоне самолета Бразинкасы имели при себе крупную сумму в валюте.

Что же произошло между отцом и сыном впоследствии? Что заставило Альгирдаса взяться за палку и забыть престарелого родителя до смерти? Что привело одного из них к могиле, а другого – к тюрьме? Вразумительного ответа мы, вероятно, так никогда и не получим. Соседи были ошеломлены происшедшим, утверждая, что сын всегда относился к отцу с трогательным вниманием и бережностью. Он даже неоднократно просил местных детей, повадившихся

дразнить старика, оставить Пранаса в покое. Но другие жильцы дома утверждают, что под старость Пранас впал в маразм, стал раздражительным и желчным, поэтому в небольшой двухкомнатной квартирке, которую занимали Бразинскасы, стали часто возникать ссоры. Уже на суде выяснилось, что отношения между отцом и сыном в действительности были всегда напряженными, Пранас все годы оказывал на Альгирдаса сильное психологическое давление. Обстоятельства ссоры, произошедшей между отцом и сыном и приведшей к трагическому финалу, так и не были до конца выяснены.

В деле угона советского самолета до сих пор осталось много неясностей. Его недаром считают не только самым известным, но и самым загадочным. Дело в том, что в 1970-х годах политические амбиции супердержав были сильнее справедливости.

Американцы утверждали, что Бразинскасы бежали от тоталитарного режима, а убийство бортпроводницы – нелепая случайность. Поэтому, хоть Пранас и Альгирдас и не получили статуса политических беженцев (факт террора оспорить было трудно), к ним применили программу защиты свидетелей: отец и сын сменили фамилию, внешность и поселились в провинции. Посол США Саймонс, мотивируя отказ американской стороны выдать преступников Советскому Союзу, указывал на то, что его страна не может это сделать, поскольку закон о выдаче преступника тому государству, на территории которого было совершено преступление, был принят лишь в 1974 году – спустя четыре года после гибели стюардессы. Кроме того, Альгирдас Бразинскас после женитьбы на американке стал гражданином США и уже не подлежал выдаче. Пранас, не имевший гражданства, также не мог быть депортирован, поскольку в 1983 году Штаты приняли закон об амнистии всех «нелегалов». Так что оба террориста имели американские паспорта. Да и вообще, многие американские газеты называли Бразинскасов «борцами за свободу Литвы, оккупированной СССР». Так могли ли власти выдать «борцов», которых за «железным занавесом» ждало страшное наказание? Тем более, что их заявления о ненависти к Союзу сами по себе являлись гарантом полного отпущения грехов. Сам же факт террора в глазах американцев на тот момент был оправдан: политические отношения с СССР в то время были весьма напряженными, так что лица, решившие вырваться на свободу любой ценой, встречали понимание и сочувствие. Поэтому американская сторона в свое время «умыла руки», уподобившись Пилату: от дальнейшего рассмотрения вопроса категорически отказалась, хотя и признала действия Бразинскасов серьезным преступлением. А озабоченность США международным терроризмом не распространяется, мол, на случай с «беженцами», так как госдепартамент вообще не считает угон советского самолета актом терроризма. Такая мягкость в отношении преступников является прекрасной иллюстрацией к развернувшейся в то время в США антисоветской кампании «в защиту прав человека». Что же касается советской стороны, то, по признанию одного из бывших высокопоставленных офицеров КГБ, в Москве обсуждалась идея направить на турецкий аэродром военный АН-12 со взводом десантников и захватить угонщиков. Отказавшись от этого плана, ведомство разрабатывало и готовило иную операцию по уничтожению обоих бандитов на территории Турции. Она сорвалась по причине вывоза Бразинскасов спецслужбами США.

В отношении дальнейшей судьбы террористов долгое время существовало несколько версий, взаимно исключающих друг друга. Например, в конце 90-х годов прошел слух, что Пранас погиб в автокатастрофе, которая, возможно, была отнюдь не случайной. А Альгирдас, как уже говорилось, женившись на американке, поселился в Калифорнии. Но ведь старший террорист был убит позднее собственным сыном! Ну не мог же он, в самом деле, умереть дважды! Кроме того, имелись сведения о том, что Пранас жил в Лос-Анджелесе (!) неподалеку от сына. Однако «Лос-Анджелес таймс» утверждала, что отец и сын проживали вместе в трехкомнатной квартире. Другие газетчики не соглашались с размером квартиры (варианты были разные), зато уточняли: Альгирдас закончил Калифорнийский университет, после чего занял пост финансиста в крупной фирме. Но ведь (по данным все той же «Лос-Анджелес таймс») Бразинскасы работали малярами и не имели большого достатка. Кроме того, все годы, прошедшие с того момента, как им было позволено жить в США, отец и сын провели в Санта-Монике... И таких противоречий множество.

Что же касается смерти бортпроводницы, то сами террористы сообщали, что девушка погибла не по их вине. Они утверждали, что в салоне лайнера среди пассажиров находились два охранника в штатском, которые первыми применили оружие. Террористы же якобы открыли огонь в ответ. В результате стюардесса была случайно убита в завязавшейся перестрелке. И вообще, во всем, оказывается, был виноват экипаж лайнера, отказавшийся изменить курс по первому требованию.

Так как же все-таки погибла Надежда Курченко? Вспомним, что в корпусе самолета насчитали позднее 18 пробоин, а в общей сложности за короткий промежуток времени на борту было произведено 24 выстрела. Стрельба была такой интенсивной, что некоторые пассажиры на всю жизнь сохранили уверенность в том, что стреляли из автомата. Но ведь точно известно, что угонщики были вооружены обрезам охотничьих ружей! Отсюда следует нелепый вывод: если ни

у кого другого в самолете не было оружия, то террористы должны были перезаряжать обрезы не менее 12 раз. Зачем?! Ведь в таком большом количестве выстрелов не было никакой необходимости, поскольку самой «весомой» угрозой для экипажа являлся возможный взрыв гранаты. Может быть, версия происшествия, прозвучавшая на суде в Турции, не столь уж далека от истины? Она сводится к тому, что на борту самолета действительно находились двое охранников в штатском, первыми открывшие огонь по угонщикам. В таком случае именно их пули и оборвали жизнь бортпроводницы. Кроме того, не кажется ли абсурдным стремление террористов вывести из строя всех пятерых членов экипажа, включая пилотов? Ведь сами Бразинскасы не имели никаких навыков вождения самолета, так что своими действиями фактически подписывали себе смертный приговор. Отсюда невольно напрашивается вывод, что экипаж в действительности оказался под шквальным огнем тех лиц, которые открыли стрельбу по угонщикам. Ведь сами Бразинскасы стояли в дверях пилотской кабины. И на этом вопросы не заканчиваются. Кем же были эти загадочные «охранники»? Ведь структура по сопровождению приграничных рейсов вооруженной охраной была создана в СССР только после этого случая – в начале 1971 года! Что случилось с этими людьми? Были ли они ранены или же погибли? И вообще, почему террористы оказались лучшими стрелками, чем специально обученные охранники-профессионалы? Ведь сами Бразинскасы не получили ни единой царапины! Может, угонщики во время перестрелки использовали стюардессу в качестве живого щита? Или вынудили охранников прекратить стрельбу под угрозой взрыва той же гранаты? Как видим, в этом деле значительно больше вопросов, чем ответов. А официальная хроника событий, представленная в СССР, не содержала никаких упоминаний о присутствии на борту лайнера охраны. И снова – почему? Может быть, с целью избежать демонстрации низкого профессионализма собственных силовых структур?

Советская сторона говорила о Бразинскасах – ворах и спекулянтах, а сами угонщики доказывали, что без усталости боролись с советской властью, участвовали в движении сопротивления и создавали партийные ячейки в Узбекистане. Именно по этой причине Пранас дважды оказывался за решеткой.

Случившееся было совершенно невероятным, никто просто не ожидал, что самолет может стать объектом террористической атаки. Подобное до того момента никому не приходило в голову, поэтому не было ни спецподразделений, способных освободить заложников, ни инструкций для пилотов, предписывающих правила поведения в подобных критических ситуациях.

Судебный процесс по делу об убийстве Пранаса Бразинскаса давно завершен. Жюри присяжных калифорнийского суда признало виновным в совершении преступления сына погибшего, Альгирдаса. Но окончательный приговор решено было огласить позднее. В любом случае террористу-убийце грозит солидный срок заключения – от 26 лет до пожизненного. И это не так уж и жестоко в отношении одного из тех, кто, сами того не понимая, открыли эру международного авиатерроризма. Более чем через три десятка лет после трагического рейса АН-24 преступника, ранее сумевшего избежать наказания, все же настигло справедливое возмездие. Ведь можно ускользнуть от людского гнева, но не от неумолимой справедливости жизни. И, судя по всему, старозаветного закона «око за око» так никто и не отменил.

ДЖЕЛЛИ ЛИЧО

(род. в 1919 г. – ум.?)

Великий Магистр масонской ложи «П-2», организатор многочисленных покушений, убийств, террористических актов.

В жутком, искаженном мире, где царствует террор, существуют свои «теневики», свои кукловоды. Они не «балуются» оружием, а только дергают за ниточки, и смерть обрушивается на головы чаще всего ни в чем не повинных людей. Благодаря их криминальным талантам остаются нераскрытыми самые громкие политические убийства, самые чудовищные теракты. По величине злодеяний, количеству пролитой крови, наркообороту, капиталам от продажи оружия, виртуозности многоходовых террористических комбинаций и умению заметать следы самым авторитетным в кругу себе подобных считается Личо Джелли – Великий Магистр масонской ложи «Пропаганда-2».

Темноволосый малыш, названный Личо Джелли, появился на свет в 1919 году на севере Италии. Небольшой заштатный городок Пистойя, расположенный в 50 километрах от Флоренции, насчитывал всего 30 тысяч жителей и ничем не выделялся. Но был в истории этого тосканского городка момент, который в дальнейшем круто изменил судьбу не только самой Пистойи, но и целой Италии: именно здесь возникла первая в истории страны масонская ложа. Но что об этом мог знать мальчишка, чье детство пришлось на тяжелое послевоенное время и который радовался тощей пицце и корнишонам? Об этом времени Джелли говорить не любил, как, впрочем, и о школьных годах. По воспоминаниям сверстников, он учился из рук вон плохо, а однажды за грубость по отношению к учителю был временно исключен из школы. На выпускном балу 18-летний юноша красовался в черной рубашке, моду на которые завел Муссолини.

Поклонник дуче завербовался в корпус итальянских фашистов-добровольцев и участвовал в боевых действиях в Испании. Особого героизма Джелли не проявил, зато опубликовал книжицу впечатлений о войне под броским названием «Огонь!.. Легионерская хроника антибольшевистского восстания в Испании». Вскоре молодой фашист получил офицерское звание и продолжил военную карьеру в Албании и Югославии, где армия Муссолини вела затяжные и бесполезные войны. Личо быстро продвигался по службе. Характерно, что люди, знавшие его в те годы, вспоминают о нем по-разному. Одни говорят о его непомерной жестокости по отношению к участникам итальянского Сопротивления, о расправах над патриотами, другие – о том, что Джелли, наоборот, помогал партизанам, стремился найти подход к американцам.

Но остается фактом, что Вторую мировую Личо начал не желторотым птенцом, а эсэсовцем в элитной немецкой дивизии «Герман Геринг», где числился на хорошем счету. В 1944 году он впервые успешно блеснул на ниве разбоя, ставшей позже основной сферой его деятельности, только уже в международном масштабе. Спецслужбы Италии включили Джелли в состав гангстерской команды, захватившей в Белграде золотой запас югославского Центробанка. В Югославии Личо «взял» за раз 6 тонн золотых слитков и около 2 тонн старинных монет. Поняв, что война приближается к концу, он «перелицевался» из матерого эсэсовца и бандита в борца против фашистов. С этого момента в его биографии возникают «белые пятна».

В октябре 1944 года Джелли пошел на сотрудничество с контрразведкой 5-й армии США и прибыл в родной город с документами, которые свидетельствовали о его «героизме» в Сопротивлении. Но в «новый образ» Личо мало поверили, и он вынужден был прятаться от мести партизан то в глуши Северной Италии, то на Сардинии, а потом и вовсе исчезнуть с горизонта. Бывший фашистский офицер обосновывался в Аргентине, где присоединился к сторонникам будущего диктатора Перона. Однако масштаб Латинской Америки не соответствовал честолюбивым планам Джелли, и он без устали летал через Атлантический океан и обратно, распределяя свое внимание между посещениями Нового Света и ряда латиноамериканских стран, особенно тех, чьи правительства любезно предоставляли приют «несчастливым беженцам» Третьего рейха.

Одновременно Джелли продолжал с упоением предаваться своему хобби еще с времен войны – собирать досье, точнее, самый подробный компромат на весь мир. Он не был намерен публиковать его в прессе и тем более не думал выступать на крошечных экранах бурно развивающегося на Западе телевидения. Личо нашел компромату более «доходное» применение и торговал им оптом и в розницу, дешево и дорого, но всегда разумно и осторожно, выгодно и перспективно. Такая рачительность и предприимчивость способствовали стремительному росту его рейтинга в глазах его новых шефов из ЦРУ. Да и личное благосостояние Джелли прирастает усадьбами в Аргентине, Чили и Парагвае, домами и квартирами в Мексике и Бразилии. В Уругвае, например, Личо купил «скромненькую» фазенду на 50 комнаток и такой участок земли к ней, что был вынужден проложить узкоколейку.

В 1948 году, когда ситуация в Италии «немного успокоилась», он вернулся на родину, где сразу же стал осведомителем итальянских секретных служб. Но вести спокойную жизнь «ветерана Сопротивления» ему не позволил деятельный характер. Личо «с нуля» начал активно заниматься бизнесом: он торговал железом, книгами, матрасами фирм «Пермафлекс» и «Дормире». Считается, что именно на матрасах он серьезно разбогател, провернув сделку с базами НАТО, расположенными в Италии. Мало кто подозревал, что в основе благосостояния новоявленного бизнесмена лежало золото югославских королей, похищенное фашистами и частично прикарманенное им.

Затем Джелли переехал в Ареццо, где стал руководителем персонала на крупной текстильной фабрике братьев Леболе (и это-то со средним образованием!), купил себе роскошную виллу и установил связи с представителями капитала по всей стране. Иногда секретные службы предпринимали робкие попытки вывести Джелли на чистую воду и разобраться в его прошлом и в причинах процветания. Но почти все, кто пытался это сделать, «имели большие неприятности». Из бывшего осведомителя Джелли превратился в фигуру влиятельную и опасную. Стал он опасен

и для тех, кто, оказывая ему покровительство, знал его подноготную, был в курсе нечистоплотных сделок. По свидетельству парламентской комиссии, капитан Росси «покончил самоубийством, после того как, кажется, ему угрожал Джелли»... Полковник Флорио подвергся служебному преследованию, а затем погиб в необъяснимой автокатастрофе... Вскоре застрелился и Марио Леболе, глава фирмы, которой аферы Джелли вначале принесли процветание, а потом – убытки. Он очень много сделал для коварного Личо и слишком много знал...

Но сам Джелли среди этих криминальных дел и бед выглядел непотопляемым. Что же изменилось в его жизни, каким образом он стал столь влиятельным человеком в Италии? Здесь и начинается тайна, раскрыть которую окончательно, пожалуй, никому не по силам. В общем-то, объяснить возвышение Личо можно следующим: во-первых, старые знакомые из армейской контрразведки США, перешедшие в ЦРУ, учли его предприимчивость, беззастенчивость, изворотливость и безусловный антикоммунизм; во-вторых, его сочли перспективным, достойным лучшей участи. А он сам как один из наиболее быстрых путей к карьере и влиянию выбрал вступление в масонство.

Вообще-то, еще в 1925 году, когда Джелли было всего шесть лет, Муссолини запретил масонскую деятельность в Италии. Но запрет касался лишь ее либерального крыла – ложи «Великого Востока дворца Джустиниани». Ложа «Площадь Иисуса» (официальное название организации Великая Светлейшая ложа Алам), объединявшая крупнейших землевладельцев страны и связанную с Ватиканом аристократию, поддерживавшая фашизм, опустела только с его крахом. Образовавшийся вакуум начали заполнять левые группировки. На защиту «общественной морали и традиции» должны были прийти новые масонские ложи, способные умело лавировать между интересами «денежных мешков», мафии и американцев, имевшие свои виды на послевоенную Италию. Именно американские разведслужбы взяли на себя миссию примирить «Дворец Джустиниани» с «Площадью Иисуса» и объединить их. Руководитель отдела Управления стратегических служб Фрэнк Джильотти, американец итальянского происхождения, наладил связи с разбросанными масонскими гнездами по всей стране и нашел людей, способных объединить в целое некогда влиятельное движение.

В 1960 году произошло объединение всех масонских лож в ложу «Великий Восток Италии». Параллельно с этим велась интенсивная работа по воссозданию ложи «Пропаганда» (ложа «Пропаганда массоника № 2» создана в 1885 году банкиром Адрианом Лемми), которая могла бы исполнять роль масонской полиции. Но для нее нужен был особый руководитель, энергичный и обладающий свойствами двуликого Януса человек, который мог бы сформировать подрывную организацию. Ни один из Великих Магистров на этот пост не годился. Этим человеком американцы «избрали» Джелли, «плотно работающего» с их спецслужбами. В то время он находился на низшей ступени иерархии среди «братьев-каменщиков», но его боялись, памятуя ту жестокость, которую он проявлял в годы войны.

С 1965 года история масонства в Италии начинает развиваться под «кровавой» звездой Джелли: он не только был принят в закрытую, суперсекретную ложу «Пропаганда-2» (П-2), быть простым членом которой и так почетно и престижно, но сделал головокружительную карьеру. В 1969 году Джелли стал «мостом» между американским масонством и масонами Апеннин, сменив самого Джильотти, «отца» итальянских тайных обществ, и ему была поручена задача сплочения всех сообществ национального масонства, что до сих пор было под силу только Джильотти. В следующем году Личо стал надзирателем над публикациями масонов и, что особенно важно, ему доверяли поддерживать отношения с зарубежным масонством и ЦРУ. Эта должность была прерогативой Великого Магистра, каковым Джелли еще не был. А уже в 1971 году он был назначен организационным секретарем ложи, которую стали называть не иначе как «Группа Джелли – П-2».

С этого момента «Пропаганда» начинает стремительными темпами увеличиваться, разрастаться. Начало террору было положено в декабре 1969 года. В Милане в результате взрыва бомбы в здании одного из банков были убиты и ранены около ста человек. Этот теракт вызвал тревогу у «ветеранов» движения, но уже было слишком поздно. Правда, новый глава «Великого Востока Италии» Сальвини, увидев бешеную скорость приема в «П-2» высокопоставленных военных, высказал мысль: «А не готовит ли Джелли в стране переворот?» Он не ошибся. Действительно, Джелли лично дирижировал путчем фашистского иерарха Боргезе, люди которого в декабре 1970 года заняли здание Министерства внутренних дел Италии, взяли там оружие и готовились захватить здание римского телевидения, чтобы провозгласить нового диктатора. Джелли лично давал «отбой» путчу. Ему, а также главе секретных служб генералу Мичели и тем, кто их вдохновлял и проводил «стратегию напряженности», было важно сохранить в Италии боевую силу старых и новых фашистов, использовать ее для шантажа итальянского населения, политических сил, сохраняя за собой регулирующую роль. Сам Сальвини попытался было вовремя «сойти с корабля», организовав новую ложу «Пропаганда-1», и опереться на недовольство части масонов диктаторской практикой Джелли, его милитаристской,

профашистской деятельностью по культивированию заговоров и организации провокационного терроризма. Но в 1975 году Сальвини вынужден был утвердить особый статус «П-2», ставящий ее выше остальных лож, а самого Джелли сделал «почтенным магистром», законным главой ложи.

Внешне жизнь Личо ничем не отличалась от существования богатого бизнесмена: он воспитывал сына Маурицио, пил свой любимый вермут, принимал по утрам контрастный душ. Джелли не торговал наркотиками, не снабжал повстанцев всех мастей оружием, не караулил в подъездах банкиров и политиков и уж тем более не стрелял сам. Все это он жестко, по-хозяйски контролировал. Попытки выйти из-под контроля или вмешаться в его бизнес пресекались им сразу и навсегда – высшей мерой. На совести ложи Джелли и гибель основателя «Красных бригад», эксцентричного миллионера-революционера Фельтринелли, с которым они не поделили место под солнцем. Масонская месть настигла Роберто Кальви, хотя в своих попытках скрыться он даже добрался до Англии: его нашли повешенным у моста Черных монахов, и Скотланд Ярд додумался только до версии о самоубийстве. Разговорившегося за тюремной решеткой масонского банкира Микеле Синдона отравили в камере, несмотря на то что все продукты, предназначенные для него, готовились специально отобранным персоналом и доставлялись запечатанными в пластиковую оболочку (он был отравлен в миланской тюрьме цианистым калием, подмешанным в кофе).

Сальваторе Флавио, полковник финансовой гвардии, в качестве представителя ее разведотдела трижды составлял справки о главе ложи «П-2», а весной 1974 года даже посмел вести расследование дела Личо Джелли. За это он подвергся клевете и массе анонимных доносов, был резко переведен из престижного отдела на второстепенную должность, а затем «попал» в автомобильную катастрофу. Его соратник Лучано Росси за свою недолгую карьеру умудрился составить досье на Джелли и был найден с простреленной головой. Альдо Семерари, арестованный по подозрению в причастности к организации взрыва на вокзале в Болонье, был обезглавлен – чтобы не проговорился. Этот страшный список можно продолжать и продолжать. И если Джелли так обходился со своими соратниками, то многочисленным следователям и журналистам доставалась еще более горькая участь. Разные люди, разные судьбы, но одинаковый финал – смерть. Некое однообразие в приговорах Личо Джелли компенсировал разнообразием исполнения и исключительным умением выходить сухим из воды.

Фашисты и военная партия, во множестве представленные в ложе Джелли, были важны как инструмент достижения политических целей, и в первую очередь для прекращения в Италии сближения католиков и коммунистов. В 1978 году «П-2» во взаимодействии с «Красными бригадами», которым поставляла оружие, устранила бывшего премьер-министра страны, лидера левого крыла Христианско-демократической партии Альдо Моро. Перед этим, на рубеже 1975–1976 годов, Джелли попытался провести «план демократического возрождения» Италии. Для этого «во имя свободы» предполагалось упразднить римское радио и телевидение. Не полагаясь на «своих людей», которые контролировали содержание ряда ведущих программ, Джелли решил вообще лишить итальянцев возможности получения какой-либо информации, которая не фабриковалась бы его группой. Командовать же Италией предлагалось комитету богачей, за политиками оставалось право выполнять их команды, чтобы подчинить страну «дружественным» силам, среди которых Джелли выделял «международное масонство». На пути проведения этого плана и встал Моро – упорный сторонник коалиции «национального согласия» и разрядки. Именно он подписывал в Хельсинки от имени Италии знаменитое соглашение, которое имело целью установить новый кодекс поведения стран в Европе, соблюдать интересы безопасности друг друга, развивать международное взаимопонимание и сотрудничество.

Несмотря на то что Моро не занимал к тому времени какой-либо государственный пост, его авторитет в стране был бесспорен, что очень мешало планам «П-2» и ЦРУ. Ему также не могли простить того, что он участвовал в разработке статьи 18 итальянской конституции, запрещающей создание и деятельность секретных обществ в Италии. 16 марта 1978 года, спустя всего две недели после того, как посол США в Риме Гарднер назвал его «наиболее опасной и двусмысленной личностью на итальянской политической сцене», Моро был похищен. Даже день был выбран не случайно: Моро должен был представить парламенту свой план сотрудничества демохристиан с коммунистами. Этот план был не только делом его жизни. Он был важен и для будущего Италии.

Внешне «дело Моро» выглядело так: террористами руководил возглавивший «Красные бригады» Марио Моретти, на счету которого только за два последних года числилось 19 убийств. Полиция, как потом сообщила вдова Моро, заранее знала о прибытии в Рим группы террористов и о том, что за машиной ее мужа начали слежку неизвестные. Но ему отказались предоставить бронированный автомобиль. Если учесть, что итальянские секретные службы, которым было поручено ловить террористов и вызволять Моро, находились в руках членов ложи «П-2», а сам магистр был советником по «делу Моро», то можно понять, что ни о каком спасении и речи быть

не могло – активист демохристиан был убит после непродолжительных попыток добиться от него отказа от своих идей. Почти все лица, занимавшиеся операцией на улице Фани, где произошло похищение Моро, были выловлены, но доказать причастность Джелли к преступлению не смогли, потому что как только следователи нащупывали нити, ведущие к Великому магистру, их тотчас обрывали. Еще бы, ведь генерал Грассини, глава секретной службы МВД Италии, сам являлся членом ложи «П-2». Он не только не допустил каких-либо действий против своего негласного патрона, но все операции по сбору и обработке информации о похищении Моро сосредоточил в руках Джелли. Как показал член «П-2», полицейский чин МВД Чоппа, подготовленные министерством бумаги о «деле Моро» были разработаны на совещании в МВД с участием Джелли. «Глава ложи, – говорится в документе итальянской парламентской комиссии, – действовал, таким образом, почти официально, будучи внедрен на высшем уровне в один из жизненных центров государства».

Влияние Джелли было настолько весомо, а «П-2» так стремительно разрасталась, что магистр оказался способен поддержать Перона в деле возвращения его к власти. Он стал другом семьи президента, а также близкого к его жене Изабелите мистика и изувера Лопеса Реги, которого называют одним из создателей «эскадронов смерти» в Аргентине. По слухам, Джелли был удостоен права распоряжаться достоянием семьи Перона. Его сделали советником посольства Аргентины в Риме, а в ложу «П-2» записались наиболее реакционные военные Аргентины. Так Джелли стал руководителем международного масонского объединения ОМПАМ – Всемирной организации масонской помощи.

Комиссия итальянского парламента попыталась перечислить преступления, за которыми скрывалась «подрывная ложа». Люди Джелли командовали правыми заговорами наподобие путча Боргезе или заговора «розы ветров». Этот разветвленный заговор, в основу которого был положен план НАТО на случай «чрезвычайного положения», вызванного «левыми выступлениями», опирался на двадцать четыре террористические группы. В нем предусматривалось отрезать Рим от промышленного Севера действиями отборных частей, связанных с натовскими базами, ликвидировать руководство левых партий и профсоюзов, упразднить парламент, установить в стране военную диктатуру. В качестве детонатора для выступлений предусматривалось организовать вооруженные провокации против армейских частей на Севере Италии. Акцией, которая должна была подстегнуть общественность и дестабилизировать обстановку в стране, был взрыв на поезде «Италикус» в августе 1974 года, приведший к многочисленным человеческим жертвам. Он был организован людьми Джелли через масона-фашиста Синьорелли. Как показал один из обвиняемых, магистр лично передал руководителю фашистских боевиков чемоданчик с деньгами на покупку бомб и оружия. До этого безуспешной попыткой дать повод к выступлениям армии было покушение на премьер-министра Италии Румора в Милане в мае 1973 года. Террорист Бертоли бросил гранату во время церемонии открытия памятника полицейскому комиссару Калабрезе, который был убит террористами. Были раненые, но премьер-министр остался жив.

Параллельно в Турине готовился так называемый «белый» заговор Соньо, агента ЦРУ, засланного в свое время в партизанское движение Италии, тоже члена ложи «П-2». Он должен был похитить итальянского президента Леоне, заставить его распустить парламент и призвать к власти правительство во главе с фашиствующим масоном Паччарди. По замыслу организаторов, путч должен был быть «яростным, быстрым и беспощадным». Во время «бескровного переворота», как позже именовали заговор Соньо на судебном процессе, в ходе которого он был оправдан (состав судей был подобран ложей «П-2»), предполагалось физически ликвидировать до двух тысяч политических и профсоюзных руководителей.

«Послужной список» Великого Магистра тянется нескончаемо – политические заговоры, шпионаж, подготовка подрывных групп, организация покушений, валютно-финансовые махинации, торговля оружием, наркотиками и, конечно, взрыв на железнодорожном вокзале в Болонье 2 августа 1980 года, унесший жизни 85 человек и изувечивший еще 200 ни в чем не повинных граждан. А еще взрыв на пассажирском поезде «Италикус», повлекший множество жертв, и убийства прокуроров, и покушения на премьер-министра Румора и президента страны Леоне... Сюда относятся поджоги на промышленных гигантах Италии «Пирелли» и ФИАТе. «Добрых» дел ложи «П-2» просто не счесть. Здесь же сделки по торговле оружием, спекуляции на бирже. Известно также, что Джелли в больших масштабах занимался контрабандой золота из Южной Африки и реализовывал его через Цюрих. (Кстати, одно из подобных дел нашло свое отражение в известном кинофильме «Спрут».) Что же удалось доказать из этого списка? Да сущие пустяки. А при адвокатской поддержке, которую мог себе позволить человек его ранга, при постоянных ссылках на возраст и пошатнувшееся здоровье, а также дружеской взаимовыручке со всего света Джелли долго продолжал чувствовать себя безнаказанным.

И все же пробил час, когда «отвертеться» оказалось довольно трудно. Скандал разразился 18 марта 1981 года, когда итальянская полиция, занимаясь расследованием важного

государственного преступления, связанного с другом Джелли, сицилийским банкиром Микеле Синдоной, произвела обыск в кабинете магистра на вилле «Ванда» в городке Кастильон Фибокки. Результаты поначалу были разочаровывающие: документов по синдоновским делам не нашли, да и господин Джелли, предупрежденный звонком из итальянского МВД, успел улизнуть от полицейской буквально за несколько минут до появления наряда карабинеров. Зато стражи порядка откопали в огороде сейф, в котором обнаружили список членов масонской ложи – неполный, но внушительный до дрожи. Говорят, что тогдашнего президента Италии Алессандро Пертини отпавали кьянти, когда он увидел имена. В списке значились: 3 министра, 23 депутата парламента, 10 префектов, 10 генералов корпуса карабинеров, 7 генералов финансовой гвардии, 6 адмиралов, 83 президента государственных компаний, 12 генеральных директоров банков и без счета судей, прокуроров, чиновников, в том числе профсоюзных. МИД тоже был представлен на весьма высоком уровне: его группу возглавлял генеральный секретарь итальянского ведомства внешней политики.

Но все рекорды численности били военные. Министерство обороны «обогаило» ложу 152 высшими чиновниками. К ним следует добавить 195 военных чинов. Лишь один среди них был капитаном, остальные – в основном полковники, генералы, а также адмиралы. И какие! Адмирал Торризи возглавлял в конце 1970-х годов генеральный штаб итальянских военно-морских сил, а с 1980 по 1981 год – генеральный штаб министерства обороны, адмирал Биринделли был заместителем главнокомандующего военно-морскими силами НАТО по Южной Европе. Так как ложа «П-2» являлась сильнейшей итальянской ложей Вольных Каменщиков, она подмяла под себя и «Великую ложу Ватикана», в которой числился 121 высший иерарх Церкви. И во главе этой славной когорты – он, «великий и ужасный» Личо Джелли, сумевший собрать всех «под одной крышей».

Так правительство «совершенно случайно» узнало о существовании могущественной масонской ложи под названием «Пропаганда-2». Впрочем, влияние ложи распространялось далеко за пределы Италии. В нее входили десятки крупных военных деятелей и политиков Аргентины, Бразилии и Либерии. К ложе были близки президент Египта Анвар Садат, иранский шах. Сам Джелли в интервью «Эспрессо» назвал общее число «каменщиков» – 2400 членов, хотя позже опроверг эти данные. Великий Магистр, имея за своей спиной такую влиятельную когорту, и впрямь мог ничего не опасаться.

И все же Джелли, пока шло расследование деяний его ложи, вначале скрывался в США и Южной Америке. Парламентская комиссия выяснила причастность ложи ко многим террористическим актам в стране с целью дестабилизировать политическое положение и одновременно вскрыла факты многочисленных афер. Стало известно, что лично Джелли был подключен правительством США к операциям по освобождению заложников в Тегеране. Было также выявлено его участие в кампаниях по некоторым президентским выборам в США и Западной Европе и установлено, что Джелли принимал участие в инаугурации американских президентов Форда, Картера и Рейгана.

Уход Джелли со сцены встревожил верхнюю «пирамиду». В Италию из Соединенных Штатов Америки даже прибыла внушительная делегация американских масонов из «Международной лиги прав человека»! Когда же стало ясно, что Великий Магистр скомпрометирован окончательно и надежд на его реабилитацию нет, «друзья» по команде объявили Джелли и его ложу «еретиками» масонства. И, обеляя себя, «перевели стрелку» на Джелли как агента КГБ, а затем обнаружили какой-то «болгарский след». И тем не менее представители всех 620 лож Италии выразили доверие ложе «П-2», заявив, что не видят никаких нарушений в ее практике. А позднейший их маневр с «осуждением» был продиктован мотивами самозащиты, а отнюдь не принципиальными соображениями.

А что же Личо? Он недолго скрывался у друзей в Латинской Америке. 13 сентября 1982 года, изменив внешность, отпустив и покрасив в черный цвет усы и имея в кармане два фальшивых паспорта на имя Бруно Риччи и Лючано Гори, магистр пытался спокойно и с достоинством снять свои скромные сбережения в размере 120 миллионов долларов в женевском банке. Швейцарцы, во избежание неприятностей, тут же сообщили в Интерпол, который и организовал арест. Почти год провел глава масонов на комфортабельных нарах в известной швейцарской «зоне» под названием Шан-Доллон, а за 10 дней до депортации в родную Италию исчез из неприступной крепости сначала (по официальной версии) во Францию, а потом на вертолете в Монако, откуда вернулся опять в гостеприимную Южную Америку. Документами его снабдил итальянский консул в Женеве синьор Фердинандо Мора. Он же помог господину Джелли скрыться.

Магистр исчез на несколько лет, но 21 сентября 1987 года снова появился в Женеве, теперь уже не за деньгами, а чтобы предстать перед судом, получить года четыре (приехал-то с повинной) условно и закрыть дело. Не получилось: Италия потребовала выдачи преступника и суда над ним. Личо Джелли был осужден, получил 12 лет, но в соответствии с законом об

освобождении лиц, достигших 65-летнего возраста, спокойно вышел из тюрьмы в обмен на подписку о невыезде.

Оказавшись на свободе, «досточтимый мастер» тут же пригрозил обидчикам опубликованием своих разоблачений. Весной 1989 года он издал апологетическую книгу под напыщенным названием «Истина». Затем он вновь исчез. Последний раз его видели во Франции в 1998 году, а потом след мэтра терроризма затерялся в Латинской Америке. По некоторым данным, Великий Магистр умер или был убит в Швейцарии. Следует отметить, что, уже находясь не у дел, Джелли продолжал террористическую деятельность. В 1991 году в результате независимого расследования, проведенного российскими журналистами, в печати появилась версия причин трагической гибели шведского премьер-министра Улофа Пальме. Оказывается, в середине 1980-х годов Пальме раскопал неопровержимые доказательства причастности ряда торговых и промышленных фирм, в том числе шведских, к незаконной торговле оружием. По некоторым данным, эти фирмы входили в сферу интересов империи Джелли. Прекращение их деятельности в будущем, а также срыв нескольких текущих контрактов нанесли бы чувствительный многомиллионный удар по доходам масонской ложи и самого Великого Магистра.

Свои материалы по данному вопросу – документы и их копии в микрофильмах – Пальме предал ограниченной гласности во время закрытого совещания 12 мая 1985 года. А через год, 28 февраля его не стало. Убийца не найден до сих пор и скорее всего не будет найден никогда. Из материалов того же независимого расследования можно сделать вывод, что в операции по устранению шведского премьера роль киллера талантливо исполнил «зомби», подготовленный на основе самых современных медицинских достижений. След от киллера-зомби тянется в Латинскую Америку к чудо-лекарям, осевшим там со времен Третьего рейха. Еще через три года взрыв на борту самолета американской компании «Пан Американ» оборвал жизнь друга и соратника Пальме, международного чиновника Бернта Карлссона – единственного человека, кто мог иметь при себе копии микрофильмов. Ни в одном из этих дел Личо Джелли официально не фигурировал, и его авторитет никак не пострадал, как не пострадали и его миллионы. Однако многочисленные мелкие факты, совпадения и даже некоторые свидетельства людей ведут прямоком к Великому Магистру.

Верховный руководитель «ложи убийц» на протяжении десятков лет распоряжался судьбами людей и пытался править страной. Но он и сам в какой-то мере был куклой. Комиссия итальянского парламента, расследуя дело Джелли, пришла к заключению, что он был вознесен столь высоко лишь потому, что являлся орудием в чужих руках: «Какие силы действуют в верхней структуре, нам знать не дано даже в самых общих выражениях, кроме идентификации отношений, связывающих Джелли с секретными службами».

ЖЕЛЯБОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ

(род. в 1851 г. – ум. в 1881 г.)

Один из создателей и руководителей террористической российской организации «Народная воля», редактор нелегальной «Рабочей газеты». Участник покушений на императора России Александра II и организатор его убийства в Санкт-Петербурге 1 марта 1881 года.

Время и условия, при которых пришлось жить этому человеку, не позволили ему подняться выше терроризма и стать крупным политическим деятелем. В нем были все задатки народного трибуна, речь его была горяча и порывиста, голос приятный и сильный. Своими словами революционер производил на слушателей такое впечатление, что они готовы были идти за ним куда угодно. Железная воля и сила духа чувствовались в его походке, голосе, жестах. В революционных кругах он пользовался популярностью. Уже одной только внешностью Андрей выделялся среди народовольцев и при первом взгляде обращал на себя внимание: прекрасно сложенный брюнет высокого роста, с широкой грудью, длинной окладистой бородой, большим лбом, живыми, умными глазами. По словам однопартийцев, их вождь был сложной и богато одаренной от природы натурой.

Родился он в 1851 году в с. Николаевка, Таврической губернии, Феодосийского уезда, Петровской волости (ныне Крым) в семье крепостных крестьян, где кроме него рос брат Михаил и сестры Александра, Мария и Ольга. С детства дети приучились к нелегкому сельскому труду, и все равно жили бедно. А барские дети только развлекались и при этом купались в роскоши – маленький Андруша запомнил эту несправедливость на всю жизнь.

В 1861 году в России наконец-то отменили крепостное право. Но в семье Желябовых оставалась та же бедность и беспросветная работа от зари до зари. По новому закону помещицья собственность на землю сохранялась, полученные от барина наделы крестьяне должны были выкупать. Но денег на это у большинства крестьян не было. До выкупа они назывались временнообязанными и выполняли в пользу помещика оброк или барщину. На местах крестьянскую реформу проводили мировые посредники, составляющие на каждое имение уставные грамоты. При межевании помещики сохраняли за собой лучшие земли, а крестьянам чаще всего отводили неурожайные наделы. Это вызывало массовые недовольства: крестьяне требовали раздела всей помещицьеи земли, отказывались работать на господ, не подчинялись управляющим. В Тамбовской, Пензенской и Казанской губерниях вспыхнули крестьянские восстания, жестоко подавленные царскими войсками. По определению В.И. Ленина, «1861-й год породил 1905-й». А еще, наверное, этот год породил многочисленные покушения на тогдашнего правителя России.

4 апреля 1866 года в царя Александра II неудачно стрелял двадцатилетний революционер-ишутинец Дмитрий Каракозов. Юный Андрей Желябов, по его же словам, «радовался каракозовскому выстрелу, и чувствовал к царю такую же симпатию, как и к господам». Верховный суд, рассматривавший «Каракозовское дело» с 10 августа по 1 октября 1866 года, вынес Дмитрию смертный приговор. Из 36 подсудимых восемь человек отправились на каторгу, девять – в сибирскую ссылку, а всего под следствием были свыше двух тысяч человек.

Французские коммунары, провозгласившие 28 марта 1871 года Парижскую республику, тоже повлияли на мировоззрение молодого Желябова. В 1872 году он был исключен из Новороссийского университета за революционные прокламации и участие в студенческих беспорядках. В следующем году бывший студент стал членом революционной организации «чайковцев» в Одессе. Кружок существовал в Петербурге с 1869 года под руководством Н. В. Чайковского, В. М. Александрова и М. А. Натансона. В 1871 году они объединились с революционной секцией С. Л. Перовской, открыли филиалы в Москве, Киеве, Одессе и других городах. Участники готовили пропагандистов из числа интеллигенции и рабочих для «хождения в народ», издавали и распространяли революционную литературу. «История движется ужасно тихо, надо ее подталкивать. Иначе вырождение наступит раньше, чем опомнятся либералы и возьмутся за дело» – говорил А. Желябов. За «подталкивание» людей против государя в сентябре 1874 года его в числе почти четырех тысяч агитаторов арестовали, но после дознания отпустили на поруки до суда. «Большой процесс» («Процесс 193-х») проходил в Петербурге с 18 октября 1877 года по 23 января 1878 года. Подсудимых обвиняли в создании организации с целью свержения существующего строя. 28 пропагандистов приговорили к различным срокам каторги, многих – к ссылке. Андрея Желябова в числе других подсудимых оправдали. 80 человек сослали административным порядком, в том числе и гражданскую жену Андрея – Софью Перовскую. В июле 1878 года по дороге в Олонецкую губернию она сбежала от уснувшего конвоя и перешла на нелегальное положение.

2 апреля 1879 года «народник» Александр Соловьев совершил неудачное покушение на монарха России и был казнен в Петербурге. Эти устрашающие меры не заставили однопартийцев

отказаться от дальнейшей борьбы за светлое будущее. 19–21 июня 1879 года на съезде «Земли и воли» большинство этой партии пришло к заключению, что при данных условиях социалистическая пропаганда как в городе, так и в деревне невозможна. Поэтому необходима борьба за политическую свободу, для чего одним из средств достижения цели предлагался террор. А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, провозгласили теракты важнейшим орудием уничтожения царского режима. Оппоненты Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, В. И. Засулич считали, что террористические методы борьбы приведут к усилению репрессий со стороны властей, к свертыванию социалистической пропаганды среди народа. «Земля и воля» раскололась на две самостоятельные организации – «Народная воля» и «Черный передел». В Исполком «народовольцев» вошли недавно оправданные судом А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, С.Л. Перовская и др. Они провозгласили главной целью партии уничтожение деспотического режима и демократические свободы. Средством для этого революционеры выбрали политические убийства. Серия терактов должна была закончиться для экстремистов захватом власти.

А. Желябов говорил: «Под ударами систематического террора самодержавие даст трещины. Правительство долго выдерживать подобное напряжение не сможет и пойдет на действительные, а не на призрачные уступки». Что народ будет потом делать с обретенными свободами и властью, террористы не знали и даже не представляли, куда вести народные массы после победы над самодержавием.

Исполнительный комитет принял решение убить Александра II. Андрей высказал идею взорвать поезд, когда император будет возвращаться осенью того года из крымской резиденции в Ливадии в Петербург. Он, переезжая из города в город, организовывал это покушение и попутно вел усиленную пропаганду среди населения о необходимости политической борьбы и свержения существующей власти. Желябов (партийные клички «Борис», «Захар», «Тарас») также редактировал подпольную «Рабочую газету» и способствовал ее распространению.

Когда оказалось невозможным нападение в Крыму, Андрей наметил пункты в Подмосковье и под Александровском, Екатеринбургской губернии (ныне Днепропетровская обл.), близ с. Вознесенка, на четвертой версте Лозово-Севастопольской железной дороги. В Александровске предводитель террористов, назвавшись ярославским купцом Тимофеем Черемисовым, изъявил в Думе намерение открыть свое дело. В заявлении в городскую управу он указал: «Желая устроить в г. Александровске кожевенный завод (сыромятного, дубильного и иного кожевенного производства), честь имею просить:

1. Дозволить мне устройство вышеозначенного завода.

2. Отвести для этого около крепости 1200 квадратных сажен, на условиях продажи при продолжении аренды».

Получив разрешение и уплатив задаток, Андрей выбрал себе участок земли близ полотна железной дороги, но в его отводе ему было отказано, после чего он указал другой участок, вблизи селения Вознесенка. Понятное дело, завод никто строить не собирался, а вся эта комедия была придумана для того, чтобы легально жить в городке, не вызывая подозрений, выбрать подходящее место для закладки динамита и взорвать царский поезд.

В конце октября «купец Черемисов» с сожительницей Акимовой (она же Баска), под видом супружеской пары сняли комнаты в доме мещан Бовенко. Там же нашли приют и сбежавшие из административной ссылки Яков Тихонов и Иван Окладьев, привлеченные Желябовым к покушению. Сюда перевезли три пуда динамита и все необходимое для теракта.

Ночью производилась работа по укладке провода от грунтовой дороги до обрыва, затем по оврагу и вверх на насыпь железнодорожного пути. Потом террористы заложили под шпалы в пробуранные в земле отверстия два медных цилиндра с динамитом.

Параллельно велись приготовления взрыва на Одесской железной дороге. Там закладку мины взяли на себя Колоткевич и Фоменко (М. Фроленко), который должен был устроиться путевым обходчиком и вблизи своей будки заложить заряд под рельсы. Но это покушение не состоялось из-за того, что царь с семьей не поехали по Одесской магистрали.

16 ноября 1869 года Пресняков, поселившийся в г. Симферополе для получения сведений о времени выезда государя из Крыма, приехал в г. Александровск и известил единомышленников, что самодержец проследует через этот город 18 ноября. В этот день около девяти часов утра Тихонов, Желябов, Окладский и Пресняков, поместив в телегу батареи и спираль Румкорфа, поехали к тому месту, где у них были закопаны минные провода. Окладский, вынув из земли концы, соединил их с батареей и передал Желябову. Когда императорский поезд вышел со станции и несколько его вагонов уже прошли над тем местом, где был заложен динамит, Андрей замкнул цепь, но взрыва не произошло, и состав благополучно проследовал мимо

злоумышленников. Впоследствии выяснилось, что запалы были плохого качества и не воспламенили взрывчатку.

Спустя некоторое время неудачники-экстремисты вытащили из земли провода, а динамит оставили под рельсами, так как техники давали ручательство, что, по меньшей мере, в продолжение двух лет взрыва не последует. А мины могли пригодиться весной для повторной попытки, когда император с семьей будет ехать из Петербурга в Крым на летний отдых.

Под руководством Перовской вечером 19 ноября 1879 года на третьей версте Московско-Курской железной дороги, во время следования в Москву поезда с императорской службой (царя там не было) террористы взорвали полотно железной дороги. Один багажный вагон перевернулся вверх колесами и восемь вагонов сошли с рельс. К счастью, никто не пострадал.

Экстремисты под руководством Желябова продолжили охоту на самодержца России и предприняли попытку убить его в Петербурге в феврале 1880 года. Но плотник-революционер взорвал динамит под столовой Зимнего дворца раньше, чем туда зашел Александр II с семьей.

Полиция тоже не сидела сложа руки. 25–30 октября 1880 года в Петербурге прошел первый крупный процесс по делу членов «Народной воли» («Процесс 16-ти»). Их обвиняли в покушении на Александра II. А. А. Квятковского и А. К. Преснякова приговорили к смертной казни, четырех человек – к вечной каторге, остальных – к различным срокам каторги и ссылки.

В ответ на репрессии властей в 1881 году Андрей разработал новый план физического уничтожения монарха, теперь уже в Санкт-Петербурге. Террористы должны были взорвать императорскую карету бомбой, заложенной в подкоп под Малой Садовой улицей, по которой ездил царь. Если он поедет другой дорогой или заряд не сработает, в дело вступят метальщики с ручными бомбами. На случай, если и они не убьют императора, Желябов и Тригони это сделают кинжалами.

На Малой Садовой улице в начале 1881 года народоволец Богданович (Кобозев) арендовал подвал, где устроил сырную лавку. На самом деле из этого помещения шел подкоп к дороге, по которой проезжал Александр II. Однако планы террористов неожиданно были нарушены – вождя народовольцев 27 февраля 1881 года арестовали. Случилось это в меблированных комнатах Лихачева на Невском проспекте, которые находились под контролем царской «охранки». В нарушение элементарных правил конспирации там поселился вызванный Андреем из Одессы Тригони под своей настоящей фамилией, которая была известна полиции. Понятно, что за ним установили наблюдение, как и за Желябовым. Несмотря на замеченную слежку, они встретились вопреки всем правилам конспирации на квартире Тригони. Здесь их взяли «без шума и пыли», хотя террористы имели револьверы. После ареста самых опытных «рыцарей бомбы и кинжала» руководство террористической операцией взяла на себя гражданская жена вождя экстремистов – Софья Перовская.

Когда в полдень 1 марта царь выехал из дворца, в «сырной лавке» все было готово для взрыва. Метальщики с ручными бомбами стояли в условленных местах. Александр II поехал не по Садовой улице, а по набережной Екатерининского канала. Перовская дала сигнал носовым платком, и метальщики Рысаков, Гриневицкий, Емельянов и Михайлов примерно в 100 м друг от друга заняли места у решетки канала.

Во втором часу пополудни раздался взрыв бомбы мещанина Николая Рысакова, чудом не причинивший вреда царю. Через несколько секунд последовал второй – в Александра II метнул роковую бомбу Игнатий Гриневицкий. В тот же день в 3 часа 35 минут император от полученных ран скончался, как и его убийца. Пострадали и невинные люди. Ранеными оказались 11 полицейских (в том числе полковник Дворжицкий) и девять случайных прохожих. Двое взрослых и 14-летний крестьянский мальчик-посыльный, Николай Максимов, умерли от ран спустя несколько часов.

Чудовищный исторический парадокс убийства «императора всея Руси» заключался в том, что он в тот день в своем портфеле вез на обсуждение в Сенат проект первой демократической конституции России. Если бы не фанатики-террористы, возможно, империя пошла бы в развитии по английскому пути.

Схваченный на месте преступления Рысаков на допросах выдал Перовскую и Михайлова, а также конспиративную квартиру. Желябов присоединился к арестованным по собственному желанию. Из тюрьмы он послал прокурору судебной палаты следующее заявление: «Если новый государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении царевубийц старой системы, было бы вопиющей несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшего физического участия в умерщвлении

его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу первого марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения. А. Желябов. Второго марта 1881 года».

26–29 марта того же года состоялся политический процесс, обвинителем на котором выступил заместитель прокурора Петербургской судебной палаты Н. В. Муравьев. Защищали подсудимых Унковский, Халтари, Герке, Герард, Кедрин. Суду Особого присутствия Правительствующего Сената подверглись: тихвинский мещанин Николай Рысаков, 19-ти лет; Андрей Желябов, 30-ти лет; дворянка Софья Перовская, 27-ми лет; крестьянин Смоленской губернии Тимофей Михайлов, 21-го года; Николай Кибальчич, изготовивший бомбы, и мещанка Минской губернии Геся Гельфман, 26-ти лет. На квартире последней происходили встречи террористов, здесь одно время размещался печатный станок для изготовления революционной литературы и газеты, хранились прокламации, взрывчатка и т. п. Подсудимые на суде сами говорили о своем участии в антигосударственной деятельности и ни в какой степени не заботились о смягчении приговора.

На судебном заседании Желябов рассказал: «Отроду мне 30 лет, женат, имею сына; где находится семейство, не знаю; полагаю, у тестя моего Яхненко, в Тираспольском уезде, Херсонской губернии. Вероисповедание христианское, служу для освобождения родины; из родных имею отца, мать, сестер, брата, все они живут в том же Феодосийском уезде. Жил на средства из фонда для освобождения народа. Признаю свою принадлежность к партии «Народная воля» и то, что готовил убийство при покушении взорвать императорский поезд 18 ноября 1879 года. Настоящей квартиры моей в Петербурге, а равно и знакомых назвать не желаю. Проживал под многими именами, называть их считаю неуместным. При моем задержании у меня изъяты заряженный револьвер и несколько патронов, а также в запечатанном конверте два листа, написанные шифром, открыть который, понятно, не желаю».

Все обвиняемые были признаны виновными в смерти государя и других лиц, а также в принадлежности к тайному сообществу русской социал-революционной партии, имевшей целью ниспровержение государственного строя в России путем насильственного переворота. Суд приговорил террористов к смертной казни через повешение.

3 апреля 1881 года осужденных со связанными сзади руками везли на двух «позорных колесницах» на Семеновский плац. На груди у каждого были черные доски с надписью «цареубийца». Конные жандармы окружали процессию, которая медленно продвигалась по улицам Петербурга. Эшафот на площади представлял собою помост высотой в два аршина с позорными столбами и общей виселицей в виде буквы «П». Вскоре после того, как преступники были привязаны к столбам, раздалась военная команда «на караул», после чего градоначальник известил прокурора судебной палаты, господина Плеве, что все готово к совершению правосудия.

Статс-секретарь Попов зачитал приговор. Все присутствующие обнажили головы. Осужденные почти одновременно подошли к священникам и поцеловали крест, после чего они были отведены палачами каждый к своей веревке.

Первым повесили Кибальчича, потом Михайлова, Перовскую, Желябова и последним – Рысакова. В 8 часов 30 минут казнь окончилась. Тела экстремистов висели не более 20 минут. Затем на эшафот внесли пять черных гробов, в которые помощники палача Фролова положили трупы. Военный врач в присутствии двух членов прокуратуры засвидетельствовал смерть казненных. Гробы накрыли крышками, заколотили и отвезли под конвоем на станцию железной дороги для погребения террористов на Преображенском кладбище.

Поскольку шестая террористка, Гельфман, была беременна, исполнение приговора ей отложили, она умерла своей смертью в тюрьме летом 1881 года.

До 1883 года экстремистская организация радикалов, насчитывающая к тому времени несколько тысяч участников в 50 городах, была разгромлена полицией. По России прокатились массовые аресты. Многие террористы по обвинению в подготовке физического устранения императора и государственного переворота были приговорены к смертной казни, вечной каторге или ссылке.

С 1883 по 1889 год революционеры несколько раз пытались возродить «Народную волю» и уничтожить императора, но терпели неудачу. В их числе был и руководитель террористической фракции, старший брат Ленина – 21-летний Александр Ульянов. После неудачного покушения первого марта 1887 года на царя Александра III ее члены подверглись суду по делу «Второго 1-го марта».

Судебные заседания по обвинению революционеров зачастую превращались в политические процессы с произнесением программных речей подсудимых («Процесс 20-ти» в 1882 году;

«Процесс 17-ти» в 1883 году; «Процесс 12-ти» и «Процесс 14-ти» в 1884 году, «Процесс 21-го» в 1887 году; «Процесс 28-ми» в 1879 году).

В.И. Ленин поставил Желябова в один ряд с французским революционером Робеспьером и итальянским предводителем повстанцев Гарибальди. В СССР большевики приравнивали террористов к национальным героям. 14 марта 1926 года в связи с 45-й годовщиной убийства Александра II девяти бывшим участникам покушения была назначена персональная пенсия.

ЗЮЛЬКОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

(род. в 1953 г. – ум. в 1996 г.)

Белорусский террорист-одиночка, захвативший 11 июня 1996 года детский сад № 511 в Минске, взяв в заложники двух взрослых и 17 детей.

Словом «террор» древние римляне обозначали страх. Уже несколько тысячелетий люди испытывают панический ужас перед терроризмом. Казалось, размеренная и спокойная жизнь Беларуси никогда не будет связана с этим леденящим кровь понятием. Неприметный с виду житель небольшого белорусского поселка Александр Зюльков только благодаря счастливой случайности и мастерски проведенной операции по его захвату не вписал свое имя кровью невинных жертв в историю мирового терроризма. Все, кто знаком с его делом, до сих пор задаются вопросом: кем же был на самом деле этот человек? Жертвой обстоятельств или жестоким мстителем системе?

Александр Васильевич Зюльков родился в 1953 году в небольшом белорусском поселке Ратомка, расположенном в 15 км от Минска. Его отец – Василий Зюльков был потомственным военным. В семье воспитывались двое детей: старший сын Александр и младшая красавица дочь Лариса.

Детство Александра Зюлькова было таким же, как и у большинства его сверстников. Он ходил в обычную сельскую школу, а после уроков спешил на пустырь поиграть с мальчишками в футбол. Саша с детства мечтал стать военным, как отец. Старший Зюльков держал сына в строгости и с детства внушил, что самое главное – это держать слово и, конечно же, отстаивать свою честь. Саша рос тихим и покладистым мальчиком. Он никогда не врал и старался поступать так, как воспитывал его отец. После окончания школы Александр Зюльков реализовал свою мечту, связав дальнейшую жизнь с армией.

С будущей женой Жанной Саша вместе учился в школе. Достигнув призывного возраста, он, как и большинство его ровесников, ушел служить в армию. Жанна ждала Александра два долгих года и писала длинные, полные теплых чувств, письма. Сразу же по возвращении из армии молодые люди поженились. Жизнь текла спокойно и размеренно. Вскоре у них родился сын Руслан. Александр Зюльков очень любил своего ребенка и старался воспитывать его на примере деда, своего отца.

Но все 12 лет совместной жизни Жанны и Александра Зюльковых были перечеркнуты роковым случаем, произошедшим осенью 1986 года. Ранним ноябрьским утром участковый поселка Ратомка Сергей Данильченко прямо из постели забрал А. Зюлькова в «Новинки» – так местные жители называли психиатрическую больницу, находящуюся в их области. Сестра Зюлькова, Лариса, по-своему старалась объяснить происходящее, считая, что, по большому счету, все события произошли из-за нее. Когда-то за Ларисой ухаживал Анатолий Данильченко, учившийся с ней в одной школе. Толя был на два года старше, но несмотря на это красивая, жестокая девчонка смеялась над его чувством, порой даже издевалась. Она не принимала всерьез ухаживания своего поклонника, а он все терпел. Толя ушел в армию, а потом женился. Лариса тоже вышла замуж, но, к несчастью, ее муж вскоре умер. И Данильченко вновь начал ухаживать за Ларисой. Со своей женой он развелся, предварительно заставив ее сделать аборт, и несколько раз делал предложение Ларисе, но та каждый раз отказывалась, насмехаясь над своим надоевшим поклонником. «Мне было противно смотреть, как он унижается, терпя все мои насмешки», – вспоминала Лариса.

Отвергнутый Анатолий терпел долго, но, как это часто случается, неразделенная любовь превратилась в безграничную ненависть. Отомстить бывшей любимой Анатолий не мог, поэтому решил отыграться на ее брате Александре Зюлькове.

Старший брат Анатолия – Сергей Данильченко был назначен участковым в Ратомке незадолго до того памятного ноябрьского утра, которое изменило судьбу Зюльковых раз и навсегда. Анатолий решил воспользоваться служебным положением брата, чтобы осуществить свой план. Братья договорились, что Сергей зайдет домой к Зюлькову и, ничего не объясняя родственникам, заберет его с собой. Так он и сделал.

Три дня об Александре не было никаких известий. Жена и родители сбились с ног, разыскивая его. На четвертый день родственникам наконец-то удалось найти Зюлькова. Он находился в отделении для пациентов, страдающих «белой горячкой». Александр рассказал родителям, что на все вопросы, которые он задавал врачам, те только разводили руками: «Мы здесь ни при чем, раз привезли, значит, будем лечить».

Близкие недоумевали: «От чего же Сашу можно лечить?! Он же не алкоголик. Пил очень редко и только в кругу семьи по праздникам». Жанна вспоминала: «Сашенька даже не курил». В психушке Зюльков всего провел 24 дня. Его выписали с диагнозом, который звучал как приговор: «Хронический алкоголизм. Полная деградация личности».

Этот страшный диагноз поставил точку на его карьере военнослужащего. Зюльков был тотчас же отчислен из спецназа. От него отвернулись многие из друзей и бывших сослуживцев. Смириться с тем, что его карьера закончена, а жизнь катится под откос, Александр не мог. Но самым страшным испытанием для него стало осознание несправедливости приговора. Зюльков решил во что бы то ни стало доказать несправедливость поставленного ему диагноза и восстановить свое доброе имя.

10 лет Александр Зюльков ходил по судам, обращался в прессу, но все было напрасно. За это время состоялось несколько судебных заседаний. Но снять злополучный диагноз Зюлькову так и не удалось. Постепенно цель, которую поставил перед собой Александр, превратилась в смысл его существования, навязчивую идею. В погоне за правдой он не заметил, как в его семье нарастал кризис. Он отдалялся от жены, совсем забыл ребенка.

В 1990 году супруги Зюльковы расстались. К этому времени Александр поменял несколько мест работы, но ни на одном долго не задержался. Поработав какое-то время водителем, он поступил проводником на железную дорогу. А затем приобрел семейному промыслу. Три поколения семьи Зюльковых занимались изготовлением украшений для свадебных торжеств. Александр делал заготовки для искусственных цветов. Несмотря на то что пышные торжества в то время были многим не по карману, его семейный бизнес регулярно приносил стабильный доход. Сам Зюльков успел заработать не так уж и много, но уже занялся ремонтом своего старого домика в Ратомке.

Дни шли за днями, и Зюльков вновь подал заявление в суд. Последнее судебное заседание, как и предыдущие, не дало никаких результатов. После этого Александр Зюльков сломался. Его последняя надежда на счастливый исход рухнула.

По воспоминаниям родных, Зюльков полностью замкнулся. Изредка заходя к матери и сестре помочь по хозяйству или занести очередную партию заготовок для цветов, он мог вообще не произнести ни слова. С большой неохотой Александр отвечал на расспросы родных. По отдельным словам и фразам мать и сестра поняли, что он к чему-то готовится, и решили, что это новый процесс. К сожалению, они ошиблись.

А Зюльков принял решение, взять в заложники группу детей детского сада, желая привлечь внимание общественности и добиться снятия поставленного диагноза. Скорее всего, Александр чувствовал, что из детского сада ему уже не вернуться... Вообще над мужчинами семьи Зюльковых висит какое-то проклятие. Уже три поколения они не умирают своей смертью. Дед был расстрелян в 1939 году, дядя убит в поезде, когда вез материалы служебного расследования, отец пропал при невыясненных обстоятельствах в Сочи, где купил большую квартиру, муж младшей сестры повесился. Многие это называют мистикой, но Александр не мог не понимать самого главного – он следующий на очереди.

В понедельник 10 июня 1996 года Александр Зюльков пришел к бывшей жене на работу и попросил забрать его собаку. «Я спросила, – вспоминала позднее Жанна, – куда ты уезжаешь?» Он ответил: «Никуда, просто так надо».

Во вторник 11 июня 1996 года около восьми часов утра Жанна встретила бывшего мужа на станции. Он прошел мимо нее, даже не поздоровавшись. Подойдя к последнему вагону, Зюльков пропустил всех вперед и зашел в тамбур электрички последним. Большую хозяйственную сумку, которую держал в руках, он поставил на пол у ног. Жанна стояла чуть поодаль, вглядываясь Александру в лицо и пытаясь понять: что же случилось? Зюльков полностью ушел в себя. Лицо его приняло какое-то отрешенное, жутковатое выражение. Бывшая жена не стала ни о чем

расспрашивать, понимая, что он даже не услышит ее вопроса. Выйдя на нужной станции, Жанна побрела на работу, безотчетно чувствуя, как страх сковывает ее сердце.

Приехав в Минск, Александр Зюльков зашел на территорию детского сада № 511. Помощник воспитателя Анна Леванцева вспоминала потом о событиях того рокового утра: «Сначала я его не заметила, просто стоит какой-то мужик, молчит и оглядывается по сторонам. Ну и ладно, думаю, отцы не часто детей в садик приводят, так что я не всех знаю. Потом подошел ко мне, схватил за руку, оттащил в помещение группы и говорит: "Я террорист, у меня тут взрывное устройство. Давай собирай детей и звони в милицию". И достает из сумки "дипломат", из которого какая-то проволока торчит. В общем, с ним остались воспитатель, логопед и 17 детей из двух групп. А я побежала в коридор к заведующей».

А уже через полчаса все информационные агентства передали, что минский детский сад № 511 захвачен террористом, который назвался Зюльковым Александром Васильевичем. Он потребовал, чтобы в детский сад доставили его медицинскую карту, адвоката Макарова и съемочную группу программы «Взгляд». Еще одним требованием Зюлькова было рассмотреть его иск о защите чести и достоинства РКПБ «Новинки» за поставленный ему диагноз «Хронический алкоголизм и деградация личности».

Не прошло и 15 минут с того момента, как в отделение милиции поступил звонок о захвате, а территория детского сада № 511 уже была оцеплена спецназом.

К этому моменту Зюльков занял, как ему казалось, стратегически верную позицию. Он сел на детский столик посреди группы, находившейся на втором этаже. «Дипломат», в котором находилась взрывчатка, он поставил прямо перед собой. А палец засунул в проволочную петлю, торчащую из чемоданчика. Воспитателям он пояснил, что чека взрывателя настроена на любое смещение вверх или вниз на 1 см. Зюльков увлекался радиоэлектроникой, поэтому ему удалось собрать очень опасное взрывное устройство. Кроме взрывчатки в «дипломате» находились мелкие металлические шарики, которые при взрыве сыграли бы роль картечи. Всех детей он заставил сесть на пол, а воспитателей отойти за их спины.

В переговоры с Зюльковым вступили прокурор района и заместитель министра Внутренних дел Беларуси Юркин. К сожалению, эти переговоры ни к чему не привели. И тогда было решено удовлетворить одно из требований Зюлькова. Под видом журналиста к нему пошел Федор Плотников, сотрудник ОМОНа. В то время пока «съемочная группа» готовилась зайти в детский сад, Зюльков сам отпустил несколько детей, которые плакали громче всех. По свидетельству заложницы, логопеда Натальи Сакиной: «Он [Зюльков] от детского плача начинал особенно нервничать. Мы говорили детям, тихо, разумеется: плачьте, плачьте громче. У некоторых получалось, а другие не очень понимали, что происходит, поэтому веселились и галдели».

В это время к минскому Дому моды подъехала машина. Из нее вышел мрачного вида мужчина в штатском и попросил срочно разыскать Жанну Зюлькову, которая работала там закройщицей. Мужчина сказал тоном, не терпящим возражений: «Вы должны срочно проехать с нами». Жанна вначале запротестовала, потому что у нее был срочный заказ. Но незнакомец продолжал: «Дело очень важное. Александр захватил детский сад. Обещает всех взорвать. Может быть, вы сможете его как-нибудь отговорить».

Спецслужбы старались все время держать ситуацию под контролем. Александр был неопытным террористом, поэтому «купили» его легко и быстро. Сотрудники ОМОНа с видеокамерами все плотнее и плотнее сжимали кольцо вокруг Зюлькова. Первые несколько минут Александр пытался выяснить, почему не приехал Любимов, и старался убрать взрывное устройство подальше от видеокамеры: «Не надо, чтобы эту систему видели, не надо... Вы сами понимаете, а то слишком много желающих появится». Немного успокоившись и поверив словам «журналистов», Зюльков начал давать интервью: «На всякий случай, если что со мной случится, знайте: это было со мной, в течение десяти лет надо мной измывались. Я потерял все: дом там, здоровья полностью лишился, высосали все, все жизненные силы. А в дальнейшем, как вы сказали, вы будете работать – давайте работать. Такого не выходило еще ни разу».

Пока террорист разговаривал с «оператором», взятая в заложницы воспитатель Лариса Ивановна Соколова решила, что детей можно тайно эвакуировать через окно в туалете, о существовании которого Зюльков даже не догадывался. Ее схема сработала безупречно. Детей, которые громче всех кричали и плакали, она по очереди выводила в туалет и передавала в окно прямо на плечи спецназовцам. Таким же способом была эвакуирована и сама воспитательница Лариса Соколова.

К этому времени вокруг детского сада столпились родители детей, которые находились в детском саду. Многие из малышей испугались уже на улице, когда из рук спецназовцев их буквально выхватывали родители, свои и чужие. Больше всего они боялись, что их заберут

другие папы и мамы. А вообще во многом спокойствие детей зависело от воспитателей – многие из них так и не поняли, какой страшной опасности подвергались.

Наталья Сакина позднее рассказывала, что ей до сих пор неприятно вспоминать, как во время эвакуации детей из группы пришлось больно ущипнуть девочку Карину, потому что малышка никак не хотела понять, что ей нужно выйти в туалет. Только после того, как девочка закричала и заплакала, логопед смогла взять ребенка на руки, вынести и передать через спасительное окно.

Операция постепенно подходила к концу. Да и сам террорист начал догадываться, что его обманывают. Зюльков обнаружил, что заложников у него практически не осталось. Возле него находилось только двое детей и логопед Наталья Сакина. Террориста окружали атлетического сложения мужчины, которые с каждой минутой становились все напористей и жестче. Они без особого интереса изучили вместе с Зюльковым его медицинскую карту и вновь принялись расспрашивать об устройстве взрывчатки, находящейся в дипломате. Неожиданно Зюльков резко закричал: «Деток сейчас же на место! Давайте назад! Зачем это нужно! Я же вам говорил: все просчитано! Зачем вам это нужно?! Что вы хотите – детей убить?!»

«Операторы» и работники прокуратуры оттеснили детей и воспитательницу, обступив Зюлькова плотным кольцом. Они наступали прямо на него. Александр начинал все больше и больше нервничать. Его палец застыл в петле взрывного устройства. «Потом, потом», – кричал террорист, пытаясь выяснить, где дети. Осознав свое положение, Зюльков выдернул чеку. Раздался хлопок. Из «дипломата» повалил дым. Спецназовцам, как и большинству военных, было известно, что любой взрыватель срабатывает не раньше, чем через три секунды. Только чудом взрывное устройство не сработало. Послышался резкий голос: «Уберите его!» Последнее, что смог произнести в отчаянии террорист, было: «Понятно, я остаюсь здесь».

Прозвучало два выстрела. Александр Зюльков был смертельно ранен в затылок. Один из ОМОНовцев вырвал у него из рук «дипломат» и швырнул его в окно. Он приземлился метрах в 40 от оцепления. К счастью, взрыватель не сработал и на этот раз.

Зюльков еще был жив, когда с места преступления его отправили в больницу на машине «скорой помощи». А через пять часов первый белорусский террорист скончался в больнице, не приходя в сознание.

Несмотря на то что минский Дом моды расположен недалеко от детского сада № 511, Жанна опоздала. Сопровождавший ее мужчина, переговорив с начальником оцепления, отдал короткую команду: «Можете отвезти ее назад. Она больше не нужна...» Операция по захвату террориста А. В. Зюлькова, длившаяся четыре часа, к тому времени была успешно завершена.

В тот же вечер Жанна забрала собаку бывшего мужа. Вскоре после похорон верный пес куда-то пропал. Похоронили Александра Зюлькова без особых почестей, быстро и тихо. Поминки устроили тоже закрытые, только для членов семьи. Особенно тяжело переживал смерть отца сын Руслан. В день скорби он был особенно задумчив. К сожалению, Руслан хорошо знает про злой рок, который преследует мужчин его рода.

После антитеррористической операции специальное белорусское подразделение по борьбе с терроризмом «Алмаз» получило крупные денежные дотации от государства. А заместитель командира «Алмаза» по личному составу Бирюков, руководивший операцией по захвату террориста Зюлькова, стал национальным героем Беларуси.

Через полгода после теракта белорусские дети, ставшие заложниками, смогли отдохнуть с родителями в Туапсе. Педагоги и детвора прошли курс реабилитации с профессиональными психологами. В помещении всего детского сада № 511 был сделан капитальный ремонт.

Со дня трагедии в Минске прошло больше восьми лет. Дети, которые оказались заложниками, уже учатся в школе. Ни один из них не называет 11 июня самым страшным днем в своей жизни. Только хорошенькая Маша Барановская случайно упомянула: «Я думала, что взорвется, но не взорвалось». И, смешно наморщив нос, засмеялась.

Одно из требований, выдвигаемых Зюльковым, как ни странно, было выполнено уже после его смерти. Александр Любимов в программе «Взгляд» постарался правдиво донести до зрителей историю «сентиментального террориста», как назвала его позднее одна из заложниц Наталья Сакина.

Многие зрители не согласились тогда с мнением знаменитого тележурналиста о том, что Александр Зюльков стал просто жертвой роковых обстоятельств, приведших к трагической развязке. Для родителей, чьи дети оказались в той злополучной группе, их знакомых и друзей,

да и просто для большинства простых белорусов он остался чудовищем, посягнувшим на жизнь невинных детей.

Моральную оценку происшедшего каждый может сделать сам. Но общество не застраховано от повторения подобной трагедии, поскольку подчас без должного внимания и уважения относится к проблемам «маленького человека». Равнодушие порождает отчаяние, жестокость и желание мстить всем и вся.

ИЛЬИН ВИКТОР ИВАНОВИЧ

(род. в 1948 г.)

В конце 1980-х годов, в разгар горбачевской перестройки, было модно развенчивать и ругать предшествующие эпохи. В газетах и по телевидению рассказывали о сталинском терроре, хрущевской оттепели и брежневском застое. В 1989 году в телепередаче «Совершенно секретно» поведали историю одного покушения, которое так и не стало настоящей сенсацией. По сравнению с другими подобными сообщениями, история неудавшегося покушения на Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева выглядела весьма «бледной» и обыденной.

1960-е – начало 1980-х годов. Впоследствии эту эпоху назовут «годами застоя». Уровень жизни населения неуклонно повышался. С 1961 года цены на продукты питания в государственной торговле были неизменными, образование и медицинское обслуживание бесплатное. Страна вышла в космос, строились многочисленные заводы и фабрики, возникали целые районы новостроек. Но прежнего доверия к власти народ больше не испытывал. Вера «в победу коммунизма на всей земле» постепенно таяла. И хотя уже не было угрозы внезапного ареста, как в сталинские времена, но все равно опасность существовала – кто-то из сослуживцев или однокурсников мог оказаться «стукачом». В обиход вошел разговор «на кухне» – подальше от телефонной розетки – о политике, о власти, о жизни. «Годы, элегантно именуемые «застойными», требовали, иного мужества, чем сталинские времена, но тоже мужества. Оказалось, что страх потерять работу давит на человека почти с такой же силой, что и страх сесть в тюрьму. А потому нарушение правил игры влечет за собой, лишение нормального заработка, превращение в безработного, а следовательно, в преследуемого по суду тунеядца».

Несомненно, были люди, находившие в себе мужество думать по-другому и говорить об этом не только на кухнях. Но об откровенно террористических актах против партийных лидеров никто из диссидентов не помышлял. Неизвестно, задумывался ли всерьез о переустройстве общества младший лейтенант Виктор Ильин. Но именно он совершил покушение на жизнь Генерального секретаря ЦК КПСС.

До этого события биография Ильина ничем особенным не выделялась. Родился в 1948 году в Ленинграде, жил с мамой и бабушкой, учился в школе. В 1968 году закончил Ленинградский топографический техникум. После окончания, в марте, был призван служить в военную часть города Ломоносова Ленинградской области. Виктора еще в техникуме аттестовали на младшего лейтенанта, а в части он прошел проверку на допуск к секретной работе. Но служба у младшего лейтенанта не заладилась. Со старшими офицерами он почти не общался, зато рядовой состав называл его запросто – Витек. За свою смуглость он получил кличку «Копченый».

Начальство, да и большинство сослуживцев считали Ильина, мягко говоря, странным. Разве это не странность – на политзанятиях заявлять о разложении комсомола или рассуждать о монополии КПСС на власть; иметь личное мнение о «Пражской весне», о вводе советских войск в Чехословакию. Своим друзьям, младшим лейтенантам А. Степанову и А. Васильеву, Ильин рассказывал, что «в какой-то Африке офицеры чуть не каждый месяц устраивают государственные перевороты, а у нас?» И откровенно восхищался убийцей Джона Кеннеди: «Молодец этот Ли Харви Освальд! Всего один выстрел, и знаменит на весь мир».

Позже сослуживцы и начальство говорили и о других странностях Ильина. Начальник штаба вспоминал впоследствии: «Детский сад! Приказываю переделать схему как неправильно исполненную, а он вдруг – в форме, с погонами и кобурой! – вприпрыжку вокруг стола на одной ноге: «А вот не буду! А вот не буду!» Осенью 1968 года на полевых работах по вине младшего лейтенанта произошло ЧП. Степанов, напарник Ильина, разбираясь в деревне с ревнивыми парнями, стрелял из пистолета в воздух. Старший группы Ильин в это время находился в

Ленинграде, куда уехал без разрешения. Там он выяснял отношения со своей девушкой – тоже, кстати, размахивая пистолетом, хотя оружие из части категорически не имел права выносить. Отвергнутый жених обещал, что о нем еще услышат. После этого инцидента Ильина, конечно, наказали, впрочем, не так сильно, как он заслуживал.

Январь 1969 года ознаменовался очередной победой СССР. В ходе совместного полета космических кораблей новой серии «Союз-4» и «Союз-5» на околоземной орбите была создана экспериментальная космическая станция. После этого космонавты возвратились на Землю, и столица встречала героев космоса. 22 января космонавтов должны были привезти в Кремль для встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым и получения из его рук правительственных наград. Об этом знаменательном событии заранее объявили по телевидению, радио и в центральных газетах. И вот миллионы телезрителей смотрят прямую трансляцию встречи. Телекамеры Центрального телевидения показывают прибытие космонавтов в аэропорт Внуково-2, затем приветствие Леонида Ильича. Дальше праздничный кортеж движется по московским улицам к Кремлю, машины приближаются к Боровицким воротам. Потом праздничная трансляция резко прерывается и возобновляется только через час, чтобы показать церемонию награждения. Очевидцы утверждают: «...она произвела странное впечатление. “Звезды Героев” космонавтам вручал почему-то не Л. Брежнев, а Н. Подгорный. Чувствовалась растерянность как среди награжденных, так и среди награждающих. Бледные лица, дерганные фразы, нервные движения. Было видно – что-то произошло». Действительно, в этот час, который не показали телезрителям, произошло невероятное событие – попытка покушения на Л. И. Брежнева.

Подробности террористического акта, совершенного Виктором Ильиным, были восстановлены следствием почти поминутно. Как впоследствии оказалось, идею покушения Виктор вынашивал полтора года. А встреча космонавтов могла служить отличным прикрытием, и поэтому террорист выбрал именно этот день.

21 января командир части, где служил Ильин, подполковник И. Машков вместе с замполитом А. Мельником уехали в Ленинград на недельные командирские сборы. Младший лейтенант заступил на дежурство. Примерно в 7 часов 20 минут, когда дежурный по части старший лейтенант Козырев пошел завтракать, Ильин выкрал ключи от оружейной комнаты, где хранилось табельное оружие офицеров. В 7 часов 40 минут он проник туда и взял два пистолета Макарова и четыре полные обоймы к нему. Без четверти восемь он вышел через ворота части, сказав старшему наряда, что, как помощник дежурного, идет на кухню снимать пробу с завтрака. Но до кухни Ильин так и не дошел. В 10 часов 42 минуты младший лейтенант уже летел в самолете рейса 92 «Ленинград – Москва».

Сослуживцы обнаружили отсутствие офицера примерно в половине десятого, но тревоги не поднимали. Решили, что, как всегда, спит где-нибудь в укромном месте на территории части. К одиннадцати часам старший лейтенант Козырев обнаружил исчезновение ключей от оружейной комнаты и секретной части. Открыв оружейную дубликатами, он увидел, что пропало оружие. В начале двенадцатого о ЧП доложили командиру части И. Машкову, и уже через час тот прибыл из Ленинграда.

Сначала отработывалась единственно правдоподобная версия. Зная взбалмошный характер Ильина, сразу решили, что он после ссоры с любимой девушкой решил покончить жизнь самоубийством. Сформировались две поисковые группы. Первая прочесывала окрестности возле части. Вторая поехала к нему домой. Но там Виктор не появлялся. Перепуганная мать утверждала, что сын ушел в часть на дежурство. На всякий случай офицеры осмотрели комнату Ильина. Младший лейтенант Баранов случайно взял тетрадь. Дальше, как в детективе, раскрылась нужная запись: «Узнать, когда рейс на Москву. Если летят, брать. Идти на дежурство. Все уничтожить».

В аэропорту выяснилось, что Ильин покупал билет на Москву. Офицеры решили дожидаться обратного рейса и опросить стюардесс. Одна из них по приметам опознала младшего лейтенанта. Сразу после этого Машков доложил о ЧП в областное управление КГБ, где к делу сразу же приступили профессионалы.

А Ильин в это время прилетел в Москву. Террористу сопутствовало просто невероятное везение. Сейчас, изучая дело, многие удивляются, как он «прошел на посадку с двумя пистолетами в карманах, не пряча их, и даже это осталось незамеченным!». Сойдя с самолета, Виктор добрался до квартиры дяди-пенсионера. Свой неожиданный визит объяснил желанием посмотреть на космонавтов. Зная чудаковатый характер племянника, родственники вполне удовлетворились его объяснениями. Правда, за семейным ужином Ильин попросил у дяди (бывшего милиционера) его форму. «Может быть, дашь мне завтра свою форму? А то ведь в офицерской в Кремль не пустят. А так хочется на космонавтов посмотреть». И хотя на эту просьбу дядя ответил отказом, гостя это, похоже, совсем не огорчило.

Рано утром 22 января Ильин покинул квартиру родственников. Проснувшийся позже дядя обнаружил не только отсутствие племянника, но и пропажу летней милицмейской формы. Сопоставив неожиданный приезд, наличие оружия и исчезновение формы, бывший милиционер стал действовать немедленно.

Тем временем Ильин благополучно добрался до Кремля. Ни милицмейским патрулям, ни агентам КГБ не показался странным сержант в легком плаще на довольно сильном морозе. Возле Боровицких ворот террорист увидел милицмейское оцепление и сразу к нему присоединился. И ему снова повезло – он занял место на стыке между двумя отделениями. Потом прошел в глубь Кремля, к Алмазному фонду. Только однажды за все это время бдительный человек в штатском спросил Ильина, почему он здесь стоит. «Поставили, вот и стою», – ответил «сержант милиции».

Ильина тем временем разыскивали всюду. Сам комендант Кремля генерал Шорников дважды проехал с дядей подозреваемого по маршруту кортежа. Злоумышленника искали перед Кремлем. В. М. Мухин, находившийся тогда в охране, вспоминает: «Могу сказать одно: ориентировка от военных о возможности какого-то инцидента поступила часа за три до прибытия кортежа в Кремль. Начали искать. Но искали-то человека в военной форме, а Ильин оказался в милицмейской. Мой напарник у Боровицких ворот обратил внимание на Ильина, на его сходство с переданным описанием. Но тот был в милицмейской форме. Он ходил взад-вперед и все время призывал людей встать поровнее, придерживаться порядка. Это и сбило с толку. И пока коллега раздумывал, находясь от Ильина в нескольких шагах, кортеж уже въезжал».

У Боровицких ворот показались черные правительственные «Чайки», сопровождаемые мотоциклами. Проехала первая машина, а перед второй выскочил милиционер и открыл огонь сразу из двух пистолетов. Стрелявший целился в лобовое стекло. Он видел, как упал на руль раненый водитель, а пассажиры автомобиля бросились под сиденье. Одна из пуль рикошетом отскочила от машины и задела плечо мотоциклиста. Но тот направил на террориста мотоцикл и сбил его с ног. К упавшему сразу подскочили агенты КГБ и милиционеры. Нападавший не сопротивлялся. У него случился нервный припадок – внезапно закатились глаза, изо рта хлестнула белая пена. Позже установили, что террорист за шесть секунд израсходовал почти весь боекомплект патронов. Было выпущено шестнадцать пуль, одна из которых стала роковой для водителя правительственной «Чайки». Еще одна ранила мотоциклиста кортежа, две ушли в воздух. Остальные изрешетили автомобиль.

Но в машине находился не Л. Брежнев, которому предназначались пули, а герои-космонавты – Георгий Береговой, Андриан Николаев и Валентина Терешкова. Они получили небольшие ранения – у Берегового осколками стекла было ранено лицо, Николаеву пуля по касательной задела спину. Смертельное ранение получил водитель Илья Жарков. На следующий день он, не приходя в сознание, скончался в больнице. Последняя поездка перед пенсией стала для водителя роковой. Жарков вообще не должен был ехать в этом злополучном кортеже. Он пришел в гараж, чтобы попрощаться с товарищами по работе. Но тут выяснилось, что шофер, который должен был вести одну из машин, заболел. И водителя попросили в последний раз выехать на правительственной машине. Старшего сержанта Илью Жаркова посмертно наградили орденом Красного Знамени.

Почему Брежнев изменил протокол и пропустил впереди себя космонавтов, до сих пор не известно. Существует несколько весьма правдивых версий. Например, о том, что профессионалы из спецслужб напрямую связали побег младшего лейтенанта с оружием из части и встречу космонавтов с руководством страны, поэтому и порекомендовали охране направить машину Генерального секретаря через другие ворота – Спасские. Но специалисты утверждают, что охрана может изменить маршрут только по прямому согласию охраняемого. Неизвестно, «давал ли Брежнев «добро» на въезд через Спасские ворота, учитывая информацию охраны, обеспечивающей его безопасность, или сам отдал указание покинуть кортеж». Но существует и другая версия. Один из охранников вспоминал: «Леонид Ильич в какой-то момент сказал: «А мыто что лезем вперед? Кого чествуют – нас или космонавтов?» После чего автомобиль Генсека свернул к Спасским воротам».

Этой версии противоречат показания Г. Петрова, адъютанта Л.И. Брежнева. «В аэропорту мы перестроились и поехали третьими, уступив второе место в колонне героям дня – космонавтам. Я сидел рядом с водителем. В машине находились Брежнев, Подгорный и Косыгин. Когда наша машина подъехала к Боровицким воротам, услышал выстрелы в Кремле, на участке между Оружейной палатой и Большим Кремлевским дворцом. Сразу дал водителю команду остановиться. Когда выстрелы прекратились, мы обогнули стоящую машину с космонавтами и направились к Дворцу съездов. Все это произошло в какие-то минуты. Преступник действительно стрелял по второй машине, будучи уверенным, что в ней находится Брежнев. Машины въезжали в Кремль колонной, одна за другой, и нам повернуть обратно, чтобы проехать через Спасские ворота, было невозможно. Да в этом и не было никакой необходимости, поскольку стрелявший

был уже задержан сотрудниками КГБ». А генерал В. Медведев, заместитель начальника личной охраны Л. И. Брежнева, утверждал, что Леонид Ильич ехал не в третьей машине, а в пятой. Почти в самом хвосте кортежа.

Такое разнообразие версий, по утверждению исследователей, вызвано не только оперативными соображениями. Такой инцидент ставил под вопрос всю работу службы безопасности. Бдительные чекисты пропустили террориста, почти беспрепятственно дали ему выполнить задуманное. После террористического акта в 9-м Управлении КГБ СССР произошли существенные изменения в системе охраны Генерального секретаря и членов Полтбюро ЦК КПСС. После январского покушения охрану увеличили у всех. Специально была создана «выездная охрана», которая сопровождала главное лицо государства в поездках по стране и за рубеж. Она состояла из десяти человек, по три человека на смене плюс один на подмене. Но и после покушения Брежнев не захотел пересечь из «Чайки» в бронированный и пуленепробиваемый «ЗИС-110». Поэтому автомобилестроители срочно увеличили пуленепробиваемость стекол брежневского автомобиля. Леонид Ильич вовсе не страдал манией преследования. Очевидцы утверждают, что «сам он не придал этому инциденту серьезного значения».

Когда пришедший в себя Ильин узнал, что жестоко ошибся, с ним опять случилась многочасовая истерика. Тем временем арестованного поместили в следственный изолятор КГБ «Лефортово». Начались допросы, которыми руководил сам шеф КГБ Ю. А. Андропов, кроме того, он лично принимал в них участие. Здесь и выяснилось, что за терактом стоят не западные спецслужбы или кто-то из своих, недовольных личностью Брежнева, речь шла о террористе-одиночке, который после убийства Генерального секретаря решил создать свою, некоммунистическую партию. Специалисты почти сразу увидели признаки психического нездоровья заключенного, хотя до этого случая его считали совершенно здоровым. Через два месяца проведенная в институте психиатрии им. Сербского психиатрическая экспертиза установила, что у Ильина наличествует шизофрения. Зафиксированы были также неадекватное полудетское восприятие мира и мания величия. Ильин думал, что своим поступком перевернет жизнь страны, как Ли Харви Освальд, и тем самым, войдет в историю. Психиатры же полагали, что одним из толчков к психическому надлому стал документ, который он нашел дома. В нем говорилось, что Виктор не родной сын в семье, а усыновлен из Дома ребенка, настоящими же его родителями были алкоголики, лишенные родительских прав.

Почти два года длилось следствие над Виктором Ильиным. Ему были предъявлены обвинения по пяти статьям Уголовного кодекса СССР: организация и распространение клеветнических измышлений, порочащих советский строй; попытка террористического акта; убийство; хищение оружия; дезертирство. Компетентные органы не оставили без внимания и окружение Ильина в воинской части. Своих постов лишились многие высшие и старшие офицеры Ленинградского военного округа. А в части города Ломоносова за время следствия побывало столько комиссий, сколько не было за все время существования военного городка. Под горячую руку был смещен с должности даже военком Смольнинского района Ленинграда, откуда призывался на военную службу Виктор Ильин. Друзей террориста, младших лейтенантов А. Степанова и А. Васильева, осудили по 88 статье Уголовного кодекса РСФСР «За доноительство». Оба получили по пять лет лишения свободы.

А вот над самим Ильиным суд так и не состоялся. В мае 1970 года его поместили в Казанскую психиатрическую лечебницу на принудительное лечение. Здесь он провел долгие восемнадцать лет. Три первых года террорист находился в строжайшей изоляции. Одинокая (4 м × 1,20 м) палата изолятора, в коридоре охранник. Встречи с родными строго запрещены. В 1973 году режим несколько ослабили, разрешили читать газеты, на стену повесили радиоприемник. Запрятанного в психушку террориста представляли теперь как жертву расправы властей над инакомыслящими. Пресса пыталась взять под сомнение заключение врачей-психиатров. Но вряд ли здесь имела место врачебная ошибка. О психическом состоянии Ильина может свидетельствовать хотя бы его предложение, направленное в Верховный Совет СССР в 1977 году при обсуждении проекта конституции: «Каждый член общества имеет право на террористический акт в случае, если партия и правительство ведут политику, не соответствующую Конституции».

В разгар перестройки, в августе 1988 года, по просьбе матери Ильина перевели в ленинградскую психиатрическую клинику № 3 им. Скворцова-Степанова. Здесь его чаще могли навещать родственники, да и условия «содержания» были лучше. Кроме того, палата была не одинокая, в ней жили еще пятеро. В 1989 году о террористическом акте Виктора Ильина стали писать газеты, на телевидении о нем делали передачи. В 1990 году в больнице состоялось выездное заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР. После двадцати лет принудительного лечения Виктор Иванович Ильин наконец получил свободу. Он был выписан из больницы как излечившийся.

Депутаты Ленсовета помогли Ильину обустроиться в жизни «на гражданке». Из фондов города выделили однокомнатную квартиру, помогли получить паспорт и прописаться. У него вторая группа инвалидности и соответствующая ей пенсия. Сейчас Виктор Иванович ведет скромную жизнь простого обывателя – гуляет по городу, собирает в лесу грибы, варит варенье, читает книги, смотрит телевизор. Когда в интервью его спрашивают, не жалеет ли он о содеянном в 1969 году, пенсионер отвечает, что «жалеет лишь о двух вещах: что убил не Л. Брежнева, а неповинного И. Жаркова. И что из-за него на пять лет посадили его сослуживцев, двух младших лейтенантов». И больше ему не о чем жалеть.

ИСЛАМБУЛИ ХАЛЕД АХМЕД ШОУКИ АЛЬ

(род. в 1957 г. – ум. в 1982 г.)

Участник теракта, в ходе которого был убит президент Египта Анвар Садат; член организации «Аль-Джихад».

Никогда еще за всю историю Египта ни одно политическое убийство не осуществлялось столь продуманно, оригинально и дерзко, как убийство президента Садата. За что он был убит и кто совершил убийство – известно. По крайней мере, в сообщении ливийского радио, первым рассказавшего о смерти Садата, говорилось: «Все тираны заканчивают подобным образом». Но вот кто стоял за всем этим? Как было установлено в ходе следствия, решающую роль в подготовке и осуществлении акции играла организация «Новый Джихад». Но вряд ли здесь обошлось без поддержки египетских спецслужб, а может, и не только египетских. Без закулисного участия спецслужб президентов не убивают.

Садат никогда не пренебрегал личной безопасностью. Охрана президента являлась особым огромным подразделением, стоившим десятки миллионов долларов. Его в течение нескольких лет формировало ЦРУ, оснащая специальной техникой, бронированными «кадиллаками», оружием. Личный состав подразделения ежегодно проходил стажировки в США под руководством американских инструкторов. Существовал и приказ министра обороны, запрещающий во время парадов останавливаться перед трибуной любому транспортному средству. В случае остановки по нему немедленно открывался огонь. Но в тот роковой для Садата момент приказ не был выполнен. Кроме того, многочисленные телохранители, занимавшие выгодные позиции вокруг трибуны, где находился президент, его окружение и гости, как свидетельствовали очевидцы, за несколько секунд до выстрелов покинули свои посты. Все это дает основание задать вопрос – почему? Кто распорядился? Есть и еще ряд вопросов: каким образом группе Исламбули, несмотря на многочисленные проверки, удалось пронести оружие, боевые патроны, гранаты на площадь, где проходил парад; как старшему лейтенанту Исламбули удалось отправить в увольнение трех солдат и заменить их своими людьми, хотя согласно уставу египетской армии, за день до парада солдаты не имеют права покидать казармы даже в случае внезапной болезни; наконец, как сам Исламбули, несмотря на строжайший для него запрет, был допущен на парад.

6 октября отмечался в Египте как День победы. В этот день, в 1973 году, в ходе четвертой арабо-израильской войны египтянам удалось пересечь Суэцкий канал и преодолеть «линию Барлева». С тех пор ежегодно на площади, расположенной на окраине Каира, проходили парады, демонстрировавшие мощь египетской армии. После тех событий Садата называли в Египте «герой войны», а после его поездки в Иерусалим и подписания кэмп-дэвидских соглашений – «герой войны и мира». В тот день, 6 октября 1981 года, все было как всегда. Безопасность президента обеспечивали восемь подразделений: служба государственной безопасности, полиция при президенте, специальная президентская охрана, республиканская гвардия, военная разведка, военная полиция, контрразведка, специальные подразделения для разгона демонстраций. В 9 часов 45 минут Садат в сопровождении 8 телохранителей отправился к могиле своего брата-летчика, погибшего 6 октября 1973 года в бою над Синайским полуостровом. Затем он встречался с вице-президентом Хосни Мубараком и министром обороны Мухаммедом Абу Газзала. Как и в предыдущие годы, президент посетил могилу Неизвестного солдата и мавзолей Гамалы Абдель Насера, и бронированный президентский «кадиллак» направился к месту проведения парада. По обеим сторонам машины на подножках стояли телохранители президента. Почти у всех, на американский манер, были надеты черные солнцезащитные очки. Машину окружали 15 мотоциклистов.

С раннего утра солдаты полиции блокировали все близлежащие улицы, ведущие к месту проведения парада. Чтобы попасть на торжество, нужно было предъявить специальный, определенного цвета, пропуск. Списки приглашенных гостей были утверждены заблаговременно. Органы безопасности заранее проследили за тем, чтобы у военнослужащих, участников парада, не было ни одного заряженного боевыми патронами пистолета или автомата. Прибывший к месту Садат под приветственные возгласы церемонно уселся на пластмассовое кресло в первом ряду, заняв центральное место на трибуне. И куда-то враз подевались телохранители, которые, по идее, должны были занимать места между трибуной и проходившими войсками. Никто не предполагал, что выстрелы могут прозвучать с этой стороны, ведь к параду готовились лучшие части египетской армии и служба безопасности тоже готовилась.

Начавшись в 11 часов 20 минут, в 13 часов 10 минут парад уже подходил к концу. В это время в небе можно было наблюдать эффектное зрелище: пятерка «миражей», оставляя после себя цветные шлейфы – желтый, зеленый, синий, оранжевый, – выполняла фигуры высшего пилотажа. Никто из зрителей, увлеченных этим зрелищем, пожалуй, и не заметил, как появилась колонна грузовиков с прицепленными 130-миллиметровыми орудиями. Одна из машин неожиданно свернула в сторону трибун и остановилась. Многие решили, что произошла поломка и выпрыгнувший из кабины офицер собирается устранить неисправность. Но офицер, а им был Халед Исламбули, бросил гранату, которая, ударившись о трибуну, взорвалась. Затем он открыл огонь по трибуне из крупнокалиберного пулемета, вытасченного из кабины, а из кузова на трибуну полетела еще одна граната, брошенная Ата Таилем. В тот же момент из кузова прыгнули трое из шести сидевших там солдат и открыли огонь из автоматов, а Халед Исламбули и Абдель Хамид Абдель Аль бросили еще две гранаты. Все это время – секунды – Садат сидел неподвижно, превратившись в удобную мишень. Его настигли пули, выпущенные четвертым участником покушения, чемпионом египетской армии по стрельбе, Хусейном Аббасом Али, который, стоя в кузове, стрелял из автомата по трибуне. А Садат все повторял: «Не может быть. Не может быть...». Это были его последние слова. А солдаты во главе с Халедом Исламбули, стреляя на ходу, бежали к трибуне. Их очереди ранили многих, кто сидел в первом ряду. В этот момент кем-то из охраны был ранен Исламбули, но он нашел в себе силы прыгнуть на трибуну и обнаружить мертвого президента. Тут же две пули в живот получил еще один из участников покушения – Абдель Хамид. Убедившись, что Садат мертв, нападавшие бросились в разные стороны. Весь этот кошмар продолжался всего 40 секунд. Садат был уже мертв к 20-й секунде. Трибуна представляла собой страшное зрелище: истекающие кровью раненые, мечущиеся охранники, пытающиеся подняться почетные гости. Среди убитых оказались генерал, камердинер президента, фотограф и коптский епископ. Ранения получили вице-президент Мубарак, послы Кубы и Бельгии, первый секретарь австралийской дипломатической миссии, доверенный человек президента Садата и три американских военных советника, которые находились в Египте для ведения переговоров относительно запланированных совместных военных учений.

Кто же такой Халед Исламбули? Он родился в 1957 году в провинции Минья и был самым младшим из четырех детей адвоката Ахмеда аль Исламбули. Отец в молодые годы состоял в организации «Братья-мусульмане», но в 1954 году после покушения на Гамалю Абдель Насера отошел от них. Халед, родившийся после революции в Египте, рос в атмосфере, когда в стране были популярны слова «социализм» и «социальная справедливость». Учиться он начал в одной из миссионерских школ, называвшейся «Нотр-Дам», открытой в Египте христианами из Западной Европы. После того как отец начал работать в сахарной компании в Нагаа-Хамади, Халед пошел в американскую миссионерскую школу. Он мечтал быть летчиком и воевать против Израиля. Летчиком Халед не стал, а стал артиллеристом.

Окончив с отличием военное училище, Исламбули получил право выбирать род войск и место службы. Он выбрал 133-ю артиллерийскую бригаду, размещавшуюся под Каиром. Но теперь не только карьера офицера прельщала молодого человека. Он встал на религиозный путь и много читал о мусульманской священной войне. А в сентябре 1980 года Халеда неожиданно вызвали в военную разведку и учинили форменный допрос по поводу его друзей в бригаде и вне ее. Особенно интересовались его связями и знакомствами с членами религиозной экстремистской организации «Ат-Такфир ва аль-Хиджра», к которой принадлежал и его брат. Халед знал многих членов этой организации, вместе с которыми молился в мечети, но отрицал знакомство с ними. Ему, конечно, не поверили, но отпустили. Правда, в протоколе допроса допрашивавший его полковник написал: «Запретить участвовать в военных парадах». Как почувствовал, какую опасность представляет связанный с религиозными группировками Исламбули!

Что собой представляла организация «Ат-Такфир ва аль-Хиджра» («Искушение и исход»)? По мнению ее создателей, те, кто перестал быть настоящим мусульманином, «не нужны земле», любое отклонение от учения пророка Мухаммеда подлежит запрету. Запрету подлежат также все то, что чуждо исламу. Идеальный вождь этой организации Саид Кутб был казнен еще в 1966 году после неудачной попытки покушения на президента Насера, но данное направление имело глубокие корни в определенных слоях населения Египта. Однако на президента Садата готовили покушение члены не этой организации, а другой – «Аль-Джихад» («Священная война»). Эта организация была создана в 1977 году после визита Садата в Иерусалим. Главная ее цель – убийство президента, свержение существующего режима и создание исламского государства. В 1979 году организация была разгромлена. Одним из немногих, кто избежал ареста, был инженер-электрик Мухаммед Абдель Салам Фарраг. Он устроился на работу инженером в каирском университете и стал вынашивать планы создания новой организации. Весной 1980 года на молитве в мечети Фарраг познакомился с весьма религиозным студентом сельскохозяйственного факультета Тарекком Ибрагимом, а затем с мужем его сестры – подполковником военной разведки Абудом Латифом аз-Зумром. Вместе они решили создать тайную военную организацию «Новый Джихад» и «осуществить вооруженным путем исламскую революцию во имя Аллаха за освобождение родины от тирана». Конечная цель организации – создание исламского государства. Руководителем ее стал Фарраг, а кроме него в руководство вошли Абуд Зумр, Карам Захди, Фауд Ханафи и Набиль Маграби, ведавший подбором в организацию молодежи.

В марте 1981 года Абуд Зумр разработал план свершения исламской революции, главным пунктом которого было убийство президента Садата. С этой целью Зумр начал собирать информацию обо всех передвижениях Садата и местах его отдыха. Поначалу планировалось покушение, когда президент находился на отдыхе в резиденции Канатир. Но от этого вскоре пришлось отказаться из-за трудностей, связанных с проникновением в резиденцию. Затем предполагалось открыть огонь по Садату, когда он будет подъезжать на поезде к станции «Аль-Мансур» 25 сентября 1981 года, а потом появился план убийства президента во время военного парада 6 октября 1981 года, когда он будет сидеть на трибуне. С этой целью заговорщики намеревались подготовить летчика-смертника, который во время парада врежется в трибуну. От идеи с летчиком в конечном итоге отказались, а вот парад.

Одновременно с Фаррагом тайную организацию с таким же названием создавал студент университета «Аль-Азхар», иорданец по происхождению, Мухаммед Ар-Рахаль, состоявший ранее в старом «Джихаде» и тоже избежавший ареста. Главный упор он делал не на революцию, а на военный переворот. После высылки Рахаля из страны летом 1981 года его дело продолжили Камаль Саид и Ахмед Салам. Они занимались подбором членов организации в вооруженных силах, начали добывать оружие, взрывчатку, чтобы использовать их в нужный момент. В конце августа оба «Джихада», и Фаррага, и Камалья, слились. Организация остро нуждалась в деньгах. Взносов и пожертвований сочувствующих явно не хватало, особенно для закупки оружия. Тогда было принято решение ограбить несколько ювелирных магазинов, принадлежавших христианам. На эти средства приобреталось оружие через армию и полицию.

Еще в марте 1981 года военной разведке стало известно об «Аль Джихаде». 2 сентября Садат издал указ об аресте 1036 человек. Арестованными оказались многие члены «Джихада», которыми руководил Камаль Саид. В их числе был и брат Халеда Исламбули – Мухаммед. Уже на следующий день Халед записал в своей записной книжке: «Самое большое счастье для правоверного – убить или быть убитым во имя Аллаха». Во время судебного процесса он так объяснил свои действия: «Три причины подтолкнули меня к этому. Первая: законы, которые действуют в нашей стране, не соответствуют учению ислама и требованиям шариата. Вторая: Садат действовал в интересах сионистов. Третья: преследование и арест духовных лиц».

С Халедом Исламбули Фарраг познакомился в апреле 1981 года в мечети. Эта встреча стала первым шагом на пути осуществления убийства Садата. Во время последующих встреч Фарраг втолковывал ему, что страной правит «нечестивец», что положение может измениться только при соблюдении исламских законов. Вскоре Халед присоединился к организации и привел с собой

Абделя Хамида, 28-летнего бывшего офицера войск ПВО. Ату Таиля, 26-летнего старшего лейтенанта запаса инженерных войск, рекомендовал в «Джихад» сам Фарраг, а Хусейна Аббаса, 27-летнего сержанта сил народной обороны, привел Маграби.

25 сентября был арестован Набиль Маграби. Над организацией нависла угроза раскрытия и уничтожения. И заговорщики решили действовать. В тот день Фаррагу от Хамида стало известно, что Халед Исламбули во время проповеди якобы услышал голос, призывавший его убить Садата. Фарраг немедленно встретился с Халедом и услышал от него удивительные вещи: что он будет, несмотря на запрет, участвовать в параде, что он сумеет заменить троих своих солдат на надежных людей, что все пройдет успешно. Эту операцию было решено назвать «Убить фараона». Вопрос об уходе с места покушения вообще не рассматривался. Через сутки, на новой встрече, четверо участников теракта заявили Фаррагу о готовности пожертвовать собой. На встрече с Зумром Фарраг, успокаивая товарища, высказавшего опасения раскрытия организации, если Халед с друзьями начнут давать показания, попав в руки спецслужб, возразил: «Операцию осуществит Халед и его группа. Мы, как организация, в ней не участвуем. Они не имеют к нам никакого отношения. Наконец, это операция смертников. Они не останутся живыми...» Фарраг не сказал Исламбули и его товарищам, что произойдет после убийства Садата, не сообщил им и о дальнейших планах организации, а в дальнейшем, в ходе следствия, отрицал даже факт знакомства с Исламбули.

О том, что он будет участвовать в параде, Халед узнал еще 23 сентября от своего командира, майора Абдел Рахмана Сулеймана. 4 октября он оставил у своей сестры завещание и письмо родителям, затем встретился со своими подельниками, принеся чемодан с оружием и боеприпасами, добытыми Фаррагом. На следующий день Халед отправил троих своих солдат в увольнение – хоть это и было запрещено – и заменил их своими людьми. В день парада он незаметно передал им гранаты и заменил пустой диск пулемета водителя на полный. А в 13 часов 10 минут президент Египта Анвар Садат был уже мертв.

Троих схваченных террористов (Аббаса арестуют только через три дня) начали допрашивать еще в машине, несмотря на их ранения. Следователей интересовал только один вопрос: границы заговора и участие в нем армии. Обвинительное заключение в 450 страниц было написано быстро. На суде, проходившем в закрытом режиме, обвиняемые гордо сознавались в убийстве президента. Всем им вынесли смертный приговор и казнили 15 апреля 1982 года неподалеку от могилы Садата. Фаррага, Таиля и Хамида повесили, а Аббаса и Исламбули, поскольку они были военными, расстреляли. Потом их тайно похоронили. А на гранитной плите на могиле Садата была сделана надгробная надпись, которую он сам предложил еще за три года до своей гибели: «Мухаммед Анвар Садат – герой войны и мира».

КАЗИНСКИ ТЕОДОР

(род. в 1942 г.)

Его называли самым известным убийцей-террористом Америки, «доктором Бомба», хотя Казински и не являлся таковым в полном смысле этого слова. Его не привлекало убийство само по себе: убежденный в уродливости современной цивилизации, он уничтожал ее представителей адресно. Этот новый Раскольников хотел спасти человечество ценой жизни самых ярких и влиятельных представителей индустриального мира. В течение 18 лет он держал в страхе всю страну, совершив 16 террористических актов, в результате которых погибли трое и были ранены 23 человека. Но после того, как был опубликован Манифест террориста и Унабомбер (Унабом) попал за решетку, выяснилось, что его взгляды на мир поддерживает большинство рядовых американцев. Как говорится, чужая душа – потемки и великая загадка...

...В настоящее время признанный шизофреником террорист, отбывающий пожизненное заключение, требует для себя от правительства США смертной казни.

«...В прошлом людям угрожало гораздо больше опасностей, но они были свободными. Сегодня мы живем дольше, но это – суррогат жизни. Каждый работает на систему, на того, кто им руководит, поэтому так часты в наше время депрессии: люди интуитивно осознают бессмысленность своего существования.

Работа ученых и инженеров редко вызвана истинным научным любопытством. Чаще всего они просто решают проблему еще большей механизации нашего общества. Уже сами люди стали

объектами для ученых. Наши мысли и чувства настолько открыты, что проблема биологического управления людьми сегодня лишь проблема времени».

Скажите, вам никогда в голову не приходили подобные мысли? А если даже и нет, не покажутся ли они вам на удивление здравыми? А ведь они – плод рассуждений человека, признанного шизофреником и отбывающего пожизненное заключение. Так кто же он такой, Унабомбер? И не ошиблись ли светила медицины, поставив ему неутешительный диагноз? Зачем террористу понадобилось изготавливать и пускать в дело самодельные бомбы, настаивать на публикации своего манифеста? Что вообще происходило в США в те долгие 18 лет? И чем же все-таки Теодор Казински отличался от других психопатов, считавших, что они имеют право распоряжаться чужими жизнями во имя своей мании или идеи?

История эта началась 26 мая 1978 года, когда полицейский, охранявший Северо-Западный университет города Эванстоун (штат Иллинойс), вскрыл упаковку ящика, прибывшего с почтой, и взрывное устройство, заложенное в посылке, сработало с громким хлопком. Охранника спасло только то, что самодельная бомба была маломощной, так что блюститель порядка отделался легкой контузией да незначительными ожогами рук. Тогда на это происшествие внимания не обратили, посчитав его мелким хулиганством (!). Около года ничего подобного не повторилось.

Неизвестный любитель взрывчатых веществ напомнил о себе 9 мая 1979 года: в том же Северо-Западном университете один не в меру любопытный студент решил открыть посылку (деревянную сигарную коробку), почему-то валявшуюся в студенческом городке. То, что любопытство – не всегда хорошая вещь, парень, получивший легкие ранения в результате взрыва некоего устройства, запомнил надолго. И снова полиция вяло, без энтузиазма, покопалась в этом нудном деле и свернула расследование. Но уже 15 ноября того же года в багажном отделении «боинга», следовавшего курсом из Чикаго в Вашингтон, сработала новая бомба, спрятанная в банке из-под сока. Только чудом пожар, вспыхнувший на борту вслед за этим, не привел к авиакатастрофе; 12 человек, находившиеся в салоне, получили сильные отравления дымом. За этот случай власти взялись всерьез, а дотошные детективы обнаружили, что конструкция взрывателя – «начинки» банки – совпадает с теми, которые уже дважды были виновниками ЧП в университете Иллинойса. Выходит, все три бомбы были собраны руками одного человека? Когда перед полицией встал этот вопрос, к расследованию было подключено отделение ФБР. Установить ему, правда, удалось немного: приспособления были явно примитивны (то ли квалификация преступника была низкой, то ли он попросту не желал больших человеческих жертв); во всех трех конструкциях присутствовали деревянные детали (к последней, например, были тщательно приклеены мелкие щепочки – зачем? – специалисты недоумевали). Вот, пожалуй, и все.

А история с самодельными бомбами только начиналась. 10 июня 1980 года в городок Лейк Форрест (пригород Чикаго) пришла посылка на имя президента авиакомпании «Юнайтед Эрлайнс» Перси Вуда. Внутри адресат обнаружил книгу. На ее титульном листе неизвестная рука вывела: «Я посылаю вам эту книгу, я думаю, вы найдете ее общественно значимой». Вуд, так ничего и не поняв, стал листать увесистый том. Полыхнуло пламя, и он получил серьезные ожоги лица и обеих рук. В этом случае полиция также обнаружила в устройстве деревянные щепки. Кроме того, «Вуд» переводится с английского как «дерево», издательство, выпустившее «подарок», имело символом лист. Да и городок носил очень «природное» название, которое в переводе звучит как «Лесное Озеро». Явно все это не было случайностью. Скорее всего, таким образом неизвестный террорист ставил своеобразную «подпись», декларируя свою принадлежность к рядам поборников экологии. Теперь поимка преступника, жертвами которого стали университет и глава авиакомпании, стала делом первостепенной важности. Сам же он получил от полиции прозвище Унабомбер. Надеясь выйти на его след, ФБР перетряхнуло личные дела всех членов экологических организаций и авиакомпаний страны. Проверялись все лица, которые были уволены, те, кто выражал недовольство местом и условиями работы, кто считал себя ущемленным в правах. Даже те, кто отличался просто неуживчивым характером, не избежали пристального внимания этого серьезного ведомства. Сотни металлоремонтных мастерских тоже тщательно проверялись: ведь металлические детали бомб должны были где-то изготавливаться! Но все старания оказались напрасны.

В течение двух последующих лет Унабомбер не давал о себе знать, но все это время полиция и рядовые американцы ждали новой посылки. И она пришла: 5 мая 1982 года в университете Вандербильт (Нэшвилль, штат Теннесси) секретарша отдела информатики решила вскрыть полученную по почте деревянную коробку. Дальнейший ход событий был уже не оригинален, а исполнительная секретарша получила многочисленные ранения лица. На сей раз неизвестный террорист не дал долго скучать полиции: следующий взрыв произошел уже 2 июля в университете в Беркли. Один из профессоров отправился в комнату отдыха, чтобы собраться с силами перед общением с новой порцией жизнерадостного студенчества. И он действительно заработал весьма продолжительный отдых, но – на больничной койке. Бомба, подложенная в

комнату, причинила ему множественные телесные повреждения. Преступник умудрялся не оставлять практически никаких улик; правда, он «заботился» о том, чтобы следователи получали послания с его мнением относительно научного развития общества и политики властей в области высоких технологий. Полиция решила проверить версию о ненормальном студенте или преподавателе, к тому же переехавшем из Чикаго или его окрестностей (там прозвучали первые взрывы) в Теннесси и Калифорнию. И опять – ничего. Если не считать того, что на осколках последних трех бомб были обнаружены странные инициалы – FC, а к последней «посылке» террорист приложил короткую записку: «Ву, это сработало! Я же говорил тебе. Р. В...» Но все это не дало полиции и наименьшего шанса. Террорист, как оказалось, был далеко не прост и охотно оставлял противнику заведомо ложные следы.

И снова наступило затишье. На сей раз – до мая 1985 года. ФБР даже высказало предположение, что Унабомбер больше не объявится вообще: он либо умер, либо вылез, либо угодил в конце концов за решетку за какое-то другое преступление. Но 15 мая в компьютерном зале все того же Калифорнийского университета в Беркли студент попытался выяснить, что же находится в забытой кем-то деревянной коробке. Как оказалось позднее, теперь Унабомбер использовал в качестве исходного материала уже не порох со спичечными головками и взрыватели на резинках, а химическую смесь (она взрывалась с гораздо большей силой и горела дольше). Так что парень в результате взрыва стал инвалидом – он потерял зрение и четыре пальца на руке. Теперь полиция убедилась в том, что детали для своих «детей» террорист изготавливал из металла, найденного на помойках. В результате подобные места были практически перелопачены. Надо ли говорить, что безрезультатно?

А Унабомбер распоясался. 13 июня он совершил попытку взорвать бомбу на борту пассажирского самолета (ее нашли и обезвредили случайно, перед самым вылетом); 15 ноября профессор психологии университета Мичигана и его ассистент получили серьезные ранения, вскрыв пришедшую с почтой посылку; 11 декабря осколком разорвавшейся бомбы был убит владелец компьютерной корпорации, известный инженер Хью Кэмпбелл. Это была первая смерть на счету Унабомбера. Далее последовали 14 месяцев молчания.

20 февраля 1987 года владелец магазина оргтехники города Солт-Лейк-Сити был тяжело ранен: у него в руках взорвался оставленный кем-то на пороге магазина пакет. Но на этот раз неумовный террорист совершил-таки ошибку. Он почему-то замешкался возле дверей и встретился взглядом с работницей, которая хорошо запомнила его и смогла описать. По ее словам, смертоносный груз доставил белый мужчина 25–30 лет, высокий и худой, с рыжеватыми волосами и небольшими усиками, носящий большие темные очки. По словам женщины был составлен фоторобот, который ФБР распространило на всей территории США. Не сидели без дела и психоаналитики: на основе изображения они составили приблизительный психологический портрет преступника. Унабомбер, по их мнению, должен был быть высокоинтеллектуальным, замкнутым и крайне педантичным человеком, корректным и добропорядочным в отношении соседей; маньяк также являлся ярким противником передовых современных технологий.

Хотя поднятый шум и не помог найти преступника, но обеспокоенный Унабомбер все же «залег на дно» на шесть лет. А в феврале 1993 года Америку уже мало интересовал безумец, посылавший по почте взрывчатку: в гараже Мирового торгового центра в Нью-Йорке террористы, понукаемые мусульманским проповедником-экстремистом Омаром Абдель Рахманом, произвели взрыв, в результате которого погибли шесть человек. Спустя месяц ФБР и ЦРУ, забыв про конкуренцию, совместными усилиями отловили преступников, вызвав откровенное восхищение сограждан. Унабомбер, про которого все успели забыть, обиделся и решил вновь пробудить интерес к собственной персоне. В июне 1993 года он отправил письмо в «Нью-Йорк таймс», в котором сообщал, что теракты 1978–1987 годов – дело рук группы анархистов «FC», о целях которой американцы узнают из следующего письма. ФБР, правда, в «группу анархистов» не поверило; его сотрудники уже утвердились во мнении, что Унабомбер действует в одиночку. К поискам террориста подключили даже экстрасенсов, но результат по-прежнему был нулевым.

22 июня того же года известный ученый-генетик Чарльз Эпстайн пополнил число жертв, получив тяжелые ранения и только чудом сохранив жизнь (сработала очередная «посылка» Унабомбера). Через два дня на больничную койку отправился еще один ученый – профессор информатики из Йельского университета Дэвид Желентер. Естественно, о неведомом террористе сразу же заговорили снова, газеты напечатали его фоторобот шестилетней давности, а ФБР объявило награду за его поимку – миллион долларов.

10 декабря 1994 года от мощного взрыва самодельной бомбы погиб Томас Моссер – вице-президент крупнейшей рекламной фирмы, работавшей на нефтяную корпорацию «Эксон». Но жизнь снова отодвинула Унабомбера на второй план, подкинув американцам очередную трагедию: 19 апреля 1995 года в Оклахома-сити террорист взорвал девятиэтажку центра

Альфреда Мюррея, где располагались различные офисы; при этом погибло 162 человека. Правоохранительные органы уже через час его арестовали.

Унабомбер снова возмутился: как это так, снова кто-то норовит затмить его «подвиги»? 24 апреля он отправил бандероль в крупнейшую частную фирму по продаже древесины в Сакраменто (Калифорния). Секретарь решила сама коробку не вскрывать, а отнести ее шефу. 47-летний Гилберт Мюррей, которого называли «главным лесником Америки», был убит на месте, а взрывная волна выбила в офисе все двери и стекла. Вслед за этим Унабомбер письменно предупредил, что в течение шести дней взорвет один из пассажирских авиалайнеров, вылетающих из Лос-Анджелеса. Полиция ввела в аэропортах чрезвычайные меры безопасности. Письма и посылки из Калифорнии, превышающие определенный вес, почту обязали не принимать. Трудно сказать, подействовали ли предпринятые меры или террорист просто «пошутил», но на лайнеры никто не покусился.

В начале сентября 1995 года Унабомбер письмом потребовал от газет «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» публикации своего манифеста «Индустриальное общество и его будущее». В этом случае он обещал прекратить проведение террористических актов. Министр юстиции США и директор ФБР настаивали на выполнении требования. В манифесте Унабомбер писал о том, что промышленная революция и ее последствия представляют собой угрозу для существования всей человеческой расы в целом, поскольку дестабилизируют общество, приводят к духовному обнищанию людей, психологическим и физическим страданиям, наносят серьезный вред окружающей среде. Развитие технологий, по его мнению, приведет к социальной разрухе, так что он начинает революцию против промышленной системы.

Кто в конце концов положил конец деятельности Унабомбера – не совсем ясно. Разные источники говорят о том, что первыми подняли тревогу жена его брата, его мать и сам младший брат. Как бы там ни было, в ФБР обратился именно Дэвид Казински. Его мать, Ванда, собираясь в 1996 году продавать старый дом после смерти мужа, перебрала вещи и наткнулась на бумаги старшего сына, Теодора Джона. По своему содержанию они очень напоминали манифест Унабомбера. Старушка решила показать находку младшему сыну, поскольку старший не поддерживал с родителями никаких отношений (даже не приехал в 1990 году на похороны отца).

Дэвид, работавший адвокатом в общественном Фонде по защите подростков, сличил почерк с письмами Теодора, а затем отправился в библиотеку – изучать все то, что было известно о «деятельности» Унабомбера. Он был поражен сходством идей и литературных стилей брата и неуловимого террориста. К делу была подключена и подруга жены Дэвида, которая работала в одном из частных детективных агентств. Самодеятельное расследование убедило Казински в том, что неизвестный террорист и Теодор – одно и то же лицо. Не раздумывая, новоявленный Шерлок Холмс отправился в федеральный офис ФБР в Вашингтоне. Мать поддержала его, сказав, что Теодора нужно остановить. Дэвид долго убеждал спецслужбы, что именно его брата вот уже столько лет вся Америка мечтает отправить за решетку.

Унабомбер жил в деревянной хижине 3 × 3,65 метра без воды, электричества, газа и канализации. За домом было установлено наблюдение, а 3 апреля террориста арестовали. При обыске в домике обнаружили все необходимые улики: химические вещества, три бомбы на начальной стадии сборки, записи процесса изготовления бомб в домашних условиях, две пишущие машинки. На них, как установила экспертиза, Казински напечатал письма в газеты и свой манифест. Кроме того, в бумагах были обнаружены работы «Бытие разумного человека в безумных местах» и «Занятие по стрессовым межличностным спорам». Хотя арестованный отрицал, что является Унабомбером, его поместили в тюрьму «Льюис энд Кларк» под круглосуточное наблюдение. Хижину доставили на военно-морскую базу Малмстром для изучения.

Оказалось, что данные психоаналитиков были недалеко от истины. Теодор Казински, родившийся 22 мая 1942 года в Чикаго, был не просто высокоинтеллектуален – он был почти гениальным. Так считали его знакомые и учителя, сетовавшие, правда, на нелюдимость этого самого одаренного по всем дисциплинам ученика школы. Особенно Казински интересовала химия, и в 12 лет он уже мастерил взрывные устройства. За три года Теодор прошел программу средней школы и без усилий поступил в Гарвардский университет. В 1962 году, в 20 лет, он стал самым юным его выпускником, через два года – магистром математики, а в 1967 – доктором философии в Мичиганском университете. Позднее он работал ассистентом профессора математики в одном из самых престижных университетов в США – университете в Беркли. Там он получил звание доцента. Сотрудники считали Казински гением и прочили ему блестящую карьеру математика. Но в июне 1969 года нелюдимый молодой человек внезапно уволился и уехал в штат Юта. С тех пор о нем практически ничего не было слышно. В 1984 году он купил небольшой участок земли в Монтане и стал жить в полном уединении, почти как дикарь. Оказалось, Теодор разочаровался в современной цивилизации и мечтал вернуть людей назад к

природе. Он нигде не работал, получая небольшие доходы от разведения кроликов и живя в основном рыбалкой и охотой. Дэвид, у которого в детстве тоже были проблемы с адаптацией в обществе, иногда помогал старшему брату.

Процесс над Унабомбером длился два года. Кроме троих убитых, Казинский сделал инвалидами пионера в области исследования микроволн Диогена Ангелакоса, блестящего химика Бакли Криста, известнейшего генетика и исследователя синдрома Дауна Чарльза Эпстайна, ведущего специалиста Америки в области изучения искусственного интеллекта и разработчика нескольких языков программирования Давида Гелентера, президента авиакомпании «Объединенные авиалинии» Перси Вуда и многих других.

В январе 1998 года его признали шизофреником и на основании этого приговорили к пожизненному заключению. Сейчас Казински сидит в одиночной камере в тюрьме Сакраменто. В 1996 году журнал «Пипл» назвал его одним из 25 самых интересных людей планеты.

Оказавшись за решеткой, Унабомбер стал получать письма от своих сограждан. Правда, на послания дам, желающих завести роман со знаменитым убийцей, он не отвечает. Равно как и на письма душевнобольных или радикальных христиан (последние в целом согласны с его взглядами, но призывают террориста покаяться, чтобы спасти свою душу). Зато теоретическая математика Казински до сих пор волнует. Поэтому он охотно помогает ученым и студентам в решении сложных задач. Казински читает письма американцев – жителей провинции, которые часто присылают ему подарки и жалуются на то, что их жизнь на самом деле все меньше и меньше зависит от них самих. Часто встречаются и заверения, что в своих наблюдениях и выводах Унабомбер был все-таки прав. Видимо, поэтому террорист до сих пор придерживается своих взглядов. Вскоре после вынесения приговора он отправил письмо одной из своих жертв, профессору информатики Давиду Гелентеру, в котором были такие строки: «...Люди с научными степенями не столь умны, как они думают. Вы были бы умны, если бы не открыли пакет, посланный незнакомцем. Вы оправдываете свои исследования тем, что если не Вы, то это исследование все равно проведет кто-нибудь другой. Да, открытия неизбежны. Но только потому, что такие кретины, как Вы, делают их неизбежными. Мы же не перестаем судить воров только потому, что воровство как явление неизбежно».

А Дэвид Казински, кстати, получил обещанный миллион, после чего написал книгу о брате, на продаже которой заработал еще несколько миллионов. Процент гонораров он обещал передать в Фонд пострадавших от Унабомбера, но большую часть суммы все же оставил себе. А теперь младший брат знаменитого террориста хочет снять о нем фильм. Сам Унабомбер говорит, что Дэвид просто отомстил ему – более талантливому и успешному. Прощать «Павлика Морозова» Теодор не собирается, называя родственника «пенной нашего общества» и уверяя, что чем скорее тот умрет, тем лучше.

А система, с которой норовил сражаться Унабомбер, отомстила ему сполна, превратив в собственный продаваемый элемент. Церковь эвтаназии, например, заработала на торговле наклейками с лозунгами Казински 25 000 долларов, издатель К. Лоусон, напечатавший его манифест отдельной книгой, получил несколько миллионов прибыли. А родной брат и сейчас продолжает торговать недоброй славой Унабомбера: выиграв по суду у ФБР (!) право на владение хижиной Теодора, он собирается открыть в ней музей.

Сам террорист по решению суда обязан выплатить 250 000 долларов своему адвокату, а 215 000 – семьям пострадавших от взрывов. Некоторые личные вещи он хочет продать, чтобы частично возместить причиненный им ущерб. Долгое время Казински надеялся заразить своей идеей общество: в тюрьме он писал книги и статьи, которые неоднократно публиковались, а полученные гонорары перечислял пострадавшим. Но в этом году Унабомбер, похоже, сломался. Он подал прошение о пересмотре своего дела, в котором доказывает, что не является шизофреником, и требует для себя смертной казни.

КАМО

Настоящее имя – Симон Аршакович Тер-Петросян (род. в 1882 г. – ум. в 1922 г.)

Известный революционер, в молодости бывший сподвижником Сталина, руководитель боевой группы социалистов, террорист, специализировавшийся на грабежах для пополнения партийной кассы большевиков. Находясь в заключении, в течение четырех лет столь удачно симулировал безумие, что обвел вокруг пальца светил европейской и российской психиатрии, благодаря чему сумел избежать смертной казни. Ушел из жизни в 40-летнем возрасте в результате нелепого

несчастливого случая. По утверждению современных историков, Камо был устранен по личному указанию Сталина.

Симон Аршакович Тер-Петросян родился в 1882 году в Гори, в семье торговца мясом. Образования получить не смог: даже из трехклассного училища его отчислили за неуспеваемость и полную неспособность к учебе. О дальнейшей судьбе мальчишки «позаботился» его земляк и друг Иосиф Джугашвили, который свел Симона с социал-демократами. Их дома – богатый дом Тер-Петросяна и жалкая лачуга Джугашвили – стояли по соседству. Эти двое ребят дружили с малолетства.

Тер-Петросян, не отличавшийся спокойным и покладистым нравом даже в общении с родными, среди ровесников был известен как изворотливый, хитрый и жестокий человек. К тому же он обладал значительной физической силой, абсолютным бесстрашием и какой-то гипертрофированной гордостью. В общем, Симон рос признанным лидером среди ребят. Однако когда рядом с ним появлялся Сосо, мальчишка моментально терялся, попадая в странную зависимость от своего приятеля, и превращался в безропотную тень, исполнительного вассала при властном Иосифе. Сосо прощались все выходки, даже насмешки; при этом остальные очень жестоко расплачивались за значительно меньшие провинности. Отец Тер-Петросяна не раз злился, видя безропотную покорность сына нищему соседу. Он не мог понять: что нашел его наследник в этом голодранце, если в Гори предостаточно достойных людей? И каждый раз, увидев мальчишек вместе, вздыхал: не доведет этот Сосо сына до добра. Однако всякие увещевания были бесполезны: стоило появиться Джугашвили, как все нравоучения отца тут же забывались.

Именно Сталин подметил у Симона, считавшегося безнадежным учеником, совсем другие способности: как никто другой, он мог организовать людей для проведения демонстрации, создать подпольную типографию, вооружить и обучить боевиков. Кроме того, этот прирожденный террорист был незаменим в вопросе пополнения партийной кассы. Его не смущали ни разбои, ни грабежи. И хотя официально считалось, что большевики получают деньги исключительно из добровольных пожертвований, на деле все обстояло далеко не так безобидно; Ленин сам дал «добро» на проведение многих терактов, осуществленных товарищем Камо.

Своим партийным прозвищем Тер-Петросян был также обязан издевательской шутке Сталина. Однажды Коба, у которого оказалась серьезно повреждена рука в локтевом и плечевом суставе, из-за чего началось воспаление и сильный жар, поручил свою миссию – доставить пакет – давнему приятелю, на чью честность и изворотливость он мог вполне положиться. В пакете находились деньги, добытые в ходе ограбления, которые было необходимо срочно передать Ленину. Симон, который плохо говорил по-русски и часто коверкал слова, спросил: «К камо отнести?» Это искаженное «кому» вызвало злое издевательство Кобы, принявшегося передразнивать друга. И если даже за намек на насмешку любой другой человек поплатился бы жизнью, то все, что исходило от Иосифа, Симон безропотно терпел. Так что с этого момента Тер-Петросян стал называться Камо. Позже, правда, это прозвище попытались соотнести с названием травы, растущей в Крыму и на Кавказе: не могли же официальные идеологи коммунизма признать, что имя одного из лидеров революционного движения – обыкновенная злая ирония вождя!

Итак, с легкой руки Кобы Симон получил новое имя и начал жизнь борца за революцию. Постепенно он превратился в личность почти легендарную, одно упоминание о которой вызывало страх и раздражение у полицейских чиновников. Неоднократно Камо подвергали арестам, но ему всегда удавалось сбежать из заключения, какой бы неприступной ни считалась очередная тюрьма. Наибольшую известность приобрел случай побега из батумской тюрьмы в июле 1904 года, до этого инцидента в течение 15 лет имевшей репутацию самой надежной в Закавказье. Побег, совершенный из нее среди бела дня, во время прогулки, фактически на глазах тюремной охраны, – был совершенно невероятным и нелепым! Причем это происшествие случилось именно в тот день, когда должен был приехать прокурор из Тифлиса, чтобы лично допросить Камо. Но этот заключенный умудрился испариться с тюремного двора, полного охраны, со стенами высотой в пять аршин. Теоретически такую преграду могла преодолеть разве что птица. Оказалось, что арестант использовал небольшой выступ на внешней стене, и, воспользовавшись моментом, когда часовой отвернулся, вспрыгнул на него и перебрался через ограду. Чтобы совершить такое, нужно было обладать не только завидной ловкостью, но и изрядной наглостью.

Вскоре по всем станциям и портам Черного моря, по полицейским управлениям побережья были разосланы сообщения о побеге важного политического преступника, 22-летнего уроженца Гори Симона Тер-Петросяна. В сводках приводились приметы разыскиваемого. Но все старания

оказались напрасными: Камо как сквозь землю провалился. Оказалось, что он под видом грузинского князя сел в скорый поезд, направлявшийся из Батума в Москву. Причем ехал беглый арестант в одном купе с тем помощником прокурора, который как раз и собирался беседовать с ним в тюрьме по поводу числившихся за молодым человеком «геройских» дел. К тому времени Камо успел провести экспроприацию в Квирилах, организовать три подпольные типографии в Тифлисе, совершить подкуп под казначейство в Гори, организовать контрреволюционную деятельность в среде революционеров, собственноручно ликвидировать нескольких провокаторов. Особой жестокостью отличался случай с мальчишкой-рассыльным, в котором этот боевик заподозрил шпиона: Симон спустил ребенка живым под лед на реке.

Имя Камо вновь всплыло в декабре 1905 года в связи с рабочими собраниями в Нахаловке, предместье Тифлиса. Здесь, явно не без помощи этого террориста, начала действовать таинственная подпольная типография, появились отряды рабочей дружины, возникли слухи о контрабандных перевозках оружия и появлении большой партии революционной литературы. В это же время наместник императора на Кавказе получил доклад особого отдела управления, в котором сообщалось, что национальная вражда в Тифлисе может вскоре вылиться в анархию. В связи с этим необходимо было прекратить игру с межнациональной резней: она дала возможность революционерам заявить, что правительство сознательно проводит политику натравливания. Начальник особого отдела предложил выдать рабочим 600 берданок. Это должно было сразу поднять престиж правительства, успокоить общественное мнение и морально разоружить рабочих. Нахаловка получила оружие под поручительство демократических лидеров. Однако и после прекращения погромов рабочие не спешили возвращать оружие. В конце концов им был послан ультиматум, в ответ на который Нахаловка взбунтовалась. Это произошло, как оказалось, под влиянием выступления Камо, который позднее был захвачен казаками во время столкновения. Вахмистр решил повесить бунтовщика. Но на выручку пленному пришел Его Величество Случай: под рукой попросту не оказалось веревки. Так что Симона доставили в тюрьму. Здесь ему неожиданно помог местный фармацевт, схваченный по ошибке. Он много слышал о Камо, откровенно восхищался им и поэтому решился на аферу: выдал себя за Тер-Петросяна, а революционер воспользовался его фамилией, чтобы ускользнуть от жандармов. Подлог обнаружили только на следующий день.

Вскоре на товарной станции были обнаружены ящики с пометкой «электрические принадлежности». Полицейский агент нашел в них патроны. Следствие установило, что груз отправил Камо. Несколько позднее трое неизвестных пытались получить по квитанции багаж, на котором стояла пометка «мандарины». На одном из ящиков оказалась оторвана доска, и железнодорожный агент заметил, что в нем находятся винтовки. Чересчур внимательный служащий подвергся нападению, но в багажное отделение зашли пассажиры, и неизвестные вынуждены были скрыться. Человеком, совершившим нападение на агента, был опять-таки Камо. После небольшого затишья это имя снова всплыло: Симон организовал побег 32 политических преступников из Метехского замка через подземный ход, подведенный к камерам заключенных.

Задержать Тер-Петросяна было невероятно сложно, поскольку он был великолепным актером, наделенным совершенно фантастическим даром перевоплощения. Позже, обучая молодежь искусству маскировки, он говорил, что любую роль нужно играть так, чтобы совсем забывать, кто ты есть на самом деле. Под началом этого террориста находилась группа молодых революционеров. Из них Симон растил закаленных бойцов. При этом методы, которыми пользовался Тер-Петросян, были жестокими: чаще всего он инсценировал налет полиции, угрожал пытками и расстрелом, чтобы добиться «признания». Некоторые «террористы» в ходе таких проверок сходили с ума или умирали от разрыва сердца. Кроме работы с молодежью, Камо выполнял еще многие другие поручения революционного комитета. То он умудрялся спрятать подпольную типографию на свалке, вывезя ее под видом мусора, то снимал с поездов грузы оружия под носом у охраны, то при помощи либерального князя Дадиани выписывал фальшивые паспорта для своих людей. Ему удалось наладить контакт с писарем жандармского управления, что давало возможность оттискивать печати на заготовленных пустых бланках. Камо не раз снабжал офицерской формой своих товарищей, ездивших по делам революции в Баку. Удивительно, но этот человек научился даже не спать. Он доказывал, что человеческий организм вполне способен без ущерба для себя обходиться без отдыха четыре месяца. Дальнейшие события продемонстрировали, что Тер-Петросян говорил совершенно серьезно. Вскоре в Тифлис поступило сообщение из Петербурга: в Турции кто-то закупает оружие для проведения революционных мятежей в городе и губернии. Посредником, совершавшим сделки, оказался агент кавказского социал-демократического союза Камо. Но на этот раз удача отвернулась от него. Транспорт с оружием (маленький старый пароход, приобретенный им в Болгарии) затонул во время бури у берегов Румынии. А через две недели Симон дал отчет товарищам по организации. Некоторые члены группы заявили, что к катастрофе привела мелочность посредника, который купил развалину вместо нормального парохода. Другие участники встречи возмущались, говоря, что экономить приходилось исключительно из-за того, что не хватало денег. Сам же Камо потребовал от комитета санкции на террористический акт: он обещал

вернуть двойную сумму в компенсацию за потерянное оружие. Тер-Петросян доказывал, что революция не просит, а требует. Так что другого пути не существует, а если при нападении пострадают невинные люди, то в бою приходится жертвовать всем.

Через несколько дней из Тифлиса должен был идти денежный транспорт. Два экипажа под охраной казаков в 8 часов утра отправились в путь, а уже в три часа дня было получено сообщение о попытке ограбления. Но охрана открыла по нападавшим огонь, так что деньги удалось сохранить. В этот же день в одну из больниц города поступил техник железнодорожных мастерских Акакий Дадвадзе с тяжелыми ранениями и обширными ожогами тела (пострадали даже стенки желудка!). Больной сказал, что на него упал кусок раскаленного железа, сорвавшийся с неисправного крана. Состояние Дадвадзе было очень тяжелым, ночью ему стало плохо, у него начался бред. Врач решил, что пациент не доживет до утра. Но спустя неделю «безнадежный» больной начал садиться, а еще через 10 дней он уже ходил. Через месяц и 9 дней Дадвадзе выписали из больницы. Это был не кто иной, как Камо, пострадавший от взрыва неудачно брошенной во время попытки ограбления бомбы. Он был полон решимости наверстать упущенное время и пополнить-таки партийную кассу.

Через сутки члены группы узнали, что Тифлисский городской банк должен получить 250 тыс. рублей. Группа тут же оживилась и приняла решение перехватить эти деньги. Экспроприация была тщательно спланирована и проведена блестяще. Камо пришлось по ходу дела сыграть роль полицейского пристава. Боевикам удалось захватить деньги и скрыться; после этого ЧП полицмейстер Тифлиса покончил жизнь самоубийством. На этот раз были подняты на ноги все силы закавказского сыска.

В конце концов Камо был арестован в Германии в августе 1907 года. Он изображал из себя страхового агента, но в его чемодане с двойным дном обнаружили взрывчатые вещества. Симона доставили в тюрьму Альт Моабит, но следователю не удалось добиться от него вразумительных ответов. На вопрос о национальной принадлежности террорист заявил, что он одновременно является армянином, русским, грузином, немцем, французом, англичанином, малайцем и даже. негром! Это заставило следователя всерьез задуматься о психическом здоровье арестованного. Странности в поведении Камо, сидевшего в одиночной камере, убедили надзирателей, что под их присмотром оказался умалишенный. Следователь потребовал, чтобы в тюрьму прислали врачей-психиатров. Специалисты подтвердили мнение тюремщиков, выдав заключение о сумасшествии поднадзорного. Но прокурор все же считал, что подобное состояние заключенного – лишь попытка избежать смертной казни. Для проверки Камо (в одном белье и босиком) посадили на семь дней в подвал с минусовой температурой. Ни один нормальный человек не мог бы вести себя так, как он, – с полным безразличием простаивая часами в углу и совершенно не реагируя на холод. Переведенный обратно в камеру, он вдруг отказался от пищи, и его пришлось кормить принудительно. Кроме того, заключенный в течение двух недель обходился без сна. Однажды он едва не повесился, а после этого умудрился вскрыть себе вену костью из супа. В общем, директор клиники считал дальнейшую проверку бессмысленным издевательством над душевнобольным человеком. Но прокурор все же перевел Камо в клинику в Бухе, под наблюдение светил психиатрии. На седьмые сутки персонал был уверен в том, что Тер-Петросян страдает умопомешательством анестетической формы, при котором человек полностью теряет чувствительность к боли. Перед тем как дать такое заключение, было проведено испытание на чувствительность: под ногти пациенту загонялись иглы, к телу прикладывалось раскаленное железо. Камо продолжал оставаться неподвижным, равнодушным к происходящему, отчужденным и удивительно спокойным. Только на лбу у него выступили крупные капли пота. Во время проверки один из врачей наблюдал за его глазами. Наука утверждает, что если зрачки человека остаются в нормальном состоянии, то это свидетельствует об отсутствии болевых ощущений. При попытке же скрыть боль они расширяются. Врач несколько раз отметил, что зрачки Камо действительно изменились в размере. Но при этом лицо его все равно оставалось спокойным, тело – неподвижным, а мышцы – расслабленными. Врачи были в недоумении: кто обманывает – пациент или наука? Они впервые усомнились в правильности теории. Прокурор же получил уведомление о том, что русское правительство просит выдать Камо, сославшись на необычайную тяжесть совершенных им преступлений. Немецкой стороной было дано согласие, но от клиники в Бухе затребовали медицинское свидетельство о состоянии террориста. Согласно утверждению психиатров, Тер-Петросян был человеком с недостаточными умственными способностями, находящимся в состоянии явного помешательства. Кроме того, в свидетельстве говорилось о том, что ни о какой симуляции со стороны больного не может быть и речи. Вердикт врачей был однозначен: Камо не способен принимать участие в судебном процессе в настоящее время и не будет способен к этому уже никогда. В связи с этим больной не способен нести наказание ни в настоящем, ни в будущем. Его психическое состояние было признано безнадежным.

21 сентября 1909 года Камо под охраной был доставлен на границу и передан представителям русской жандармерии. Немецкие социал-демократические газеты тут же набросились на

правительство, обвиняя его в выдаче русской охранке героя революционного движения, которого германские лечебницы довели до сумасшествия. Симон в кандалах был препровожден в Метехский замок. В тот же день он был предан военно-окружному суду по законам военного времени, что было полнейшим абсурдом: в 1909 году Россия ни с кем не воевала. Но вскоре выяснилось, что повесить обвиняемого вряд ли удастся. Он действительно был помешан. Кроме того, Столыпин уведомил судей, что смертная казнь Камо может привести к нежелательным последствиям в отношениях с Германией. Во всяком случае, впредь на высылку русских анархистов при подобном повороте событий рассчитывать не приходится.

В тюрьме Симон вел себя так же, как и в немецких клиниках. Происходящее вокруг он, кажется, почти не воспринимал; вскоре было принято решение подвергнуть его длительному наблюдению в психиатрической лечебнице. Камо отправили в Михайловскую больницу, в изолятор для буйнопомешанных. Здешние врачи в который раз заявили о том, что он – безнадежный душевнобольной. А через четыре года после ареста в Германии, 15 августа 1911 года Тер-Петросяну удалось совершить побег, сняв решетку с окна уборной и спустившись вниз по веревке. Правда, она внезапно оборвалась, и мнимый сумасшедший полетел вниз с высоты двух саженей. Но он отделался лишь сильным ушибом ноги. Внизу Симона ждал его товарищ. Тревогу объявили почти сразу, Тифлис оцепили, были вызваны собаки, но все бесполезно. Камо, следуя своей традиции, будто испарился. Только через год на Коджорском шоссе произошло очередное нападение на почтовый транспорт, перевозивший большую партию денег. В ходе террористической акции четыре человека были убиты, два – получили тяжелые ранения. Но экспроприаторам все же не удалось захватить деньги. Следствие точно установило, что среди нападавших был Камо. 10 января 1913 года его все же задержали и вновь водворили в Метехский замок, проведя очередное переосвидетельствование. Врачи не обнаружили у арестанта никаких следов душевного расстройства; четырехлетнее «помешательство» Тер-Петросяна оказалось все-таки симуляцией. Дело поручено было вести как раз тому юристу, с которым террорист ехал в поезде после побега из батумской тюрьмы. Из бесед с заключенным стало ясно, что он понимает неизбежность смертной казни, ни о чем не жалеет и ни в чем не раскаивается. Дело слушалось при закрытых дверях, защитник просил лишь о «снисхождении и милости», а сам подсудимый подтвердил все обвинения и вновь сказал, что не ждет помилования. Камо приговорили к повешению. Приговор должен был быть приведен в исполнение не позднее чем через месяц. Но во время очередной встречи с террористом в камере смертников прокурор сказал, что через полмесяца будет праздноваться 300-летие царствующего дома, и по этому поводу уже получен проект закона об амнистии. Юрист сознательно задержал исполнение приговора, за что впоследствии был понижен в должности до помощника прокурора. Самому же Тер-Петросяну повешение заменили 20 годами каторжных работ. По дороге к месту заключения он все же попытался сбежать, угостив конвой пирогами со снотворным, но у него сломалась пилка, которой он перепиливал кандалы.

Харьковская тюрьма оказалась достаточно надежной, так что Камо просидел там вплоть до революции 1917 года. После освобождения он вновь включился в активную работу. А в 1919 году предложил организовать в тылу белых ряд террористических актов. Когда разрешение было получено, он снова применил свою излюбленную тактику проверок молодежи. Но начать активные действия на этот раз не успел: белые начали отступление на юг. И террористу пришлось привыкать к мирной жизни: Симон был назначен начальником учреждения. А вскоре друзья узнали, что он начал изучать предметы школьной программы: Ленин распорядился, чтобы этот опытный террорист готовился к поступлению в Академию Генерального Штаба.

Его жизнь оборвалась внезапно и нелепо. 14 июля 1922 года Камо ехал на велосипеде по Верийскому спуску, ведущему к Куре. Позади него появился грузовик, который на середине дороги ускорил ход. Водитель утверждал впоследствии, что заметил человека на велосипеде только тогда, когда машину сильно потрянуло. Через 10 минут пострадавший, находившийся без сознания, был доставлен в ближайшую больницу, а через два часа врач доложил спешно прибывшему члену Совнаркома, что состояние раздавленного безнадежно. Вскоре Камо умер. Ему было 40 лет.

Современные историки склонны думать, что Тер-Петросян не был жертвой несчастного случая. Скорее всего, его смерть была необходима Сталину, всего три месяца назад выбранному генсеком ЦК РКП(б). Дело в том, что Камо принимал участие во всех грабежах, организованных в свое время Кобой, и знал о «вожде народов» то, что его бывший приятель хотел бы скрыть от окружающих. Ведь и знаменитое нападение на Эриванской площади, и захват парохода «Николай II», и убийство диктатора Грузии генерала Грязного были спланированы именно Сталиным, а Камо являлся лишь исполнителем. Коба принимал деятельное участие во многих террористических актах. Но партия приняла решение о запрещении террористической деятельности. И вообще, разве мог оказаться вождем государства жестокий грабитель и убийца? Именно поэтому он тщательно скрывал свою деятельность боевика, хотя о ней и без того было многим известно. Еще в 1918 году меньшевик Мартов заявил, что Сталин не имеет права

занимать руководящие посты в партии, будучи отчислен из рядов большевиков за терроризм и грабежи. Вождь возмущался, называя это обвинение гнусной клеветой. Но утверждать, что он совершенно непричастен к террору, все же не стал. Его оппоненты приводили веские доказательства и требовали вызова свидетелей. Дело заглохло лишь потому, что все лица, причастные к нему, находились на Кавказе, где в этот момент шли военные действия. А вскоре все, кто участвовал вместе с Кобой в разбойных нападениях, погибли в тюрьмах. Камо, главный партнер вождя по терактам, ушел из жизни первым. Да и о каком несчастном случае можно говорить, если он попал под автомобиль, бывший большой редкостью в городе, да при этом на совершенно пустой дороге? Получается, что не только водитель грузовика не увидел велосипедиста, но и велосипедист «не заметил» машину с включенными фарами. И вообще, в одних публикациях говорилось, что Камо ехал перед машиной, а в других – навстречу ей. Как можно понять это расхождение в описании аварии? Кстати, невольно обращает на себя внимание тот факт, что Тер-Петросян погиб сразу же после того, как друзья уговорили его написать мемуары, а чтоб дело пошло скорее, приставили к нему стенографистку. Уж очень вовремя для его прежнего приятеля произошел «несчастный случай»! Да и удар автомобиля был такой силы, что Камо отлетел на несколько метров и потерял сознание от удара о тротуар; в больнице врач констатировал у него наличие тяжелой черепной травмы и других серьезных увечий. С какой же скоростью шла машина? Камо скончался, так и не придя в сознание, и унес с собой тайну ночного наезда. По крайней мере, он умер быстро, в отличие от других «коллег» Кобы по терактам. Может, это был последний подарок бывшего друга?

КАПЛАН ФАННИ ЕФИМОВНА

Настоящее имя – Фейга Хаимовна Ройдман (род. в 1890 г. – ум. в 1918 г.)

«Фиалка террора», совершившая, как считается, покушение на В. И. Ленина.

«Я сегодня стреляла в Ленина». Эти слова, произнесенные Фанни Каплан 30 августа 1918 года в 23 ч 30 мин на допросе в Замоскворецком военном комиссариате, положили начало мифу об этой женщине, самом этом событии и о партии эсеров, «подло стрелявшей рукой Ф. Каплан в спину вождя мирового пролетариата». И еще, уже далеко не мифичное, это событие привело к жуткой действительности под названием «красный террор». Тут уж нужно думать, кто же больший террорист: стрелявшая ли на самом деле Ф. Каплан, эсеры или верхушка большевистской партии. Судя по всему, эта несчастная молодая женщина (всего-то 28 лет), отсидевшая почти половину жизни на каторге, оказалась втянута в омут заговора, созревшего в верхушке партии большевиков и направленного против ее создателя – Ленина. Революция пожирает своих детей – разве это новость в истории? Два события, инициированные Лениным, – разгон Учредительного собрания и мир с немцами, – привели к поляризации общества и Гражданской войне и поставили саму правящую партию на грань раскола. Ленин стал мешать! Он привел большевиков к власти и теперь должен был уйти. Но об этом позже.

Советская литература и кинематография запечатлели образ Фанни Каплан, прямо скажем, малопривлекательным: чудаковатая оборванка с постоянной папиросой в зубах, в стоптанных башмаках с торчащими из подошвы гвоздями, с портфелем и зонтиком в руках. Такой она, мирно стоявшая под деревом, предстала в момент задержания. Сопротивления Каплан не оказала, а то, что происходило потом, даже после ее расстрела (настоящего или мнимого), ничего кроме удивления и недоумения вызвать не может.

На первом допросе Ф. Каплан о себе рассказала совсем немного. Да, собственно, что могло быть такого в ее куцей биографии? Родилась Фейга Хаимовна Ройдман (таково ее настоящее имя) в 1890 году в Волынской губернии. Фанни Каплан она станет только через 16 лет, когда при аресте полиция обнаружит у нее фальшивый паспорт на это имя. Под этим именем она пойдет на каторгу, под этим именем она войдет в историю. Фанни – в переводе с еврейского «фиалка», и как «фиалка террора» она уже многие десятилетия числится в истории русской революции. Семья ее, как и большинство еврейских семей, была многочисленной: кроме самой Фанни, еще три девочки и четыре мальчика. Отец ее работал учителем в еврейской начальной школе, так что особого достатка в семье не было. Начальное образование Фанни получила дома, от отца. А дальше, с началом революции 1905–1907 годов, началась революционная биография, впрочем, такая же куцая и несуразная.

В 1905 году Фанни примкнула к анархистам и стала известна в этих кругах под именем Дора. Задание ее, первое и, пожалуй, последнее – убийство киевского генерал-губернатора. Ничего из этого не получилось, зато открылся путь на каторгу.

Вечером 22 декабря 1906 году в одном из номеров 1-й купеческой гостиницы на Подоле в Киеве прогремел взрыв. В этом номере уже три дня проживали Фанни и ее кавалер. Мужчина после взрыва исчез, а девушку задержали. При обыске у нее обнаружили браунинг, чистый бланк паспортной книжки и фальшивый паспорт на имя Каплан. При взрыве она получила легкие ранения руки, ягодицы и левой ноги. Назвать свое настоящее имя новоявленная террористка отказалась и 30 декабря 1906 году под фамилией Каплан предстала перед военно-полевым судом. Приговор был жестокий – смертная казнь. Но поскольку Фанни была несовершеннолетней, его заменили пожизненной каторгой за хранение взрывчатых веществ «с противною государственной безопасности и общественному спокойствию целью». Вначале, до 1911 года, она содержалась в Мальцевской каторжной тюрьме.

Фанни и представить себе не могла, что в тюрьме может быть так тяжело.

Летом 1908 года у Каплан вдруг произошло непонятное для всех расстройство зрения. После страшных головных болей она полностью ослепла. Через три дня зрение вернулось, но вскоре припадок повторился, и она утратила зрение надолго. Прежде довольно бодрая, она замкнулась в себе, отказалась от прогулок и даже обсуждала с некоторыми сокамерницами способы самоубийства. Администрация тюрьмы, ранее считавшая, что Фанни симулирует, теперь поместила ее в тюремный лазарет, где она под присмотром надзирательниц находилась почти весь 1910 год. Никто не мог понять причин случившегося. Некоторые считали, что это результат черепно-мозговой травмы, полученной при взрыве бомбы в 1906 году. Может быть, и так, но здесь стоит вернуться в тот год и к тому человеку, который скрылся после взрыва. Дело в том, что после осуждения Каплан полиция не закрыла дело о взрыве. Она разыскивала проживавшего у нее в номере по фальшивому паспорту на имя Зельмана Тома то ли румына, то ли выходца из Бессарабии, который уже ранее находился в розыске после ограбления вооруженной бандой магазина в Кишиневе. Еще раз он отличился там же при ограблении банкирской конторы. В подпольных кругах его знали под кличками Сашка-белогвардейщик, Реалист, З. Тома, Я. Шмидман. Человек этот являлся членом Южнорусской группы анархистов-коммунистов. В 1908 году его все же арестовали в Одессе. При задержании он оказал вооруженное сопротивление и ранил двух городских и сторожа. Трех участников банды приговорили к повешению, а Шмидмана (под таким именем он предстал перед судом) как несовершеннолетнего – к тюремному заключению сроком на 12 лет. Через четыре месяца тюрьмы он вдруг неожиданно дал показания о взрыве в Киеве, подчеркнув, что Ф. Каплан непричастна к случившемуся и что бомбу принес он. Однако проверка его показаний затянулась, а затем и вовсе прекратилась. Тогда Шмидман задумал вооруженный побег, но он был пресечен в конце 1908 года. Интересно, что при обыске в его камере были обнаружены две упаковки цианистого калия и шифрованная переписка. Вполне возможно, что Фанни узнала о признании своего друга и рассчитывала на перемены в своей судьбе. Когда же ничего не произошло, у нее и начались непонятные для всех припадки с потерей зрения: очевидно, охватило отчаяние и чувство обреченности.

В 1911 году «бессрочницу» Каплан из Мальцевской тюрьмы отправили в Акатуй, на Нерчинскую каторгу – самую страшную в России. И не просто отправили, а в ручных и ножных кандалах. В Акатуе она познакомилась с известной деятельницей революционного движения Марией Спиридоновой и под ее влиянием из анархистки превратилась в эсерку. Однако вскоре

незрячую узницу поместили в лазарет, где находились больные прогрессивным параличом, слабоумием, скоротечной чахоткой. Здесь уже было не до идей: ни до анархистских, ни до эсеровских. Полная безысходность. Положение стало меняться с 1912 года, когда врач, инспектировавший пенитенциарные учреждения Нерчинского края, осмотрел Фанни и, увидев, что ее зрочки реагируют на свет, посоветовал перевести Каплан в Читу. В следующем году, после амнистии в связи с 300-летием дома Романовых, пребывание Фанни на каторге сократили до 20 лет, а затем положили ее в специальную лечебницу, где ее зрение стало улучшаться. Родители Каплан к тому времени эмигрировали в США, а ей самой пришлось оставаться на каторге до Февральской революции 1917 года.

После освобождения Фанни некоторое время жила в Чите, а в апреле переехала в Москву. Здоровья не было, зрение не восстанавливалось. Товарищи по партии эсеров отправили ее подлечиться в Евпаторию, где Временное правительство, проявив заботу о жертвах царизма, открыло санаторий для бывших политкаторжан. Затем она приехала в Харьков, в клинику известного офтальмолога Л. Л. Гиршмана, где ей была сделана операция на глазах. Здесь Каплан и застало известие об Октябрьском большевистском перевороте. Из Харькова Фанни вновь переехала в Крым и некоторое время вела в Симферополе курсы по подготовке работников волостных земств.

А дальше была Москва. Как попала туда Каплан и чем занималась до 30 августа 1918 года, неизвестно. Здесь, пожалуй, уместно будет опять упомянуть о ее дружбе по киевскому делу – Я. Шмидмане. В марте 1917 года он вышел из тюрьмы. Оказалось, что его настоящее имя – Виктор Гарский, родом он из молдавского местечка Ганчешты (ныне Котовск). После большевистского переворота этот бывший анархист вдруг стал комиссаром продотряда в Тирасполе и до 28 августа 1918 года находился в одном из одесских госпиталей на излечении после ранения. Здесь он пытался восстановить свои прежние связи, а 28 августа, оставив относительно сытую Одессу, вдруг рванул в Москву. До покушения на Ленина оставалось 48 часов. В Киеве Гарскому пришлось задержаться из-за каких-то проволочек в российском генеральном консульстве в Украине. Так что в Москву он приехал только после 17 сентября и сразу попал на прием к Я. М. Свердлову. Так ли уж просто было попасть на прием к самому председателю ВЦИК, к главе государства? Дальше – больше. Сразу последовало назначение Гарского комиссаром Центрального управления военных сообщений и вступление в РКП(б) без кандидатского стажа. Интересно, за какие ж это заслуги такие милости? Пережив все невзгоды и репрессии, Гарский благополучно дожил до 1956 года. А Фанни Каплан?

30 августа 1918 года Ленин должен был выступать на нескольких митингах. Последним значился митинг на заводе Михельсона в Замоскворецком районе. Накануне в Петрограде произошло убийство председателя петроградской ЧК Урицкого. Убийцу, кстати, не задержали. Родственники Ленина очень не хотели, чтобы он ехал в тот день выступать, тем более почему-то без охраны. Но он все равно поехал. На заводе Ленин был уже поздно вечером, говорил почти час. А около 23 ч, когда он уже находился на выходе, прогремели три выстрела. Одна из пуль угодила под левую лопатку. Ленин упал на землю лицом вниз. Никто еще толком не осознал, что произошло, но совершенно достоверно известно, что минут за 20 до случившегося (!) председатель ВЦИК Свердлов подписал постановление «Всем советам рабочих, крестьянских и красногвардейских депутатов, всем армиям, всем, всем»: «Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина. Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы эсеров, следы наймитов англичан и французов». В этом постановлении поражают и время, и прямое указание на виновников. А ведь Каплан еще не была арестована и никаких допросов еще не проводилось!

Но вернемся к заводу Михельсона. После выстрелов люди в панике начали разбегаться в разные стороны. Шофер Ленина Гиль бросился к нему. Далее нужно процитировать самого Гиля: «...Я увидел сбоку, с левой стороны от него, на расстоянии не более трех шагов, протянувшуюся из-за нескольких человек женскую руку с браунингом, и были произведены три выстрела, после которых я бросился в ту сторону, откуда стреляли. Стрелявшая женщина бросила мне под ноги револьвер и скрылась в толпе. При мне револьвер никто не поднял. Поправляюсь: после первого выстрела я увидел женскую руку с браунингом». Надо сказать, что, поскольку все происходило ночью, ни один из допрошенных свидетелей человека, стрелявшего в Ленина, в лицо не видел. А кроме этого в показаниях фигурируют два орудия покушения – браунинг и наган. И наконец, если Каплан, как потом утверждали, стояла слева, то ранить подходившего к подножке машины Ленина в спину она никак не могла. И тем не менее, из многих бежавших по улице, уже далеко от завода, комиссар С. Н. Батулин задержал именно ее. Следственной комиссии он показал: «На Серпуховке. позади себя около дерева я увидел с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного. Я, обыскав ее карманы и взяв ее портфель и зонтик, предложил ей пойти со мной. На Серпуховке кто-то из толпы в этой женщине узнал человека, стрелявшего в тов. Ленина». Итак, достаточно одного испуганного вида (ночью

да сослепу), достаточно, чтобы кто-то (неизвестно кто) узнал. Но ведь ни слова не сказано об оружии!

В 23 ч 30 мин в Замоскворецком военном комиссариате начался первый допрос Фанни Каплан. Протокол она подписать отказалась, но заявила: «Я сегодня стреляла в Ленина. Я стреляла по собственному убеждению». Есть данные, что на этом допросе присутствовал Свердлов, задавший ей несколько вопросов: «Кто поручил вам совершить это неслыханное злодеяние? Вы эсерка? Агент мирового империализма?» На этом допросе Каплан не признала, что является членом партии эсеров, но ведь обвинение против этой партии уже было выдвинуто! Тут-то все понятно. Большевикам вообще никакие другие партии в стране не были нужны, а тем более имеющая боевое прошлое и выступающая с критикой их политики. На последующих допросах Каплан заявила, что решение о покушении на Ленина она приняла еще в феврале 1918 года в Симферополе, что она отрицательно относится к захвату большевиками власти, стоит за созыв Учредительного собрания (разогнанного большевиками), считает Ленина предателем революции, уверена, что его действия «удаляют идею социализма на десятки лет». Однако все это только слова, а вот с доказательствами оказалось туговато. Выяснилось, что подробностей покушения она не знает: «Сколько раз я выстрелила – не помню. Из какого револьвера я стреляла, не скажу», – и, вообще, ее задержали «у входа на митинг». У входа, а не у выхода – митинг же к тому времени закончился. Да и как же быть с показаниями Батулина и других свидетелей? И как вообще эта полуслепая женщина в такое время суток смогла так точно стрелять? Где и когда она этому успела научиться? Следствие на эти несуразности внимания не обращало – сама ведь призналась. Но как быть с орудием преступления? При обыске у Каплан не обнаружили ни револьвера, ни браунинга. Их найдут позже и совсем не у нее.

1 сентября заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс сообщил в «Известиях ВЦИК», что арестованная – эсерка и что в покушении участвовала группа лиц. В течение четырех дней было допрошено свыше 40 свидетелей. Некоторые из них утверждали, что стрелял мужчина. Саму же Каплан перестали допрашивать еще 31 августа.

Теперь об оружии. 2 сентября рабочий А. В. Кузнецов принес в ВЧК найденный им «тот» револьвер. В нем не хватало трех патронов. Через год в ВЧК поступил донос на Зинаиду Легонькую, кстати, сотрудницу ВЧК, что якобы именно она стреляла в Ленина. Действительно, Легонькая после покушения была возле завода Михельсона и потом сопровождала на Лубянку раненую женщину. Она же участвовала в обыске Каплан. Но ведь оружие тогда не нашли! А теперь после обыска на квартире Легонькой нашли. Объяснение, которое она дала, довольно-таки дикое для сотрудницы ВЧК. Легонькая заявила, что нашла браунинг в портфеле Каплан и решила оставить себе на память как сувенир. Трудно себе представить, что должны были с ней тогда сделать за это. Действительно трудно: ее... отпустили...

После первых допросов на Каплан перестали смотреть как на организатора покушения. Это вытекало из содержания вопросов, которые ей задавали. Однако ее упрямо выставляли террористкой-одиночкой. Вполне возможно, что она не стреляла, но также возможно, что она действительно участвовала в этом деле. Только роль ее иная. Скорее всего, Каплан должна была отслеживать перемещения Ленина в тот день, чтобы знать наверняка, будет ли выступать он на митинге, и передать сообщение исполнителям. По собственным показаниям Фанни, она приехала «на митинг часов в восемь». Именно тогда многочисленные свидетели и видели эту странную, а потому легко запоминающуюся женщину. Но кто же являлся организатором теракта? Следствие, столь короткое, на этот вопрос ответа не дало, зато начались какие-то странности. 31 августа был арестован и расстрелян заместитель командира отряда ВЧК А. Протопопов. В тот же день был проведен последний допрос Каплан на Лубянке. На следующий день комендант Кремля П.Д. Мальков перевез ее с Лубянки в Кремль. Тут-то и начались новые вопросы. За что расстреляли Протопопова, кстати, бывшего эсера? Кто приказал перевести Каплан из ВЧК – неужели там подвалы были ненадежны? И здесь ниточки вновь сходятся к Свердлову. Приказ коменданту Кремля мог дать только хозяин Кремля. А им был Свердлов. Власть его тогда была огромна и в государстве, и в партии: председатель ВЦИК, председатель Политбюро и ЦК РКП(б), секретарь ЦК РКП(б). Теперь же, после ранения Ленина, он по очереди с А.И. Рыковым председательствовал в Совнарком. Да это же почти абсолютная власть. Нужен ли был ему Ленин? «Вот, Владимир Дмитриевич, – как-то заявил он В. Бонч-Бруевичу, – и без Владимира Ильича справляемся». Все это Якову Михайловичу еще аукнется. Вскоре после выздоровления Ленина и их беседы с глазу на глаз Свердлов внезапно умрет – якобы от «испанки». Не нужно идеализировать отношения, сложившиеся в верхушке большевистской партии, показанные в фильмах и литературе. Дорвавшись до власти, «пламенные революционеры» вели себя, как пауки в банке. Об этом свидетельствует вся история коммунистического режима. Только Фанни Каплан легче от этого не стало. 3 сентября 1918 года (какая поспешность!) тот же комендант Мальков получил приказ о ее расстреле. Мальков никакого отношения не имел к расстрельным делам. Он по должности своей не мог и не имел права этого делать. Однако сделал. Труп вроде бы сожгли в бочке. Это впоследствии породило различные легенды, среди которых – что

расстрелянная женщина вовсе не Каплан; ее тайно помиловали и в 1930-е годы видели в различных местах.

На следующий день «Известия ВЦИК» сообщили, что «по постановлению ВЧК расстреляна стрелявшая в тов. Ленина правая эсерка Фанни Ройдман (она же Каплан)». Да, по постановлению, а не по приговору суда, расстреливали почему-то не чекисты. Сидевшая в это время в московской тюрьме Мария Спиридонова, узнав о казни, написала Ленину: «Как это было возможно для вас, как не пришло вам в голову, Владимир Ильич, с вашей большой интеллигентностью и вашей личной беспристрастностью, не дать помилования Доре Каплан? Каким неоценимым могло быть милосердие в это время безумия и бешенства, когда не слышно ничего, кроме скрежета зубов».

Однако с расстрелом Каплан дело закрыто не было. В 1922 году был инсценирован открытый судебный процесс над партией эсеров, на котором выяснилось, что покушение на Ленина готовили внедренные в партию эсеров сотрудники ВЧК Г. И. Семенов-Васильев и Л. В. Коноплева. Последняя дала показания о подготовке ЦК партии эсеров террористических актов против Володарского, Урицкого, Троцкого, Зиновьева и Ленина. Этим она подписала смертный приговор руководству партии. Но тогда получается, что организацией покушения на Ленина занималась ВЧК, а Каплан работала под руководством чекистов. Что же случилось с Семеновым и Коноплевой по окончании процесса? Да ничего, кроме продвижения по службе. Они еще дадут компрометирующие данные на Н. И. Бухарина – его ведь в 1937 году тоже обвинили в организации покушения на Ленина, и он, кстати, не особенно от этого отказывался, – и будут расстреляны в том же 1937 году.

В середине 1990-х годов была предпринята попытка пересмотреть дело Каплан. Но, как и в 1908 году, все спустило на тормозах. Так что еще, видимо, долго будет считаться Фанни Каплан «Фиалкой террора» – она стреляла в сердце революции.

КИБАЛЬЧИЧ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

(род. в 1853 г. – ум. в 1881 г.)

Революционер-народник, член организации «Земля и воля», агент исполкома «Народной воли». Организатор динамитной мастерской по производству ручных динамитных бомб мгновенного ударного действия. Участник покушения на Александра II. Изобретатель, автор первого в России проекта реактивного летательного аппарата. Казнен через повешение.

Всего двадцать семь лет и пять месяцев было отпущено судьбой гениальному ученому-революционеру для того, чтобы навсегда войти в русскую и всемирную историю и посмертно «воплотиться» в один из крупнейших лунных кратеров. Наверное, больше нигде в мире не было случая, чтобы террористу, руководителю «адских лабораторий» был воздвигнут величественный

памятник и открыт музей. А вот в городе Коропе Черниговской области отошли от правил, потому что здесь 31 октября 1853 года в семье священника родился Николай Иванович Кибальчич, который, будучи оригинальным изобретателем, стал на сторону террора.

Мальчишку еще в детстве называли «Николаем-пиротехником», а тяга к техническим наукам и химии у него была непреодолимая. Пользуясь привилегиями сына священника, он по требованию отца окончил Новгород-Северское духовное училище, а затем поступил в Черниговскую духовную семинарию. Но церковный сан не прельщал подростка, и в 1869 году, несмотря на разрыв отношений с отцом, Николай стал учиться в Новгород-Северской гимназии, обратив на себя внимание выдающимися способностями к математике и языкам. Курс он окончил с серебряной медалью. Юноша был в том сословном положении, которое позволяло получить высшее образование, но обрекало на полуголодную жизнь. И тем не менее в 1871 году Кибальчич уехал в Петербург и был зачислен на первый курс Института инженеров путей сообщения. Это учебное заведение обладало сильнейшим составом профессуры и выделялось среди других институтов прежде всего новаторством: первая железная дорога между Петербургом и Москвой появилась всего за два года до рождения Кибальчича. Но с третьего курса несостоявшийся инженер ушел и в том же году был зачислен студентом Медико-хирургической академии, которая была в 1870-е годы крупным центром студенческого движения. Этот странный и нелогичный факт объясняется кругом личных интересов Кибальчича и его политическими взглядами. В то время он увлекся социальными проблемами, посещал кружки самообразования, читал политико-экономическую литературу, познакомился с идеями народников. Впоследствии на суде Кибальчич прямо говорил о своем желании «идти в народ, слиться с народной массой, отречься от той среды», в которой он был воспитан: «...Я бы ушел в народ и был до сих пор там. Цели, которые я ставил, были отчасти культурного характера, отчасти социалистического». И его переход в Академию – это вера, что профессия врача нужнее народу, а помощь будет более реальной.

Помыслы Кибальчича, далекие от понимания процессов, способных изменить несправедливость государственного устройства, наивные, но чистые и благородные, были разом растоптаны: жизнь повернула в тюремные тупики, а ожесточенность постепенно выдавила из сердца романтизм юности. Николай не был еще революционером в полном понимании этого слова, когда летом 1875 года поехал на каникулы к брату под Киев. Там он дал одному крестьянину почитать крамольную сказку «О четырех братьях». Книжечка попала к властям. Тут же было заведено дело, клубочек начали распутывать, и следы привели в петербургскую квартиру Николая. Кибальчич в тот период еще не занимался распространением нелегальной литературы. Но тогда, 11 октября 1875 года, доказать это жандармам было невозможно, тем более что у него была найдена еще одна брошюра. Это был «Манифест Коммунистической партии», переведенный им на русский язык с исключительной точностью. Николай не сказал жандармам, от кого он получил немецкий печатный текст «Манифеста», а других улик против него не нашлось.

Юноша был приговорен всего к месячному тюремному заключению. Наказание можно было бы считать весьма мягким, если бы не дата, стоящая под приговором: 1 мая 1878 года. Если быть совсем точным, то два года и восемь месяцев Кибальчич отсидел в тюрьмах Киева и Петербурга без суда и обвинения и лишь в связи с нехваткой улик был отпущен на свободу. Почти три года без друзей, без книг, без солнца. Три года строгого одиночного заключения. Три года нравственных и физических мук. Вспоминая пережитое, Кибальчич писал: «Тюремное заключение оказывает на неустановившихся людей одно из двух влияний: одних лиц оно заставляет отречься от всякой деятельности в будущем; других же, наоборот, закаляет, заставляет стать в серьезное отношение к делу, которое представляется теперь главной задачей жизни. Я принадлежу к числу вторых». Так в тюремную камеру вошел юный либерал-вольнодумец, а вышел революционер. В заключении он познакомился с людьми, главной жизненной целью которых было свержение тирании. Николай поверил их идеям безоглядно. Выпущенный под надзор полиции, изгнанный из Академии, несмотря на многочисленные ходатайства, он расстался и с желанием быть скромным просветителем и врачом. Теперь свой путь он видел только в борьбе.

Несмотря на то что в административном порядке Кибальчич был выслан из Петербурга, из столицы он не уехал, а перешел на нелегальное положение и включился в активную борьбу с царизмом. Николай принял предложение Николая Александровича Морозова и Александра Дмитриевича Михайлова вступить в террористическую группу под названием «Свобода или смерть», входившую в подпольную революционную организацию «Земля и воля» (впоследствии часть ее образует партию «Народная воля»). Он сам предлагает им изготавливать мины и бомбы для совершенства террористических актов. Свои любительские знания по химии Кибальчич совершенствовал в институте инженеров путей и медико-хирургической академии. Теперь же он стал изучать взрывчатые вещества и за короткое время достиг больших успехов в изготовлении их в домашних условиях. Он хотел заставить силу взрыва служить целям созидания. Николай

всегда был в центре подготовки террористических актов и одновременно – в тени. Наверное, его партийный псевдоним – «Техник» – во многом объясняет эту кажущуюся странность.

Кибальчич работал буквально под носом у жандармских шпииков и полицейских осведомителей, ежедневно и ежечасно рискуя взлететь на воздух от малейшей неосторожности, делал мины с электровзрывателями, собственноручно начинал их динамитом. Динамит, изобретенный великим русским химиком Николаем Николаевичем Зининым в 1850–1852 годах, и выпускавшийся пороховыми заводами России, содержал 62 % нитроглицерина. Динамит Кибальчича был более «насыщенным» (68,8 %) и превосходил по взрывному действию динамит Нобеля.

Кибальчич являлся химиком и физиком, технологом и конструктором тайного арсенала «Земли и воли», а затем «Народной воли». Понимая, что революции нужны его знания и его работоспособность, Николай Иванович отдавал их без колебаний. За три месяца он изготовил несколько пудов мощной взрывчатки, безотказные электровзрыватели.

15 июня 1879 года в Липецке собрались руководители группы «Свобода или смерть» и единодушно решили, что вероломный тиран и кровавый палач император Александр II «не должен продолжать жить и творить свое злодейство». Революционеры заочно приговорили самодержца к смертной казни. Воронежский съезд всей организации «Земля и воля» начался через три дня. На нем развернулась ожесточенная борьба вокруг вопроса о применении террора в ответ на жесточайший контрреволюционный террор царизма. Группе «Свобода или смерть» рекомендовалось усилить террористическую деятельность, причем «Земля и воля» должна была оказывать своему боевому отряду помощь. В августе из-за разногласий в вопросах тактики произошел раздел организации на две. Чуткий, сочувливый и очень добрый по своему характеру Кибальчич примкнул к тайной революционной организации «Народная воля», члены которой считали, что для будущих социалистических преобразований в России необходимо уничтожить абсолютную монархию, отменить частную собственность на землю, передать всю землю тем, кто ее обрабатывает, то есть бедным и средним крестьянам, а заводы и фабрики – рабочим. «Народную волю» возглавил Исполнительный комитет, а его ведущим агентом стал Николай.

26 августа 1879 года в Петербурге, в Лесном, Исполнительный комитет «Народной воли» утвердил смертный приговор, вынесенный на Липецком съезде императору Александру II Вешателю как тирану, палачу и государственному изменнику. Самодержца осудили за массовые казни русских революционеров, за жесточайший террор, за корыстное покровительство международным банкирам и прочим капиталистическим хищникам, за изменническую продажу Соединенным Штатам Северной Америки (так тогда назывались США) Аляски и Алеутских островов – земель, открытых, изученных, описанных, освоенных и частично уже заселенных русскими людьми. Народовольцы относили себя к истинным человеколюбцам и пламенным патриотам и не прощали правителям-деспотам ни убийств, ни предательства и торговли русской землей. Техническую подготовку приговора взял на себя Кибальчич. Взамен старой динамитной мастерской в Басковом переулке организовали новую – в Троицком, затем передислоцировались прямо на Невский проспект. Квартира находилась на шестом этаже дворового флигеля и состояла из трех комнат. Под руководством «Техника» динамит изготавливали С.Г. Ширяев и Л. Н. Гартман. К середине сентября 1879 года в мастерских уже было изготовлено около 100 килограммов динамита. К своим партийным обязанностям Кибальчич относился с необыкновенной пунктуальной добросовестностью. Он понимал, что для выполнения столь ответственных задач недостаточно знаний, полученных в институте. «Я прочел все, что мог достать на русском, немецком, французском, английском языках, касающееся литературы о взрывчатых веществах», – говорил он. А еще Николай ездил за город и в глухих местах метал свои «изобретения», испытывал, проверял. До дня ареста Кибальчич жил на конспиративных квартирах под постоянной угрозой или взорваться во время опытов, или быть арестованным «на месте преступления».

Первые партии динамита задействованы в покушениях на юге России. Среди главных лиц, готовящих взрыв царского поезда в Одессе, был и Кибальчич. Он не закладывал мину под железнодорожное полотно, не подавал сигнал к взрыву. Свое дело он сделал – изобрел лучшие запалы, доставил взрывчатку в город, рассчитал последствия взрыва. Эта подготовительная работа отняла у Николая Ивановича столько сил, что, по воспоминаниям товарищей, он при переезде из Одессы в Александровск просто уснул на вокзальном диване в зале первого класса Харьковского вокзала, так как перед этим в течение четырех суток не смыкал глаз. К тому же Кибальчич занимался не только динамитными мастерскими, но успевал быть легальным литератором Самойловым и публицистом Дорошенко сразу в нескольких нелегальных изданиях и хозяином тайной типографии Агаческуловым. Именно ему принадлежит программная статья под названием «Политическая революция и экономический вопрос», напечатанная в № 5 газеты «Народная воля» в феврале 1881 года.

Идеалом в жизни Кибальчич считал свободный труд на благо Родины. Впоследствии он скажет на суде: «Ту изобретательность, которую я проявил по отношению к метательным снарядам, я, конечно, употребил бы на изучение кустарного производства, на улучшение способа обработки земли, на улучшение сельскохозяйственных орудий и т. д.». Но так уж сложились российские обстоятельства и личная судьба, что вместо всего этого он должен был заниматься динамитом, гремучими смесями и метательными снарядами. Покушение в Одессе и взрыв царской столовой в Зимнем дворце и еще три теракта не удались. Николай Иванович внимательно проанализировал причины: оба раза народовольцев подвели не динамитные заряды, а отсыревшие или перерезанные чьей-то рукой минные электропровода. И Кибальчич решил найти такие средства, которые действовали бы наверняка. Так он начал первые в мире опыты по созданию ручных динамитных бомб мгновенного ударного действия. Это была настоящая научно-исследовательская работа, проводившаяся в чрезвычайно тяжелых и опасных для жизни Кибальчича условиях.

Накануне террористического акта 1 марта 1881 года на огромном пустыре за Невой, напротив Смольного института, Кибальчич обучал метальщиков обращению с новым, разработанным им снарядом. Заодно это были и первые полевые испытания, поскольку даже сам изобретатель до конца не представлял свойств смертоносного оружия. Перед испытаниями он только сказал, что «аппарат этот должен взрываться от удара и даже от сильного сотрясения...». Тимофей Михайлов по знаку «Техника» сильно бросает жестянку: взрыв, визг осколков, комья земли летят в разные стороны. Воронка разорвала белый снег, по ее краям – пятна копоти, по снегу вокруг будто прошли метлой. Испытания закончились. Кибальчич уходит, ограничившись предположением, что при взрыве, судя по образцу, все живое должно быть уничтожено в радиусе 15–18 саженей. «Техник» вернулся в свою динамитную мастерскую, и после 15 часов непрерывной работы были готовы четыре роковых снаряда.

1 марта 1881 года на Екатерининском канале в Петербурге приговор, вынесенный народовольцами Александру II, был приведен в исполнение: взрывом бомбы, брошенной метальщиком Игнатием Гриневецким, был смертельно ранен император. Через восемь часов, раненный осколками, умер Гриневецкий, еще через час – российский самодержец. Николай Рысаков, бросивший первую бомбу, которая взорвала карету, был схвачен охраной. Начались повальные аресты членов организации «Народная Воля». Николая Кибальчича арестовали при выходе из библиотеки-читальни генерала Комарова 17 марта. Вместе со своими товарищами он предстал перед судом. Его выдали бывшие народовольцы Гирша (Григорий) Гольденберг и Иван Окладский, изменившие своим убеждениям. За несколько дней до ареста Николай Иванович отправил своему вологодскому другу письмо: «Дорогой друг! Податель сего расскажет Вам подробности свершившегося. Боюсь, что мы прожили основной капитал. Тиран казнен, а сил свергнуть систему у нас уже нет. Технику и типографию надобно перевести в Вологду. У вас там хороший народ. Если выживу, займусь ракетным воздухоплавательным аппаратом, о котором говорил с Морозовым. Николай Александрович одобрял меня. Мой девиз таков: "Дорога к звездам начинается в России!". Передайте привет Астроному. Прощайте и не поминайте лихом! Ваш Н. Кибальчич. 5 марта 1881 года».

Процесс по делу «первомартовцев» был особенным. Охраны в зал суда было согнано гораздо больше, чем присутствующих, и, как заметил один из них, «только артиллерии в зале не было!..» В России впервые судили за цареубийство, ведь все предыдущие убиенные российские монархи пали жертвой дворцовых заговоров. Именно процесс показал, что Кибальчич не идеолог революционного движения, а настоящий большой ученый. По воспоминаниям современников, он был олицетворением простоты, скромности и доброты и менее всего походил на фанатика. Спокойный кабинетный ученый, на удивление легко способный увлечься любой специальной наукой, Кибальчич был мирным социалистом-пропагандистом, и, как это видно из сделанных им на суде заявлений, он, по основным своим воззрениям, остался таковым до последнего момента жизни. Если он примкнул к террору, то лишь потому, что убедился в невозможности иным путем принести пользу своей родине. Когда один из экспертов, генерал Мравинский, заявил, что гремучий студень не мог быть изготовлен в домашних условиях, а привезен из-за границы, судьи оживились. Это авторитетное мнение позволило бы суду распространить масштаб заговора «против особы государя императора» за пределы Российской империи. Но эти надежды лопнули после выступления Николая Ивановича, который заявил: «Я должен возразить против экспертизы о том, что гремучий студень – заграничного приготовления. Он сделан нами». Кибальчич прочел судьям и присутствующим настоящую лекцию о динамите, не забыв ознакомить слушателей с историей вопроса. Очевидцы вспоминают, что «Техник» охотно беседовал с экспертами по взрывчатым веществам, обсуждал конструктивные тонкости детонаторов, задавал вопросы и был глубоко удовлетворен высокой оценкой его мин и гранат (фактически изготовленные им бомбы были прообразом современных гранат).

Председатель суда Э. Я. Фукс напишет впоследствии: «Кибальчич – вот замечательный ум, необыкновенная выдержка, адская энергия и поразительное спокойствие». Но в ходе судебного

разбирательства он просто пришел в бешенство, видя восхищение экспертов метательными снарядами «Техника» и выслушивая их сожаления о том, что таких гранат нет на вооружении русской армии. Хорошо еще, что не предоставили слово герою обороны Севастополя в Крымской кампании и русско-турецкой войны генералу Эдуарду Тотлебену, который так отозвался о террористе: «Что бы там ни было, что бы они ни совершили, но таких людей нельзя вешать! А Кибальчица я бы засадил крепко-накрепко до конца его дней, но при этом предоставил бы ему полную возможность работать над своими техническими изобретениями...»

Но ни у кого из обвиняемых не было никаких шансов на сохранение жизни. После гибели императора общество отшатнулось «вправо» и не сочувствовало подсудимым, а новый российский царь Александр III не собирался поддаваться на малочисленные гуманные призывы. Приговор был предрешен, но не это волновало Кибальчица в последние дни жизни. Защитник Николая Ивановича, присяжный поверенный Герард был поражен, когда, придя в камеру, увидел, что его 28-летний подзащитный озабочен не попыткой оправдаться, а целиком поглощен проектом какого-то «воздухоплавательного снаряда» и мечтает лишь о том, чтобы успеть закончить математические расчеты изобретения. Народоволец Л. Г. Дейч, лично знавший ученого, писал: «В другой стране Кибальчиц несомненно стал бы выдающимся ученым. Разве не в высшей степени характерно, что даже в тот момент, когда воздвигалась для него виселица, он в последнем слове на суде говорил о чертежах и выкладках, касающихся изобретенного им летательного снаряда. Поистине ужасен тот строй, в котором таких людей возводят на эшафот!»

В сыром полумраке одиночной камеры – шесть шагов вперед, шесть назад – рождался первый в мире проект космического аппарата. Тюремщики, выполняя последнюю волю смертника, приносят чернила и бумагу, и Кибальчиц пишет и чертит без сна и отдыха. Ему необходимо успеть во что бы то ни стало закончить чертежи, описать ракетный аппарат и письменно закрепить русское научное первенство. На схеме реактивного двигателя для бескрылого летательного аппарата из предсмертной рукописи Николая Ивановича изображены сама ракета, камера сгорания, могущая поворачиваться на специальных стойках, сопло, особая пороховая «свеча» – движущий состав ракеты, герметический корпус. В процессе практической работы и наблюдений Кибальчиц пришел к выводу: движущей силой воздухоплавательных аппаратов должна стать реактивная сила газов, возникающая в результате сгорания взрывчатых веществ. Он предложил создать совершенно новый (ракетодинамический) аппарат, прообраз современных пилотируемых ракет. В проекте Кибальчиц рассмотрел устройство порохового двигателя, предложил управлять ракетой путем изменения угла наклона двигателя, разработал систему устойчивости аппарата. Впоследствии двигатель типа разработанного Кибальчицем назвали твердотопливным реактивным двигателем (сокращенно – ТРД).

23 марта 1881 года он закончил проект и написал в сопроводительной записке: «Проект воздухоплавательного прибора бывшего студента Института инженеров путей сообщения Николая Ивановича Кибальчица, члена русской социально-революционной партии. Находясь в заключении, за несколько дней до своей смерти я пишу этот проект. Я верю в осуществимость моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моем ужасном положении. Если же моя идея после тщательного обсуждения учеными специалистами будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу Родине и человечеству; я спокойно тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибла вместе со мной, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью...»

Но жандармы во избежание «неуместных толков» подшили рукопись к делу, а затем сдали среди всего вороха бумаг в архив Департамента полиции Министерства внутренних дел в тайном архиве царской жандармерии. 15 апреля 1881 года осужденных: Андрея Желябова, Николая Кибальчица, Тимофея Михайлова, Софью Перовскую и Николая Рысакова в сопровождении конной и пешей полиции и громадного военного конвоя доставили на Семеновский плац. На застывшем лице Кибальчица нельзя было прочесть ни страха, ни гордости, ни презрения, ни следа другого чувства, которое могло волновать его в подобную минуту – это было лицо ученого-философа, решавшего в эту минуту какую-то сложную проблему. Со связанными за спиной руками он взмолился на эшафот. Перед казнью Николай Иванович отказался поцеловать крест. В 9 часов 20 минут он воскликнул: «Да здравствует Отчизна! Да здравствует великий русский народ!» и был повешен.

Николай Иванович был тайно похоронен вместе с казненными товарищами на Преображенском кладбище (ныне – «Памяти жертв 9 января»), но братская могила не сохранилась, а последнее желание ученого осталось невыполненным. Со временем полиция предложила семье «Техника» изменить фамилию, однако никто не согласился. В результате всех юношей Кибальчицей выгнали из учебных заведений и отдали в солдаты. Наследник царя запретил навеки его родному городку расстраиваться, а коропчан заставил возвести церковь и всю жизнь замаливать грехи земляка. Только спустя 36 лет, в 1918 году об изобретении Кибальчица узнают ученые, и в сопроводительной статье к публикации его проекта в журнале

«Былое» профессор Н. А. Рынин напишет: «Насколько мне удалось разобраться в русских и иностранных сочинениях... за Н.И. Кибальчицем должен быть установлен приоритет в идее применения реактивных двигателей к воздухоплаванию, в идее, правда, практически еще не осуществленной, но в основном правильной и дающей заманчивые перспективы в будущем, в особенности если мечтать о межпланетных сообщениях». А он мечтал об этом, и поэтому очень жаль, что в его жизни на первом месте стоял террор. Писатель Юрий Трифонов, нарисовавший замечательный портрет изобретателя-террориста, говорил, что Кибальчич хотел «разом перевернуть государственную машину и установить на Земле справедливый строй, а затем научить человека летать на другие планеты. Каково?»

КОРДЕ ШАРЛОТТА

Полное имя – Мария Анна Шарлотта де Корде д'Армон (род. в 1768 г. – ум. в 1793 г.)

Дворянка, совершившая убийство одного из вождей Французской революции – Жана Поля Марата.

Сегодня слово «террорист» ассоциируется у нас с крепкими парнями в камуфляже, черных масках-пасамонтах и с автоматами. В действительности так бывает не всегда. К террористам причисляют и убийц-одиночек прошлого, знаменитых единичными преступлениями против влиятельных государственных деятелей и порой изменившими, в большей или меньшей степени, ход истории. И не всегда можно с уверенностью сказать, кто из них – палач или жертва – больше заслуживает определения «террорист». Один из ярчайших тому примеров – история с Шарлоттой Корде и Жаном Полем Маратом.

Шарлотта Корде родилась 27 июля 1768 года в семье обедневшего нормандского дворянина. Она была праправнучкой великого поэта и драматурга Корнеля. Ее жизнь до событий июля 1793 года протекала тихо и незаметно в провинциальном городке Кане. Известно, что Шарлотта воспитывалась в монастырской школе для девушек из обедневших семей. Как для дворянок, условия там были довольно суровыми: ученицы вставали в четыре часа утра, занимались тяжелой работой по хозяйству: носили воду, кололи дрова, стирали, готовили, прибирали монастырские помещения, работали в огороде. После окончания школы Шарлотта жила с отцом и сестрой. Из-за нехватки средств семья не могла позволить себе держать прислугу, и всю грязную работу по дому Шарлотта выполняла сама. Единственным выходом для такой девушки, как она, могло быть только удачное замужество. Но после революции ее знатное происхождение уже никого не привлекало, дворянское достоинство не почиталось, как раньше, а другого приданого у Корде не было. О ее внешности сложно судить по единственному портрету, написанному с натуры, а современники отзывались о ней как о женщине крайне противоречиво, описывая ее то немислимой красавицей, то девушкой крайне непривлекательной наружности. Шарлотта коротала свободное от домашней работы время за чтением исторических и философских сочинений и поначалу прониклась демократическими идеями и с сочувствием

приняла революцию. Но вскоре методы, которыми эта революция вершилась, внушили ей, девушке неглупой и начитанной, отвращение. А после близкого знакомства и продолжительного общения с бежавшими из Парижа в Кан в 1793 году жирондистами во главе с Шарлем Барбаро она в корне изменила свои убеждения.

Жирондисты не поддерживали якобинцев, возглавляемых триумвиратом Робеспьер – Дантон – Марат, и обвиняли их в излишней жестокости и радикальности методов. Обе партии были представлены в Национальном собрании (Конвенте), однако более решительные и бескомпромиссные якобинцы не могли долго терпеть такого соседства. 29 депутатов от Жиронды были изгнаны из Конвента, и над ними в прямом смысле нависла угроза гильотины. Опальные депутаты бежали в провинцию, надеясь заручиться поддержкой армии. Часть беженцев оказалась в Кане. Жирондисты сочиняли гневные памфлеты и произносили перед народом пламенные речи, надеясь воодушевить подлинных республиканцев на борьбу с узурпаторами. Попытка Жиронды поднять войска и отвоевать у якобинцев Париж закончилась крахом – немногочисленное войско, которое им удалось собрать, было разгромлено во время первой же стычки с республиканским отрядом.

Во многом способствовал провалу жирондистов Жан Поль Марат – один из вождей революции, ее идейный вдохновитель, любимец черни. Он был человеком очень трудолюбивым и энергичным, убежденным, что все вокруг несовершенно и только он в состоянии это исправить. С юных лет он метался от одной науки к другой: критиковал открытия Ньютона в физике и Лавуазье в химии; пытался писать сентиментальные романы, антиправительственные памфлеты и философские опусы; десятками препарировал кошек, собак и кроликов в поисках места, в котором скрывается душа. Ни в одной из этих сфер деятельности Марат не был признан современниками, прославив графоманом в области литературы и шарлатаном и невеждой в точных науках. Правда, некоторое время он все же проработал врачом у брата короля, но вскоре нашел себя в политике. Незадолго до революции Марат начал издавать газету «Друг народа», от названия которой впоследствии получил свое прозвище. С ее помощью он играл на чувствах и низменных инстинктах толпы, призывая к радикальным мерам борьбы с «врагами свободы», к которым причислял не только окружение короля и роялистов, но и крупнейших деятелей революции. Марат мог часами разглагольствовать на митингах, обличая всех и вся. Единственным действенным методом борьбы с «врагами народа» он считал физическую расправу. В конце 1790 года в своей газете Друг народа писал: «Шесть месяцев назад 500, 600 голов было бы достаточно. Теперь, возможно, потребуется отрубить пять-шесть тысяч голов; но если бы даже пришлось отрубить 20 тысяч, нельзя колебаться ни одной минуты». Через два года ему и этого показалось мало: «Свобода не восторжествует, пока не отрубят преступные головы 200 тысяч этих злодеев». По настоянию Марата были созданы специальные карательные отряды, которые по спискам, составленным лично Другом народа, казнили до 500 человек ежедневно. Тяжелая кожная болезнь (в различных источниках называют совершенно разные заболевания – от вшей до проказы) не добавляла ему добродушия и милосердия.

Вдохновленная идеями жирондистов Шарлотта Корде, прочитав последнее заявление Марата, в котором он требовал отрубить уже 260 тысяч голов, ни больше ни меньше, была повергнута в ужас. У нее не было мужа и детей, и всю свою нерастрченную любовь и заботу она обернула на Францию и ее народ, главным врагом которых считала Марата. В одном из писем того времени она написала: «Друзья гуманности и закона никогда не будут в безопасности, доколе жив Марат». Миссию палача Корде решила взять на себя. Она все трезво и тщательно спланировала: убийство должно было произойти публично, на заседании Конвента, после чего разъяренная толпа немедленно растерзала бы ее на месте, и никто никогда не узнал бы ее имени, избавив от горя и позора ее родных, которым она перед отъездом в Париж написала, что навсегда уезжает в Англию. Но этому плану не суждено было сбыться. Имя убийцы тирана стало известно не только свидетелям преступления и судьям, но и всему миру.

Прибыв на почтовом дилижансе в Париж, Шарлотта Корде узнала из разговоров, что Марат тяжело болен и практически не покидает своей квартиры на улице Кордельеров. Но девушка не растерялась. 13 июля 1793 года в шесть часов утра она вышла на прогулку, чтобы спокойно обдумать сложившуюся ситуацию. Через пару часов новый план был готов. Корде зашла в скобяную лавку и купила большой кухонный нож. После завтрака в гостинице, где она остановилась, Шарлотта отправилась к дому Марата. Дверь открыла его любовница Симона Эввар и сказала, что Жан Поль болен и посетителей не принимает. С ледяным спокойствием, не покидавшим ее с момента приезда в Париж и все последующие дни, Корде вернулась в гостиницу и написала Другу народа письмо: «Гражданин, я прибыла из Кана. Твоя любовь к стране придала мне уверенности, что ты возьмешь на себя труд выслушать известия о печальных событиях, имеющих место в той части Республики. Поэтому до часу пополудни я буду ждать вызова к тебе. Будь добр принять меня для минутной аудиенции, и я представлю тебе возможность оказать Франции громадную услугу». Тщетно прождав до вечера, девушка написала вторую записку, менее официального и возвышенного содержания: «Марат, я писала Вам сегодня утром.

Получили ли Вы мое письмо? Смею ли я надеяться на короткую аудиенцию? Если Вы его получили, то, надеюсь, не откажете мне, учитывая важность дела. Сочтете ли Вы достаточным уверение в том, что я очень несчастна, чтобы предоставить мне право на Вашу защиту?» Второе послание она отправилась вручить лично, предварительно спрятав купленный утром нож в складках завязанной на груди косынки.

На момент прихода Шарлотты Корде Марат принимал лечебную ванну, в которой последнее время проводил почти круглые сутки; там же он и работал. Письменным столом ему служила доска, лежавшая поперек ванны, на ней он редактировал гранки последнего выпуска газеты «Друг народа». И снова Симона Эввар, открывшая дверь Шарлотте, отказалась ее впускать, но Марат услышал голоса в прихожей и потребовал от любовницы объяснений. Та подала ему записку, принесенную Корде. Прочитав ее, Марат потребовал впустить девушку. Через пару минут они остались наедине. Корде сообщила, что в Кане укрываются беглые депутаты-жирондисты, которые готовят бунт. Марат схватил перо, обмакнул в чернила и попросил назвать их имена. Шарлотта подвинулась ближе и начала перечислять имена своих друзей. Когда она закончила диктовать, Друг народа сказал, что скоро их ждет гильотина. В этот момент Корде достала нож из-под косынки и точным молниеносным ударом вонзила его в грудь Марата по самую рукоятку. На его последние слова: «Ко мне, мой друг! На помощь!» – ворвалась Симона Эввар и подняла крик. В комнату вбежали две служанки и комиссионер Лоран Ба, ударивший убийцу стулом по голове. Впрочем, это было лишним – Шарлотта Корде скрываться не собиралась, с самого начала настроившись на самопожертвование. Довольно быстро подоспели врачи, констатировавшие смерть Марата, и жандармы, арестовавшие Шарлотту. Весть об убийстве Друга народа молниеносно разлетелась по городу, целую ночь на улицах бурлила толпа, дом с телом убитого окружило несметное количество возмущенного народа.

Двое с половиной суток Шарлотта Корде провела в тюрьме Аббатства, сохраняя полное спокойствие и мужественно перенося все унижения допросов и пыток – она достигла поставленной цели и исполнила, как ей казалось, свой долг перед Францией и Свободой. Об этом времени она говорила: «Уже два дня я наслаждаюсь покоем». Ни одна газетная статья, посвященная убийству Марата, не обходилась без сравнения Корде с Брутом, и она искренне гордилась этим. В свободное от допросов время она писала письма друзьям, оценивая и разъясняя свой поступок и детально описывая убийство и его последствия для Франции. Корде также обратилась в Комитет народной безопасности с просьбой допустить к ней художника, дабы оставить память друзьям. Помимо спокойствия, ее не покидало и чувство юмора. Например, в защитники Шарлотта хотела пригласить себе Робеспьера. Она не боялась смерти, которая с самого начала была неотъемлемой частью ее плана, возможно, свою роль сыграло и честолюбие дворянки, получившей возможность прославиться в веках. Она была убеждена, что потомки оценят ее поступок.

15 июля в восемь часов утра началось судебное разбирательство в Революционном трибунале. Корде прервала опрос свидетелей заявлением о том, что это она убила Марата, и не стоит тратить время впустую. На вопрос судьи, кто внушил ей столько ненависти, она ответила, что у нее было достаточно своей. Ответы Шарлотты Корде судье и прокурору, дошедшие до нас в судебных протоколах, поражают красноречием и остроумием, видимо, девушка по праву являлась родственницей признанного мастера слова Корнеля. «Я убила одного, чтобы спасти сотни тысяч; я убила мерзавца, чтобы спасти невинных; я убила свирепого дикого зверя, чтобы дать Франции умиротворение. Я была республиканкой еще до революции, и мне всегда доставало сил бороться за справедливость» – такими были ее последние слова на суде. Адвокату нечего было сказать в ее защиту, кроме того, что она признает свою вину и совершила свое преступление в состоянии фанатического иступления. Присяжные большинством голосов признали Корде виновной. Ее перевезли в камеру смертников в Консьержери и прислали священника, которого она, поблагодарив, отпустила. Зато с удовольствием приняла добившегося разрешения написать ее портрет художника Оэра, которому подарила на память прядь своих волос, перед тем как ее коротко остригли, готовя к гильотине.

Перед казнью Шарлотту одели в красное рубище – наряд осужденных за убийство. По пути к месту казни повозка, в которой ее везли, останавливалась каждые десять минут, настолько улицы были заполнены народом. Всего ее последний путь занял два часа. Из толпы летели оскорбления, плевки и камни. Вдруг над Парижем разразилась летняя гроза. Шарлотта переносила все с поразительным самообладанием. Член революционного трибунала Леруа позже высказал мнение, что зрелище людей, идущих на смерть с таким мужеством, деморализует народ. Однако не все, собравшиеся посмотреть на казнь убийцы Марата, вели себя одинаково. Какой-то юноша начал умолять палача казнить его вместо Корде; мужчина из толпы вдруг разрыдался и с криком «Любимая!» кинулся к помосту, расталкивая охранников; депутат Конвента Адам Люкс воскликнул: «Она более велика, чем Брут! Было бы счастьем умереть вместе с нею!»

Перед тем как лечь на топчан под нож гильотины, Шарлотта Корде обратилась к своему адвокату: «Благодарю за старания, мэтр. Но и этого подлеца [Марата] тоже нет: палачам не дано оставаться в живых». Это были ее последние слова. Толпа ликующим воплем перекрыла свист падающего ножа, а помощник палача поднял отрубленную голову и нанес ей пощечину.

Казнь Корде повлекла за собой еще несколько смертей. Ее друзья-жирондисты были схвачены и гильотинированы по обвинению в сообщничестве с ней и участии в заговоре. Со словами «Наконец-то я удостоился счастья умереть за Шарлотту!» взошел на эшафот депутат Адам Люкс, долгое время в открытую оправдывавший поступок Корде и сравнивавший ее с Жанной д'Арк. После смерти Марата у гильотин еще долго не убавлялось работы, Шарлотта Корде снесла одну голову Гидры, забыв о том, что на ее месте непременно должны вырасти две новых. Культ Марата распространился после его смерти по всей Франции, народная скорбь была безгранична. Забальзамированное тело Друга народа было погребено в Пантеоне. В Париже на площади Карусели воздвигли огромный памятник в виде утеса, в который была вделана ванна Марата. Было создано несметное количество картин, бюстов, стихов, посвященных ему, написано четыре драмы и даже одна опера. Изображения Друга народа стали обязательными во всех присутственных местах, в школах, театрах; его именем было названо множество улиц во всей Франции, в честь него называли детей. Правда, этот культ продержался сравнительно недолго – около полутора лет. Страну внезапно прорвало ненавистью к своему бывшему идолу. В 1795 году рапорты парижской тайной полиции содержали многочисленные сообщения об одинаковых происшествиях: толпа громил бюсты Марата и глумилась над его памятью. Вскоре из здания Конвента были вынесены бюст Друга народа и картина работы Давида, снесен памятник ему на площади Карусели. Немного позже и останки Марата перенесли из Пантеона на обычное кладбище, ныне не существующее.

К Шарлотте Корде отношение также не было однозначным. После развенчания культа Друга народа поэты, прозаики и драматурги стали воспевать ее храбрость, художники – красоту, зачастую преувеличивая значение ее «подвига». Даже у Пушкина есть стихотворение, в котором Марат назван кровавым и безжалостным палачом, а Корде – Эвменидой, одной из богинь справедливого возмездия.

Что касается поступка Шарлотты Корде, ее жертва была напрасной – пожилому, больному всевозможными болезнями Марату жить и так оставалось недолго, волна террора не схлынула, а наоборот, захлестнула Францию с новой силой. Убийство – это всегда убийство. И дело даже не в масштабах – один человек против нескольких десятков тысяч. Бесспорно, она убила чудовище, но это убийство – насилие, порожденное насилием и казнь Корде – насилие, порожденное насилием, порожденным насилием. И пока эта цепочка не замкнется, не может быть и речи о Свободе. Ни о той, которую имел в виду революционер Жан Поль Марат, отправляя тысячи людей на гильотину, ни о той, за которую совершала убийство и гордо шла на эшафот дворянка Шарлотта Корде. К этому можно относиться как угодно, но с точки зрения современной истории они оба заслуживают определения «террористы»...

КРАСИН ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ

(род. в 1870 г. – ум. в 1926 г.)

Марксист-большевик, один из организаторов террористических акций большевистской партии, фальшивомонетчик и коммерсант, интеллектуал, председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии, Наркомпути, Нарком внешней торговли и полпред СССР в Англии, член ЦК ВКП(б).

Как это ни покажется кому-то странным, но во многих городах бывшего СССР и сегодня еще есть улицы, носящие имена знаменитых террористов. История российского революционного движения конца XIX – начала XX вв. так или иначе связана с кровью и деньгами, деньгами и кровью. И это вполне объяснимо. Без денег не было бы революций в России, а их добывание всегда было связано с пролитием крови. Идеи революционного терроризма владели умами многих молодых людей. Молодежи свойствен радикализм. Убийство во имя революции считалось «актом революционного возмездия», а грабежи банков и богатых домов – экспроприацией. Не чурался этого и В. И. Ленин, партия которого существовала и действовала в основном за счет принудительных – чаще всего – жертвований и экспроприации казенных денег, производившихся большевистскими боевыми дружинами в различных частях страны. В этом плане фигура Л. Красина является уникальной.

О настоящей деятельности этого революционера известно настолько мало, что поневоле приходится признать: он полностью оправдывал свое имя – «человек без тени», способный сливаться с окружающей средой. Некоторые из товарищей по партии объясняли это скромностью, другие – замкнутостью, но скорее всего данное свойство являлось многолетней привычкой к педантичной конспирации. «Никитич», «Винтер», «Зимин», «Лошадь» – таковы его партийные клички. «Партийцы знают теперь ту большую и ответственную работу, которую нес Красин во время первой русской революции пятого года по вооружению боевиков, по руководству подготовки боевых снарядов и пр.», – писала уже после 1917 года жена Ленина Н. К. Крупская. Что же это «и пр.»? Именно Красину доверил Ленин боевую техническую группу при ЦК, осуществлявшую секретные операции: грабежи банков, убийства агентов охраны, добывание оружия, изготовление взрывчатки. К этому, кстати, вполне подходит упоминавшееся «и пр.».

Потомок директора нескольких сибирских акционерных компаний, Леонид Красин родился в 1870 году. После окончания в 1887 году Тюменского реального училища он поступил на химический факультет Петербургского технологического института с твердым намерением пойти по стопам своего великого земляка Д. И. Менделеева. За несколько месяцев до поступления Леонида в институт были казнены молодые революционеры-террористы – А. Ульянов, В. Осипанов, П. Андреюшкин, В. Генералов, П. Шевырев, пытавшиеся совершить покушение на царя. В связи с этим правительство приступило к уничтожению последних студенческих вольностей в высших учебных заведениях. Но полностью этого сделать не удалось, и уже на втором курсе Красин понял, что институт живет не только официальной жизнью. Есть еще одна, неофициальная – опасная и захватывающая. И он принял участие в деятельности нелегальной библиотеки, став вскоре подпольным библиотекарем. Дело это было опасное, ведь за чтение запрещенной литературы можно было не только «вылететь» из института, но и попасть в тюрьму. В 1890 году за поддержку студенческих беспорядков Леонида впервые арестовали, еще через год – за участие в демонстрации – исключили из института, а вскоре привлекли к дознанию по

делу о тайном московском студенческом кружке и 10 месяцев продержали в одиночной камере Таганской тюрьмы. Затем, в 1895 году, после очередного трехмесячного заключения, последовала ссылка в Иркутск. Только в 1897 году Красину удалось продолжить свое образование в Харьковском технологическом институте.

В 1900 году Леонид получил диплом инженера-электрика и начал работать в Баку, успешно сочетая официальную службу с нелегальной деятельностью. Днями инженер Красин управлял строительством электростанции, а по ночам происходили встречи с подпольщиками. Через него шла транспортировка ленинской газеты «Искра»; пользуясь своим служебным положением, он добывал паспорта, столь необходимые для революционеров; на складах стройки, в тайниках хранилась нелегальная литература. Действовал Красин крайне осторожно. Даже тень подозрения не пала на него, а ведь фактически он являлся руководителем социал-демократической организации в Баку и создателем там подпольной типографии. Кстати, деньги на нее дала знаменитая актриса В.Ф. Комиссаржевская, увлекшаяся Красиным во время своих гастролей в этом городе. Вообще – холерный, породистый, стройный, всегда одетый согласно моде, – Леонид Борисович пользовался огромным успехом у женщин, однако предметом его постоянных забот были деньги, так необходимые партии большевиков. Как говорил Наполеон: «Деньги – это нерв войны». И Красин всю свою энергию обратил на их добычу. При помощи актрисы М. Андреевой, гражданской жены М. Горького, он устроился инженером на подмосковную фабрику известного предпринимателя и мецената Саввы Морозова.

К этому времени, с 1903 года, Красин был уже членом ЦК РСДРП и отвечал за финансирование партии, создание подпольных типографий, контрабанду оружия и нелегальной литературы. «До революции 1905 года, – писал Л. Троцкий, – революционное движение финансировалось либо буржуазией, либо радикальной интеллигенцией». Это даже считалось признаком хорошего тона. Красин для пополнения партийной кассы обложил данью все оппозиционные слои российского общества. Инженеры, адвокаты, врачи, чиновники, некоторые банкиры регулярно выплачивали его агентам небольшие суммы, зачастую от 5 до 25 рублей ежемесячно. Среди жертвователей довольно значительных сумм, от 10 тыс. рублей и выше, были известные писатели М. Горький и Н. Г. Гарин-Михайловский, сын богатого предпринимателя доктор И. Г. Симонов и даже сторонники журнала «Освобождение», издававшегося за границей П. Струве. На эти деньги были открыты и первая легальная большевистская газета «Новая жизнь», издательницей которой по предложению М. Горького стала М. Андреева, и легальная типография товарищества «Дело», одним из владельцев которой была С. Б. Лушникова – сестра Л. Красина.

Особняком можно поставить взаимоотношения Красина с С. Морозовым, у которого он вымогал десятки тысяч рублей. В период с 1901 по 1903 год Морозов давал по 2 тыс. рублей в месяц на содержание «Искры», жертвовал деньги на политический Красный крест, на устройство побегов политзаключенных из тюрем, на нелегальную литературу, на теплую одежду для ссыльных. Видя эти многочисленные траты, семья добилась опеки над Морозовым и отправила его с женой на лечение за границу. У фабриканта в это время был роман с М. Андреевой, и он оформил на нее 100-тысячную страховку. В мае Морозов поселился на вилле в Каннах. В это же время там оказался и Красин. Далее произошла целая детективная история. Морозова обнаружили лежащим в постели с пулей в сердце. Все вроде указывало на то, что это самоубийство. Перед этим жена Морозова, собиравшаяся на прогулку, видела пришедшего на виллу Красина. Полиция быстро поняла, что происшедшее – всего лишь инсценировка самоубийства: извлеченная из сердца фабриканта пуля не соответствовала револьверу, который лежал на полу у его постели. Дальнейшего расследования не допустила мать С. Морозова, не желавшая излишнего шума, но в семье знали, что стрелял Красин. Через некоторое время страховой полис был предъявлен к оплате М. Андреевой. Родственники Морозова попытались это оспорить, но дело проиграли. 60 тыс. рублей из этой страховки пошли на финансирование большевистского Боевого центра (БЦ). Но об этом позже.

История с морозовскими деньгами имела продолжение. Племянник С. Морозова, мебельный фабрикант Н. Шмит, являлся членом РСДРП и не раз говорил, что завещает свое огромное состояние любимой партии. За организацию восстания в 1905 году на собственной фабрике он был посажен в тюрьму и там в 1907 году покончил с собой при невыясненных обстоятельствах. Завещания не оказалось. Зато оказались наследницы – две его сестры. По предложению Красина к ним были подсланы «женихи». Дело завершилось свадьбами, и хотя один из состоявшихся мужей деньги в партийную кассу отдать отказался, другой это сделал.

Между тем с 1905 года в России разворачивалась революция. По стране прокатывались волны столкновений с полицией и войсками. Различные революционные партии создавали вооруженные боевые дружины, собственно, отряды боевиков. Не отставала в этом и РСДРП. Расколовшаяся было в 1903 году на две фракции, большевиков и меньшевиков, с началом революции она временно объединилась, но по указанию Ленина в ней был создан глубоко законспирированный

Боевой центр (БЦ), руководимый самим Лениным, Л. Б. Красиным и А. А. Богдановым, причем боевую техническую группу возглавлял Красин. Круг его обязанностей оказался весьма широк. Он основал собственное секретное конструкторское бюро и наладил производство бомб большой разрушительной силы. Как писал впоследствии Л. Троцкий, «в качестве химика Красин знал, что такое динамит, в качестве политика он не боялся его употребления», и мечтал создать бомбу «величиной с грецкий орех». Не зря Троцкий считал Красина «главным администратором революции». Проявил себя в это время Леонид Борисович и как хороший коммерсант, не стесняясь «уступить» свои «изделия» конкурирующим с большевиками эсерам для ограбления банков и взрыва дачи председателя Совета министров России П. А. Столыпина в Аптекарском переулке в августе 1906 года и экспроприацию в Фонарном переулке, где эсерами было похищено свыше 400 тыс. рублей, значительная часть которых в «знак благодарности» была передана большевикам. Его мастерская была оборудована тогда в квартире Горького в Москве и охранялась грузинскими боевиками из группы Камо (С. А. Тер-Петросян). А заведовала хранением снаряжения все та же Андреева. Однако красинские «бомбовые» мастерские стали открываться и в провинции. Как пошутил Троцкий: «Алхимия Красина сильно демократизировалась».

Для сбора денег Красин в феврале 1906 года организовал поездку Горького и Андреевой в США. Они уехали как представители объединенной РСДРП во II Интернационале, но собранные деньги поступили в БЦ большевиков. Общепартийный ЦК протестовал – ведь речь шла о десятках тысяч рублей, – но безрезультатно. По словам самого Красина, тогда у большевиков было столько денег, что можно было закупать не только револьверы, но и пушки. Теперь на повестку встал вопрос, как доставлять оружие и как его прятать. Это тоже решал Красин.

В деле закупки вооружения российские революционные организации объединились. Оружие закупалось в основном в Бельгии, затем небольшими партиями переправлялось в Германию и Австрию, а местные социал-демократы переправляли его к русской границе, и далее, в Россию, оно попадало контрабандными путями. Количество закупаемого оружия было колоссально. Только по одной сделке в страну поступило 60 тыс. винтовок. И это в то время, когда на фронтах русско-японской войны порой нечем было воевать. Были поставки и через Финляндию, где создавались базы для производства и хранения оружия. Его удавалось достать и внутри страны – с Ижевского, Тульского и Сестрорецкого оружейных заводов.

Много сил у Красина отнимала борьба с провокаторами внутри партии. Здесь он действовал жестко, не останавливаясь перед убийствами. Параллельно с этим по поручению Ленина он занимался связями и переговорами с другими группами внутри социал-демократии и с представителями других партий. В общем, дел было много, и можно смело сказать, что в тот период Красин был ближайшим сотрудником Ленина.

Между тем начиная с 1906 года революция пошла на спад. Однако нужда в больших денежных суммах у революционеров не исчезла. Удобная жизнь революционеров-эмигрантов за границей и деятельность подпольных революционных организаций в России требовали больших финансовых вливаний. И поэтому, как отмечал все тот же Троцкий, «насильственный захват денег казался в этих условиях единственным средством». Но в условиях поражения революции боевые дружины все чаще превращались в обыкновенные банды грабителей, и тогда в мае 1907 года V (Лондонский) съезд РСДРП принял решение об их роспуске. Ленин попытался отстоять этих экспроприаторов, но безрезультатно. Поступления денег прекратились. Но ведь никто, даже в большевистской партии, не знал о существовании БЦ. Поэтому Красин продолжал заниматься экспроприацией в обход решения съезда.

Одна из крупнейших акций, спланированных им, – это ограбление группой Камо в июне 1907 года банка на Эриванской площади в Тифлисе (Тбилиси). Тогда было похищено около 250 тыс. рублей. Примерно 150 тыс. рублей в мелких купюрах сразу поступили в распоряжение БЦ, привезенные лично Камо в Куоккала (Финляндия) в штаб-квартиру Боевого центра. Однако остальные деньги были в крупных купюрах, по 500 рублей. Размен их на территории России оказался невозможен, поскольку во все банки страны были сообщены номера этих банкнот. Тогда Красин попытался организовать их обмен за границей, в Европе и США, но дело закончилось провалом, и все меняльщики были арестованы. Вины Красина в этом не было. Много позже стало известно, что один из участников операции по размену денег оказался агентом охраны. Красину же после ряда опытов удалось подправить номера купюр и даже реализовать половину оставшейся суммы.

И еще одну финансовую аферу попытался осуществить Леонид Борисович в 1907 году – выпуск фальшивых денег. Для печатания фальшивых трехрублевых он заказал в Германии бумагу с водяными знаками и оборудовал в Петербурге типографию. Однако этот план не осуществился. Дело в том, что в Берлине при попытке ограбления банка был арестован Камо, и в

результате следствия немецкая полиция обнаружила склад, где хранились винтовки, взрывчатка и бумага с водяными знаками.

В результате этих двух неудач отношения в БЦ обострились. Ленин пошел на разрыв с Красиным и Богдановым и даже назвал Красина «мастером посулы давать и очки втирать», обвинив его в присвоении 140 тыс. рублей. Хотя дело тут не в провалах. Ленин просто сам хотел контролировать все финансы партии. Красин действительно оставил 30 тыс. рублей, но они должны были пойти на освобождение Камо из берлинской тюрьмы.

В начале марта 1908 года Красина арестовали в Финляндии и поместили в Выборгскую тюрьму. Это было серьезно и опасно. С первых допросов впереди замаячила виселица. Предпринятая боевиками попытка вызволить его сорвалась. Но, по существовавшему тогда в Финляндии закону, держать заключенного без обоснованного обвинения могли не больше месяца. Месяц истек, обвинение предъявить не смогли, и Красин вышел на свободу. Не рискуя дальше искушать судьбу, наспех попрощавшись с женой и тремя дочерьми (была еще и падчерица), он скрылся за границей. Лето прошло в поездках по Европе, а осенью он осел в Берлине. Нужно было думать о заработке.

Освоившись в Берлине, Красин поступил на службу в компанию «Сименс-Гальске». Прекрасный инженер, свободно владеющий немецким, французским, несколько хуже английским языками, он быстро сделал карьеру. И в 1912 году вновь и вполне легально вернулся в Россию.

На сей раз как глава московского, а затем общероссийского филиала немецкой фирмы. Этому возвращению во многом, несмотря на протесты Департамента полиции, поспособствовала германская сторона. Красина принимали в свете. Этого джентльмена, всегда безукоризненно одетого, обожали дамы в московских салонах. Уже были забыты ленинские обвинения в его адрес – это произошло после освобождения из тюрьмы Камо, – но отношения Ленина и его соратников с Красиным испортились навсегда. Уже весной 1917 года, после Февральской революции, Красин дважды принимал Ленина в своем рабочем кабинете и оба раза отказался от сотрудничества с большевиками, а Октябрьский переворот вообще назвал «хулиганством». Ленин после этого констатировал: «На Красине надо поставить крест. Порченный большевик». Тем не менее, когда понадобилось, от услуг этого «порченного» Ленин не отказался.

Зимой 1918 года в Брест-Литовске полным ходом шли переговоры большевиков с немцами. Вот тогда Красин, потрясенный некомпетентностью бывших там товарищей по партии, сам предложил им свои услуги. Он участвовал в обсуждении не только экономических и финансовых вопросов, но и в подготовке дополнительного советско-германского соглашения в Берлине в августе 1918 года. Тогда же он возглавил Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной Армии, стал членом Президиума ВСНХ (Высший Совет народного хозяйства), наркомом торговли и промышленности, наркомом путей сообщения. В условиях Гражданской войны эти посты были важнейшими. Однако в правящей большевистской элите Красина не любили. Его терпели. Антипатию у «твердых» ленинцев вызывали всесторонняя одаренность этого человека, его гибкий интеллект, врожденная элегантность, европейские костюмы. Но тут уж делать нечего. Надо было терпеть. Уж слишком он оказался незаменим. С 1920 года Красин стал наркомом внешней торговли и одновременно полпредом и торгпредом в Великобритании (с 1924 года во Франции), подписав вскоре первое торговое соглашение с Великобританией, что позволило прорвать международную изоляцию Советской России.

Красин был хорошим бизнесменом и смог завязать полезные знакомства. Летом 1920 года он создал в Великобритании акционерное общество «Аркос» (Англо-русский кооперативный союз), предназначавшееся для реализации российского экспорта и закупки импортных товаров. Формально это было частное учреждение, но по сути – принадлежало государству, у которого в руках были все без исключения акции. Иностранцев предпринимателей не допускали к непосредственному участию в операциях «Аркоса», но кредиты от них с удовольствием принимали. В 1921 году по предложению Красина в Лондоне был учрежден и Аркос-банк. Вскоре по его же инициативе начали открываться филиалы «Аркоса» в Турции, Франции и США (здесь филиал начал называться Амторг). Обороты «Аркоса» с 1920 по 1924 год возросли с 1 млн фунтов стерлингов до 11 млн и продолжали расти, а стоимость его движимого и недвижимого имущества приблизилась к 2 млн фунтов стерлингов. Только после смерти Красина, в 1927 году, британскому правительству стало известно, что «Аркос» – центр советского шпионажа, опутавшего весь мир. В этом плане представляют интерес его связи с бывшим английским разведчиком и коммерсантом Сиднеем Рейли. Недаром же потом ходили слухи о том, что Красин оставил своей семье около 3 млн фунтов стерлингов.

В первой половине 1920-х годов здоровье Ленина стало ухудшаться. В большевистской партии началась борьба за власть. У многих тогда возникло мнение, что Красин – это именно тот человек, который сможет перехватить власть у вождя мирового пролетариата. Но это оказалось

лишь благими пожеланиями. Ему было не до борьбы за власть. С 1925 года его здоровье подтачивало неизлечимое заболевание крови. От этой болезни он и скончался в Лондоне 24 ноября 1926 года. Похоронили этого «нестандартного большевика» с большими почестями на Красной площади в Москве.

КУРЧО РЕНАТО

(род. в 1942 г.)

Итальянские «Красные бригады» считаются одной из самых известных террористических организаций XX века. Их основателем и лидером является Ренато Курчо.

«Убийство Моро – это акт революционной справедливости, самый гуманный из всех, что возможны в этом обществе, разделенном на классы». Так на процессе по делу об убийстве одного из самых авторитетных и популярных политиков Италии отозвался Ренато Курчо. Убийство – это гуманно, это справедливо! Может ли нормальному человеку такое прийти в голову?

Политический терроризм, этот инструмент выбора слабых и несогласных, в 60–80 годы XX в. стал важным самостоятельным фактором для многих ведущих стран Запада. Неприятие многих людей, особенно в молодежной среде, предложенных обществом ценностей вело к недовольству, даже к ненависти, а затем и к мести этому обществу. Для таких недовольных единственно правильным средством борьбы за справедливость, как они считали, стало насилие – террор, партизанская война. Если же учесть, что это время было временем противостояния двух систем, капиталистической и социалистической, то не следует сбрасывать со счетов организационно-техническую и финансовую помощь, оказываемую спецслужбами соцстран различным левацким террористическим группировкам для достижения определенных целей. Одной из таких группировок, ставшей дестабилизирующим фактором в Италии, стала организация под названием «Красные бригады». Ее основателем и руководителем был Ренато Курчо.

Он родился в 1942 году и, по некоторым данным, был незаконным сыном брата известного кинопродюсера и его служанки. Достатка в семье никогда не было, точнее даже сказать – семья нищенствовала. Из-за отсутствия средств Ренато учился в католическом колледже. Потом, выиграв в конкурсе, он получил стипендию в Трентском университете, где учился на факультете социологии. Однако социологом Ренато не стал. Диплом он отказался защищать из принципиальных политических соображений. С 19 лет юноша уже был активистом неофашистской группировки «Новый порядок». В 1965 году, не порывая с неофашистами, Ренато вступил в студенческую католическую организацию «Университетское согласие». Вот такое получилось интересное сочетание взглядов. Но стремление к лидерству не давало ему спокойно жить. В 1967 году он создал свою организацию «Альтернативный университет». Через два года у Ренато произошли изменения в личной жизни – он женился. Его женой и соратницей по террористической деятельности стала Маргарита Кагол.

Вскоре молодожены переехали в Милан. Здесь Ренато создал новую организацию – «Столичный политический комитет», который позже переименовал в «Левую пролетарскую группу». Очередная трансформация взглядов!

1 ноября 1969 года в одном из дешевых отелей неподалеку от Генуи состоялся своего рода семинар, в котором приняли участие несколько десятков активистов левацких группировок. Курчо здесь выступил с докладом «Социальная борьба и организация в метрополиях», настаивая на радикализации пролетарского движения. Именно на этом семинаре и было создано ядро будущих «Красных бригад» (КБ), разработаны первые принципы их деятельности, сформулирована тактика. Правда, политические программные установки новоявленной группировки формулировались хоть и весьма эмоционально, но достаточно расплывчато. Начитавшись классиков марксизма-ленинизма, молодые люди, разочарованные в капиталистическом пути развития, пришли к единогласному выводу: террор – наилучший детонатор давно ожидаемой социальной революции. Впоследствии один из идеологов КБ Антонио Негри писал: «Всякий раз, когда я надеваю пасамонтану (маску с прорезью для глаз), я ощущаю жар пролетарского сообщества. Результат меня не волнует: всякий акт разрушения и саботажа отзывается во мне как голос классовой общности. я ощущаю лихорадочное возбуждение, как перед встречей с любовницей». Курчо призывал перейти к вооруженной борьбе, считая, что это

единственный способ «освободиться от власти капитала» и что «действовать необходимо в городах, где находится организационный и политический центр эксплуатации. Нужно нанести удар в самое сердце системы».

Прошел год со дня семинара, и 20 октября 1970 года в прессе, в одном из левозкстремистских изданий, появилось сообщение о создании «пролетарской организации, которая имеет намерение бороться против господ и тех, кто им служит». Так было официально объявлено о создании «Красных бригад». На начальном этапе своей деятельности КБ уделяли большое внимание работе с массами – созданию ячеек на предприятиях. Черпая свои идеи из сочинений Карла Маркса и Мао Цзэдуна, Курчо подчеркивал, что КБ идеологически восходят к китайской культурной революции. Своих оппонентов он именовал «ревизионистами» и классовыми врагами пролетариата, «бригадистов» – «пролетарскими борцами», а борьбу, ведущуюся КБ, считал частью борьбы за дело пролетариата, ведущейся во всех странах Европы. «Во Франции, Германии, Испании, Португалии, – указывал он, – существуют формирования, которые действуют на базе той же, что и мы, стратегической гипотезы».

Поначалу КБ были радикалами лишь на страницах левозкстремистской прессы и вели дискуссии о пролетарской революции и о состоянии Европы вообще и Италии в частности. Их эмблемой были серп, молот и ружье. В организации преобладали антифашистские настроения. Курчо даже взял себе псевдоним «Армандо» – по имени своего дяди, партизана, погибшего во время Второй мировой войны. Даже первоначальное название КБ было – «Новое сопротивление». И наряду с молодежью в него входили люди, которые, будучи еще совсем молодыми, участвовали в том военном сопротивлении. Это и старик-партизан – эксперт по оружию у «бригадистов», и издатель-миллиардер Фельтринелли, создававший параллельно с КБ собственную организацию «Группа партизанского действия». Он погиб в 1972 году, подорвавшись на собственной бомбе при попытке подрыва линии электропередач. Правда, ходили упорные слухи, что его просто ликвидировали спецслужбы. Курчо так и воспринял эту смерть, и она послужила толчком для перехода к полноценной городской партизанской войне. О непосредственной работе с трудящимися было забыто. Теперь наступил момент, когда инициативное меньшинство насильственными акциями должно пробудить народ от гипнотического транса, в который погружает его индустрия сознания.

Среди членов боевых групп КБ были представители различных слоев населения: рабочие, студенты, мелкие коммерсанты, наследники богатейших семей Италии, политические деятели, предприниматели, профессора университетов, врачи, адвокаты. Была создана иерархизированная структура, позволяющая руководителям организации эффективно управлять деятельностью боевиков, не подвергаясь опасности разоблачения. В 1974–1975 годах произошла перестройка КБ. Было создано стратегическое руководство, куда наряду с нелегалами входили и те, кто вел обычную жизнь; исполнительное руководство, координировавшее деятельность боевых групп и руководившее операциями. Собственно, организация состояла из террористической сети, разведки и службы информации, которая занималась внедрением людей на производство, в министерства; психологической службы, изучавшей воздействие СМИ на людей. Низшее звено организации составляли пятерки. Они сводились в бригады, а те – в колонны.

Еще в 1969 году Курчо – главный идеолог и организатор КБ – призвал своих сторонников «перейти к вооруженной борьбе», чтобы «освободиться от власти капитала». Но первое время «соратники» всячески избегали крови, не привлекали к себе особого внимания. Действия КБ в тот период воспринимались властью и общественностью как всецело анархические: поджоги автомобилей, диверсии на предприятиях, избиения предпринимателей среднего уровня, инженеров, начальников цехов – «эксплуататоров рабочего класса». А попутно, для пополнения кассы, проводились «экспроприации»: отняты деньги у посыльного магазина «Коин», ограблены три банка. Первой крупной операцией КБ, проведенной в ноябре 1970 года, стала серия взрывов на заводе «Пирелли», а также поджоги и подрывы автомобилей фирмы «Сит-Сименс». Эти акции принесли КБ национальную известность. Не прошло и года после этих событий, и «бригады» превратились в террористическую организацию № 1 в Италии. И вплоть до своего ареста в 1974 году Курчо активно участвовал во всех акциях своего «детища».

До 1972 года КБ наращивали организационные и оперативно-боевые возможности, периодически совершая разовые покушения и похищения государственных функционеров среднего звена. Наиболее сильные структуры были созданы в городах индустриального и более благополучного Севера – Милане, Турине, Генуе, Венеции. Было совершено нападение на члена ЦК компартии Италии Карло Кастелано. При этом ему прострелили коленные чашечки и на шею повесили плакат: «Хромай так же, как вся эта буржуазная власть». Пожалуй, с тех пор стрельба в коленные чашечки стала «визитной карточкой» КБ. 3 марта 1971 года «бригадисты» совершили свое первое похищение, захватив видного чиновника фирмы «Сит-Сименс» Идадьго Маччиарини. После допроса боевиками в масках Маччиарини выпустили, привязав к шее плакат:

«Ударь одного, чтобы воспитать сотни». Затем о КБ вплоть до конца ноября 1972 года не было ничего слышно. А потом они от одиночных акций перешли к серийным.

В ноябре 1972 года «бригадисты» с целью пополнения своей кассы совершили ряд ограблений банков. К этому времени значительная часть из них находилась на нелегальном положении. Были созданы явочные и конспиративные квартиры, покупались фальшивые документы, оружие, типографское оборудование для печатания листовок. В декабре они сожгли шесть автомобилей, а со следующего года начались похищения людей. В феврале 1973 года был похищен профсоюзный босс Бруно Лабата. Его нашли через четыре часа прикованным к воротам фирмы «Фиат Мирафтори». После этого выкрали еще двух профсоюзных деятелей. В апреле 1974 года КБ захватили судью Марио Сосси в Генуе. Через месяц его выпустили в обмен на восьмерых политзаключенных. С июня 1974 года начались убийства. Был убит прокурор Генуи Франческо Коко, препятствовавший обмену, затем боевики КБ проникли в помещение неофашистской партии «Социальное действие», где расстреляли двух человек. Тут уж властям наконец-то стало ясно, что КБ – это не простые анархисты. К августу полиции удалось выйти на их след. Этому способствовало предательство одного из террористов – Сильвио Джиротто. Вскоре по его доносу был арестован и сам Ренато Курчо.

Поначалу Курчо содержался в тюрьме Новары, а спустя два месяца был переведен в тюрьму Казале-Монфератто. Жена Ренато, Маргарита Кагол, решила его освободить. Все оказалось на удивление просто. Спрятав под пальто автомат и прихватив с собой трех подручных, она заявила в тюрьму – и Курчо очутился на свободе. Правда, ей самой повезло меньше. В 1975 году «бригадисты» похитили директора завода по производству вин Викторιο Ганчу. Маргарита участвовала в охране промышленника. При освобождении пленника полицией она погибла в перестрелке с карабинерами, хотя вполне могла бы сдать. А сам Курчо в это время занимался творческой работой. Он теоретически обосновывал акции по похищению людей с целью выкупа как этап борьбы за создание пролетарской власти и деятельность, позволяющую занять ключевые позиции в леворадикальном движении.

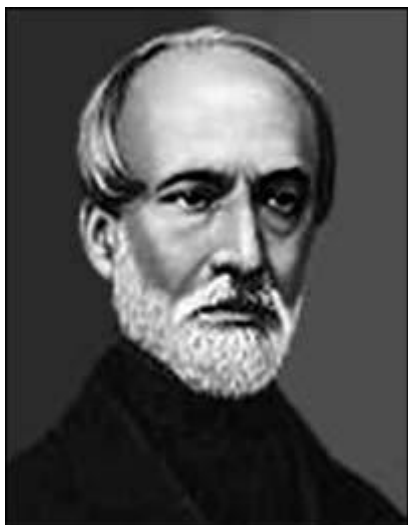
После гибели жены Курчо не долго погулял на свободе. 18 января 1976 года в Милане он вновь был арестован. Его повторный арест привел к руководству организацией других людей (таких, как Марио Моретти, признанного чуть позже самым разыскиваемым человеком в Италии), которые перестроили структуру организации, углубили конспирацию и ужесточили борьбу. Их тактикой стало вооруженное насилие, убийство и увечье людей. А Курчо через два года после ареста на Туринском процессе был приговорен к 25 годам тюремного заключения. Накануне процесса «бригадисты» устроили вокруг него настоящий террор. Они убивали любого, кто собирался выступить в качестве свидетеля или даже просто осуждал террор. Ужас был настолько велик, что процесс долгое время не мог набрать присяжных.

Понеся первые потери в результате полицейских мероприятий, КБ эвакуировали органы руководства в Цюрих и Париж и перешли к массовому террору, действуя в составе автономных конспиративных ячеек, распределенных в пяти назначенных секторах ответственности, на которые была разбита вся территория Италии. В 1976–1979 годах КБ, фактически трансформировавшиеся в партизанскую организацию городского типа, совершили 8769 террористических актов и получили в качестве выкупа свыше 200 млн долларов США. Совершались покушения на руководителей СМИ, представителей власти – прокуроров, судей, министров, депутатов; журналистов и адвокатов, выступавших с обличением террора. Самой громкой акцией КБ в тот момент стало похищение и убийство в 1978 году видного итальянского политика, лидера ХДП Альдо Моро. Этим они пытались вынудить правительство пойти на переговоры и признать КБ полноправным политическим оппонентом. Следующий год стал рекордным по числу терактов – 2150. Нападениям подвергались учебные заведения, политические партии, профсоюзы, полиция, казармы карабинеров.

С начала 1980-х годов в отношении общества к КБ произошел перелом: от симпатий к требованиям подавления. Благодаря силовым методам и разумному применению закона о сотрудничестве с полицией активность КБ была вначале блокирована, а затем нейтрализована. После этого организация, по сути, стала вырождаться в криминальную структуру. Отдельные теракты еще продолжались, но благодаря показаниям раскаявшихся террористов были проведены многочисленные аресты, к 1996 году состоялось 5 судебных процессов, на которых десяткам террористов вынесли приговоры, причем 32 из них получили пожизненное заключение. Несмотря на кажущийся разгром, отдельные теракты происходили и в конце 90-х годов, и каждый раз по телефону поступали звонки об ответственности за это то «Новых красных бригад», то «Красных бригад по созданию сражающейся Коммунистической партии», то «Боевых ячеек Красных бригад». Так что дело Ренато Курчо еще не умерло.

МАДЗИНИ ДЖУЗЕППЕ

(род. в 1805 г. – ум. в 1872 г.)

Террорист, вождь движения за независимость республиканско-демократического крыла итальянского Рисорджименто, основатель тайного общества «Молодая Италия». Послужил прототипом главного героя в романе Этель Лилиан Войнич «Овод».

Мадзини мог бы достичь больших успехов в литературе и искусстве, если бы не его страстное увлечение революционными идеями единой и несокрушимой Италии, свободы, равенства и братства всех народов. Его страна в те годы страдала от иностранного гнета и политической раздробленности. С конца XVIII в. в Италии развернулось движение за освобождение от чужеземного господства и территориальной разобщенности – Рисорджименто. Итальянцы почувствовали себя способными не только стать свободными от австрийского владычества, но и достичь национального единства.

До 1814 года страна находилась под французской оккупацией, на ее территории были созданы зависимые от Наполеона государства. Венский Конгресс 1814–1815 годов реставрировал на Апеннинах феодально-абсолютистские монархии: Королевство обеих Сицилий, Сардинское королевство, Папское государство, герцогства Модену, Парму, Лукку, Тоскану. В состав Австро-Венгерской империи были включены Венеция и Ломбардия. Реставрация была для итальянцев особенно тягостной, потому что Австрия, папство и правители итальянских государств подавляли любые проявления свободомыслия. Будущий террорист считал, что ситуацию можно изменить лишь вооруженным путем и не нужно ждать, пока власть имущие подарят народу свободу и независимость. Оружие и террор – вот путь к процветанию Италии. Он повсюду проповедовал свободу личности и национальное освобождение не только Италии, но и всего Старого света. Европейские Соединенные Штаты – таков был отдаленный политический идеал, о котором он мечтал.

Родился Джузеппе 22 июня 1805 года в Генуе, находившейся в то время под наполеоновской властью. Его отец был профессором анатомии, врачом при отце королевы Виктории. Но сын не пошел по стопам родителя, а с детства увлекся литературой. Он хорошо знал классику, восхищался Виктором Гюго, Жюлем Мишле, Эдгаром Кине. Поступив в Генуэзский университет, продолжил изучение мирового литературного наследия. По окончании учебы выпускник занимался литературной работой сначала в родном городе, потом в Ливорно. В возрасте немногим более 20 лет Джузеппе, воспитанный в демократическом духе, стал членом подпольного общества карбонариев. (Первоначально они появились в наполеоновской Франции как тайное движение, позже оно было перенесено в Италию французскими офицерами, оппозиционно настроенными к автократии Наполеона). Сначала литсотрудник был посвящен в степень магистра, а потом и «великого избранника». Однако вскоре Джузеппе разочаровался в революционных идеях подпольного кружка из-за сохранения в его идеологии элементов материалистической философии прошлых веков и нерадикальных методов ведения борьбы за независимость страны. В 1830 году молодого демократа арестовали за антиправительственную деятельность и он отбывал шестимесячное заключение в крепости в Савоне. В камере, обдумывая свою жизнь и будущее родной Италии, Джузеппе решил, что следует выстроить

революционное здание на совершенно ином фундаменте, чем предлагали карбонарии. После отбытия Мадзини заключения власти выслали его из страны. Большую часть жизни он провел в изгнании: сначала во Франции, затем в Швейцарии и Англии.

Подрабатывая случайной литературной работой, изгнанник постоянно нуждался в деньгах, жил небогато, но не падал духом. Он учреждал революционные кружки и печатные органы, собирал деньги для снаряжения военных отрядов. И все это – с целью освобождения Италии от ига австрийцев и французов и объединения страны в единое государство.

Джузеппе установил ясную связь между политической реформой и независимостью, доказывал необходимость разработки четкого плана действий. В 1831 году он основал в Марселе тайное революционное общество «Молодая Италия». В этой организации были и моряк Джузеппе Гарибальди, и будущий правитель Франции Луи Наполеон Бонапарт (он посылал свои статьи в журнал этого общества). «Младоитальянцы» начали свою подпольную деятельность первоначально в Пьемонте и Сардинском королевстве. Мадзини в 1831 году после вступления на престол короля Карла Альберта написал ему открытое письмо, в котором указывал пути объединения Италии Савойской династией, которая впоследствии была принята и ею самой, и итальянскими демократами. Но это было потом, а пока король никаких практических шагов в этом направлении не предпринял. Революционер организовал в 1833 году в Швейцарии отряд боевиков под командованием Раморино и принял участие в вооруженном походе на Пьемонт. Их конечной целью было превращение Италии в единую, независимую и свободную страну с республиканским строем. Главным образом из-за неопытности командира экспедиция провалилась. Регулярные войска разгромили отряд, многие воины попали в плен и были впоследствии казнены. Правительство пыталось остановить нежелательный для него процесс на Апеннинском полуострове самыми суровыми методами. Джузеппе сумел убежать обратно в Швейцарию. Как глава заговора он в том же году был заочно приговорен судом Пьемонта к смертной казни. Этот приговор довел над ним вплоть до амнистии в 1866 году.

В 1834 году Мадзини учредил журнал революционного направления «La jeune Suisse» в Золотурне. Местные власти арестовали, а потом выслали из города основателя и редактора вместе с большинством сотрудников журнала. В том же году Джузеппе основал Священный союз Народов – общество «Молодая Европа», в которое вошли итальянцы, швейцарцы, немцы и поляки. Глава «младоевропейцев» представлял себе европейский континент в виде федерации объединенных земель от Балтийского до Эгейского и Черного морей. Все это, естественно, приводило к разрушению монархического правления в Австро-Венгрии, России и Османской империи. Колониями в Азии он предполагал компенсировать этим империям их территориальные потери в Европе. Министр иностранных дел Великобритании лорд Пальмерстон, который тоже был заинтересован в развале империй, заметил разрушителя и заговорщика Мадзини и сделал его послушным инструментом в своих руках.

В том же 1834 году Джузеппе приложил свою руку к образованию на деньги Пальмерстона «Молодой Франции». Позже настанет черед рождения сербской организации для создания южно-славянской федерации с центром в Белграде. Потом подобные объединения появились во многих странах Европы, Азии, Америки. Была даже «Молодая Корсика», представленная мафией. А «Молодая Германия», над которой подшучивал Генрих Гейне, публиковала в своей газете статьи некоего «красного республиканца» Карла Маркса. Руководители этих объединений видели свою задачу в организации восстаний и государственных переворотов под лозунгами достижения свободы, братства и мира. Последователи и однодумцы Мадзини сформировали террористические союзы во всех уголках мира. 21 февраля 1854 года некоторые из активистов встретились в доме американского консула Джорджа Сэндерса. Кроме Мадзини там присутствовали: Лайош Кошут (лидер венгерского восстания 1848–1849 годов); Феличе Орсини (совершал заказные убийств, в том числе покушался на Луи Бонапарта); Ледрю-Ролан (глава «младофранцузов», министр внутренних дел в недолговечной Римской республике 1848 года, подопечные которого грабили и убивали жителей); Джеймс Бьюкенен (будущий президент США); Стэнли Уорсел, Арнольд Руге, Александр Герцен, Джузеппе Гарибальди и др. Кстати, будущий сподвижник и тезка Мадзини – капитан торгового судна Джузеппе Гарибальди в 1834 году участвовал в неудавшемся восстании в Генуе и был заочно приговорен австрийским военным судом к смертной казни. Ему пришлось бежать в Южную Америку. Там он воевал за независимость республики Риу-Гранди и Уругвая. В свой отряд капитан брал в основном итальянцев, которых оказалось немало на юге Латинской Америки. Для них он ввел необычную военную форму – красные рубахи. Командирский опыт, приобретенный в десятилетних боях, пригодился ему в будущем на итальянской земле.

В 1848 году по Европе прокатилась волна революций, которые перевернули все европейские правительства и пошатнули все королевские дома. На Апеннинах народ восстал против французских и австрийских оккупантов. Началось все с январского мятежа в Палермо не без помощи британской агентурной сети, созданной еще во время лорда Нельсона. Не исключено, что боевики Мадзини тоже принимали в нем самое активное участие. Неаполитанское

правительство благоразумно пошло на уступки в надежде предотвратить дальнейшие беспорядки. Другие итальянские правители последовали его примеру. Террорист Мадзини с помощью своего отряда наемных убийц попытался поднять восстание и в Генуе, но неудачно. (Через несколько лет он предпринял еще одну попытку разжечь пламя революции в Пьемонте.)

В Милане в ответ на кровавую бойню австрийской артиллерии народ взялся за оружие и изгнал чужеземцев. Перед падением города Мадзини влился в отряд Гарибальди. Как только австрийцы ушли, он основал там газету «l'Italia del popolo» и общество «Associazione nazionale», имевшие целью борьбу за присоединение Ломбардии к Пьемонту. В сложившейся обстановке король Сардинии Карл Альберт объявил войну Австрии и вступил в Ломбардию во главе националистически настроенной армии. У Кустоццы в июле 1848 года сардинцы были разбиты австрийцами. В Неаполе король Фердинанд вновь упрочил свое положение и стал готовиться к подавлению революции в Сицилии и провинциях. Политическая ситуация еще более обострилась. В том же году папский министр-реформатор Пелегрино Росси при поддержке пьемонтцев мог бы объединить Италию, решив римскую проблему через итальянскую конфедерацию, возглавляемую папой. Но, по некоторым источникам, Росси был убит специальным агентом Д. Мадзини.

Сам Джузеппе хотел построить Третий или Народный Рим после Рима Императоров и папского Рима. Для этого вооруженные банды «Молодой Италии» убили главу конституционного правительства и заставили папу Пия IX бежать из Рима в Неаполь. В феврале 1849 года была провозглашена Римская республика, а террорист Мадзини занял должность руководителя триумвирата (правительства). С марта по июнь он управлял Народным Римом, проявив большую энергию и административный талант. Несмотря на военное положение, государственные земли раздавались крестьянам, пленным отпускали на свободу, нуждающимся предоставляли жилье. По другим данным, боевики «Молодой Италии» бесчинствовали в Риме, Анконе и других городах. Они грабили и сжигали церкви и жилища. В день Пасхи в 1849 году террорист, он же – глава правительства, устроил грандиозный шутовской спектакль. Для этого он соорудил в Ватикане «новую Евхаристию» под названием «Паска Новум», где главные роли принадлежали ему самому, Богу и народу. Мадзини собирался основать собственную «итальянскую национальную церковь» по англиканскому образцу. Финансировал «Римскую республику» младший лорд Адмиралтейства и один из руководителей британской разведки Джеймс Стэнсфельд. Политика Англии была направлена на дестабилизацию положения в Италии и на ослабление Австро-Венгерской империи князя Меттерниха.

Тем временем 23 марта 1849 года в битве при Новаре австрийские войска под командованием фельдмаршала Йозефа Радецкого вновь разбили силы Карла Альберта. Его вынудили отречься от престола в пользу своего сына Виктора Эммануила II. Римская республика еще оставалась независимой. Командир «краснорубашечников» Джузеппе Гарибальди взял на себя оборону Рима от французских экспедиционных войск под командованием генерала Удино, посланных Луи Наполеоном III. Высадившись в Чивитавеккья, они взяли в блокаду Вечный город. Вскоре римское национальное собрание сочло невозможным дальнейшую оборону столицы и предложило триумвирам вступить в переговоры с французами. Правительство осажденного города во главе с Мадзини потребовало, чтобы столицей единой Италии стал именно Рим. Переговоры завершились дипломатическим соглашением между Луи Бонапартом и графом Кавуром. По мнению министра иностранных дел Британии лорда Пальмерстона, «режим Мадзини в Риме являлся лучшим из того, что было у римлян на протяжении веков».

После падения Народного Рима 3 июля 1849 года, Гарибальди во главе четырехтысячного отряда добровольцев отправился на помощь восставшей Венеции, но по пути был арестован пьемонтскими властями. Ему грозил военный суд. Выступление народа против венской династии Габсбургов было жестоко подавлено австрийскими солдатами. Джузеппе с помощью друзей удалось бежать из своей страны в Америку. Там он некоторое время работал на свечном заводе, затем перебрался в Перу и снова стал капитаном торгового судна, ходил в Тихом океане, пока не грянула итальянская революция 1859 года.

А террорист и разрушитель Мадзини снова вышел сухим из воды – он сложил с себя полномочия правителя Римской республики и уехал в Лондон по фальшивому паспорту. Ему покровительствовали и спонсировали в дальнейшем его теракты по всему миру граф Шефтсбери – фанатик-протестант, зять Пальмерстона; Уильям Генри Эшхерст – тесть Стэнсфельда; Джон Бауринг, лорд Эшли, Джон Стюарт Миль и другие высокопоставленные лица. Мадзини прятался и с Томасом Карлейлем – английским публицистом, историком и философом (говорили, что у Джузеппе был даже роман с его женой). В столице Англии экстремист Мадзини начал управлять фондом Тибальди, который был создан сэром Стэнсфельдом. На эти деньги он содержал боевиков и финансировал свои террористические операции. Например, Джузеппе, возможно, по наущению британской разведки, подслал своих агентов для уничтожения короля Пьемонта Карло Альберто и тем самым продолжил традицию политических убийств. В

многочисленных акциях принимали участие профессиональные киллеры, введенные в заблуждение простак, уголовные преступники и другие темные личности. Агентурная сеть Мадзини распространила свою террористическую деятельность на весь мир. Скажем, в США у него были связи как с южанами-рабовладельцами, так и с северянами. Во время Гражданской войны Джузеппе одновременно агитировал за освобождение негров и за разрушение Штатов, проводя в жизнь лондонскую политику ослабления сильных стран и отрабатывая деньги лорда. Через своих агентов в «Молодой Венгрии» и «Молодой Румынии» Мадзини обещал Трансильванию сербам, хорватам, румынам и венграм. «Трансильванский вопрос» перерос в войну между ними в 1849 году, которая помогла Габсбургам спасти свое полицейское государство с помощью русской армии. А программа «Молодой Польши» столкнулась с «Молодой Германией» за территорию Силезии. В противостояние России и «младополяков» Мадзини вовлек и поэта Адама Мицкевича, которого «завербовал» во время своего правления «Римской республикой» в 1849 году. «Молодая Польша» требовала восстановления польского государства в границах времен династии Ягеллонов, простирающиеся от берегов Балтики до Черного моря. Король Бельгии Леопольд Саксен-Кобург-Готский писал как-то своей племяннице королеве Виктории: «У вас в Лондоне что-то вроде зверинца – всякие Мадзини, Кошуты, Легранжи, Ледрю-Ролены и так далее... которых периодически спускают на континент, чтобы там невозможно было достичь ни покоя, ни процветания...».

В середине 1849 года Австрия восстановила контроль над итальянскими государствами, а их правители вернули свои троны. Только в Пьемонте продолжало существовать конституционное правительство. В 1853 году Мадзини со своими наемниками устроил неудачное восстание против австрийцев в Милане, для того чтобы предотвратить русско-австрийский союз в Крымской войне. Ведь Австрийская империя оставалась оккупантом Италии, да и Лондон был заинтересован в ослаблении обеих империй. Пока шла Крымская война, в развязывании которой принимал самое активное участие лорд Пальмерстон, террорист Мадзини устраивал мятежи и в других городах Италии. В 1855 году агент «Молодой Италии» Джованни Пьянори предпринял попытку убить Наполеона III. Французский суд заочно вынес приговор и Д. Мадзини, потому что именно он финансировал эту террористическую акцию. В феврале 1858 года один из ближайших помощников Джузеппе, Феличе Орсини, еще раз совершил покушение на Луи Бонапарта и снова неудачно.

Следующий год стал годом австро-итало-французской войны и Итальянской революции 1859–1860 годов. Добровольческий корпус альпийских стрелков Гарибальди в ходе боевых действий нанес крупное поражение австрийским войскам в Ломбардии, освободив ее большую часть. Мадзини написал письмо сардинскому королю Виктору Эммануилу II, убеждая его открыто выступить на борьбу за освобождение Италии. Не получив ответа, Джузеппе обратился к Гарибальди. Тот, тайно заручившись поддержкой Виктора Эммануила и его премьер-министра, графа Камилло Бенсо ди Кавура, начал действовать. Из своих стрелков он сформировал знаменитый в истории отряд «Тысячи». 11 мая 1860 года гарибальдийцы высадились на сицилийский берег и двинулись на столицу острова г. Палермо. В результате побед над регулярными войсками короля Франциска II Сицилия в мае 1860 года была полностью освобождена. Италия прославляла Джузеппе Гарибальди как национального героя. Затем «краснорубашечники» совершили успешный поход на г. Неаполь и седьмого сентября народный герой вступил в город. Весь итальянский юг был освобожден от власти Бурбонов. Мадзини попытался убедить своего тезку двинуться на Рим, что в данной ситуации привело бы к гражданской войне, но его вышвырнули из Неаполя, как провокатора. Гарибальди счел разумным в октябре 1860 года в Теано передать завоеванные территории под власть сардинского короля. Тот 18 февраля 1861 года объявил эти земли Итальянским королевством, а 17 марта 1861 года был официально провозглашен королем страны. В том же году Пьемонтская конституция 1848 года была распространена на территорию всего Апеннинского полуострова, но Венеция оставалась под австрийским господством, а папа продолжал править в Риме. Свергнутые правители Неаполя, Тосканы, Модены и Пармы, так же, как и папство, питали лютую ненависть к новому государству, и открыто выступили против объединения Италии. Например, бывшие солдаты Бурбонов на юге страны в 1861 году спровоцировали массовые беспорядки, доходящие до бандитизма, но власти направили против бунтовщиков войска и восстановили законность.

Мадзини снова уехал в туманный Альбион, откуда поддерживал народного героя Гарибальди, собирая деньги и вербуя волонтеров для последующих военных экспедиций. В 1862 году гарибальдийцы, собравшись в Палермо, решили идти на Рим под лозунгом «Рим или смерть!». Но в бою при Аспромонте 29 августа Джузеппе потерпел поражение от папских регулярных войск под командованием генерала Паллавичини, был тяжело ранен и заключен в крепость.

А террорист Мадзини, выполняя волю своих лондонских хозяев и покровителей, в том году дал задание своим восточно-европейским агентам спровоцировать восстание в России, позже – в Турции для ослабления этих империй. В итоге «Младотурки» в начале 1900-х годов разрушили Османскую империю.

В 1870 году на Сицилии началось республиканское революционное движение, и Мадзини отправился на остров. По пути, в открытом море его схватили и отвезли в Гаэту. Спустя два месяца он был освобожден с условием покинуть Италию. Террорист поселился в Швейцарии в Лугано, где основал очередную революционную газету «La Roma del Popolo». В 1872 году он вернулся в Италию, но простудился в Альпах и 10 марта умер в Пизе в доме одного из своих друзей. Похоронная процессия в Генуе насчитывала свыше 50 тыс. человек и явилась демонстрацией против действующего правительства. Через десять лет в родном городе Мадзини был открыт памятник: на высокой колонне из белого мрамора – статуя Джузеппе, на ступенях пьедестала юноша держит знамя с девизом: «Dio e Popolo» («Бог и Народ»).

МАЙНХОФ УЛЬРИКА

(род. в 1934 г. – ум. в 1976 г.)

Немецкая террористка, вместе с Андреасом Баадером создавшая одну из самых известных террористических групп в Германии. Эту фанатичку, стремившуюся к уничтожению существовавшего социального строя и участию в «истинно пролетарской революции», называли «королевой террора» – она была убеждена, что реализовать идеи переустройства общества мирным путем невозможно и новый социум должен быть воздвигнут на крови...

Террор, террористы... Эти понятия всегда вызывают у людей весьма неоднозначные чувства. Кто-то проклинает их, кто-то восхищается очередными «борцами за идею». Очевидно только одно: они неспособны оставить окружающих безразличными. Ведь вряд ли кого-нибудь на самом деле прельщает перспектива оказаться одним из действующих лиц очередного кровавого спектакля, инсценированного террористической организацией, – не правда ли?

Сложно сказать, в чьем больном мозгу впервые родилась идея подобной тактики решения политических и социальных вопросов, но, подобно раковой опухоли, она оказалась на удивление живучей и плодовитой, пустив «метастазы» в умы и души многих представителей человечества, независимо от нации и вероисповедания. Сейчас известных боевиков существует, наверное, ничуть не меньше, чем знаменитых ученых или полководцев. Особенно «урожайным» в вопросе возникновения террористических групп оказались XIX и XX века.

Одной из тех, кто оставил свой кровавый отпечаток на страничке истории минувшего столетия, была Ульрика Майнхоф – яркая, неординарная личность, интеллектуалка, любимица журналистов, превратившаяся за короткий срок в жестокую фанатичку. Что же привело к столь разительному изменению характера этой женщины? Что толкало ее на проведение бесчеловечных актов?

Известно, что Ульрика Майнхоф родилась 7 октября 1934 года в Нижней Саксонии и была типичным представителем так называемого «потерянного поколения», искалеченного войной. В конце Второй мировой ушел из жизни ее отец, больной раком, а в 1948 году Ульрика стала полной сиротой, потеряв мать. Правда, девочка повезло с приемными родителями, которые позаботились о том, чтобы она получила хорошее образование. Будущая террористка никоим образом не проявляла всех тех «талантов», которые спустя годы стали головной болью полиции. Напротив, молодая женщина воспринималась окружающими как интеллигентная, высокоодаренная личность, наделенная природным обаянием и тонким умом. Натура увлекающаяся, она с восторгом восприняла идеи пацифистов, зачитывалась трудами Веры Бриттен и Бертрана Рассела. В 23 года Ульрика смогла поступить в докторантуру Мюнстерского университета, параллельно принимая активное участие в различных левых движениях, призывавших к борьбе против угрозы милитаризма в Германии и за запрещение ядерного оружия.

В 1959 году Майнхоф имела прочную репутацию передового ученого радикальных взглядов. Ее постоянно приглашали для участия в различных конференциях, так как эта женщина славилась своим мастерским владением аудиторией. Во время одной из таких поездок, в Бонне, она познакомилась с Клаусом Райнером Родем, редактором студенческой газеты «Конкрет». Эта встреча оказалась судьбоносной: в 1962 году молодые люди вступили в брак, а через год уже являлись счастливыми родителями мальчишек-близнецов. Дом и семья занимали теперь много времени, однако Ульрика и не думала отказываться от своего увлечения политикой. Вскоре она пришла к далеко не оригинальному выводу, что старый капиталистический строй должен быть

уничтожен, однако продолжала весьма охотно пользоваться благами той самой системы, которую презирала и публично предавала аутодафе. Дело в том, что Майнхоф и ее супруг были весьма обеспеченными людьми: она сама стала редактором «Конкрета», тиражи которого неуклонно возрастали, постоянным популярным гостем политических радиопередач, где пропагандировала «альтернативные» взгляды на текущие события; Клаус занимался переводами порнографических шведских книг на немецкий, что приносило немалые доходы. Вокруг этой семьи постепенно сформировалась группа людей разного социального статуса, стремящихся изменить окружающий их мир.

Ульрика самозабвенно утверждала, что современное человечество поражено гнилью и что излечить общество от всех его болезней может только насильственный переворот; при этом она очень любила свой комфортный большой дом в хорошем районе, радовалась приобретению нового «мерседеса», с увлечением коллекционировала вина – ими был заполнен подвал дома. Ее мир был двуликим, но упорядоченным и вполне устраивал молодого перспективного доктора наук. Гром грянул в 1968 году: Клаус, который постоянно изменял своей «второй половине» и не особенно это скрывал, перешел все границы приличия. Простить в очередной раз супруга Ульрика не смогла и предпочла расстаться с ним. В том же году состоялся судебный процесс по делу революционера Андреаса Баадера, приверженца насильственных методов классового переустройства современного немецкого общества. Этот молодой шалопай призывал к вооруженной партизанской борьбе против государства, которую именовал «народной войной». Но во время проведения первого же террористического акта Баадер был схвачен и попал за решетку. Процесс был громким, поскольку преступники пустили на воздух крупный универмаг во Франкфурте. Таким образом они выражали протест против войны во Вьетнаме. Можно сказать, что именно тогда темная сторона характера 35-летней Майнхоф вырвалась на свободу, окончательно доломав ее психику и превратив обычную женщину и убежденную пацифистку в жестокую террористку. Ульрика полностью поддержала стремления и методы достижения цели своего нового кумира. Ее уже не беспокоило, что чьи-то идеи будут оплачены человеческими жизнями. Четверо «партизан» были приговорены к трем годам лишения свободы каждый, но дело отправили на пересмотр, а обвиняемых отпустили под залог.

Попав на волю, Баадер и трое его «сподвижников» не стали ожидать повторного суда и сбежали. Силами Интерпола террористов обнаружили в 1970 году во Франции, арестовали, выдворили обратно в Германию и посадили за решетку. Возмущенная таким ходом событий, Майнхоф, которая уже перебралась в Западный Берлин, окончательно встала на путь террора, превратив собственную квартиру в центр встреч политических единомышленников. Ульрика связалась с соратниками Баадера, среди которых был Хорст Малер, адвокат террориста. Он являлся ярким сторонником насильственного свержения государственного строя в Западной Германии и сплотил вокруг себя группу людей соответствующих взглядов. Эта фракция «Красная армия» была связана с немецкими подпольщиками-экстремистами и поддерживала контакты с террористическими группировками на Ближнем Востоке. Ульрика стала полноправным членом фракции, устроившей Баадеру и его сообщникам побег из тюрьмы. Вслед за этим она вместе с адвокатом, его бывшим подзащитным и подругой последнего (Эннслин) отправилась получать высшее террористическое «образование» в Иорданию и немало удивила своих «гуру» насилия, показав себя более чем способной ученицей. Вскоре Майнхоф прекрасно стреляла, умела находить выход из неординарных ситуаций, могла выброситься их мчащейся машины, не пострадав. Однако между арабами и немцами установились натянутые отношения, поскольку обе стороны обвиняли друг друга в высокомерии. Вскоре хозяева вежливо предложили гостям покинуть учебный лагерь. Однако Майнхоф, несмотря на это, решила остаться, чтобы научиться обращаться с бомбами, к которым испытывала какую-то болезненную тягу. Правда, палестинцы оказались несговорчивыми и выставили любопытную немку вместе со всей группой. Тогда верхушка «Красной армии» нелегально вернулась в Германию, где скрывалась в домах старых друзей-радикалов Ульрики. Она сама первым делом взялась за перо и в 1971 году написала «Концепцию городских партизан», ставшую уставом западногерманской фракции.

Но учебный лагерь террористов очень понравился Майнхоф, и она, будучи убеждена, что «красноармейцы» действительно сражаются за справедливое дело, отправила в Иорданию своих семилетних сыновей. Уж очень хотелось «заботливой мамаше», чтобы ее чада в будущем сражались против Израиля вместе с палестинцами. Это, по ее мнению, как раз и являлось подлинной заботой о малышах и выражением настоящей любви к ним. Ульрика даже не догадывалась, что отправляет детей, возможно, в их последний путь. Тем не менее, так бы и случилось, но мальчишек явно оберегал их ангел-хранитель: близнецов на Сицилии задержала полиция, сопровождавшего их террориста арестовали. А через несколько недель лагерь, куда должны были попасть сыновья Ульрики, стерла с лица земли авиация короля Хусейна. Но Майнхоф дальнейшая судьба детей, похоже, не особо волновала. Она со своими единомышленниками занялась разработкой плана «народной войны».

Первоочередная задача террористической организации, в которую входила Ульрика, состояла в добыче средств, необходимых для приобретения фальшивых документов, оружия, складов для его хранения, взрывчатки. С этой целью Малер организовал целую серию налетов на банки. В один из дней группа провела сразу три таких операции, но Майнхоф осталась недовольна их результатом – захваченная сумма была небольшой. Со временем террористы вошли во вкус, тем более что все акции тщательно подготавливались, чтобы исключить провал ограблений. Машинами налетчиков снабжал очередной любовник Ульрики, Сарл-Хайнц Руланд, простой рабочий; свой выбор Майнхоф объясняла тем, что классовая система отмирает, и нет никакой необходимости считаться с ее предрассудками. Руланд же постоянно учился у Ульрики, которая была значительно выше его интеллектуально, однако никогда этого не подчеркивала.

Майнхоф потребовалось совсем немного времени, чтобы стать одним из членов «мозгового центра» группы, ее интендантом. Женщина поддерживала контакты с палестинцами, снабжая «красноармейцев» оружием, разрабатывала планы налетов на государственные учреждения: террористам жизненно необходимы были официальные бланки и печати, при помощи которых изготавливались фальшивые документы, – без них невозможно было проникнуть в исследовательские центры и военные лагеря. Налеты же на банки, приносившие сотни тысяч марок, позволяли финансировать всю деятельность организации.

Но грабежи, естественно, не могли быть признаны целями войны против «антинародной» государственной системы.

Октябрь 1970 года стал тяжелым временем для «Красной армии»: Малер, совершивший грубую ошибку, угодил в ловушку, организованную полицией. После этого руководство группой перешло к Баадеру, отличавшемуся крайней неуравновешенностью и склонностью к сумасбродным выходкам. Теперь держать в руках «партизан» без помощи Майнхоф, мыслящей трезво и аналитически, он уже просто не смог бы...

Для борьбы с «Красной армией» немецкая криминальная полиция сформировала специальное подразделение. В результате ряда акций многие члены террористической группировки оказались в тюрьме. Вскоре только несколько боевиков, среди которых были Майнхоф и Баадер, остались на свободе. Однако «партизаны» снова набрали людей и переключились на уничтожение физических лиц, приобретая кровавую репутацию. А в 1971 году к «Красной армии» присоединилась банда убийц-психопатов под руководством доктора Вольфганга Хубера из Гейдельбергского университета.

22 октября того же года Маргит Шилер, член группировки, была опознана патрульными полицейскими в момент встречи с двумя сообщниками. Представители правоохранительных органов, попытавшиеся захватить террористов, были изрешечены пулями. Один из них, Хельмут Шмидт, умер на месте.

Но Шилер все-таки схватили. Это произошло через два дня после убийства полицейского. У террористки обнаружили оружие и «Церковную черную книгу», написанную Майнхоф; в ней содержались имена священнослужителей, адвокатов, врачей и журналистов, поддерживавших «Красную армию» и готовых оказать помощь «партизанам» в трудную минуту.

22 декабря 1971 года в городке Кайзерлаутерн во время налета банды на банк погиб еще один полицейский. Герберту Шонеру было 32 года, у него остались жена и маленькие дети. Этот случай вызвал сильное потрясение у одной из самых молодых участниц налета, 19-летней Ингеборг Барц. Она никак не могла избавиться от ужаса, вспоминая кровь и детские крики. Девушка решила отойти от террористов и уехать в столицу, к матери, чтобы устроиться на работу машинисткой. Но Майнхоф пришла в бешенство, услышав о «предательстве» Игеборг. Она и Баадер отвезли «отступницу» в заброшенный карьер и расстреляли. После этого случая Ульрика издала приказ о ликвидации любого члена организации, попытавшегося выйти из группы. В столкновениях с «Красной армией» погибало все больше и больше полицейских. Террористы взяли на вооружение столь варварское средство уничтожения, как пули «дум-дум», запрещенные международной конвенцией.

А Ульрика с увлечением занималась усовершенствованием бомб, которые террористы изготавливали из обрезков труб и начиняли взрывчаткой. Новое «детище» Майнхоф можно считать первым в истории поясом шахидов. Конструкция называлась «бэби-бомба»: взрывное устройство подвешивалось на ремнях через плечо женщине, которая после этого казалась беременной. Правда, самопожертвования от «еврошахидки» никто не требовал. Террористка просто пронесла бомбу в установленное место, укладывала ее и спокойно удалялась. Майнхоф, руководившая этим видом деятельности организации, планировала провести взрывы организаций и государственных учреждений в Гейдельберге, Мюнхене, Франкфурте, Гамбурге и Аугсбурге.

Одной из целей борьбы Ульрика считала американскую армию, поскольку США, по ее мнению, были виноваты во всех европейских неприятностях и к тому же остались безнаказанными за развязывание войны во Вьетнаме. Исходя из этих соображений, она, ее новый любовник Жан Карл Распэ, Баадер и его подруга заложили несколько бомб в штаб-квартиру пятого американского корпуса во Франкфурте. Жертвами взрыва стали 14 гражданских и военных лиц, один из них, американский полковник, погиб.

Кровавая кампания продолжалась: взрывы зазвучали в помещениях полицейских участков Мюнхена. Это сработали бомбы с часовыми механизмами, спрятанные в чемоданах. Пять человек получили тяжелые ранения. Среди пострадавших была жена судьи, подписавшего ордера на арест террористов: бомба, подложенная в ее машину «красноармейцами», сработала после того, как был повернут ключ зажигания. Сама Майнхоф взялась лично пронести взрывные устройства в офисы крупнейшего издательства Акселя Шпрингера во Франкфурте. Через три недели число убитых «Красной армией» увеличилось на три человека: от взрыва бомбы в казармах Гейдельберга погибли трое американцев. Теперь изготовлением смертоносных чемоданчиков для Ульрики занимался талантливый механик Дьерк Хофф. Он создал столь чувствительные таймеры, что впоследствии оружейные фирмы долго разыскивали чертежи этого «умельца» – их предполагалось использовать в производственных целях.

Правительство Западной Германии было очень обеспокоено той легкостью, с которой представители «Красной армии» осуществляли террористические акты. Вскоре стало известно, что Майнхоф нередко посещает Восточную Германию, где пополняет запасы оружия группировки. Но поскольку Ульрика мастерски и часто меняла не только документы, но и внешность, выследить ее долго не удавалось. Полиция и спецслужбы сосредоточили все силы именно в этом направлении, поскольку было известно, что Майнхоф являлась «мозгом» группы боевиков.

Через неделю после того, как в Гейдельберге погибли американцы, в одном из пригородов Франкфурта группа рабочих с утра занялась разгрузкой торфа около гаражей, выстроенных рядом с жилым массивом. Местные жители, которым уже давно надоело созерцание унылого пустыря, решили, что городские власти наконец-то собрались заняться озеленением района. Никто и не предполагал, что в роли рабочих на самом деле выступали снайперы, из торфа предполагалось быстро создать укрытие, а в одном из гаражей террористами был устроен склад оружия. Установив его точное местонахождение, полиция заменила боеприпасы муляжами и стала ожидать появления боевиков.

Через несколько дней, рано утром, около гаражей остановился автомобиль. Два человека – Баадер и Хольгер Майнс – вошли в помещение склада. Третий, Распэ, очень нервничал и предпочел остаться в машине. Окруженный полицией, он открыл огонь, но был схвачен. Двое террористов, укрывшихся в гараже, вынуждены были покинуть свое убежище под влиянием столь веского «аргумента», как гранаты со слезоточивым газом. Пытаясь уйти, они попали под обстрел. Баадер получил пулю в ногу, после чего оба «красноармейца» сдались властям. А через неделю за решеткой оказалась и Гудрун Эннслин. Теперь все руководство группой террористов осуществляла одна Майнхоф. Большинство ее соратников оказались убитыми либо попали за решетку. Кроме того, испугавшись волны кровавого насилия, грабежей и погромов, организованных Ульрикой, от нее отвернулись даже давние друзья из «левых». Дома, где до сих пор находили убежище «красноармейцы», взяла под наблюдение полиция. Майнхоф и Герхард Мюллер решили переждать тяжелые времена в доме школьного учителя Фритца Родевальда, поначалу симпатизировавшего идеям «партизан». Но скромный работник образования был все же социалистом, а не террористом; к тому же ему, президенту союза учителей, уважаемому человеку, имевшему семью и стабильное положение в обществе, которое как раз и стремилась разрушить Майнхоф, было что терять. Прислушавшись к советам друзей, 15 июня 1972 года Родевальд сообщил в полицию о своих «гостях». Вслед за звонком на квартиру к учителю была отправлена группа захвата. Ульрика как раз распаковывала вещи. В ее чемоданах находилось немного одежды, «бэби-бомба», автомат, три пистолета и две ручные гранаты. Надеть на женщину наручники оказалось делом нелегким даже для специально подготовленных полицейских: она яростно сопротивлялась, напоминая не человека, а дикую кошку... Сопровождавший Ульрику Мюллер сразу же сдался властям, которые рассчитывали получить в его лице ценного свидетеля.

Когда террористку сфотографировали в изоляторе, оказалось, что и без помощи грима она очень изменилась: лицо женщины стало одутловатым, она сильно похудела и весила едва ли 45 кг. Так сказала на ней жизнь в бегах. Фактически с арестом Майнхоф «Красная армия» лишилась своей движущей и организующей силы. Ульрика обладала уникальными способностями и пользовалась большим авторитетом в среде террористов. Замены ей не нашлось.

Члены многих подпольных группировок предприняли попытки к освобождению лидера «красноармейцев»; некоторые ответили на ее арест волной новых жестоких террористических актов. 3 марта 1973 года, например, представители палестинской организации «Черный сентябрь» казнили захваченных в Хартуме американских дипломатов К. Ноэля и Дж. Мура, которых немцы отказались поменять на Ульрику. Вслед за этим исламские революционеры уничтожили еще несколько десятков заложников по всему миру.

21 мая 1975 года начался судебный процесс над Майнхоф, Баадером, Эннслин и Распэ, содержащимися в тюрьме «Штаммгайм». Майнса, который должен был составить компанию этой «великолепной четверке» на скамье подсудимых, с ними не было. Он успел умереть в заключении, объявив голодовку.

Слушание дела растянулось на целый год. Из 555 террористических актов, проведенных организацией, Баадер, Майнхоф и Эннслин обвинялись в 55 покушениях, пяти убийствах и шести взрывах, хотя специалисты считали, что на их совести никак не меньше 100 покушений, 39 из которых окончились гибелью людей. Обвиняемые отказывались отвечать на вопросы, ссылаясь на то, что не признают этот суд. Дело стронулось с мертвой точки, когда Эннслин «сломалась», подтвердив, что совершила целую серию убийств. Четыре дня спустя, в ночь на 9 мая 1976 года Ульрика повесилась на решетке окна собственной камеры, сделав веревку из разорванного на полосы тюремного полотенца.

Группировки, сочувствовавшие Майнхоф, ответили на ее смерть волной террора. Самым крупным делом в череде кровавых событий тех дней стало убийство промышленника Ганса-Мартина Шлейера и захват самолета «Люфтганзы» в октябре 1977 года. Части особого назначения, освобождавшие заложников, отправили троих из четырех террористов к праотцам, захватив одного раненого.

Баадер, Эннслин и Распэ, которых приговорили к пожизненному заключению, узнав о происходящем, предпочли уйти из жизни. Эннслин повесилась в камере, а мужчины застрелились из тайно переданных им пистолетов... Позднее появились утверждения, что террористам «помогли» отправиться в мир иной, инсценировав самоубийства. Бывший адвокат Баадера, Майнс, был найден с многочисленными ножевыми ранениями на теле и с трудом выжил.

Просматривая в очередной раз список разыскиваемых террористов, полиция обратила внимание на тот факт, что половина из них отличалась характерным «почерком» Майнхоф...

Те, кто хорошо знал эту женщину, утверждали, что ее душу переполняла черная ненависть, вытеснившая все остальные, свойственные обычному человеку чувства. Злоба, ненависть, ярость – вот что составляло внутреннюю сущность увлеченной и обманутой коммунистической утопией «королевы террора».

К сожалению, лекарства от рака не существует. Чаще всего от этого страшного заболевания не спасает даже оперативное вмешательство. Проходит немного времени, и в организме пациента вновь появляются метастазы... Болезни общества мало чем отличаются от болезней отдельных его членов. С арестом лидеров «Красной армии» ее деятельность не прекратилась. В действие вступили боевики «второго поколения», исполнявшие инструкции, переданные из тюрьмы Баадером, – он рекомендовал захватывать и уничтожать «сильных мира сего». На смену поджогам, грабёжам и взрывам пришли покушения. В 1980-е годы «красноармейцы» провели ряд акций против сотрудников военной администрации ФРГ и НАТО; в то же время на базе немецкой и французской группировок был основан «Антиимпериалистический фронт», ставящий своей целью раскол НАТО и избравший тактикой борьбы эскалацию политических акций. Волны террора, поднятые «Красной армией», докатились до середины 90-х годов прошлого столетия. Активные действия полиции, возникновение на политической карте мира единой Германии, общее изменение государственной политики заставили боевиков сложить оружие. Так что же, болезнь все-таки излечена? Или общество обречено на гибель от злокачественной опухоли террора?

МАКВЕЙ ТИМОТИ

(род. в 1970 г. – ум. в 2001 г.)

Солдат Американской армии, участник операции «Буря в пустыне». Террорист-одиночка. Организатор взрыва административного здания в Оклахома-Сити, считавшегося до событий 11 сентября 2001 года самым крупным терактом на территории США.

Американцы очень любят свою страну. Граждане многих других государств настолько же сильно ее ненавидят. Для первых Тимоти Маквей долгое время был злодеем № 1, для вторых – он герой и мученик по сей день. Многие считают его сумасшедшим, но таким рассуждениям не откажешь в логике: «Если преступником является государство, право быть судьей принадлежит каждому гражданину». Маквей был образцовым солдатом, добросовестно сражаясь за интересы Соединенных Штатов. Так же добросовестно он исполнил свой замысел в борьбе против них. Вряд ли найдется в истории современного терроризма фигура, вызывающая столь противоречивое отношение к себе и своим убеждениям, как этот молодой американец. Прошло уже три года, как его нет в живых, а споры не утихают, и равнодушных среди тех, кто знает его историю, нет.

Тимоти Маквей – американец до седьмого колена – родился 11 сентября 1970 года в провинциальном городке Пендлтон, штат Нью-Йорк. Его родители – выходцы из консервативной сельской общины – развелись, и Тима воспитывал отец, замкнутый фабричный рабочий. Окончив среднюю школу в 1986 году, Маквей работал в сети «быстрого питания», потом охранником в г. Буффало. Он очень много читал, особенно любил Шекспира, который помогал не завязнуть в однообразной реальности американского захолустья. Известно, что Тимоти испытывал затруднения в общении с женским полом – у него никогда не было девушки, некоторые источники даже называют его гомосексуалистом. В 1988 году, едва достигнув 18-летнего возраста, Тимоти ушел в армию и уже в 1990 году находился в регионе Персидского Залива. В 1991 году он принимал непосредственное участие в операции «Буря в пустыне» в качестве стрелка на боевой машине типа «Брэдли», где блестяще проявил себя. За безупречную службу в Ираке Маквей был награжден шестью орденами и медалями, в том числе одной из высших американских наград – «Бронзовой Звездой».

Его заветной мечтой было попасть в элитную часть «зеленые береты», для чего он сразу после «Бури в пустыне», раньше других, вернулся на базу из Кувейта, чтобы не опоздать к конкурсному зачетам. Блестяще сдав военные дисциплины и физическую подготовку, он провалил психологический тест, что неудивительно, учитывая тот факт, что он был участником событий, происходивших буквально накануне. Сразу же после этой неудачи Тимоти Маквей уволился из армии и, по свидетельствам очевидцев, впал в глубочайшую депрессию.

Перебиваясь случайными заработками, он жил в штатах Нью-Йорк, Мичиган, Аризона, одно время много пил. По некоторым данным, приторговывал огнестрельным оружием, к которому с ранних лет имел слабость. Человек нелюдимый и замкнутый, но одновременно воспитанный и доброжелательный, Маквей почти ни с кем не общался, но продолжал много читать, в том числе литературу антисемитского и расистского характера. Особенно впечатлила его книга Уильяма Пирса «Дневник Тернера», рисующая в мрачных красках будущее Америки, где белая раса подчинена евреям, захватившим власть в Вашингтоне, средства массовой информации, финансовые учреждения и задавившим американцев непомерными налогами. Позже автор

«Библии» американских неонацистов Уильям Пирс скажет по поводу теракта, организованного Маквеем: «Вот почему Тимоти Маквей взорвал федеральное здание в Оклахома-Сити. Он знал, что это единственный способ заставить людей оторваться на минуту от футбола на экране телевизора и посмотреть, что происходит с их миром».

Мировоззрение будущего американского террориста № 1 формировалось под влиянием книг и событий, происходивших в США. Страна, провозгласившая в своей Конституции свободу вероисповедания и политических убеждений, не спешила соблюдать эти гражданские права не только в странах, где проводила многочисленные военные операции, но и на своей территории. Причем, не очень-то тщательно это скрывала: расстрел в 1974 году анархической коммуны «симбионистов» в Лос-Анджелесе, массовое убийство в 1978 году членов «Народного храма» в Гайане, сожжение в Филадельфии фосфорными бомбами участников Движения за расовое равноправие черных американцев в 1985 году – все эти факты становились достоянием общественности.

Два более поздних события, происшедших уже после демобилизации Маквея, во многом определили его взгляды на американскую политику и людей, ее творящих.

В апреле 1992 года полиция штата Айдахо в местечке Руби-Ридж расстреляла главу «Движения христианского самопознания» Рэнди Уивера, отстаивавшего идею о господстве белых. В ходе перестрелки погибли его жена и 14-летний сын. Через год, 19 апреля 1993 года, в Уэйко, штат Техас, на ранчо Дэвида Кореша погибли в огне 86 членов секты «Ветвь Давидова», в том числе 20 детей. Предъявленное сектантам обвинение в незаконном приобретении и хранении оружия основывалось на доносе бывшего члена этой секты и не было доказано. И вряд ли оно стоило таких жертв. Пресса уверяла, что 86 человек сожгли себя сами, дабы не сдаваться в руки правосудия. Однако факт использования федералами при штурме фермы танков, пожароопасного слезоточивого газа и гранат говорит об обратном. И вопрос о том, почему после массового аутодафе остались в живых восемь членов «Ветви Давидовой», остается без ответа. А саму ферму в Уэйко в тот же день с помощью танков сровняли с землей, не оставив никаких доказательств в пользу какой бы то ни было из версий. По собственному признанию Маквея, именно после этого трагического события он стал на путь «освободительной борьбы против американского правительства».

Не оставляли бывшего солдата и воспоминания о войне в Ираке, где гражданские права, не соблюдавшиеся в Штатах, насаждались ими же с помощью ракетно-бомбовых ударов по мирному населению: «Иракцы – нормальные люди, как вы и я. Нас обманом заставляют их убивать. Нам сказали, что мы должны защищать Кувейт, где людей насилуют и убивают. Война пробудила меня». Тимоти Маквей посылал предупреждения в газеты, но на них никто не обращал внимания. Первоначально он планировал отомстить министру юстиции США Джанет Рино, ответственной, по его мнению, за техасскую бойню. Но очевидно, одна жизнь показалась Маквею слишком маленькой ценой, и он решил действовать иначе. А именно – отстаивать свою позицию тем же методом, на котором базируется как внешняя, так и внутренняя политика США – методом глобального насилия. С той разницей, что делал он это не в своих личных интересах, а во имя ценностей, в которые уверовал – демократии, прав и свобод человека.

Теракт планировался долго и тщательно. Ровно через два года после трагических событий в Уэйко, 19 апреля 1995 года, в Оклахома-Сити Тимоти Маквей подогнал к федеральному зданию, в котором находились офисы различных государственных служб, автофургон, начиненный взрывчаткой. Помощь в организации теракта, точнее, в изготовлении взрывчатого вещества из подручных средств – мазута, нитроглицерина и аммиачной селитры – Маквею оказал некто Терри Николс, придерживавшийся сходных взглядов относительно политики Соединенных Штатов. Последний однажды даже написал окружному прокурору письмо с заявлением, что хочет отказать от американского гражданства, потому что не желает иметь ничего общего с этим государством.

Мощный взрыв снес большую часть здания, где помимо офисов находился и небольшой детский сад для детей, чьи родители там работали. Маквея задержали через полтора часа после взрыва, чисто случайно: его остановил дорожный патруль за то, что на машине не было номеров, а при обыске у него обнаружили огнестрельное оружие. Он не сопротивлялся, и вину свою отрицал только поначалу. Терри Николс, узнав об аресте Маквея, вскоре сдался сам. 5 мая были завершены поиски погибших под обломками здания. Окончательное число жертв теракта в Оклахома-Сити – 168 человек, в том числе 19 детей. Ранения получили свыше 500 человек.

Судебный процесс по делу о взрыве длился пять месяцев. Терри Николса признали виновным в соучастии и приговорили к пожизненному заключению. Еще один знакомый Маквея был осужден на 15 лет лишения свободы за то, что знал о готовящемся теракте, но ничего не сообщил властям. Самого Маквея прокуратура представила как хладнокровного фанатика,

мстящего за гибель членов секты «Ветвь Давидова». Психиатрическая экспертиза показала, что он абсолютно здоров. В июне 1997 года в Денвере суд присяжных вынес Тимоти Маквею смертный приговор. Около трех лет адвокаты пытались добиться пересмотра решения суда, пока террорист сам не заявил судье, что отказывается от дальнейших подач апелляций и просит назначить день казни: «Мне действительно плевать! Я желаю теперь одного – уйти из этого протухшего мира, в котором нет ничего по-настоящему достойного!»

Маквей признался в содеянном, но не признал своей вины. «Изучив внешнюю политику США, я решил послать сигнал государству, становившемуся все более агрессивным. Для этой цели я выбрал федеральное здание и государственных служащих, ибо они олицетворяют собой государство. Этот взрыв в нравственном и стратегическом смысле был эквивалентен ударам США по государственным зданиям в Сербии, Ираке и других странах», – писал он в одном из предсмертных писем. Погибших в результате взрыва в Оклахома-Сити детей Маквей назвал «побочным ущербом», вновь беря пример с американского правительства, использовавшего этот термин, говоря о погибших югославских и иракских мирных жителях. По сей день не известно, были ли у него сообщники, кроме добровольно сдавшегося Николса, и действительно ли Маквей – террорист-одиночка, не состоявший ни в каких организациях или группировках, так как он за шесть лет пребывания в тюрьме никого не выдал, несмотря на оказывавшееся на него психологическое и физическое воздействие.

Смертная казнь была назначена на 16 мая 2001 года, но была отсрочена после того, как в архиве ФБР обнаружили материалы по делу о взрыве общим количеством в 4400 страниц документов. Многочисленные допросы свидетелей, аудио- и видеозаписи, фотографии, сделанные агентами ФБР, не были приобщены к делу Маквея и не попали, как положено, в распоряжение его адвокатов. Несмотря на это грубое нарушение, несколько судов отказали защитникам в пересмотре приговора, сообщив, что информация, содержащаяся в этих документах, сути дела не меняет. Окончательно день казни был назначен на 11 июня 2001 года. По результатам социологического опроса, проведенного в США незадолго до казни, 77 процентов американцев считали, что Маквей должен умереть.

Все время в ожидании смерти Тимоти Маквей проявлял необычайное спокойствие, он улыбался и напевал слова из песни группы «Queen» «Богемская рапсодия»:

Мама I just killed a man
(Мама, я только что убил человека).

И дальше:

Any way the wind blows
Nothing really matters to me
(Куда бы ни дул ветер,
мне на все плевать).

Он писал письма и охотно общался с журналистами. Приглашение на казнь от Маквея получил известный писатель и публицист Гор Видал. Как оказалось, они несколько лет, после выхода статьи Видала «Война дома», в которой речь шла о нарушениях в США прав человека федеральным правительством, вели переписку и во многих вопросах приходили к сходным выводам. Позже Гор Видал в своей книге «Почему нас ненавидят? Вечная война ради вечного мира», не изданной в Америке по цензурным соображениям, даст подробный анализ поступка Тимоти Маквея.

Террорист был сдержан и спокоен, чего нельзя было сказать о мировой общественности и прессе. Оживились, как никогда, противники смертной казни, Соединенные Штаты подвергались жестким нападкам со стороны европейских стран. Немаловажен и тот факт, что из казни решено было сделать «шоу» для родственников погибших и репортеров, общим числом 1100 человек, большинство из которых, правда, участвовать в этом не пожелало. Тимоти Маквей не возражал против этого, а напротив, заявил, что если, как говорило правительство, «жертвами стали не только те, кто погиб при взрыве, но и вся Америка», то все американцы должны получить доступ к зрелищу казни и просил транслировать это событие по кабельному телевидению. Однако эта дерзкая просьба не была удовлетворена.

11 июня 2001 года в городе Тера-Хот, штат Индиана, состоялась казнь 31-летнего «оклахомского бомбиста» Тимоти Маквея, которую смело можно назвать публичной. Туда слетелись около 1700 репортеров, десять из них были допущены в просмотровый зал, находящийся рядом с камерой, в которой осуществлялась казнь. Там также присутствовали десять родственников погибших от взрыва бомбы в Оклахома-Сити, выбранных по жребию, и десять гостей террориста, в том числе два его адвоката. Остальные 300 родственников, а также

те, кто остался в живых после взрыва 19 апреля 1995 года, наблюдали за казнью по прямой трансляции в аэропорту Оклахома-Сити.

Маквей не просил прощения и не захотел произносить последнего слова, вместо этого попросил раздать текст поэмы Уильяма Хенли, которая заканчивается словами: «Я властелин своей судьбы, я капитан души своей». Непонятно, чего именно хотели добиться американские власти, устраивая шоу из казни Маквея, но устрашающего и воспитательного зрелища из этого точно не получилось: террорист держался с оскорбительным спокойствием и послушно выполнял указания тюремщиков. Его последним желанием был килограмм шоколадного мороженого. Маквей не боялся смерти. Незадолго до казни он сказал своим адвокатам, что если окажется, что загробная жизнь есть, то он и там поступит, как учат в армии: приспособится и победит. Тимоти Маквей был умерщвлен с помощью инъекции из трех ингредиентов, он умер молча, с открытыми глазами.

Так кто же он, белый христианин Тимоти Маквей – борец за справедливость, одержимый правый фундаменталист-фанатик, получивший по заслугам, или солдат, чья психика не выдержала ужасов пережитой войны? Преступник, совершивший чудовищный акт насилия против своих сограждан, казнен, Америка исполнила долг перед своим народом, не опасаясь отныне погибнуть от рук своих земляков, которых казнь Маквея навсегда отвратила от подобных действий. Или Соединенные Штаты, государство без духовных ценностей, не вняв предостережениям героя Маквея, все так же продолжает бомбить иракские города, а мирные американцы после событий 11 сентября 2001 года не могут спать спокойно в своих домах и боятся отпускать детей в школу? Возможно, история когда-нибудь сможет дать однозначный ответ на эти вопросы. Сегодня же это могут сделать, пожалуй, только родственники погибших от взрыва в Оклахома-Сити и радикально настроенные антиамериканцы всех цветов и вероисповеданий. Ответить самим себе, субъективно. Потомки с ними вряд ли согласятся. А вот на вопрос, случайно ли датой взрыва самолетов над Всемирным торговым центром и Пентагоном был выбран день рождения казненного в том же году Тимоти Маквея, ответ кажется очевидным.

МЕРКАДЕР РАМОН

Известен под именами Лопес Рамон Иванович и Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес (род. в 1913 г. – ум. в 1978 г.)

МЕРКАДЕР ДЕЛЬ РИО ЭУСТАСИЯ МАРИЯ КАРИДАД

(род. в 1894 г. – ум. в 1975 г.)

Мать и сын, профессиональные революционеры, в 1937 году принявшие на себя обязательства по сотрудничеству с советской разведкой. Каридад, убежденная сторонница Сталина, предложила кандидатуру собственного сына для ликвидации Троцкого. Меркадеры входили в состав террористической группы «Мать», действующей в рамках операции «Утка»; после провала группы Сикейроса Рамон взялся уничтожить «демона революции», однако удар ледоруба, нанесенный им, не привел к моментальному смертельному исходу. Убийца был схвачен, а его мать бежала. Арестованного приговорили к высшей мере наказания в Мексике: 20 годам лишения свободы. И хотя бывшие хозяева не жалели средств на улучшение условий его содержания и неоднократно подготавливали побег своему агенту, Рамон каждый раз отказывался: он опасался, что живой свидетель тех страшных событий для советского правительства окажется менее предпочтительным, чем свидетель мертвый...

1939–1940-е годы ознаменовались выходом в свет многочисленных статей Л. Троцкого. Несмотря на выступления его бывших друзей и единомышленников, «демон революции» продолжал обрушиваться на Сталина все новые и новые разоблачения. Троцкистское движение набирало силу в десятках стран мира, что не могло не беспокоить «вождя всех народов». Предпринятый большой террор не привел к моральному и политическому убийству оппонента главы советской державы, поэтому в феврале 1939 года Л. Берия получил приказ заняться форсированной подготовкой прямого террористического акта, направленного на уничтожение Троцкого. Подобное распоряжение не удивило никого: вот уже более 10 лет ОГПУ – НКВД вели против этого человека и его организации настоящую войну. Через несколько месяцев план под кодовым названием «Утка» вступил в активную фазу. Троцкий еще в 1929 году покинул СССР,

после чего некоторое время жил в Турции, Норвегии и Франции. К моменту описываемых событий он обосновался в Мексике. И хотя Лев Давидович, по существу, уже проиграл Кобе борьбу за власть, однако он не оставил попыток расколоть и возглавить мировое коммунистическое движение, что значительно ослабило бы позиции Советского Союза в Западной Европе.

Спецслужбы готовили параллельно две операции, причем обе группы террористов, «Конь» и «Мать», не имели ни малейшего представления друг о друге. Первая группа под руководством мексиканского художника-сталиниста Сикейроса должна была осуществлять штурм дома Троцкого, вторая отвечала за проведение индивидуального террористического акта. Главным действующим лицом ее должен был стать молодой испанец, сталинист Рамон Меркадер. «Почетную обязанность» возложила на него его собственная мать, Каридад.

Мать и сын. Кто же они – убийцы или герои? Сплошь и рядом лукавая История не дает возможности дать таким личностям однозначную характеристику, ведь то, что вчера считалось славой, завтра превращается в позор. Впрочем, обратное утверждение также может иметь место. Сами же Меркадеры оставались верными приверженцами Сталина до конца своих дней и нимало не раскаивались в совершенном преступлении. Только мать иногда жалела, что подтолкнула своего сына на столь тяжелый жизненный путь.

...Вечер 23 мая 1940 года выдался на удивление тихим. Потянуло легкой прохладой. Телохранители Троцкого, заступившие на ночное дежурство, готовились разнообразить вынужденное бодрствование неспешным приятным разговором. Вот только один из них, Роберт Шелдон Харт, чувствовал себя не вполне спокойно. Сегодня он должен был помочь террористической группе проникнуть на территорию строго охраняемой дачи. Харт, известный в определенных кругах как агент по кличке «Амур», был уже давно завербован нью-йоркской резидентурой ОГПУ. Теперь настало время, когда от него потребовались активные действия. Ночью к воротам дачи подъехали сами террористы – 20 человек, возглавляемые Сикейросом и Григулевичем («Юзиком»), с которым, собственно, и общался Харт. «Юзик» окликнул охранника, и тот, в нарушение всех инструкций, открыл ворота. (За это «Амур» уже получил весьма крупную сумму). Нападавшие, которыми командовал Сикейрос, переодетый в форму майора мексиканской армии, перерезали телефонные провода и ворвались во двор. Проникнув в дом, они открыли бешеный огонь, постаравшись буквально залить спальню Троцкого потоками свинца. Кроме того, боевики оставили в доме динамит и несколько зажигательных бомб, которые не взорвались лишь по чистой случайности. Харту участники налета ликвидировали как нежелательного свидетеля.

Но нападение на дом Троцкого не принесло ожидаемых результатов: тот, кто сильно мешал ОГПУ уже самим своим существованием, остался жив и даже не пострадал. На шум во дворе первой отреагировала жена «демона революции». Она успела вбежать в спальню и столкнуть Троцкого на пол, между кроватью и стеной. Поэтому он смог уцелеть в изрешеченной выстрелами комнате. А боевики, не имевшие необходимых навыков, не проверили, остался ли в доме кто-нибудь живой.

Когда на место происшествия прибыл начальник мексиканской тайной полиции, Троцкий сказал, что за покушением стоит «Иосиф Сталин, действующий через посредничество ГПУ». В предательство же Харта он так и не поверил, распорядившись, чтобы у входа в виллу установили мемориальную доску в память охранника, «убитого Сталиным»...

Итак, группа «Конь» не смогла выполнить поставленную перед ней задачу. Вслед за известием о провале операции в дело была пущена группа «Мать».

...Эустасия Мария Каридад Меркадер дель Рио родилась в городе Сантьяго-де-Куба в 1894 году в богатой и влиятельной семье (среди ее предков были вице-губернатор острова и испанский посол в России). Отец Каридад, местный губернатор, считался известным вольнодумцем и либералом. Именно он первый издал указ об освобождении черных рабов, обеспечив себе величайшее уважение со стороны последних. После этого синьор дель Рио мог бы всю оставшуюся жизнь провести на Кубе, окруженный почетом, в полном довольстве. Но вместо этого испанец решил вернуться с семьей на историческую родину. Каридад, любимица отца, получила прекрасное образование, отличалась ловкостью и недюжинной силой характера. К тому же девочка была на удивление красива, так что вскоре стала одной из самых завидных невест. Наиболее достойным кандидатом в мужья Каридад семья посчитала Пабло Меркадера Марино, наследника владельца текстильной фабрики и железнодорожного магната из Бадалона. Кроме крупного состояния, он обладал еще одним неоспоримым достоинством – мягким покладистым характером. Пабло очень любил свою молодую жену. Судя по всему, она отвечала супругу взаимностью. Жизнь проходила в заботах о доме и детях: в семье Меркадеров росли четверо мальчишек и дочь, но. Характер Каридад, беспокойный и взрывной, привел ее в ряды сторонников идей эмансипации. Тихому семейному счастью пришел конец, когда эта уважаемая

мать пятерых детей с головой окунулась в политику и сблизилась с анархистами. Ей достаточно легко было протестовать против «эксплуататорских классов»: разглагольствуя, красавица не задумываясь продолжала сорить деньгами мужа. Пабло, любящий и по-прежнему слишком мягкий, не смог осадить свою дражайшую половину, и вскоре Каридад угодила в психиатрическую клинику.

Как женщина оказалась на свободе – не вполне понятно. Однако, бросив мужа и прихватив с собой детей, она перебралась во Францию. Правда, получив приличное содержание от Пабло. Став «самостоятельной», Каридад завела ферму, однако потерпела поражение на данном поприще. Это не удивительно, ведь женщина не имела необходимых навыков и терпения, а работать просто не привыкла. Следующую попытку заняться бизнесом она предприняла уже в Тулузе. Там неугомонная синьора Меркадер попыталась открыть собственный ресторанчик, но быстро «прогорела», понеся более чем серьезный материальный ущерб. Средств на жизнь не осталось, и она решила покончить жизнь самоубийством. От страшного шага Каридад удержали дети. Отныне ей пришлось зарабатывать вязанием. Но подобное существование ее уж никак не прельщало. Она решила снова податься в политику – подальше от опостылевших ниток – и в 1922 году вступила в Компартию Испании.

В 1934 году эта женщина приняла деятельное участие в барселонском восстании, а в 1936 году – в гражданской войне в Испании. В партизанском подполье ее уважали за храбрость. Тогда же Каридад вновь связалась с анархистами. Во время одного из воздушных налетов женщина получила тяжелейшее ранение в живот и выжила только чудом. Однако это не поубавило ее воинственности.

В 1937 году смуглой красавицей с абсолютно белыми волосами, свободно владеющей тремя языками, заинтересовался заместитель резидента ОГПУ в Испании Наум Эйтингон (Леонид Котов). Он считал, что нашел идеального агента для разведывательно-диверсионной деятельности. С того момента Меркадер начала сотрудничать с советской разведкой и получила прозвища Мать и Кира. Когда для реализации выработанного в Москве плана ликвидации Троцкого потребовалось найти надежного исполнителя, Каридад, не задумываясь, предложила на эту роль своего второго сына, Рамона.

Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес родился 7 февраля 1913 года в Барселоне. Каридад сумела с детства внушить своим отпрыскам увлечение собственными идеями, чем была очень довольна. Ее старший сын погиб, обвязавшись гранатами и бросившись под танк. Мать вспоминала об этом не с болью, а с гордостью. Рамон рано стал участником революционного движения, был одним из лидеров комсомола Каталонии, а позже членом Коммунистической партии Испании. В 1936 году он вместе с братьями и матерью принял участие в гражданской войне, был ранен, а после выписки из госпиталя его назначили комиссаром 17 объединения Арагонского фронта. Естественно, Меркадер-младший не мог не заинтересовать своей персоной сотрудников резидентуры ОГПУ. В 1937 году он стал советским агентом внешней разведки «Раймондом». Когда мать переговорила с ним о необходимости совершения убийства Троцкого, Рамон охотно взялся за выполнение этой «миссии», где мог применить знания, полученные в ходе партизанской войны в Испании. Меркадер не только прекрасно стрелял, но и владел приемами рукопашного боя, поэтому был готов покончить с Троцким любым способом. В ОГПУ его знали как чрезвычайно умного, физически тренированного человека, отличавшегося завидным самообладанием и прекрасными актерскими способностями. Рамон говорил на нескольких языках, а психологическое тестирование показало, что он обладал необычайно быстрой реакцией, способностью легко ориентироваться в темноте, фотографической памятью, легко усваивал самые сложные инструкции. К тому же сын Каридад был очень красив, так что ему не стоило большого труда втереться в доверие к некоей Сильвии Ангелофф-Маслов, сестра которой в течение нескольких месяцев работала секретарем у Троцкого.

Молодая женщина русского происхождения была малопривлекательной. Неудивительно, что пылкий влюбленный, тратящий на нее большие деньги и твердящий о желании жениться, быстро втерся к ней в доверие. Правда, Сильвию слегка настораживал тот факт, что «жених» так и не удосужился познакомить любимую со своей матерью. Молодые люди встретились в Париже, где Ангелофф готовила учредительную конференцию IV Интернационала. Она вернулась в Нью-Йорк, и Жак Морнар Вандендрайн (так Рамон отрекомендовался ей) вскоре приехал к ней. Правда, теперь он был уже Фрэнком Джексоном, канадским гражданином. Удивленной Сильвии происшедшую с ним метаморфозу «влюбленный» объяснил просто: на родине, в Бельгии, его ожидает военный призыв, которого следует избежать. Вскоре пылкий поклонник отбыл в Мексику «по делам», оставив подруге приличную сумму денег и засыпав ее нежными письмами. Сильвия решила, что ей нужно ехать в Мексику. Через неделю она стала помогать Троцкому в работе. Фрэнк Джексон ежедневно отвозил Сильвию к дому на улице Вена, по вечерам приезжал за ней, иногда долго ожидал у ворот виллы Льва Давидовича, никогда не предпринимая попытки войти даже во двор.

Охранникам это нравилось. Они вскоре привыкли к жениху Сильвии, который угощал их то американскими сигаретами, то конфетами. Постепенно Рамон познакомился и с внутренней охраной, которая охотно болтала с ним по-французски. Меркадер старался добыть данные об обороне виллы, ее обитателях и охранниках. Через пять дней после провала группы «Конь» молодой человек впервые встретился с Троцким – хозяин виллы считал неприличным, что Сильвия все время оставляет жениха за воротами. Меркадер, зная, что у Льва Давидовича есть маленький внук, принес тому подарок – игрушечный планер. После этого будущие преступник и его жертва виделись еще несколько раз.

20 августа 1940 года Рамон проник в кабинет Троцкого. Тот и раньше не раз читал статьи «жениха» Сильвии, так что ничуть не удивился тому, что молодой человек сам занес ему еще одну. Хозяйку дома Рамон попросил принести воды, пожаловавшись, что не слишком хорошо себя чувствует и его мучит жажда. Лев Давидович сразу же уселся за стол и склонился над рукописью. Тогда Меркадер, оказавшись за его спиной, отступил на шаг, вынул из-под перекинутого через руку плаща альпинистский ледоруб и обрушил страшный удар на голову сидящего человека. Убийца собирался уложить свою жертву одним ударом по затылку, а затем бесшумно исчезнуть. К тому моменту, как тело будет обнаружено, он хотел успеть убраться подальше. Однако Троцкий, обнаружив не слишком понятное место в тексте, решил задать гостю вопрос и в момент удара повернул голову. Из-за этого ледоруб ударил не слишком точно, и жертва, испустив душераздирающий вопль, бросилась на убийцу. Лев Давидович вцепился зубами в руку Меркадера и помешал нанести второй удар. Оттолкнув нападавшего, Троцкий выскочил из кабинета, но тут силы оставили его, и он тяжело привалился к косяку двери между столовой и террасой. Там раненого застала прибежавшая на крик жена. «Джексон! – назвал имя убийцы Троцкий. И прошептал: – Наташа, я люблю тебя...» Почти сразу же в кабинет ворвались охранники, которые принялись избивать нападавшего. Троцкий приказал, чтобы посетителя оставили в живых – необходимо было точно выяснить, кто же стоял за этим покушением. В дом срочно прибыл врач. Встревоженный состоянием пациента, он настоял на немедленном помещении его в клинику и созыве врачебного консилиума. Раненого необходимо было срочно оперировать. Лучшие специалисты Мексики повели борьбу за жизнь пациента. Но человек не всесилен, а мозг Льва Давидовича оказался сильно поврежден. 21 августа 1940 года в 19.20 Троцкий скончался.

Когда Меркадер входил в дом своей будущей жертвы, в ста метрах от ворот его ждали две машины. В одной из них был сам Эйтингон, в другой – Кариад. Когда стало ясно, что бесшумно ликвидировать «демона революции» не удалось, обе машины сорвались с места. Помочь Меркадеру в тот момент не мог уже никто.

Телохранители, избивавшие Рамона, говорили, что он утверждал, будто выполнял приказ человека, держащего в заложниках его собственную мать. Позже он продолжал отрицать, что имел разработанный план убийства.

Исполнитель теракта получил высшую меру наказания по меркам Мексики: его приговорили к 20 годам тюремного заключения. Во время следствия убийца утверждал, что побудительным мотивом нападения была ревность: его невеста якобы не раз жаловалась на домогательства Троцкого. А на вопрос, зачем ему понадобились обнаруженные при обыске огнестрельное и холодное оружие, задержанный отвечал, что приготовил их для самоубийства. По поводу ледоруба он говорил, что привез его из Франции, поскольку является любителем-альпинистом. Вот только так и не мог объяснить, зачем понадобился этот атрибут в кабинете Троцкого.

Секретарша на очной ставке отрицала версию ревности. Сильвия плакала, утверждая, что оказалась всего лишь инструментом в руках лже-Джексона и виновницей гибели Троцкого, поскольку познакомилась «жениха» с Львом Давидовичем. А единственным заинтересованным в убийстве лицом был Иосиф Сталин.

В течение многих лет суд не мог определить подлинное имя убийцы. Только в 1950 году криминолог Куарон установил, с кем имеют дело правоохранительные органы Мексики. Оказалось, Меркадер приехал в страну за полгода до совершения им убийства, имея на руках паспорт на имя уроженца Югославии Тони Бабича.

Все участники покушения на Троцкого были отмечены высокими правительственными наградами СССР. Когда ушедшая в подполье Кариад смогла перебраться в Союз, ее пригласили в Кремль. Калинин вручил испанке орден Ленина, а Берия прислал ящик вина «Напареули» розлива 1907 года, на этикетках которого тускло поблескивали двуглавые царские орлы.

Для того чтобы нанять Рамону адвокатов и помочь своему агенту не испытывать дискомфорта в заключении, его хозяева денег не жалели. После того как стало известно, что убийца – представитель известной и влиятельной семьи, к нему перестали применять силу. Рамон жил в одиночной просторной камере со всеми удобствами. У него был даже телевизор (по тем временам

невиданная роскошь!). Два раза в неделю заключенного навещала знакомая, ставшая позднее его женой. Иногда Рамон мог также совершать поездки в город и отмечать праздники у своего приятеля, бывшего заключенного. Полиция несколько раз узнавала о том, что Меркадеру готовят побег, но узник каждый раз почему-то категорически отказывался бежать. Рамон считал, что оставшийся в живых исполнитель, так и не выдавший своих хозяев, кого-то очень беспокоил; скорее всего, при побеге его собирались попросту убить. К стати, быть может, это предположение было не столь уж далеко от истины. Ведь после смерти Кобы подобных предложений больше не поступало.

Говорят, что через несколько лет после того, как Каридад была на приеме у Сталина, ее начала мучить совесть. Разговаривая с представителем компартии Испании в штаб-квартире Коминтерна, эта железная женщина неожиданно сказала: «Я им больше не нужна... Меня знают за границей. Меня опасно использовать. Но они также знают, что я больше не та женщина, какой была прежде... Каридад Меркадер это не просто Каридад Меркадер, а худшая из убийц... Я не только ездила по всей Европе, разыскивая чекистов, покинувших рай, для того, чтобы безжалостно убивать их. Я сделала даже больше этого!.. Я превратила, и сделала это для них, в убийцу моего сына Рамона, сына, которого я однажды увидела выходящим из дома Троцкого, связанного и окровавленного, не имеющего возможности подойти ко мне, и я должна была бежать в одном направлении, а Леонид Котов (Эйтингон) в другом...»

Отсидев положенный срок, Рамон Меркадер вышел на свободу. Довольно быстро он перебрался в СССР, где без лишней помпы получил звание Героя Советского Союза. Ему выделили четырехкомнатную квартиру в Москве, дали 400-рублевую пенсию и летнюю дачу в Малаховке. Бывшего агента зачислили на должность старшего научного сотрудника в Институт марксизма-ленинизма, где он занимался историей гражданской войны в Испании. Его имя было выгравировано на почетной мраморной плите в вестибюле здания КГБ. Однако Рамон с трудом переносил новые условия жизни. Очереди в магазинах, дефицит многих товаров, плохие дороги, вечно переполненный общественный транспорт – все это плохо действовало на потомка аристократического рода. К тому же ни сам Рамон, ни его жена, Ракель Мендоса, мексиканская индианка, не говорили по-русски. В конце концов убийца Троцкого, который вновь сменил имя и теперь звался Рамоном Ивановичем Лопесом, не выдержал. В начале 1970-х годов бывший агент заявил, что Ракель и он сам с трудом переносят местный климат, а «кубинские друзья» предложили ему приехать на остров в качестве консультанта по вопросам трудового воспитания в системе МВД. К тому времени «Лопесы» усыновили 12-летнего мальчика и полугодовую девчушку – сирот, детей своего друга. В конце 1973 года на Кубу уехала Ракель с детьми, а Меркадер присоединился к ним через год. Скончался Рамон 18 ноября 1978 года, в возрасте 65 лет, но обрести покой на родине матери ему не дали. Прах Меркадера доставили на Кунцевское кладбище в Москве. В 1987 году на его могиле была установлена плита с надписью: «Лопес Рамон Иванович, Герой Советского Союза». Семья убийцы Троцкого получила пенсию в иностранной валюте: жена – пожизненную, а дети – до достижения совершеннолетия. Младший брат Рамона, Луис, проживавший с ним в Москве, смог вернуться в Испанию только в 1980-х годах. Прибыв на родину, он стал работать преподавателем Мадридского университета и выпустил книгу о своем брате.

Мать знаменитого террориста ушла из жизни несколько раньше, в 1975-м. Еще в 1944 году Каридад смогла добиться разрешения на переезд во Францию. В Москве после этого она была дважды – гостила у сыновей. Умерла «железная испанка» в Париже. На стене в изголовье ее кровати висел портрет Сталина, которым она не прекращала восхищаться до конца жизни.

Так кем же они были, мать и сын Меркадеры? Борцами за идею или обыкновенными убийцами? На этот вопрос, если хотите, можете попытаться ответить сами. Ибо История, совершив очередной свой поворот, в конце концов, все равно будет с вами не согласна.

МОРЕТТИ МАРИО

(род. в 1946 г. – ум. в 2002 г.)

Один из руководителей «Красных бригад» – террористической организации Италии левого толка, одной из самых известных террористических организаций XX века. Организатор и исполнитель всемирно известного покушения на Альдо Моро, премьер-министра Италии, председателя национального совета Христианско-демократической партии.

Марио Моретти родился в послевоенной Италии в небольшом городке Порто-Сан-Джорджо в области Марке. Он вырос в благополучной и достаточно обеспеченной семье – его отец занимался торговлей, мать была учительницей музыки. Марио учился прилежно, хотя и не блистал способностями. Слушал по вечерам игру матери на арфе и с удовольствием пел по воскресеньям в церковном хоре. Все это вкупе с тихой и размеренной жизнью городка, где каждый знает друг друга и поэтому все ведут себя очень прилично, казалось бы, пророчило Марио такую же тихую и спокойную жизнь. Но через несколько лет все изменилось. Когда мальчику исполнилось 13, умер его отец. Знакомые помогли Марио устроиться в колледж, и через несколько лет он получил диплом техника по телекоммуникациям.

Следующий его шаг – переезд в Милан. Моретти решил продолжить образование и поступить в Миланский католический университет. Получив высший балл по религиозным предметам, остальные экзамены он сдал весьма посредственно. Но несмотря на это был зачислен в студенческие ряды. Решающую роль в этом сыграли рекомендательные письма ректору университета, которые Марио привез из родного городка. Рекомендации ему дали некая маркиза и священник его прихода. В письме последнего Марио характеризовался как юноша, имеющий «здоровые религиозные и политические взгляды».

Для того чтобы иметь средства на обучение, Моретти устроился рабочим на завод «Сит-Сименс». В это время он встретился с Амелией Кукьетте, работающей на том же предприятии. Вскоре они сыграли свадьбу, и спустя год у Моретти родился сын Массимо. Какое-то время Марио был счастлив в роли отца семейства, но потом ему стало скучно.

В конце 1960-х годов политическое молодежное движение в Италии было очень активным. Это были уже не мирные демонстрации протеста. Студенты и рабочие, пытаясь изменить структуру общества и удалить с политической сцены неугодных деятелей, выходили на улицы с оружием, строили баррикады, поджигали здания. В столкновениях с полицией появлялись жертвы.

Моретти включился в студенческую борьбу, причем, как неплохой оратор, быстро приобрел популярность среди соратников. В это время судьба свела его с Ренато Курчо, сыгравшим в его жизни решающую роль. Еще в начале 1960-х годов, будучи студентом Трентского университета, Курчо попробовал себя в роли неонациста, а с 1965 года был членом студенческой католической организации «Университетское согласие». Позже Ренато создал свою организацию «Альтернативный университет». В 1969 году он переехал в Милан, где создал «Столичный политический комитет», который вскоре был переименован в «Левую пролетарскую группу». К моменту знакомства с Моретти этот «заезжий полуфашист-полукатолик», начитавшийся Карла Маркса и Мао Цзэдуна, вынашивал «радикальные» планы перестройки существующего порядка. Он считал, что вносит свой вклад в общеевропейскую борьбу за дело пролетариата: «Во Франции, Германии, Испании, Португалии существуют формирования, которые действуют на базе той же, что и мы, стратегической гипотезы». Основным методом борьбы Курчо видел террор.

Моретти, которому только что исполнилось 23 года, много общался с Ренато и постепенно проникся идеями вооруженной борьбы. Вскоре он прочно занял место в рядах его организации.

Именно в это время, на исходе 1960-х годов, появились знаменитые «Красные бригады». Сначала они не привлекали к себе особого внимания. На страницах издания «Lotta Sociale» («Социальная борьба») время от времени начали появляться радикальные статьи, в которых идеологи «Красных бригад» высказывали свое мнение о пролетарской революции и политических проблемах современной Италии и всей Европы. С 1970 года начал выходить журнал «Sinistra proletaria» («Левый пролетариат»). На эмблеме журнала сначала были изображены серп и молот, но вскоре к ним добавилось ружье. В октябрьском номере того же года «Sinistra proletaria» официально объявила о создании «Красных бригад». Ренато Курчо, который отводил себе роль «поводыря пролетариата» и «пролетарского борца», декларировал, что созданная им организация «идеологически восходит к культурной революции».

В том же 1970 году «Красные бригады» начали активную деятельность, направленную против «эксплуататоров рабочего класса». Сначала это было распространение листовок, поджоги автомобилей, диверсии на предприятиях, избивание предпринимателей, начальников заводской администрации, управляющих, руководителей предприятий, а также экспроприации, похищения и «пролетарские» суды. Деятельность «Красных бригад» поначалу воспринималась как сугубо анархическая. Первой крупной операцией, которая привлекла к террористам внимание общественности, стала серия взрывов на заводе «Пирелли». 28 ноября в стенд для испытания автомобильных шин было заложено восемь зажигательных бомб. Примерно в то же время был сожжен автомобиль чиновника фирмы «Сит-Сименс». «Бригады» начали действовать.

Марио Моретти, вовлеченный в организацию, в 1971 году был уволен с работы. Но не за свою политическую активность, а за прогулы. Примерно в то же время он порвал все связи с семьей и

перешел на нелегальное положение. В июле этого года он принял участие в своем первом теракте в Перудже. А в начале декабря вместе с Курчо совершил ограбление, напав на посыльного магазина «Коин». Было «экспроприровано» 800 тыс. лир казенных денег. Деньги были все время нужны, и поэтому ограбления следовали одно за другим. Вскоре после этого была проведена «экспроприация» 14 млн лир в банке «Сан-Просперо» в Реджо-Эмилии.

К началу 1972 года «Красные бригады» активизируются. Жертвами террористов становятся не только руководители с правыми взглядами и фашистским прошлым. Теперь в их «черных списках» стоят фамилии политических деятелей, судебных чиновников, врачей, журналистов. «Кто не с нами, – считали «бригадисты», – тот “реформист”, “ревизионист” и “классовый враг”».

В марте 1972 года ими было совершено первое похищение, жертвой которого стал Идальго Маккьярини, менеджер фирмы «Сит-Сименс», итальянского филиала крупного западногерманского концерна. 3 марта Маккьярини вышел из конторы и направился к автомобильной стоянке. Но дойти до нее не успел. Трое боевиков в масках, одним из которых был Моретти, набросились на него, затолкали в фургон, сковали наручниками и вывезли на окраину города. Там его «допрашивали» несколько часов подряд, добиваясь согласия уволиться из фирмы, а затем, насмерть перепуганного, выпустили с привязанным плакатом «Ударь одного, чтобы воспитать сотни». Это похищение, по мнению «Красных бригад», должно было служить предостережением всем «врагам рабочего класса».

В том же месяце Фельтринелли, один из организаторов и идейных вдохновителей «Красных бригад», при подготовке очередного теракта подорвался на mine, которую он подкладывал под опору высоковольтной линии. Узнав о смерти друга, Марио зачем-то поехал на одну из явочных квартир «Группы партизанского действия» (ГАП). Видимо, он имел какие-то связи с этой организацией, хотя сам принадлежал к «Красным бригадам». Подъехав к дому на автомобиле, Моретти заметил толпу любопытствующих и полицию. Поняв, что явка провалена, он развернулся и благополучно скрылся. Хотя в самой квартире полиция при обыске обнаружила фотографию маленького сына Марио, напасть на след Моретти на этот раз полиция не смогла.

Следует отметить, что он тесно контактировал еще с одной организацией – «Вооруженными пролетарскими ячейками» (НАП) и даже вел переговоры с ее представителем, Доменико Венере, о возможности ее слияния с «Красными бригадами». Его не смущал тот факт, что это была крайне правая неофашистская организация. Слиянию помешало убийство руководителя НАП Антонио ла Мушио и последовавший за этим арест Доменико Венере, в результате чего Моретти получил несколько явочных квартир «Вооруженных пролетарских ячеек».

Спустя несколько месяцев произошло нашумевшее нападение на члена ЦК Компартии Италии Карло Кастелано. Ему прострелили обе коленные чашечки и, беспомощного, оставили лежать с плакатом на шее «Хромай так же, как вся эта буржуазная власть». Впоследствии ему предложили лечение в СССР в клинике Илизарова, но даже лучшие советские врачи не смогли поставить его на ноги. А террористы взяли этот прием на вооружение: теперь стрельба по коленям жертв была их излюбленным методом.

В 1974–1975 годах изменилась структура «Красных бригад»: были созданы «Стратегическое командование» («Диреционе стратеджико»), в которое среди прочих вошел Марио Моретти, и «Исполнительное командование» («Диреционе экзекутива»), координировавшее деятельность колонн и непосредственно руководившее операциями. Кроме так называемых «колонн», из которых состояла террористическая сеть, была предусмотрена разведка и служба информации. Для выполнения своих функций они внедряли проверенных людей на предприятия, в министерства, полицию. Психологическая служба изучала воздействие сообщений СМИ на людей.

«Красные бригады» действовали в основном в так называемой «промзоне», которая включала города Милан, Турин, Геную. Получив некоторый опыт, Моретти становится одним из организаторов генуэзской «колонны» «Красных бригад». Затем, когда командованием было принято решение расширить радиус деятельности организации, Моретти делегируют в Рим для создания в столице новой «колонны». Выданные ему деньги ушли на аренду квартир, покупку боеприпасов и оружия, типографского оборудования и медикаментов. Поставленная задача была выполнена.

Римская «колонна» начала действовать в конце 1976 года. Сначала это были тоже всего лишь листовки, затем – поджоги автомобилей. В начале следующего года был тяжело ранен инспектор Министерства юстиции Валерио Траверса. Потом были покушения на журналиста Элио Росси, профессора Ремо Каччафеста, депутата от Христианско-Демократической партии Италии Публио Фьори. Во всех этих покушениях использовалось одно и то же оружие из приобретенного Моретти для римской организации – автомат «Скорпион CZ-61» под номером E6198, который впоследствии попал в руки полиции. Марио Моретти участвовал практически во всех крупных акциях «Красных бригад», самолично производил допросы многих жертв.

В 1975 году было совершено нападение на Викторิโอ Ганчо, директора завода по производству вин. На этот раз полиции удалось выйти на след террористов. Один из боевиков, участвовавших в операции, выдал своих сообщников. Произошла перестрелка, в которой погибли карабинер и женщина-бригадистка. Как позже выяснилось, она была одним из организаторов «Красных бригад». В результате расследования через полгода был арестован сам Ренато Курчо. Он был приговорен к 25 годам тюремного заключения. Террористы под руководством Марио Моретти начинают разрабатывать план его побега. 18 февраля 1975 года вместе с Маргаритой Кагол, женой Ренато Курчо, и еще двумя боевиками Марио осуществил дерзкий налет на тюрьму Казале Монферрато и освободил его. После побега Курчо уже не участвовал в терактах, а начал разрабатывать теорию террора. Он писал, что похищение людей, занимающих ключевые посты в государстве, является необходимым в борьбе за создание пролетарской власти. В январе 1976 года террорист снова был схвачен в Милане. Через два года он получил новый срок на Туринском процессе.

К этому времени Моретти сам становится «самым разыскиваемым человеком в Италии». Его имя у всех на слуху, но лица террориста не видел никто. Моретти – большой мастер перевоплощения. Он постоянно меняет свой облик – с помощью грима, париков, накладных усов. Он настолько осторожен, что в полиции до сих пор нет его отпечатков пальцев. А фотография, по которой его пытаются разыскать, – десятилетней давности. Он остается неуловимым.

Моретти возглавил организацию после ареста Курчо. К тому времени в нее входило уже около 500 человек. Правление организации приняло решение о переходе от «демонстрационных действий» к «постоянным акциям» и «расширению круга целей». В 1977–1981 годах «Бригады» занимались только вооруженным насилием, масштабы которого постепенно росли. В 1977 году террористы убили трех человек, а в следующем – уже 16. В том же году была объявлена война против СМИ: нападениям подверглись многие журналисты, выступающие в печати против террора.

Самой громкой акцией «Красных бригад» стало похищение Альдо Моро – премьер-министра Италии, лидера Христианско-демократической партии. 16 марта 1978 года он направлялся в парламент, когда на его «фиат-128» было совершено нападение. Шофер и четыре охранника премьер-министра были убиты на месте из автомата и пистолетов, а сам он – похищен. На всю операцию ушло всего 10 минут. Через час после покушения террористы по телефону передали сообщение в информационное агентство «АНСА»: «Альдо Моро похитили мы – “Красные бригады”. Его будет судить пролетариат. Это только начало».

Как только Альдо Моро оказался в руках террористов, они начали выдвигать свои требования. «Красные бригады» хотели политического признания своей организации и освобождения из тюремного заключения всех «бригадистов».

Альдо Моро позволили писать письма на волю, в которых он искал поддержки и требовал защиты у своих товарищей. Но ни Христианско-демократическая партия, ни правительство Италии не решались пойти на переговоры с террористами. По сути, сам факт переговоров уже свидетельствовал бы о признании за «Красными бригадами» политической силы. Поэтому не удивительно, что в одной из газет было опубликовано открытое письмо, адресованное Альдо Моро, подписанное «старые друзья». Смысл его заключался в требовании принести себя в жертву своим идеалам. Моро долго надеялся, что соратники сделают все возможное, чтобы освободить своего лидера, но потом, поняв бессмысленность подобных надежд, написал: «Я умру, если так решила моя партия».

«Дело Моро» буквально потрясло Италию. Об этом покушении кричали заголовки в газетах, говорили по телевидению и на радио. Дороги в крупных городах контролировались полицией, но, как выяснилось позже, машины проверялись избирательно.

55 дней премьер-министр находился в заключении. 5 мая он написал прощальное письмо своей жене. В тот же день террористы официально объявили о приведении приговора в исполнение. Однако убит Моро был не пятого, а девятого мая.

Журналист-международник В. Малышев, который провел расследование о последних минутах жизни видного политика, писал: «В этот день рано утром в тесный чулан на виа Монтальчино, где тюремщики прятали Моро, вошли двое: «бригадисты» Просперо Галлилари и Анна Лаура Брагетти. Женщина держала в руках отглаженный костюм, который был на лидере ХДП в момент похищения. Моро оторвался от прощального письма жене и детям, которое ему разрешили написать. Неожиданно Галлилари торжественно объявил, что «по гуманным соображениям» Моро решили сохранить жизнь. Пленнику предлагают переодеться и даже выдают несколько монет, чтобы он смог, когда его выпустят, позвонить родственникам по телефону. Видимо, это было сказано для того, чтобы Моро и в самом деле поверил в скорое освобождение.

Затем все трое спускаются в подземный гараж. Там их ждал Марио Моретти – один из организаторов похищения. Лидеру ХДП предлагают залезть в открытый багажник красного «рено». В городе полно полиции, и это необходимая предосторожность, объясняют тюремщики. Моро согласно кивает и послушно лезет в багажник. Его накрывают пледом, а мгновение спустя в грудь пленника впиваются острые жала пуль. Под сводами гаража гулко грохочут выстрелы. Террорист Антонио Саваста – еще один член банды похитителей – садится за руль, и через несколько минут машина с трупом Моро брошена на узкой виа Гаэтани, на равном расстоянии от двух зданий – ЦК Итальянской компартии и руководства ХДП».

После убийства Альдо Моро «Красные бригады» меняют тактику. Убедившись, что «попадание в очень высокую и трудную цель» не принесло им желаемого результата, они переходят к массовым акциям. Объектами нападений становятся общественные места – школы, университеты, банки, вокзалы, поезда. Только один взрыв на вокзале в Болонье 2 августа 1980 года унес жизнь более 70 человек. В ход пошли бутылки с зажигательной смесью. Однажды даже пришлось ввести войска и танки в Болонью, когда там начались беспорядки, организованные террористами. Самым беспокойным годом для итальянцев стал 1979-й, когда было совершено 2150 террористических актов. «Красные бригады» осуществили 133 нападения на учебные заведения, 110 – на профсоюзы, 106 – на секции Христианско-демократической партии, 91 – на секции Коммунистической партии Италии, 90 – на казармы карабинеров и полицейских участков.

«Дело Моро» имело и оборотную сторону. Оно послужило отправной точкой для разворачивания борьбы итальянского правительства с террористическими организациями. Против террористов были брошены все имеющиеся силы и средства, началась специальная подготовка кадров. В 1980 году полиция схватила нескольких террористов из «Красных бригад», которые начали давать показания. Первым из «раскаявшихся» был П. Печи, член правления организации. Через полгода ряды «Красных бригад» заметно поредели. Было арестовано 638 человек, захвачено 67 явочных квартир и баз, полностью уничтожены туринская, миланская, римская, венецианская колонны. К 1983 году за решеткой оказалось более 1000 террористов.

Арестовали и Марио Моретти. На следствии он показал, что именно он был организатором и непосредственным исполнителем похищения Альдо Моро: сам допрашивал лидера ХДП, лично «приводил приговор в исполнение», а после убийства оставил в центре Рима машину, в которой находился труп премьер-министра.

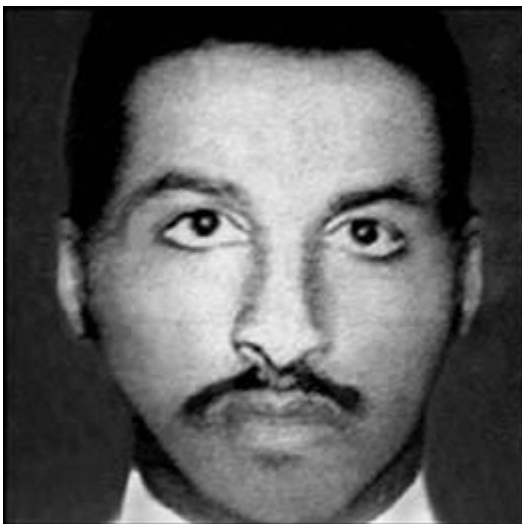
Судебные процессы по делу «Красных бригад» проходили в течение нескольких лет – с 1982 по 1996 год. Всего состоялось пять заседаний, на которых приговоры получили десятки террористов. В результате 32 из них были осуждены на пожизненное заключение, остальные получили в общей сложности сотни лет тюрьмы. Однако ни один из осужденных не отбыл положенного ему наказания целиком. Власти слишком мягко обошлись с террористами, объявив амнистию, сократив многим из них сроки заключения или выпустив некоторых «по состоянию здоровья». Кому-то из террористов даже позволили отбыть часть срока дома. Журналист В. Малышев писал в «Литературной газете» в конце 1998 года, что 52-летний Марио Моретти, убивший Альдо Моро, «несколько дней в неделю проводит вне камеры и получил недавно непыльную работу программиста с зарплатой 850 долларов». Умер Моретти в 2002 году.

А «Красные бригады» продолжают существовать до сих пор. В 1984 году в рядах партии произошел раскол на «стариков» и «молодых». Теперь они называются «Красные бригады – Коммунистическая сражающаяся партия» (BR-PCC) и «Красные бригады – Союз сражающихся коммунистов» (BR-UCC). К 1985 году на свободе осталось всего около 100 активно действующих террористов. По некоторым данным, сейчас их не более 50. В 1990-х годах ими было проведено всего несколько террористических актов, к счастью, без жертв и не принесших какого-либо значительного ущерба.

Правы, наверное, те, кто связывает деятельность «Красных бригад» именно с именем Марио Моретти, а не с другими ее организаторами и духовными лидерами. Итальянский журнал «Эуропа» как-то писал: «Всю историю “Красных бригад” можно было бы проследить, рассказав жизнь Моретти». Наверное, с этими словами можно согласиться.

МУКРИН АБДУЛАЗИЗ ИССА АБДУЛ-МОХСИН

(род. в 1965 г. (по другим данным – в 1974 г.) – ум. в 2004 г.)

Террорист, глава саудовского крыла «Аль-Каиды», взявший ответственность за теракты в Эр-Рияде в ноябре 2003 года и апреле 2004 года, в Мадриде в марте 2004 года, в Эль-Хубаре в мае 2004 года и др.

Человек в маске, видеозапись интервью которого была размещена на одном из сайтов исламских террористов в Интернете, призывал: «Моджахеды, сражайтесь с американцами повсюду, используя все свои силы и возможности. Устраивайте теракты против них, как они терроризируют ваших братьев». Он представился выходцем из Саудовской Аравии и заявил, что вскоре будут совершены нападения на лидеров арабских государств, лояльно относящихся к Вашингтону. Его опознали как Абдулазиза аль-Мукрина – одного из самых жестоких боевиков международной террористической организации «Аль-Каида» («Основа»). Он пообещал сделать 2004 год годом атак на американцев и призвал мусульман избегать военных и гражданских объектов США, чтобы не стать жертвами будущих взрывов.

О жизни этого террориста мало что известно. Даже возраст в нескольких источниках называется разным: по одним данным, он родился в 1965 году, по другим – в 1974. Пишут, что аль-Мукрин – ветеран вооруженных конфликтов в Боснии и Сомали, обучался в террористических лагерях Усамы бен Ладена в Афганистане. Его помнят в Алжире, где экстремистская группировка, в которую он входил, «прославилась» тем, что расчленяла трупы своих врагов перед видеокамерой. Хотя Мукрин давно находится в рядах террористов, заговорили о нем лишь в 2003 году, когда его боевики 8 ноября взорвали жилой комплекс для иностранцев в столице Саудовской Аравии Эр-Рияде. При этом погибло 17 человек и 122 получили увечья и ранения. С тех пор имя экстремиста стало все чаще появляться на страницах газет. Журналисты назвали его «лицом Аль-Каиды» в ближневосточном регионе. Высказывалось мнение, что боевик целенаправленно делал себе имя и соперничал с самим Усамой бен Ладеном. В то же время федеральная разведывательная служба долго никакими данными о нем не располагала. Один из советников правительства по борьбе с терроризмом, бывший радикал-исламист, говорил: «Мукрин – раненый тигр. Он знает, что у него нет шансов выжить, но он не хочет умирать спокойно. Он стремится успеть убить как можно больше людей».

Свое стремление террорист реализовал 11 марта 2004 года, организовав взрывы в мадридских электричках. Силы правопорядка проделали очень большую работу в ходе расследований по этим трагическим событиям. Среди камикадзе, обнаруженных в Леганесе (это один из городов, которые составляют южный округ Мадрида), были два руководителя террористической операции. В причастности к организации терактов арестовали 16 подозреваемых.

Даже после того как на выборах в Испании победила угодная «Аль-Каиде» Испанская социалистическая рабочая партия, исламские террористы все равно продолжали шантажировать правительство страны. Позже в послании, переданном по факсу в испанскую газету ABC, содержалось требование о «полном и немедленном выводе испанских солдат из Ирака и Афганистана, а также о прекращении помощи врагам исламского сообщества: Соединенным Штатам Америки и их союзникам. Если эти требования не будут выполнены, мы объявим вам

войну, и клянемся Аллахом Всевышним и Всемиловитым, что превратим вашу страну в ад и прольем реки крови». Письмо было написано от руки по-арабски и подписано: Абу Дуджана аль-Афгани, группа «Аснар аль-Каида» в Европе. Авторы этого послания взяли на себя ответственность за теракт 11 марта 2004 года и за появление бомбы на железнодорожных путях Мадрид – Севилья, которую, к счастью, вовремя обезвредили.

Угроза о новом Армагеддоне всерьез была воспринята испанской полицией и спецслужбами. На всех важных объектах усилили меры безопасности. Под особым наблюдением находился мадридский аэропорт «Барахас». Центральную станцию метро, используемую в качестве терминала аэропорта, закрыли, а воздушное пространство над столицей контролировалось истребителями. Впервые в Мадриде муниципальная полиция в форме вместе с коллегами в штатском патрулировала станции метро. Обычно охраной занимались частные охранные агентства.

«Исламский терроризм намного опаснее, чем акции баскских сепаратистов», – заявил министр внутренних дел Асебес после того как Испания стала первой страной в Западной Европе, где камикадзе совершали теракты, подрывая себя с криками «Аллах велик!». Эти люди закладывали рюкзаки-бомбы в переполненные вагоны электричек, предварительно посетив парикмахера и освятив себя святой водой, доставленной из Мекки. Это было идеей сподвижника аль Мукрина, Абдельнаби Шедади («Тунисца») – организатора взрывов 11 марта, подорвавшего себя в Леганесе. Он в конце 2003 года привез в Испанию десятилитровую емкость воды, освященной в Мекке. Испив ее, террористы считали себя очистившимися и получившими право на убийство «неверных».

Позже испанское посольство в Каире получило коммюнике с угрозами от связанной с «Аль-Каидой» экстремистской исламистской группы, ранее пытавшейся взять на себя ответственность за теракты в Мадриде. В документе говорилось, что все посольства и фирмы Испании на севере Африки и на Ближнем Востоке «станут объектами атак, если в течение четырех недель с момента получения документа испанские войска не будут выведены из Ирака и Афганистана». Группа угрожала использовать начиненные взрывчаткой автомобили с водителями-смертниками.

В специальном коммюнике, размещенном на сайте боевиков, назывались главные враги ислама в порядке очередности: США, Великобритания, Испания, Австралия, Канада и Италия. «Аль-Каида» требовала от своих приверженцев, «презрев все географические границы, превратить страны неверных в зоны военных действий, подрывая терактами их экономику». В качестве целей назывались бизнесмены, дипломаты, политики, интеллектуалы, ученые, миссионеры и туристы. Составитель документа ссылался на теракты в Мадриде и призывал к совершению подобных акций на важных объектах экономики на Западе. «В результате богоугодных ударов по Мадриду пострадала вся европейская экономика. Это был двойной удар: по экономике и по правительствам крестоносцев, евреев, христиан и безбожников».

21 апреля 2004 года в столице Саудовской Аравии террористы взорвали автомашину с взрывчаткой перед зданием, где располагались службы общественной безопасности. В результате акции погибли четыре человека, в том числе 11-летняя девочка из Сирии, еще 148 получили ранения. Ответственность за теракт взяла на себя экстремистская группировка «Бригады аль-Харамейн». «Этот взрыв целиком уничтожил здание, которое было нашей целью, и убил десятки солдат и командиров криминального, отступнического режима, который борется с Богом, его пророком и с правоверными». Спецслужбы полагали, что экстремисты связаны с международной террористической сетью «Аль-Каида».

В конце мая 2004 года Абдулазиз аль-Мукрин объявил о начале «партизанской войны в городах». В саудовском Эль-Хубаре исламистские боевики устроили самую крупную бойню в истории этой страны. Несколько групп террористов обстреляли офисы представительств иностранных компаний, работающих в нефтяной отрасли. Сразу же после начала атаки на одном из исламистских интернет-сайтов от имени «Аль-Каиды» и группировки «Бригады Иерусалима» появилось сообщение о том, что акция направлена против иностранных агрессоров, в частности, против неких дочерних предприятий США – «грабителей арабских богатств».

Эль-Хубар – один из главных промышленных центров Саудовской Аравии. Это крупный порт, где нефть перегружают на танкеры и отправляют в западные страны. В городе расположены офисы зарубежных фирм, так или иначе связанных с нефтепромышленностью. Именно работающие здесь иностранцы и стали мишенью террористов. Бандиты застрелили как минимум девять саудовцев и семь иностранцев, в том числе трех филиппинцев, американца и британца. Во время одного из налетов погиб десятилетний мальчик из Египта. Тело руководителя одной из фирм Майкла Хэмилтона террористы привязали к своему автомобилю и протащили по улицам города.

После нескольких стычек с местной полицией часть банды была уничтожена. Остальные захватили семиэтажный комплекс «Аль-Ваха», где проживали семьи иностранцев из западных стран, Ливана и Палестины. В захваченных зданиях были расположены офисы китайской, саудовской, британской и американской нефтяных компаний. В руках бандитов оказалось около полусотни заложников: арабы, американцы, британцы, итальянцы, голландцы и др. Комплекс окружили полицейские, к которым присоединился и спецназ Саудовской Аравии. Спустя какое-то время преступники отпустили трех голландцев и пятерых ливанцев-мусульман. К тому моменту полиция уже не надеялась на успешные переговоры с бандитами. А после того как террористы сбросили с крыши одну из заложниц, штурм стал неизбежен. Позже в Интернете «Аль-Каида» с гордостью заявила о «казни шведского и итальянского заложников». Скорее всего, целью убийц было запугивание всех иностранцев, а не только американцев.

Фактический правитель Саудовской Аравии принц Абдалла заявил, что «силы безопасности справятся и с боевиками в Эль-Хубаре, и со всеми остальными экстремистами». Ночью спецназ начал первый штурм здания, но бандитам удалось отбить нападение. Тогда с вертолетов на крышу высадили группу захвата, и после ожесточенной перестрелки комплекс был взят. Семерых бандитов удалось захватить живыми, в том числе и главаря банды. Во время штурма террористы убили троих заложников, а накануне ночью зарезали девятерых человек, пытавшихся бежать из плена. Всего от рук боевиков погибли 22 человека и 25 были ранены. Призрачные надежды на скорое снижение цен на «черное золото» были разрушены. В такой ситуации неизбежным стал скачок цен на нефть, которые и до этого уже подбирались к рекордной черте. Эвакуация иностранных сотрудников (даже временная) отрицательно отразилась на нефтяном бизнесе, контролируемом королевской семьей. (Саудовская Аравия поставляет львиную долю нефти на западный рынок, и, естественно, любые нестандартные ситуации в стране отразились на биржевых торгах.)

Четвертого июня 2004 года на одном из исламистских сайтов было опубликовано еще одно заявление от имени аль-Мукрина: «Операция в Эль-Хубаре стала новой победой, которую Аллах даровал моджахедам и которая повергла саудовское правительство в глубокий кризис. Эта акция подняла цены на нефть до высочайшего уровня, выше 42 долларов за барель, тогда как Саудовская Аравия заботится о процветании Америки, поставляя нефть по самым низким ценам. Повышение цен на нефть поставило в тяжелое положение королевский дом». Заявление вождя террористов ясно дало понять, что экстремисты, действующие на Аравийском полуострове, видят в высоких ценах на нефть средство борьбы с США и их союзниками и не намерены останавливаться на достигнутом. Абдулазиз аль-Мукрин также опроверг информацию о сделке между саудовским спецназом и исламскими боевиками в Эль-Хубаре. Ранее сообщалось, что спецслужбы позволили трем террористам скрыться, чтобы избежать дополнительных жертв. Главарь боевиков сообщил также, что нападение на американцев в Эр-Рияде второго июня 2004 года совершили террористы «Аль-Каиды». По его словам, они убили несколько граждан США, однако официальные источники утверждали, что пострадавших в том инциденте не было.

В другом заявлении, подписанном Абдулазизом аль-Мукрином, говорилось: «Идет священная война за Аравийский полуостров, и мы помогаем иракцам, воюющим за правое дело, – мы будем добиваться поражения врагов, постараемся расстроить планы антииракской коалиции и выгнать американцев из Ирака и всего Ближнего Востока».

Происшедшее в Эль-Хубаре напоминало показательное выступление банды экстремистов, устроенное по принципу «чем страшнее, тем лучше». Убийцы спокойно вошли в город и открыли стрельбу по людям. Потом захватили иностранцев, успешно отбили первый штурм, застрелили ребенка, зарезали нескольких заложников, сбросили с крыши женщину. Другими словами, они показали, что миллиарды долларов, затраченных на борьбу саудовских спецслужб с экстремистами, пока не принесли успеха, а смертники-убийцы готовы на любые зверства ради достижения своих целей.

В июне 2004 года подручные аль-Мукрина похитили 49-летнего американского инженера Пола Маршала-Джонсона, который работал в Саудовской Аравии по контракту. Он обслуживал системы наведения и приборы ночного видения боевых вертолетов «Апачи», закупленных этой страной у США. Это вызвало беспрецедентную волну публичных обращений со стороны умеренных священнослужителей и правоведов Аравийского полуострова. Они требовали его освобождения, поскольку инженер был гостем Саудовской Аравии и находился под защитой законов ислама. Джонсон живо интересовался исламской религией и симпатизировал мусульманам.

На сайте исламских террористов в Интернете была помещена видеозапись выступления мужчины с лицом, скрытым повязкой. Он представился как Абдулла Азиз аль-Мукрин, лидер отделения «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове, и предъявил властям Эр-Рияда ультиматум: «Если тираны в саудовском правительстве хотят обеспечить освобождение американского

заложника, они должны в течение трех суток освободить наших моджахедов, арестованных за последние месяцы по подозрению в терроризме. Иначе мы принесем американца в жертву». И указал на человека с завязанными глазами, который подтвердил перед камерой, что он – гражданин США инженер Пол Маршал-Джонсон. Террорист также потребовал, чтобы все граждане западных стран покинули королевство (а это 35 тыс. одних только американцев и 30 тыс. британцев). Без этих специалистов нефтяная промышленность Саудовской Аравии, имеющая 25 % мировых запасов черного золота, скорее всего, остановилась бы. Требования аль-Мукрина были явно невыполнимыми, и многочисленная родня Джонсона начала готовиться к худшему, хотя и предпринимала отчаянные попытки достучаться до похитителей слезными призывами.

Поскольку власти Саудовской Аравии не выполнили их требования, террористы убили похищенного. В Интернете были помещены три фотографии его обезглавленного тела и заявление, в котором говорилось, что смерть гражданина США Пола Джонсона явилась расплатой за издевательство над пленными в багдадской тюрьме «Абу-Грейб», а также за жестокое обращение с мусульманами в других местах, за страдания, причиненные американскими вертолетами «Апачи» и их ракетами. Зверское убийство 49-летнего Джонсона, который провел в королевстве последнее десятилетие и имел там много друзей, вызвало в США волну возмущения и лавину упреков в адрес Саудовской Аравии. Ее обвиняли в том, что она выпустила из бутылки джинна радикального исламизма, субсидируя ваххабистские мечети и медресе по всему миру. Президент США Джордж Буш и государственный секретарь Колин Пауэлл назвали убийц «варварами» и обещали, что их скоро постигнет возмездие.

Вскоре саудовская контрразведка получила оперативную информацию о том, что в горных районах недалеко от столицы страны скрывается руководитель отделения «Аль-Каиды» в Саудовской Аравии Абдулазиз Исса Абдул-Мохсин Мукрин. В операции по его поиску принимали участие более 200 военных с бронетехникой и вертолетами. Однако главаря ячейки «Аль-Каиды» удалось вычислить благодаря местным жителям, которые сообщили полиции номер машины террористов. Они видели, как те выбросили из автомобиля обезглавленный труп (как потом оказалось, американского заложника Пола Джонсона). Вскоре боевиков настигли на бензозаправочной станции. В перестрелке был убит сотрудник сил безопасности и трое террористов, в том числе Мукрин – вождь радикальной организации «Аль-Каида» на Аравийском полуострове.

Поначалу на интернет-сайте группировки опровергались сведения о гибели ее главаря. «Некоторые спутниковые сети и информационные агентства распространяют фальшивую новость о том, что Абдулазиз Мукрин, храни его Аллах, убит, – говорилось в заявлении. – Мы хотим сказать, что подобные утверждения, распространяемые тиранами Саудовской Аравии, направлены на разубеждение святых воителей и сокрушение их духа». После показа тела убитого аль-Мукрина в эфире государственного телевидения этой страны международная террористическая организация признала факт гибели руководителя своей саудовской ячейки. Сообщение об этом появилось на сайте организации. «В пятницу Абдулазиз аль-Мукрин и еще трое бойцов были убиты солдатами тиранического режима, которые напали на них из засады, – говорилось в заявлении «Аль-Каиды». – Моджахеды продолжат джихад во имя Аллаха, и убийство братьев не отнимет у них решимости, а лишь придаст силы в борьбе с оккупантами».

В ходе операции саудовские спецслужбы также арестовали 12 сообщников вождя террористов. Было изъято большое количество оружия, фальшивые документы, конфискованы три автомобиля, принадлежавших экстремистам. Один из них использовался для нападения на группу Би-би-си, которое случилось в начале июня. Тогда в результате обстрела погиб оператор и фотожурналист Саймон Камберс, а корреспондент Фрэнк Гарднер был доставлен в больницу в тяжелом состоянии.

Саудовская пресса сообщала, что годовой бюджет террористов, действующих на территории страны, превышал миллиард долларов. В ходе проводимых в стране антитеррористических операций органы безопасности постоянно обнаруживали наряду с оружием, дорогими автомобилями и компьютерной техникой большие суммы денег в саудовских риалах и долларах США. Например, при ликвидации группы экстремистов во главе с Абдель Азизом аль-Мугреном было захвачено около 150 тыс. риалов (почти 40 тыс. долларов) в местной и иностранной валюте. Эксперты считают, что финансирование терроризма в стране идет в основном за счет наркоторговли, а не благодаря пожертвованиям благотворителей, а перекрыть этот источник денежных поступлений не так-то просто. Так что вполне вероятно, что, несмотря на гибель аль-Мукрина и его помощников, у гидры саудовского терроризма вскоре может вырасти новая голова.

ОВЕЧКИНЫ

Семья из 11 человек, совершившая 8 марта 1988 года захват и попытку угона самолета в Иркутске.

Захватив самолет с пассажирами на Западе, воздушные пираты чаще всего угрожали взорвать его для того, чтобы добиться каких-то политических требований. В Советском Союзе таким путем пытались вырваться из социалистического «рая» и очутиться в «загнивающим» капиталистическом зарубежье. Захотелось туда и семье Овечкиных.

Они были известны в СССР как джаз-ансамбль из Иркутска «Семь Симеонов». И вот эта семья из 11 человек во главе с матерью в праздничный день 8 марта 1988 года совершила захват и попытку угона самолета ТУ-154, выполнявшего рейс Иркутск – Курган – Ленинград (ныне Петербург), с пассажирами и экипажем. «Или все улетим, или все умрем», – говорила мать, подвергая смертельному риску не только жизнь свою и заложников, но и рискуя собственными детьми, среди которых шестеро были в возрасте от девяти до 16 лет.

Жили Овечкины в небольшом домике в рабочем предместье Иркутска на Детской улице. Их не видели слоняющимися без дела, пьяными или хулиганящими. Они дружно обрабатывали восемь соток огорода и держали большое хозяйство – двух коров, несколько телок, быка, до десяти свиней, овец, несколько десятков кур. «Что воняет в сарае, то пахнет на сковородке», – говорил покойный отец, Дмитрий Дмитриевич. Он за свою трудовую жизнь работал шофером, грузчиком, сторожем. В последние два года жизни тяжело болел и умер в 1984 году.

Мать, Нинель Овечкина, родилась в Иркутской области. С шестилетнего возраста воспитывалась в детском доме, поскольку ее родители погибли во время Второй мировой войны. После рождения 10-го ребенка в марте 1979 года она была награждена медалью «Мать-героиня».

Дети росли приветливые, одеты были хотя и не по моде, но всегда чисто и аккуратно. Ни грубого слова, ни плохого поступка за ними замечено не было. Младшие во всем слушались старших, старшие во всем опекали младших, а все вместе беспрекословно подчинялись матери. Ее слово, совет, решение были законом в семье и обсуждению не подлежали. Все они любили друг друга и дорожили друг другом.

В школе Овечкины отличались дисциплинированностью, скромностью. Как малообеспеченные, ребята бесплатно питались в школьной столовой, получали форму и небольшую материальную помощь. Но в общественной жизни школы участия не принимали, много уроков пропускали и отличными знаниями не блистали. Учителя на это смотрели сквозь пальцы, потому что понимали – им надо заниматься хозяйством, чтобы свести концы с концами.

На те мизерные деньги, что выделяло государство многодетным семьям, одеть-обуть-прокормить-выучить детей было невозможно. Поэтому работали все вместе не покладая рук – доходы от участка, скота и птицы составляли основу бюджета семьи. Женская половина семейства была больше по торговой части, а мужская – по музыкальной. Братья с детства любили играть на различных инструментах, петь.

Осенью 1983 года по инициативе самого старшего брата, Василия, будущие «Симеоны» пришли в Иркутское училище искусств и попросили помочь организовать джазовый ансамбль. Они продемонстрировали свои таланты, и один из преподавателей музыки стал с ними заниматься. Вскоре состоялся смотр-конкурс, на котором присутствовал представитель Министерства культуры. После успешного выступления братьев он сказал, что этот оригинальный номер нужно обязательно показать в Москве. В апреле 1984 года московский дебют состоялся в училище имени Гнесиных. С тех пор незаурядный ансамбль стал набирать популярность. Передача Центрального телевидения «Шире круг», Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве 1985 года, Всесоюзный фестиваль «Джаз-85» в Тбилиси – везде были Овечкины. Даже смерть отца не приостановила их музыкального роста.

Их, как сейчас бы сказали, «раскручивали» по полной программе. О подрастающих в рабочей глубинке истинных талантах Восточно-Сибирская киностудия сняла документальный фильм. Газеты, радио, телевидение не раз рассказывали о ребятах, создавших семейный диксиленд «Семь Симеонов». Областное и городское руководство КПСС считало, что появление на Всесоюзной сцене такого неординарного ансамбля повышает престиж местных органов власти, и всячески поддерживало музыкантов.

В 1985 году семье Овечкиных выделили две трехкомнатные квартиры в новом жилом доме Иркутска. Хотя шесть комнат на 11 человек и не очень много, но все же лучше, чем старенький домик «с удобствами во дворе». Юные таланты были приняты в Иркутское училище искусств,

потом обком КПСС выбил для них места в Московском Институте имени Гнесиных. Старшие «Симеоны» и в Советской Армии служили чисто символически в Иркутске. Блага сыпались как из рога изобилия. Теперь не нужно было целыми днями копать в огороде, свинарнике, коровнике, чтобы купить музыкальные инструменты или заработать на одежду. Возможно, этот головокружительный взлет «Из грязи – да в князи» и сдвинул какие-то пласты в их сознании, которые разверзлись позже бездонной пропастью.

Музыканты поняли, что нежданно-негаданно свалившаяся на их головы популярность может дать богатые дивиденды. Поэтому торопились как можно больше выступать, пока не подросли самые младшие. В них-то вся изюминка! Это сейчас публика умиляется такими одаренными малышами, а когда вырастут – будет обычный джазовый ансамбль, которых великое множество.

Гастроли следовали за гастролями. Сначала в Москве, Кузбассе, Сибири, потом за рубежом – в Японии. Туда они отправились по настоятельной просьбе японской стороны в составе делегации г. Иркутска осенью 1987 года. Их очень хорошо принимали, и Страна Восходящего Солнца окончательно вскружила голову парням.

После возвращения братья восторженно рассказывали, что жили там, словно в раю. Они разговаривали с негритянским джазистом, и тот поведал, что получает за выступления до 100 тыс. долларов. И между прочим заметил, дескать, если «русским» отшлифовать свое мастерство, то на Западе они могли бы получать приличные деньги. Возможно, тогда «Симеоны» и задумали уехать из СССР навсегда. Потом, во время следствия Игоря Овечкина спрашивали, почему же они не остались в Японии? Он ответил, что без мамы и сестер старшие братья не хотели бежать в капстрану.

Профессионально учиться музыке ребятам по возвращении из-за границы уже не хотелось и после первого семестра «гнесинку» оставили. Зачем учиться? Их недавно восторженно приветствовали в зарубежье, а значит, и теперь примут с радостью. Примерно так размышляли старшие Овечкины вместе с матерью, обсуждая в феврале идею о захвате самолета и мечтая о будущей жизни. Опасаясь КГБ, младшим ничего не говорили, чтобы те ненароком не проболтались кому-нибудь. Ведь скорость «стука» значительно превышала скорость звука. Спрашивая у младшей тоже не спрашивали, куда не денутся – «у нас один за всеми, а все без одного не все».

Наверное, не следует винить Овечкиных за намерение покинуть страну. Каждый волен жить там, где ему захочется. Поражает не желание выехать из Советского Союза навсегда, а необычайная жестокость молодых людей и их матери, лично руководившей всей операцией. Когда обсуждался план захвата самолета, никто в семье не брал в расчет жизнь заложников. Словно эти люди и не существовали вовсе.

Накануне семья распродала мебель – мол, появилась возможность удачного квартирного обмена. Братья продали радиотехнику, привезенную осенью из Японии. Из охотничьих ружей 16-го калибра они изготовили обрезы, соорудили взрывное устройство, которое договорились взорвать в случае провала операции. Все это уложили внутрь контрабаса, зная, что он не поместится при досмотре в рентгенотелевизионный интроскоп.

Против захвата заложников была самая старшая из детей, Ольга. Она даже пыталась сорвать поездку, когда не пришла ночевать домой с 5 на 6 марта. По первоначальному замыслу утром они должны были отправиться в Ленинград, взять там билеты в Иркутск, пересесть на обратный рейс и лишь тогда потребовать от экипажа лететь в Англию. Совершеннолетние братья и мать учинили Ольге крупный скандал, купили новые билеты на восьмое число и до самого отлета не спускали с нее глаз.

В аэропорту Овечкины подождали, когда досмотр пройдут более половины пассажиров, и пошли сами. Кроме ручной клади и инструментов, других вещей у них не было. Ансамбль, конечно, узнали: «Так это же наши знаменитые “Симеоны”, гордость области!» На это и был расчет. Нервозности или чего-то подозрительного работники милиции не заметили, и осмотра как такового не было. Один из старших братьев специально пытался поместить контрабас в рентгенотелевизионный интроскоп, хотя и так было видно, что он туда не влезет. Сотрудница службы досмотра попросила положить контрабас на стол, расстегнула молнию чехла и, увидев инструмент, застегнула и с улыбкой разрешила всей семье пройти в накопитель. Вот так легко в салоне самолета оказались оружие и взрывчатка.

После Кургана, когда до Ленинграда оставалось около часа полета, угонщики вызвали бригадира бортпроводников Ирину Васильеву и передали экипажу записку: «Летите в Англию (Лондон). Не снижаться. Иначе самолет взорвем. Вы находитесь под нашим контролем». Часы показывали 14.53.

Командир корабля Валентин Куприянов приказал: с этого момента в пилотскую кабину не входить, связь поддерживать по самолетному переговорному устройству (СПУ) и выяснить, насколько реальна угроза. После повторного выхода в салон стюардессы увидели направленные на них обрезы и услышали угрозы взорвать всех в случае неподчинения. Вскоре Главный центр управления воздушным движением получил информацию: 11 вооруженных обрезами бандитов захватили самолет Ту-154 с 76-ю пассажирами (борт № 85413). Высота полета 11 600 м, остаток топлива на 1 ч 35 мин полета. Вступил в действие план «Набат». «Земля» передала рекомендации экипажу: попытаться убедить угонщиков приземлиться в Ленинграде для дозаправки самолета топливом.

Бортинженер Иннокентий Ступаков вышел в салон, услышал крик: «Стоять! Дальше ни шагу» – и увидел направленные в его сторону обрезы. Как можно спокойнее бортинженер объяснил, что в любом случае нельзя долететь до Англии, так как на борту недостаточно керосина, самолет должен сесть для заправки. В ответ он услышал требование лететь в Лондон и угрозу взорвать всех в воздухе: для пущей убедительности ему показали самодельную бомбу. Однако после того как истерика у Овечкиных прошла, их удалось уговорить на дополнительную посадку в финском городе Котка.

Чтобы не подвергать риску пассажиров, экипаж первоначально принял решение лететь в Финляндию. «Земля» не дала добро, а приказала садиться на военном аэродроме Вещево (по другим сведениям – Подберезье). Работая с угонщиками, спецслужбы СССР тогда руководствовались правилом – главное, не допустить того, чтобы самолет с террористами попал за границу. Что произойдет при этом с пассажирами, какие будут жертвы и разрушения – считалось делом вторым.

Лайнер сделал разворот почти на 180 градусов и взял курс на военный аэродром. В салоне раздались истеричные крики террористов: «Почему поворачиваем? Всех взорвем!»

Стюардесса объявила в салонах по громкой связи, что воздушное судно произведет посадку в аэропорту финского города Котка для дозаправки, и попросила всех пассажиров оставаться на своих местах, застегнуть ремни, сохранять спокойствие, со своих мест не вставать. Бандиты потребовали сделать круг над аэродромом на малой высоте, чтобы убедиться, действительно ли это уже «заграница». Но им стюардессы объяснили невозможность такого облета над незнакомым аэродромом, да еще и в условиях низкой облачности.

В 16.05 самолет произвел посадку и зарулил на стоянку. Командир корабля запросил «Землю»: какие будут рекомендации? Поступил один совет – продолжать переговоры, тянуть время.

Теперь все зависело от профессионалов другого ведомства. Операция вступила в самый ответственный, завершающий этап, но тут сказались несогласованность действий различных министерств и служб, вопиющий непрофессионализм исполнителей и руководителей операции «Набат». Они даже своевременно не поставили в известность антитеррористическое подразделение «Альфа» из Москвы, видимо, решив справиться своими силами. Да и за «своими силами» – группой захвата, наспех сформированной из десяти милиционеров роты оперативного реагирования полка ГУВД, – вертолет вылетел только в 16.17. Между тем летчики, пассажиры и, конечно же, террористы увидели в иллюминаторы «на финском аэродроме Котка» оцепление из солдат Советской Армии с автоматами Калашникова. На бензозаправщике прочитали надпись по-русски: «Огнеопасно». Заметили, как находящийся в кабине заправщика офицер поспешно срывал с шапки кокарду. Бандиты поняли, что их провели. За этот обман поплатилась жизнью 29-летняя бортпроводница Тамара Жаркая. Спустя некоторое время Дмитрий Овечкин, красавец-трубач в ансамбле «Семь Симеонов», хладнокровно убил ее. Потом второй стюардессе, Валентине Николаевой, прошипел: «Скажи командиру, что одну мы уже убили! Пусть все отойдут от самолета, а не то взорвем бомбу».

Загремели выстрелы в перегородку, Василий и Дмитрий ломались в кабину, били в дверь прикладами обрезов, стремянкой: «Открывай, иначе начнем убивать пассажиров! Срочно взлетай!» Командир передал в салон, что полет без дозаправки невозможен, а при этом не обойтись без бортинженера. Вновь в салоне крики: «Срочно взлет! Не нужна дозаправка, взорвем!» Несмотря на это, Иннокентию Ступакову удалось выскользнуть из кабины, да так, что никто из преступников не успел проникнуть к пилотам. Они все же позволили ему под дулами обрезов спуститься по стремянке на землю и подняться на крыло. Бандиты внимательно следили, как бортинженер открыл горловину и опустил в нее шланг топливозаправщика. «Пасли» и тех, кто подгонял автоцистерны. В то же время не спускали глаз и с салона. Впереди стоял Олег, в центре находился Игорь, а Василий ходил взад-вперед. Мать с малышами сидела в хвостовой части. Через некоторое время угонщики, угрожая оружием, снова потребовали немедленного вылета, на этот раз в Хельсинки. Потом захотели, чтобы экипаж вышел из кабины и выстроился

лицом к стене. Василий рвался в кабину: «Открывай! Иначе кого-нибудь застрелю!» Олег бегал с оружием по салону и истерически орал: «Не смотрите на меня – перестреляю!» Обстановка накалялась.

Наконец в 18.10 заправка закончилась. Поднявшись в салон, Иннокентий передал бандиту стремянку и попросил: «Подержи, надо люк закрыть». Пока тот возился с лесенкой, ему удалось прошмыгнуть в кабину, не пустив туда террористов.

По СПУ кто-то из братьев, вырвав трубку у бортпроводницы, орал: «Почему не взлетаешь, командир?» Тот ответил: «Надо развернуться, жду тягач». – «Если через пять минут не поднимешься в воздух – взорвем самолет!» На часах было уже начало восьмого, а профессионалов «Альфы» все никак не могли доставить из Москвы.

Пять человек из Ленинградской роты оперативного реагирования ГУВД незаметно для террористов уже пробрались в кабину лайнера. Еще пятеро собирались штурмовать салон с тыла. Сигналом для обеих групп милиционеров должно было послужить начало движения самолета. Когда летчики запустили двигатели, бойцы открыли дверь пилотской кабины и стали вслепую стрелять из пистолетов. Овечкины в ответ открыли бешеную пальбу из обрезов. Через десять секунд дверь захлопнулась – вот и весь штурм. В результате перестрелки было ранено четыре ни в чем не повинных пассажира, и только чудом никого из них не убили. Террористы не получили даже царапины, а пули Овечкиных заделали двух оперативников.

Стрельба началась раньше запланированного времени, до того, как бойцам второго спецподразделения удалось проникнуть в самолет через багажный отсек в хвостовой части самолета. Позже они не придумали ничего лучшего, как, открыв люк, разрезать ножом коврик прямо под ногами у бандитов. Эту атаку старшие Овечкины тоже отбили и приняли последнее в своей жизни решение.

Из показаний Михаила Овечкина: «Братья поняли, что их окружили, и решили застрелиться. Первым выстрелил себе под подбородок Дима. Затем Василий и Олег подошли к Саше, встали плотно вокруг взрывного устройства, и Саша поджег его. Когда раздался взрыв, никто из ребят не пострадал, только у Саши загорелись брюки, а также обшивка кресла, и выбило стекло иллюминатора. Начался пожар. Тогда Саша взял у Олега обрез и застрелился. Затем Олег взял свой обрез из рук Саши и тоже застрелился. Когда Олег упал, мама попросила Васю, чтобы он застрелил ее. Вася взял из рук Димы обрез и выстрелил маме в висок (такой вот праздничный «подарок» матери). Вася хотел застрелить меня, поискал патроны в одежде Димы, но не нашел. Я спрятался возле пилотской кабины. У него оставался один патрон, и он истратил его на себя».

Всего в авиалайнере находилось 76 человек, не считая членов экипажа. После взрыва бомбы самолет загорелся, началась паника. Стюардессы открыли основные и запасные двери и выпустили аварийные трапы. Люди стали спешно покидать самолет – кто спускался в специальных желобах, кто просто прыгал на землю через аварийные люки. Внизу группа захвата встречала пассажиров весьма жестко. Милиционеры валили людей на землю, надевали наручники, били ногами. Пожилой человек получил удар прикладом по лицу, другой – выстрел в спину (он потом стал инвалидом). Всех под конвоем повели в грузовики, где в одном из них уже сидел Игорь Овечкин из бандитской группы. Только позже его отделили от остальных. Раненный в ногу, он, выбравшись из пылающего чрева воздушного судна, сразу же кинулся к ближайшей машине и закрылся в кабине.

Словом, топорность действий руководителей и исполнителей операции «Набат» была налицо, а почти у всех бывших заложников – на лице. Спецслужбы не в полной мере представляли себе всю сложность ситуации, не думали о пассажирах авиалайнера, а тупо выполняли приказ: «Любой ценой обезвредить террористов и не дать им улететь за границу и угнать самолет».

В результате непрофессиональных действий группы захвата погибла бортпроводница, три пассажира и пятеро угонщиков. Ранеными оказались 19 заложников (некоторые стали инвалидами) и двое сотрудников правоохранительных органов. Получили телесные повреждения 35 пассажиров, из них двое – тяжкие. Полностью сгорел самолет ТУ-154 стоимостью 1,4 млн рублей. Если бы советское руководство разрешило экипажу произвести посадку в Финляндии, возможно, кровавой трагедии удалось бы избежать.

16-летнего Игоря и 28-летнюю Ольгу Овечкиных народный суд г. Иркутска осудил к 12 и 7 годам лишения свободы (после пересмотра дела – соответственно к восьми и шести годам). По малолетству освобождены были от уголовной ответственности четверо младших детей – Татьяна (15 лет), Михаил (13 лет), Ульяна (10 лет), Сергей (9 лет).

Между тем, несмотря ни на что, не прекращались попытки бегства людей из СССР с помощью «Аэрофлота». Через три недели после Овечкиных, 30 марта 1988 года спецслужбы без жертв обезвредили угонщика в самолете ТУ-134 на линии Фрунзе – Москва.

1 декабря 1988 года банда Якшиянца из четырех человек (по другим сведениям – из пяти) заманила в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ) в автобус целый класс во главе с учительницей и превратила их в заложников. Террористы потребовали предоставления оружия, несколько миллионов долларов США, самолета ИЛ-76 и экипажа в аэропорту Минеральные Воды для вылета за рубеж. Требования были удовлетворены, школьники не пострадали, террористы улетели в Израиль и там сдались властям. Впоследствии все бандиты и авиалайнер были возвращены советской стороне. Инцидент под Ленинградом все же стал уроком, и наученные горьким опытом высокие руководители теперь ставили на первое место жизнь пассажиров.

С 1954 по 1991 год в СССР более 70 раз предпринимались попытки захвата воздушных лайнеров, и лишь некоторые из них увенчались успехом. В этой необъявленной войне погибли свыше 100 заложников и примерно столько же получили увечья и ранения.

Пожалуй, самая массовая гибель произошла 17 мая 1973 г. Террорист Рзаев захватил самолет ТУ-104, следовавший по маршруту Москва – Челябинск – Новосибирск – Иркутск – Чита. Он потребовал лететь в Китай. На высоте 6500 м сопровождавший самолет милиционер Ежиков выстрелил в спину угонщика, но тот успел привести в действие взрывное устройство. Самолет разрушился в воздухе, погибли все – 81 человек.

А первая попытка угона самолета в СССР (Ил-12) была зафиксирована летом 1954 г. в Новосибирске. Решился на это бортмеханик Владимир Поляков. 3 июня 1969 г. появилась первая жертва террористов – бортмеханик ИЛ-14, вступивший в борьбу с бандитами в рейсе Ленинград – Таллин. Тогда же впервые среди трех воздушных пиратов оказалась женщина. А 4 июля 1990 года некая Маевская попыталась даже в одиночку захватить самолет ТУ-134 рейса Сочи – Ростов. Жертв не было.

В хронике воздушного пиратства в СССР зафиксированы и другие случаи террористических актов:

15 октября 1970 года – нашумевший захват и угон в Турцию самолета АН-24, следовавшего по маршруту Сухуми – Батуми, отцом и сыном Бразинскасми. Погибла бортпроводница Надежда Курченко, три члена экипажа ранены, террористы не выданы. В США спустя 30 лет Бразинскас-младший убил своего родителя.

13 сентября 1987 года – курьезный угон. «Террорист» Хацкевич требовал от экипажа Ту-134, выполнявшего рейс Минск – Ростов, лететь в Париж. При этом угрожал имитатором взрывного устройства (2 куса хозяйственного мыла, телефонный провод, звонок). Злоумышленника отправили на принудительное психиатрическое лечение.

В мае 1989 года бывший военный летчик Зуев угнал новейший по тем временам истребитель МиГ-29 с аэродрома Цхакая в Турцию.

19 августа 1990 года 11 заключенных, этапировавшихся из Нерюнгри в Якутск, угнали самолет Ту-154 в Карачи (Пакистан). Власти отказались выдать преступников и приговорили всех к смертной казни, затем казнь заменили на пожизненное заключение. В 1998 году шестеро террористов были возвращены в Россию и получили по 15 лет за угон. Трое умерли в тюрьме, двое остались в Пакистане.

Как только в СССР изменились правила выезда за границу, почти прекратились угоны самолетов: теперь можно было попасть туда более простым путем, без жертв, угроз и насилия.

ПЕРОВСКАЯ СОФЬЯ ЛЬВОВНА

(род. в 1853 г. – ум. в 1881 г.)

Революционерка-народница, активный член организации «Народная воля». Первая из женщин-террористок, осужденная по политическому делу и казненная как организатор и участница убийства императора Александра II.

Первые русские революционеры конца XIX века, пропагандируя свои идеи в обществе, доказывали, что цель оправдывает средства. При этом даже женщины, входящие в состав нелегальных организаций и вдохновленные мечтами о «светлом будущем», часто убивали, не задумываясь о жертвах и последствиях. Одна из них – Софья Перовская – считала терроризм самым действенным способом влияния на правительство. Она любила повторять, что отказалась бы от террора, если бы видела другой путь. Но в том-то и была беда этой образованной молодой женщины, что другого пути она не видела и не могла тогда увидеть. Навязчивая идея целиком поглотила ее мысли, заставила отказаться от привычного уклада жизни и пойти на преступление, противное христианскому и дворянскому воспитанию.

Софья родилась 13 сентября 1853 года в Петербурге. Ее отец, Лев Перовский, чиновник высокого ранга, приходился правнуком последнему гетману Украины Кириллу Разумовскому, а мать, Варвара Степановна, была родом из простого семейства псковских дворян. Впоследствии эта разница в происхождении привела к разрыву между родителями. Детские годы Софьи прошли в провинциальном Пскове, где служил отец. Товарищами ее игр были старший брат Вася и соседский мальчик Коля Муравьев, который спустя много лет, став прокурором, потребовал для подруги детских лет смертной казни.

Вскоре Льву Николаевичу предложили занять пост вице-губернатора Петербурга, и семья Перовских переехала в столицу. Теперь в их доме все было поставлено на широкую ногу, как и подобает людям столь высокого положения. Однако блестящие балы и приемы, заставлявшие трепетать сердца молодых девиц, юную Софью оставляли совершенно равнодушной. Как и ее брат, она терпеть не могла лживости и снобизма высшего света.

Много времени Перовская проводила в доме декабриста А. В. Поджио, общаясь с его дочерью Варей, которая приходилась ей двоюродной сестрой. В их семье она часто слышала споры о судьбе России, о жестокости самодержавной власти, которую, как они считали, уже давно пора было свергнуть.

Во время первого и неудачного покушения на Александра II Софье было всего 12 лет и она еще не могла оценить значимости этого события как политического. Но по привычной жизни Перовских это нанесло сокрушительный удар. Отцу, из-за проявленной «непредусмотрительности», пришлось уйти в отставку, и семья, материальное положение которой и так было не слишком прочным, постепенно разорилась. Варвара Степановна, оставив мужа, увезла детей в Крым, где располагалось их старое имение. Перовских почти никто не навещал, и единственным развлечением девочки оказалось чтение. Причем среди ее книг было немало запрещенной литературы, которую привозил ее брат-студент из столицы. К чтению Софья относилась очень серьезно. Вдумчиво останавливаясь на каждой мысли, она развивала ее и даже оспаривала. Видно было, что умственная работа сама по себе захватывала девочку и доставляла наслаждение. Недостаток регулярного образования она восполняла настойчивостью и упорством.

В 1869 году спокойной провинциальной жизни Перовских пришел конец: их крымское имение было продано за долги, и Софья с матерью и сестрами возвратилась в Петербург. Той же осенью она поступила на Аларчинские курсы для девушек при 5-й мужской гимназии. Ее интересовали все науки, но в химии, физике и математике Соня проявляла исключительные способности и оказалась в числе немногих учениц, которые были допущены к летним практическим занятиям в химической лаборатории.

С этого момента жизнь Перовской полностью изменилась. Окружившие ее подруги отличались передовыми для того времени взглядами. Они читали запрещенную литературу, коротко стригли волосы, курили и – что «самое ужасное» – носили мужскую одежду. Зерна эмансипации упали на подготовленную почву. Жажда знаний у Софьи очень скоро превратилась в жажду деятельности на благо народа, что, однако, не встретило понимания со стороны ее отца. В 17 лет, решительно порвав с семьей, Софья ушла из дома. Тогда же вместе с несколькими молодыми студентами, в том числе Николаем Чайковским, давшим свое имя будущей организации, Перовская вошла в состав тайного народнического кружка, носившего скорее характер братства, чем политического общества. Кружок, сначала занимавшийся исключительно пропагандой среди молодежи, был невелик. Постепенно, с расширением количества его членов, приходило понимание новых задач и целей. Каждый день с утра и до поздней ночи Перовская вела тайную агитацию среди рабочих. Помимо этого по составленной «чайковцами» программе ей предстояло привлечь к народническому движению крестьян, на которых делалась основная ставка в будущей революции. Весной 1872 года Софья отправилась в Самарскую губернию, чтобы впервые собственными глазами увидеть, как же живут те, за кого она борется. Однако народникам сразу стало понятно, что крестьянам чужды социалистические и революционные идеи. Возвратившись в Петербург, Перовская продолжила занятия в рабочих кружках.

В то время Софья жила в маленьком домике на окраине города. Согласно легенде, все считали ее женой рабочего, и никто не догадывался, что она дворянка и дочь бывшего вице-губернатора. Теперь в повязанной платком мешанке, в ситцевом платье и в мужских сапогах таскающей воду из Невы, мало кто узнал бы барышню, которая недавно блистала в аристократических петербургских салонах. Между тем Софья, проявляя чудеса бережливости, стирала и стряпала для всех, и, несмотря на бедность, старалась содержать дом в чистоте. Она привыкала жить в напряжении, в постоянном ожидании обыска и ареста. Перовская осознавала: то, что они делают, – незаконно, и с самого начала сказала себе, что к чему бы ни привела агитация, она нужна, а если она приведет к эшафоту – пусть так: стало быть, это будет нужная жертва.

Вскоре в Петербурге начались массовые аресты народников-пропагандистов, и Софья тоже попала за решетку. Только благодаря старым связям отца через несколько месяцев ее отпустили на поруки. Целых три года пришлось Перовской ждать процесса. Чтобы не терять времени зря и еще лучше подготовить себя к пропаганде среди крестьянства, она решила изучить фельдшерское дело. С этой целью Софья отправилась в Тверскую губернию к знакомому врачу, у которого пробыла на практике несколько месяцев.

Когда наконец начался судебный процесс по так называемому «делу 193-х», Софья Перовская присоединилась к группе арестантов, отказавшихся сотрудничать со следствием. В зале суда она, как замороженная, слушала пламенные речи Петра Алексеева – одного из основателей народнического движения. Каждое его слово падало на благодатную почву, и Софья все больше убеждалась в правильности выбранного ею пути.

После оглашения приговора на свободе остались совсем немногие товарищи из ее организации. Перовская была оправдана и, как бы чувствуя в этом свою вину, целый год потратила на подготовку многочисленных бесплодных попыток освобождения друзей-революционеров из Харьковской центральной тюрьмы. В этом деле она себя не берегла, удивляя бесстрашием самых смелых мужчин. Ей удалось подыскать людей, устроить наблюдение за центральной тюрьмой и связаться с заключенными. Однако такая занятость не помешала Софье поступить еще и на акушерские курсы, проучиться все восемь месяцев, отлично сдать экзамен и получить диплом. Редкая минута пропадала у нее даром. Впрочем, деловитость никогда не переходила у Перовской в сухость и «деревянность». По свидетельству современников, в свободное время она очень любила поболтать, а над шутками хохотала так звонко и по-детски заразительно, что всем окружающим становилось весело.

Летом 1879 года Софья снова появилась в Петербурге – в это время там произошло разделение организации «Земля и воля» на две самостоятельные группы. После нескольких лет практики большинство членов этой партии пришло к выводу, что социалистическая пропаганда в народе невозможна, поэтому необходима борьба за политическую свободу, одним из средств достижения которой считался террор. Кроме того, среди молодежи росло желание отомстить правительству за расправу с инакомыслящими. Многие из друзей Софьи носили оружие, а Вера

Засулич в январе 1878 года даже решила пустить его в ход против генерала Трепова. То, что суд присяжных ее оправдал, вдохновило народовольцев на дальнейшую вооруженную борьбу. Перовской казалось, что общество прислушалось к голосу революционеров и солидарно с ними. Но после очередной серии арестов она поняла, что в России никто особо не жаждет революционных перемен, и постепенно пришла к заключению, что старые агитационные методы работы неэффективны. А идея цареубийства уже давно носилась в воздухе: «За российские порядки должен отвечать тот, кто сам не хочет ни с кем делить ответственность – самодержец всероссийский».

С таким нехарактерным для своего воспитания решением политического вопроса Перовская согласилась не сразу. Немало копий пришлось сломать народовольцам в диспутах с ней. Очень сильно повлияло на Софью и окончательно склонило ее к новым методам борьбы знакомство с А. Желябовым – одним из создателей и руководителей «Народной воли». Он возглавлял ее военную, студенческую и рабочую организацию. Этот рослый мужественный молодой человек, выходец из семьи крепостных крестьян, покорила Софью своим красноречием, убежденностью и запальчивостью. Именно ему удалось склонить Перовскую войти в террористическую группу, готовящую покушение на Александра II. Вслед за Желябовым она стала видеть в убийстве императора единственное средство, которое может всколыхнуть общество и приблизить революционный переворот. А убедившись однажды в чем-нибудь, Перовская от этого уже не отступала. Среди других женщин-террористок она выделялась своей самоуверенной властью, вдумчивым спокойствием и неутомимой энергией. По мнению друзей, «во всем, касающемся дела, она была требовательна до жестокости, а чувство долга было самой выдающейся чертой ее характера».

Первое покушение, в подготовке которого участвовала Перовская, с самого начала преследовали неудачи. Работа по закладке мины на пути следования царского поезда была очень тяжелой и опасной. Софья никогда не расставалась с пистолетом, а в случае обыска должна была взорвать дом, выстрелив в бутылку с нитроглицерином. Прогремивший 1 декабря 1879 года на железной дороге под Москвой взрыв снес с путей обычный поезд. Погибли ни в чем не повинные люди. Но террористов это не волновало, они были готовы идти на любые жертвы. Перовскую уговаривали уехать за границу, но она предпочитала быть повешенной в России. И конечно, Софья хотела остаться рядом с любимым человеком, хотя устав организации был строг и суров. Перовская ради дела забыла о родственниках, давно не имела собственного имущества, но ее отношения с гражданским мужем, Андреем Желябовым, были настолько чистыми и глубокими, что знавшие обоих друзья говорили: «На эту пару приятно было взглянуть в те минуты, когда дела идут хорошо, когда особенно охотно забываются неприятности». Но никакая дружба или влюбленность не могла отменить подготовки очередного покушения.

Можно считать, что чудо спасло царя во время взрыва прямо в Зимнем дворце. Тайная полиция сбилась с ног, разыскивая террористов. Приметы Перовской теперь знал каждый петербургский жандарм. А она тем временем под именем Марии Прохоровой днем торговала в бакалейной лавочке в Одессе, а ночами готовила очередной террористический акт. Однако и он не увенчался успехом. Софья не позволяла себе думать о неудачах и жертвах. Она продолжала заниматься с рабочими, создавала библиотеки и новую подпольную типографию. Кроме того, у нее были самые обычные человеческие заботы: сходить на рынок, приготовить обед. Привыкшая к богатству, Перовская научилась ценить деньги, которые ей выделялись из фонда организации. Чтобы сократить расходы общественных средств на личные нужды, она зарабатывала перепиской и переводами.

В начале 1881 года Желябов разработал новый четырехступенчатый план убийства царя, не допускающий возможности его спасения. Основу плана составлял взрыв императорской кареты бомбой, заложенной в подкоп под Малой Садовой, по которой должен был проезжать Александр II. Если бы бомба по каким-либо причинам не взорвалась или изменился царский маршрут, в дело должны были вступить расставленные в линию четыре метальщика с ручными бомбами. Если же и метальщики промахнулись бы, то на царя бросился бы сам Желябов с кинжалом в руках. В этом плане Перовской отводилась важная роль. Она организовала наблюдение за постоянными маршрутами передвижения Александра II по столице и лично участвовала в нем. Ей удалось установить наиболее удобные места для покушения. На Малой Садовой улице революционеры под именем крестьянской семьи Кобозевых сняли сырную лавку, из подвала которой сделали подкоп, чтобы установить мину под мостовой. Людей не хватало, не прекращались аресты. Перовская жила в постоянной тревоге за Желябова. И не напрасно: за несколько дней до покушения он был арестован.

Вся тяжесть организации теракта легла на плечи его подруги, жены и помощницы. Конечно, по натуре она была лидером, но совсем не таким сильным, как Желябов. Однако останавливаться на полпути было не в ее правилах. Софья решила действовать при любых обстоятельствах. Завершив отслеживание маршрутов царя, заговорщики установили, что каждое воскресенье он

направляется на развод караулов в Манеж Инженерного замка двумя возможными путями – по Малой Садовой или по Инженерной и набережной Екатерининского канала. Было решено напасть на царя на его обратном пути. Перовская должна была занять позицию у Манежа. Если царь будет возвращаться в Зимний по Малой Садовой, то Софья взмахом платка даст знать об этом метальщикам, и они выйдут из игры. Тогда в действие вступит «сырная лавка». Если же венценосный экипаж направится в сторону Инженерной, Перовская, опять же с помощью платка, направит метальщиков к Екатерининскому каналу, где разыграется заключительный акт. Именно так и описывается процесс подготовки цареубийства во всех советских учебниках по истории. Однако современные архивные данные и историческая реконструкция позволяют утверждать, что «сырная лавка Кобозева» была лишь прикрытием основной операции на Екатерининском канале и что террористы заранее точно знали маршрут императора именно на 1 марта. Тут нелишним будет вспомнить, что отец Софьи Перовской служил в совете при Министерстве внутренних дел и наверняка был посвящен в тайну передвижения царя по столице. Хотя прямых доказательств того, что утечка информации произошла именно с его стороны, нет.

В то злополучное утро 1 марта 1889 года Александр II в сопровождении петербургского полицмейстера Дворжицкого и казацкого конвоя возвращался из Михайловского манежа в Зимний дворец. Царь отказался от проезда по Малой Садовой и свернул на набережную. Перовская быстро сориентировалась и расставила в заранее определенных точках метальщиков бомб. Она не покинула места событий, не бросила все на произвол судьбы. Софья взмахнула белым платочком (а по данным следствия – просто высморкалась), и Рысаков метнул в царскую катеру первую бомбу. Александр II остался невредим, тогда как взрывчаткой в щепки разнесло задник его кареты и смертельно ранило двух казаков и проходившего мимо мальчика-посыльного. Второй террорист, Гриневецкий, воспользовавшись непроизвольной задержкой царя на месте происшествия, взорвал бомбу между собой и императором. Тяжелораненый Александр II скончался от потери крови – как и его убийца.

Перовская добилась своего. Думала ли она о невинно погибших или раненых прохожих, об их семьях? Вряд ли. Как говорила впоследствии В. Фигнер: «Они просто брали чужую жизнь, а взамен отдавали свою». Девять дней, проведенных до своего ареста, Софья посвятила неудачным попыткам освободить из тюрьмы Желябова. На допросах Перовская признала свое участие в покушениях под Москвой, в Одессе и в последнем – сенсационном цареубийстве. Она сказала, что сама не бросила бомбу только потому, что это удалось сделать ее товарищам.

Спокойная и серьезная, без малейшей тени рисовки, предстала она перед судом. В краткой речи Софья просила только не отделять ее как женщину от прочих ее товарищей по делу; и просьба эта была исполнена. Без лишних эмоций выслушала Перовская свой смертный приговор – она давно готовила себя к подобному исходу. То, что действительно творилось в ее душе за несколько дней до казни, может частично продемонстрировать письмо, написанное Софьей матери, которая приехала из Крыма по первому известию об ее аресте: «Дорогая моя, неоцененная мамуля! Меня все мучает мысль, что с тобой. Я о своей участи нисколько не горюю, так как давно ожидала, что рано или поздно, а так будет. Я всегда от души сожалела, что не могу прийти до той нравственной высоты, на которой ты стоишь; но во всякие минуты колебаний твой образ меня всегда поддерживал. Я надеюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я тебе причиняю, и не станешь меня сильно бранить: твой упрек единственно для меня тягостный».

Ни манифест исполкома «Народной воли», что террористический акт являлся казнью императора по воле народа, ни ультиматум, выдвинутый революционерами в поддержку политических заключенных, не изменили судьбу пяти приговоренных: Перовской, Кибальчича, Желябова, Михайлова и Рысакова (шестой подсудной, Гельфман, казнь отсрочили из-за беременности). 3 апреля 1881 года непосредственные участники подготовки и убийства Александра II были публично повешены на Семеновском плацу. Впервые на эшафот взошла женщина, осужденная по политическому делу. Софья Перовская добилась равноправия с мужчинами хотя в бы этом вопросе.

Показательная казнь не остановила революционный, идеологический, политический и религиозный террор в России. Как и во всем мире, он продолжает свое жестокое существование, хотя давно очевидно, что террор – тупиковый путь борьбы за преобразование общества и избавление его от социальных болезней.

ПРИНЦИП ГАВРИЛО

(род. в 1894 г. – ум. в 1918 г.)

Сербский студент, член террористической организации «Молодая Босния», который 28 июня 1914 года выстрелом из револьвера убил наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу. По сути, это двойное убийство подожгло бикфордов шнур международной политики, дав сигнал к началу Первой мировой войны. Кем был убийца? Кто вложил ему в руки оружие? С чьей подачи был сыгран этот страшный спектакль? Похоже, однозначного ответа на эти вопросы до сих пор не существует...

Утро 28 июня 1914 года. Годовщина разгрома Сербии турками на Косовом Поле в 1389 году. На извилистых улицах Сараево собрались толпы народу. Горожане хотели посмотреть на эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу Софи. Но среди массы любопытных находились люди, которые ожидали кортеж не просто для того, чтобы поглазеть на высочайших особ. Их целью было убийство – то самое, которое стало сигналом к началу Первой мировой войны. Боевиков было шестеро: студенты, бредившие идеей создания Великой Сербии. Расставленные на всем пути следования, они должны были исключить неудачу при покушении, «подстраховав» действия друг друга. Злой гений террора увлек человечество навстречу новой катастрофе, но мир пока об этом не подозревал.

Важности момента явно не соответствовал уровень принятых мер безопасности: путь движения кортежа охранялся минимальным количеством австрийских солдат и всего 120 полицейскими. Чем была вызвана столь неоправданная беспечность? Видимо, это являлось реакцией военных властей на отношения между престарелым императором Францем Иосифом и эрцгерцогом. Император явно недолюбливал племянника и сильно раздражался, когда того принимали с пышностью.

...Первый боевик остался не у дел. Увидев рядом с собой полицейского, он испугался и не стал рисковать. Эрцгерцог проехал мимо, и Смерть не получила своей добычи.

...Новый поворот улицы – и почти к самой машине подкатывается плотный прибой человеческих тел. Среди них второй боевик. Смерть снова оказалась рядом. Но парня так зажало в толпе, что он просто не в состоянии высвободиться и пробиться поближе к кортежу.

На третьего исполнителя страшная гостья Сараево вообще не обратила внимания: на него нет никакой надежды – молодой человек боится попасть в Софи, сидящую рядом с мужем, и поэтому стрелять не собирается.

Презрительно фыркнув, Смерть качает головой: ну и террористы! Четвертого вообще не оказалось на месте. У парня сдали нервы, и он решил убраться подальше. Ну что ж, остаются еще двое. Габринович и Принцип – кто из них поставит точку на жизненном пути Франца Фердинанда?

...Гаврило Принцип напряженно прислушивался к отдаленному гулу толпы. Почему до сих пор ничего не произошло? Что случилось с его товарищами? Неужели ему самому придется исполнять приговор, вынесенный эрцгерцогу? Конечно, тогда надо позаботиться и о собственном спасении, в противном случае. Хотя что это он? А ампула с цианистым калием, заботливо припрятанная именно в расчете на такой поворот событий? Она быстро избавит своего владельца от кары людской. А жизнь. Что ж, ею Принцип ничуть не дорожит. Да, ему всего 19, с виду он здоров и силен, а на деле. Он ведь все равно смертник. Процесс в легких протекает быстро, и так или иначе, но отпущено ему совсем немного. Туберкулез безжалостен, и вымолить у него еще немного времени на жизнь – дело безнадежное.

Когда родился Гаврило Принцип, мы сейчас не знаем. По-видимому, это произошло весной 1894 года. Дело в том, что приходской священник заносил в церковный домовник рождения и смерти целыми списками, чтоб лишний раз не доставать тяжеленную книгу. Известно лишь, что в 12 лет мальчик поступил в сараевскую гимназию и вскоре стал лучшим ее учеником. Никто не догадывался, что этот тихий, скромный, молчаливый паренек страдает лунатизмом, медленно изматывающим его организм. Часто по ночам Гаврилу охватывало странное чувство: мальчишке казалось, что его собственное тело становится столь же невесомым, как и лунный свет. Еще миг – и он может без усилий стронуться с места и поплыть в воздухе. Формирование взглядов Принципа проходило под влиянием этого необычного видения, оно же обусловило его восприятие идей и предметов. А вскоре к лунатизму прибавился и туберкулез.

Революционная риторика не пробуждала в парне самолюбия, не вызывала желания заявить о себе ярким поступком. Он относился к тем мечтателям, которые действительно верили в возможность объединения и процветания Сербии и были начисто лишены свойственного этому возрасту желания во что бы то ни стало выделиться. Принципа глубоко поразило поступок

студента Жереича, который совершил покушение на военного губернатора Боснии и застрелился, чтобы не попасть в руки полиции. В Белграде Жереича сразу же объявили героем, отомстившим угнетателю сербов. С тех пор Принцип проводил ночи не дома. Он просиживал темное время суток, когда на него накатывала лунная тоска, на могиле Жереича. Именно Гаврило вырезал на безымянном кресте его имя и высадил на печальном холмике маргаритки. Казалось, что он сам пустил корни среди цветов, за которыми кропотливо ухаживал. А вскоре этот заботливый лунатик помог превратить Европу в колоссальное кладбище.

Эрцгерцогу Францу Фердинанду было уже 50 лет. Мрачный мужчина с голубыми глазами, глубокий консерватор, хранитель многовековых основ монархии Габсбургов, он любил единственное существо на свете – свою жену Софи, урожденную графиню Хотек. Она отвечала ему взаимностью, но вместо счастья это приносило племяннику императора множество огорчений: дядя долгое время не желал признавать этот брак, не соответствующий династическим законам, – род Хотек не считался равным для того, чтобы породниться с племянником императора Священной Римской империи и Германской нации (до 1805 года такое пышное название носила Австрия). Позже дядя, скрепя сердце, махнул на племянника рукой, но объявил его брак морганатическим (рожденные в нем дети не могли в этом случае претендовать на престол империи). Так что радости жизни для эрцгерцога сосредоточились на семье и охоте. Все человечество для наследника австрийского престола делилось на тех, кто признавал его брак с бывшей фрейлиной, и тех, кто не признавал его Софи. Даже политическая ориентация Франца Фердинанда базировалась именно на таком подходе: германский император Вильгельм II принимал его драгоценную жену с королевскими почестями – и эрцгерцог стал сторонником сближения с Германией; английская королева не захотела приветствовать на Виндзорском вокзале прибывшую с официальным визитом чету – что ж, тем хуже для нее! Фердинанд не принадлежал к числу выдающихся политиков, но был честен, добросовестен, трудолюбив и настойчив. Ему мало кто симпатизировал из-за замкнутого холодного характера, но и врагов эрцгерцог много не нажил. Венгров он не любил за вечное недовольство недостаточной автономией, евреев – за их проникновение в финансовую и промышленную сферы и поддержку художников-декадентов, русских – за потакание сербской экспансии и общую культурную отсталость. Правда, воевать с последними Франц Фердинанд не собирался, подчеркнув в одном из разговоров, что такого конфликта следует всячески избегать, поскольку он приведет к падению либо Романовых, либо Габсбургов. А вероятнее всего – и тех и других.

Эрцгерцог не мог не понимать, что славянские народы, входившие в число его подданных, рано или поздно приведут к развалу империи. Чтобы предупредить это, он выработал план внутригосударственного устройства, который предусматривал создание триединой Австро-Венгерско-Славянской монархии, где на первый план выдвигался славянский элемент. А легитимным наследником нового государства должен был стать сын Фердинанда, наполовину чех. Таким образом, эрцгерцог хотел окончательно привязать поляков, чехов, словаков, хорватов, сербов и галичан к Габсбургам. Так что его напрасно объявляли тираном: таковым мрачноватый австриец являлся только в отношении браконьеров, совершавших периодические набеги на его имение в Конопиште. Но идеи Фердинанда представляли опасность для тех, кто ратовал за независимость сербского королевства. И грандиозные планы взялась перечеркнуть тайная террористическая организация «Черная рука». Опираясь на молодежное объединение такого же толка, она нашла тех, кто должен был убрать титулованного охотника с политической арены, – бедных студентов, одурманенных великими целями и идеями. Именно «Черная рука» расставила на пути кортежа эрцгерцога шестерых ребят, готовых совершить убийство.

В машину сыпались букеты цветов. Они падали под колеса, к ногам сидевших высоких гостей и им на колени. Внезапно у моста Цумурья один из летящих в экипаж пучков цветов почему-то вызвал у Фердинанда страх. Он отбил букет рукой, тот отлетел под колеса следующей машины и взорвался. В нем, как оказалось, была спрятана самодельная бомба, начиненная гвоздями. Машину с придворными разворотило взрывом, несколько человек получили серьезные ранения. Софи отделалась небольшой царапиной на шее.

Смерть, с любопытством вытянувшая шею, тяжело вздохнула: да что ж это за день такой? Опять неудача! Однако, несмотря на просьбы прибывшего на место происшествия начальника полиции, Фердинанд продолжил поездку. Значит, ставить точку в этом деле рано.

А студент-то, метнувший бомбу, хорош: проглотил ампулу с ядом, а когда тот почему-то не подействовал, в реку бросился. Вплавь спастись решил, ненормальный! Да при такой жаре в обмелевшей Милячке и воды-то по колено. Так и есть, поймали голубчика! Но это уже его проблемы. И Смерть подалась к городской ратуше.

Фердинанд провел встречу с сараевским градоначальником, а затем решил отправиться в госпиталь, чтобы проведать раненых. С ним в машину сели Софи и военный губернатор Боснии генерал Потioreк. На подножке с саблей наголо стал граф Гаррах.

Принцип услышал звук взрыва и крики. Он понял, что один из его товарищей выполнил поставленную задачу. Издерганный, Гаврило зашел в небольшое кафе, чтобы несколько успокоить расшалившиеся нервы и отметить гибель «тирана».

Автомобиль наследника австрийской короны тем временем показался на углу улицы имени его дяди-императора. Но тут Потиорек, заметив, что машины поехали не по тому пути, который был нужен, потребовал развернуться. Во время поворота машина ударила колесом о кромку тротуара и остановилась. Услышав скрип, Принцип вышел из кафе, которое, по стечению обстоятельств, находилось рядом. Он знал эрцгерцога в лицо и ошарашенно уставился на того, кого считал уже покойником.

Смерть подошла к нему сзади и легонько подтолкнула в спину: не стой, действуй, не упускай момент! Словно очнувшись, Принцип рванулся к машине, по дороге выхватив револьвер (возиться с бомбой не было времени). Выстрелы слились в один. Пуля пробила сонную артерию эрцгерцога и застряла в позвоночнике. Вторая попала в его жену. Это сделало преступление чрезвычайно кровавым. Софи, словно тряпичная кукла, беззвучно повалилась на колени мужа.

На террориста налетел какой-то студент, затем подоспели полицейские. Принцип попытался проглотить ампулу с ядом, но, то ли те, кто отправлял молодых людей на преступление, ошибались, то ли в ампулах был отнюдь не цианистый калий. Яд не подействовал, и толпа принялась избивать убийцу. Кто-то даже дважды рубанул его шашкой по руке.

А Фердинанд, находясь в состоянии аффекта, обхватил голову жены руками и кричал: «Софи, Софи, пожалуйста, не умирай – живи ради детей!»

Жертв террористического акта повезли в правительственный дворец. Софи умерла почти сразу после покушения, а ее супруг в беспамятстве дышал еще 15 минут.

...Смерть облегченно вздохнула: наконец-то! Закинув на плечо свою косу, она еще раз взглянула на Принципа, которого буквально рвала на куски обезумевшая толпа, и равнодушно пожала плечами. Чуть раньше, чуть позже – какая разница! Все равно этот студент со своей чахоткой долго не протянет. Она рассчитается с ним попозже за оказанную сегодня услугу. А насколько большую – эти жалкие людишки поймут уже очень скоро. Жизнь эрцгерцога – такая мелочь! Ради нее одной она бы не стала целое утро бродить по городу, сбивая ноги. Но гибель Фердинанда станет искрой, упавшей в пороховой погреб. Она станет началом страшной, кровавой и ожесточенной войны...

К суду по делу об убийстве Франца Фердинанда и его супруги было привлечено 25 человек, девять из них – оправданы. Трое участников заговора были приговорены к смертной казни, а остальные – к разным срокам тюремного заключения.

Бросивший бомбу Габринович и Принцип как несовершеннолетние получили по 20 лет тюрьмы. В каждую годовщину преступления их должны были переводить в темный карцер. Кроме того, убийце Фердинанда и Софии был положен один день полного поста в месяц. Обоих заключенных отправили в Чехию, в крепость Терезин, где они медленно, но верно угасали в сырых и холодных камерах. Первым ушел из жизни Габринович, заболевший чахоткой. Гаврило Принцип, которому вскоре после суда пришлось ампутировать руку, покалеченную при задержании, перенес две мучительные операции. Затем туберкулез сделал свое дело, и убийца эрцгерцога закончил свой земной путь 1 мая 1918 года, когда еще бушевала развязанная им большая мировая война. Смерть расплатилась с ним сполна и позволила уйти тихо и незаметно.

Его похоронили ночью в ничем не обозначенном месте. Но один солдат-славянин смог запомнить его; по словам очевидца захоронение отыскали, и в 1926 году останки Гаврилы Принципа были перевезены в Сараево и перезахоронены с большой помпой. Вчерашний убийца теперь числился национальным героем.

А в учебниках истории появились главы, рассказывающие о том, как выстрел сербского студента знаменовал начало мировой войны. Возмущенные убийством австрийки объявили войну сербам; за славян заступились русские; германцы, желая помочь австрийцам, объявили войну России; на помощь русским пришли французы.

Далее в котел войны оказались брошены англичане, бельгийцы, турки, итальянцы, американцы, японцы. Согласитесь, трудно поверить, что 70 млн человек начали убивать друг друга только потому, что австрийский эрцгерцог отправился к праотцам!

Как известно, в любом преступлении необходимо отыскать того, кому оно выгодно. Естественно, студенты, несовершеннолетние юнцы, оболваненные великими идеями, на эту роль не подходят. Так кто же дал им в руки оружие и указал цель? Кто стремился развязать войну, в

которой отстаивали свои интересы практически все европейские державы? И удастся ли когда-нибудь распутать этот змеиный клубок и добраться до истины? Кроме Англии, в этом убийстве были заинтересованы также Россия, сербские националисты, масоны, призывавшие к низвержению тронов, и русские революционеры. Известно, что подготовка данного теракта началась еще в 1913 году и стояла в программе целого ряда националистических организаций Сербии – таких как «Молодая Босния», «Народная оборона» и «Черная рука». Об этом знали не только в Вене, но и буквально в каждой белградской кофейне. За спинами молодых террористов скрывался сам полковник Апис (Драгутин Дмитриевич), возглавлявший тайное общество «Объединение или смерть», более известное под названием «Черная рука». Данная организация была одержима мечтой о Великой Сербии, но не собиралась предоставлять автономию славянским народам. Принцип и его товарищи вступили в общество, сопроводив эту процедуру всеми необходимыми мрачными атрибутами типа письменной клятвы, подписи кровью, заверений в том, что неисполнение обязанностей карается смертью, а так же восковых свечей, револьверов, ножей и крестов в интерьере и тому подобного. Под опекой Аписа молодежь обучалась стрельбе, метанию бомб, прорыву через линию охраны на учебном военном поле под Белградом, неподалеку от военного министерства и русского посольства. «Черная рука» снабдила террористов оружием и пресловутым «цианистым калием». Затем вчерашние студенты были отправлены на границу с Боснией и при помощи пограничной стражи проникли на сопредельную территорию, где их ждали доверенные люди Аписа. Пули, выпущенные рукой Принципа, не были причиной войны. Они стали лишь поводом, так необходимым для скорейшего начала военных действий.

После того, как в Сараево прозвучали роковые выстрелы, Австрия предъявила ультиматум Сербии и началась война, в которую оказалась втянутой и Россия, совершенно не готовая к широкомасштабным военным действиям. Знал ли Николай II о готовящемся покушении на эрцгерцога? Если опираться на показания самого полковника Аписа, арестованного в 1917 году и затем расстрелянного, военный атташе в Белграде В. А. Артамонов и посол Н.Г. Гартвиг не только были осведомлены о готовящемся теракте, но и прямо способствовали его осуществлению. В частности, Артамонов передал Дмитриевичу-Апису разведдонесение из русского Генштаба о якобы намечающемся нападении Австро-Венгрии на Сербию. Русская разведка просто обязана была доложить «наверх» о планах «Черной руки», и до сих пор не ясно, сами ли она посчитали их не стоящими внимания или в столице на донесения дипломатов не обратили внимания. Как бы то ни было, уже через два дня после убийства Франца Фердинанда Россия вплотную занялась вооружением братьев-славян. Кстати, историк М. Н. Покровский прямо говорил, что сараевское убийство было провокацией русского Генштаба. Интересно, что эту версию поддерживал и его нацистский коллега Г. Юберсбергер.

Некоторые исследователи считают Дмитриевича-Аписа лишь исполнителем, а идею уничтожения эрцгерцога предписывают сербскому масону, министру и одному из создателей тайной организации Любе Чупе. Во время допросов террористов «масонский» след всплыл практически сразу и был весьма неоднозначным.

Интересно, что «Черная рука» поддерживала также контакты с русскими революционерами, в частности, с Мартовым, Луначарским и Троцким. В 1937 году на московском процессе свет на это дело пытался пролить Карл Радек. Он сказал, что хотел бы раскрыть тайну войны. Ее часть якобы находилась в руках Принципа, но молодой серб предпочел умереть в тюрьме, так и не открыв ее. Что хотел сказать Радек, так и осталось неизвестным. Видимо, эта «тайна» была отнюдь не загадкой для русских революционеров, умело воспользовавшихся плодами войны. Вполне возможно, что уже тогда, накануне Первой мировой, они заключили с масонами негласное соглашение о разделе сфер влияния в будущем.

Сегодня так и тянет сказать, что виноваты в произошедшей мировой трагедии все: и Англия, стремившаяся столкнуть лбами русско-французский союз с Германией, ликвидировав таким образом своих конкурентов на европейском континенте; и Россия, которая хотела убрать со своего пути австрийцев, мешавших ей утвердиться на Балканах; и сами сербы, бредившие созданием собственной великой державы; и русские революционеры, мечтавшие добраться до власти; и масоны, которых прельщала перспектива разрушения сразу двух монархий. По роковому стечению обстоятельств все эти глобальные интересы переплелись на личности эрцгерцога. А чтобы рядовые граждане, совершенно не заинтересованные в войне, не делали нападок на собственных политиков, стремящихся перековать мир по своему вкусу, как раз и потребовался болванчик, на которого можно было бы спихнуть вину за произошедшую трагедию. Гаврило Принцип на эту роль подходил идеально. И все же о подлинной стороне убийства Франца Фердинанда, скорее всего, мы уже никогда ничего не узнаем.

Однако поступок сербского студента привел как раз к тому, о чем он сам мечтал: единая Югославия, основой которой стало бывшее Сербское королевство, все-таки возникла. Вот только

она оказалась всего лишь фантомом, хрупким и недолговечным, как и весь возникший после войны миропорядок.

А дело Принципа, судя по всему, не погибло. В 2002 году в Сербии заявила о себе террористическая организация «Гаврило Принцип», разославшая список политиков, подлежащих уничтожению.

РАДУЕВ САЛМАН БЕТЫРОВИЧ

(род. в 1967 г. – ум. в 2002 г.)

Чеченский террорист, полевой командир, организатор многочисленных ограблений поездов, генерал «Армии Джохара Дудаева». В январе 1996 года провел операцию захвата заложников в Кизляре – Первомайском (Дагестан).

«Чеченский Жириновский» – так нередко называли в Грозном «героя» кизлярского рейда. Радуев действительно умел играть на публику, был самолюбивым, жестоким, властным, напористым, честолюбивым. По данным информантов, за успешное проведение террористической акции в Кизляре и Первомайском Джохар Дудаев наградил его орденом «Честь нации» и медалью «Герой нации». В начале февраля 1997 года указом исполняющего обязанности президента Чечни «за заслуги в отражении агрессии российских оккупационных войск» генерал Радуев был награжден именованным оружием с правом его ношения – пистолетом Стечкина.

Весной 1995 года в одном из интервью террорист говорил: «Я по натуре человек сугубо мирный. Больше всего на свете мечтал превратить свою Чечню во второй Кувейт, засадить ее садами, украсить фонтанами, дворцами и нефтяными вышками». В другой раз он заявлял: «Или нация будет свободна, или, если мы не сумеем завоевать свободу, пусть вся идет к Аллаху. Третьего пути у нас нет».

Родился Салман 13 февраля 1967 года в Гудермесе. Там же окончил среднюю школу, где был комсомольским активистом и руководителем атеистического кружка, за что ему доставалось от одноклассников. После учебы работал в рядах Вооруженных сил СССР, где он вступил в КПСС. Демобилизовавшись, Салман пошел на комсомольскую работу, являлся членом Чечено-Ингушского обкома ВЛКСМ. Окончил институт народного хозяйства в Ростове-на-Дону, в интервью говорил, что за плечами у него «аспирантура и почти готовая кандидатская диссертация». По словам тогдашнего председателя Конституционного суда Чечни Ихвана Гериханова, комсомольский функционер женился на дочери троюродного брата президента Джохара Дудаева.

В июне 1992 года президент Чечни назначил родственника префектом г. Гудермеса. Тогда же Радуев сформировал и возглавил «президентские береты» – личную охрану Дудаева. Но скоро

другие полевые командиры оттеснили командира элитного отряда на вторые роли. Из «беретов» был сформирован шестой батальон дудаевских вооруженных сил, получивший название «Борз» («Волк»). Это спецподразделение входило в состав юго-западного фронта и было расформировано в июне 1997 года. Салман после смерти в апреле 1996 года президента Чеченской республики Ичкерия возглавил бывшие отряды чеченских партизан, названных «Армией генерала Дудаева».

Имя полевого командира С. Радуева впервые появилось в средствах массовой информации в сентябре 1992 года, когда войска российского спецназа попытались закрыть границу Чечни с тем, чтобы препятствовать проникновению на территорию России вооруженных бандформирований. Бронетехника, «утюжившая» контрольно-следовую полосу между Россией и Чечней вдоль реки Аксай, оказалась в окружении. Ее блокировали тысячи жителей Дагестана чеченской национальности, большинство из которых было с оружием. После переговоров с Радуевым военные согласились отвести технику и личный состав полка на пять километров от границы.

В первой «чеченской войне» Салман был одним из пяти полевых командиров вооруженных сил Ичкерии, отвечал за северо-восточное направление. В декабре 1994 года он пытался организовать вооруженные провокации против федералов, которые дислоцировались в Дагестане в пограничных с Чечней районах. Это привело его к резким разногласиям с другими полевыми командирами. Они не желали форсировать переход от противостояния к военному конфликту и пообещали уничтожить весь род Радуевых, если его угроза в отношении подразделений российских войск будет выполнена. В 1995 году террорист начал заниматься диверсиями и грабежами на железной дороге.

В марте 1995 года боевиками под руководством Салмана был разогнан митинг жителей Гудермеса, выдвигавших требование о прекращении сопротивления федеральным войскам. В конце месяца, когда город был захвачен федералами, Радуев ушел в горы и, по некоторым данным, находился в группировке Шамиля Басаева. В декабре 1995 года, во время выборов президента Чечни и местных органов власти, Салман Бетырович баллотировался на пост главы администрации Гудермеса. 14 декабря он, вместе с бывшим руководителем департамента госбезопасности Султаном Гелисхановым, захватил Гудермес. Внутренние войска России и спецподразделения к 23 декабря очистили город от вооруженных групп сепаратистов. По словам же председателя бывшего Верховного совета Чечни Юсупа Сосламбекова, 200 боевиков с оружием просто приехали сюда агитировать народ против выборов. Они бывали на митингах и собраниях, вели разъяснительную работу. В результате провокации произошли стычки с российскими военнослужащими, вылившиеся потом в настоящее сражение. По мнению тогдашнего председателя Конституционного суда Чеченской республики Ичкерия все произошло из-за того, что у основного соперника Радуева было больше шансов победить. Вот Салман Бетырович и захватил здание администрации. Фальсифицировав результаты голосования, он объявил себя мэром города и обратился к Джохару Дудаеву за официальным утверждением.

Девятого января 1996 года под руководством Радуева боевики напали на дагестанский город Кизляр. Основным объектом атак стала вертолетная база. Взять аэродром террористы не смогли, хотя им удалось уничтожить один вертолет, два бензовоза и заполучить оружие и боеприпасы. В результате боя нападавшие были отброшены внутренними войсками. После этого экстремисты захватили роддом и больницу, куда согнали из близлежащих домов около тысячи заложников. Террористы первый этаж забаррикадировали, второй заминировали, а на верхних этажах разместили мирных жителей, больных и медперсонал. Они потребовали вывода российских войск из Ичкерии и признания ее независимости.

О нападении заранее поступали оперативные данные, и чеченские беженцы покинули Кизляр. Несмотря на это федералы оказались неподготовленными к такому повороту событий, и боевики беспрепятственно прошли сквозь блокпосты. Говорили, что «лавы известности» в Кизляре достались Радуеву случайно: он заменил получившего ранение полевого командира Хункарпашу Ибрапилова, который и был на самом деле руководителем операции. После переговоров с руководителями Дагестана колонна вооруженных сепаратистов со 165 заложниками утром десятого января 1996 года выехала из Кизляра в направлении чеченской границы. Блокпосты получили команду огонь не открывать и беспрепятственно пропускать автобусы. В Чечню боевики хотели перейти в районе села Первомайское, расположенного в 300 м от Ичкерии. У приграничной реки Аксай колонна автобусов была остановлена выстрелами, поразившими машину сопровождения дагестанской ГАИ. Российские власти не собирались пропускать бандитов с заложниками на территорию Чечни – предполагалось, что они освободят людей на границе. «Чехи» же намеревались ехать с ними до штаба Дудаева в поселке Новогрозненский. После обстрела автобусы вернулись в Первомайское. Попутно радуевцы взяли в плен 37 милиционеров из Новосибирска, несших службу на блокпосту у въезда в это село. 11–14 января экстремисты превратили Первомайское в оборудованный в инженерном отношении опорный пункт. Для рытья

траншей, ходов сообщения и строительства укрытий Радуев использовал заложников. По некоторым данным, главарь оставил здесь часть своей банды еще по дороге в Кизляр и таким образом его отряд усилился до 350 чел.

Село было блокировано федеральными силами. В операции принимали участие мотострелки, воздушные десантники, спецподразделения «Альфа», «Вега», «Витязь», Специальные отряды быстрого реагирования (СОБРы) Краснодара, Москвы, подразделение Службы Безопасности президента России и др. Дагестанскому правительству не удалось договориться с террористами. Попытка выманить их из села для последующего уничтожения из засады тоже не увенчалась успехом. Понимая, какие события могут последовать дальше, большинство жителей ушли из своих домов.

Операцию по уничтожению вооруженных сепаратистов и освобождению заложников решено было начать утром 15 января. У федералов не было в достаточном количестве карт села, огневой поддержки артиллерии и авиации не хватало, мостуокладчики для наведения мостов через арыки не задействовались. Радиосвязь велась открытым текстом – «наверху» никто не додумался о необходимости засекретить переговоры в эфире, и «чехи» слышали все и знали намерения российского командования, рабочие частоты различных подразделений не совпадали. Не было боевого и тылового централизованного обеспечения, план операции не предполагал создания бронегруппы и оперативного резерва, взаимодействие не организовывалось. По отзывам очевидцев, на командном пункте все дни не прекращались пьянки. Словом, генералы показали свою полную некомпетентность и непрофессионализм. Неудивительно, что атаки не удавались и, в конце концов, операция по ликвидации бандформирования и освобождению заложников провалилась.

Экстремисты успешно оборонялись, подожгли несколько боевых машин, а для обстрела вертолетов использовали даже неуправляемые реактивные снаряды (НУРСы). Очевидно, они их захватили на кизлярском аэродроме. Для пусков приспособили обычную трубу как направляющую, а запуск производили от автомобильного аккумулятора.

17 января около полуночи группа боевиков численностью до 250 человек осуществила грамотный прорыв на участке, который удерживал отряд федеральных войск из 45–50 человек. Они ударили в стык между спецназом и дагестанским ОМОНОм. Вначале подгруппа огневого обеспечения осветила ракетами позиции федералов и нанесла удар из крупнокалиберных пулеметов и гранатометов. Потом штурмовая группа осуществила атаку. Чеченцы не бежали, а передвигались как зомби, поскольку практически все находились в состоянии наркотического опьянения. Несмотря на то что атакующих расстреливали практически в упор из гранатометов, пулеметов и огнеметов «Шмель», они не пытались ни залечь, ни двигаться перебежками, а шли на пули во весь рост, заменяя павших в первых рядах. Кто действительно бежал, так это третья группа, то есть ядро, в которое входил сам Радуев со своими телохранителями, раненые, заложники и отряд прикрытия. Они воспользовались трубопроводом метра полтора в диаметре, снабженным трапом с перилами и соединяющим правый и левый берег реки. По этой кратчайшей дороге террористы благополучно ушли в Чечню и растворились в близлежащем лесу. 9 февраля 1996 года Государственная Дума России постановила: амнистировать участников «противоправных действий» в Кизляре и Первомайском при условии освобождения оставшихся в плену заложников.

Третьего марта 1996 года в средствах массовой информации появились сообщения, что «кровавый Салман» погиб от ранения в голову на автодороге между поселком Старые Атаги и Урус-Мартан (15 км южнее Грозного) во время столкновения его отряда с группой бойцов чеченской оппозиции. Те обвиняли его в хищении крупной суммы валюты, выделенной на закупку оружия и зарплату боевикам. По другим данным, здесь не обошлось без российских спецслужб. Однако 18 июля 1996 года в районе Гудермеса «воскресший» террорист на пресс-конференции для западных журналистов сказал, что он был тяжело ранен, переправлен через территорию Азербайджана в одну из ближневосточных стран, а затем в Германию. Там ему с помощью титановых пластин собрали череп, сделали пластическую операцию по восстановлению носа, вставили искусственный глаз. Радуев поклялся на Коране, что президент Чечни Джохар Дудаев, будто бы погибший 21 апреля 1996 года, жив. «Пятого июля мы виделись с ним в одной из европейских стран». Он также призвал народ Ичкерии к продолжению вооруженной борьбы до победного конца.

Летом 1996 года Радуев отказался подчиниться требованиям президента Зелимхана Яндарбиева прекратить террористическую борьбу и стал брать на себя ответственность за теракты на вокзалах в России, требуя вывода федералов из Чечни и признание независимости республики. В ноябре 1996 года генерал «Армии Джохара Дудаева» изъявил желание принять участие в предстоящих в Чеченской республике Ичкерия выборах в качестве кандидата в вице-президенты при «достойном кандидате» на президентский пост. Не найдя такового, он выступил

против выборов на том основании, что законный президент Дудаев жив. 14 декабря 1996 года колонна охраны Радужева, направляющегося в Дагестан на съезд чеченцев-акинцев, была остановлена блокпостом. Террорист захватил 22 милиционеров этого поста, что вызвало возмущение не только федеральных властей, но и полевых командиров. 19 декабря заложники были освобождены.

Утром 30 января 1997 года «чеченский Жириновский» заявил, что отказывается признавать результаты выборов в Чечне и готовит новые террористические акции против российских городов в рамках операции «Пепел». Это заявление осудил бывший командующий северным фронтом чеченских вооруженных формирований Ваха Арсанов, который участвовал в президентских выборах в паре с Асланом Масхадовым и стал вице-президентом республики. По его словам, «у новых структур чеченской власти достаточно сил, способных в короткие сроки заставить любого гражданина Чечни выполнять законы республики». Один из бывших кандидатов в президенты Чечни, Шамиль Басаев также заявил, что «не потерпит выходок лиц, не признающих результаты выборов в Чечне».

Радуев продолжал выступать с угрозами в адрес России. Он обещал применить химическое оружие и взял на себя ответственность за теракты на военных складах в поселке Бира Еврейской автономной области («чеченского следа» там обнаружено не было). Экстремист заявил о причастности к взрывам на вокзалах в Пятигорске и Армавире. И пригрозил нанести точечные удары на всей территории России, если федеральные войска не будут выведены из Ичкерии. Президент Чечни Аслан Масхадов назвал это заявлением шизофреника. Салман Бетырович пообещал подать на президента в шариатский суд, в 1997–1999 годах занимал антимасхадовскую позицию и не признавал российско-чеченский договор о мире. 22 мая 1997 года Радуев «покаялся и принес извинения суду шариата, на который он был вызван после того, как отказался признать российско-чеченский договор».

11 апреля 1997 года снова в районе Урус-Мартана на экстремиста было совершено второе покушение, и он был ранен. В июне 1997 года указом президента Чечни «Армия генерала Дудаева» была расформирована. Предполагалось, что воины генерала Радужева пополнят национальную гвардию республики, а ему будет оставлена только личная охрана. Салман заверил президента в своей лояльности, но свое войско распустать не собирался. Желание Масхадова расформировать подразделение он связал со слухами о подготовке им переворота в Чечне. По мнению Радужева, за такими слухами стояли спецслужбы РФ. 30 июля было совершено очередное покушение на «кровавого Салмана», но он не пострадал. 2 августа 1997 года в Грозном прошел учредительный съезд военнопатриотического союза «Солдаты свободы». Почетным председателем был избран младший сын Джохара Дудаева – Деги. Основой новой организации стало возглавляемое Радуевым движение «Путь Джохара».

1 октября 1997 года на террориста было совершено очередное покушение. На пути следования его автомобиля ГАЗ-3102 была установлена мина направленного действия. Погиб охранник, Радуев получил осколочное ранение руки и сильные ожоги лица. После серии попыток его физического устранения он вел себя очень осторожно, всегда перестраховывался, опасаясь и спецслужб, и кровной мести родственников погибших заложников.

Но, несмотря на все меры безопасности, 13 марта 2000 года экстремист был задержан в Чечне контрразведчиками России, доставлен в Москву и помещен в СИЗО Лефортово. Говорят, он был «повязан» в момент, когда вышел из своего убежища «по нужде». Есть версия, что его «сдал» агент, пообещавший недорого продать крупную партию оружия. Салман сказал позже корреспонденту, что его, как конкурента, устранили свои высокие чины.

Все обвинения следствия Радуев категорически отверг, хотя и не скрывал, что принимал активное участие в боевых действиях против федеральных войск. Террорист оправдывался тем, что подчинялся приказам своих командиров, но раскаиваться в этом не собирался. Он также отмежевался от своих заявлений об организации ряда терактов на территории России. Салман рассказал многое, что представляло интерес для российских спецслужб. Например, о том, как свободно проехать через блокпосты федералов, кто и через какие каналы финансирует и вооружает чеченцев, как можно преодолеть воздушное пространство России и оказаться в арабских странах. Он знал о возможных контактах российских политиков и чеченских полевых командиров, о лоббистах в Москве и об эmissарах в ближнем и дальнем зарубежье. В октябре 2000 года была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, согласно которой подследственный был признан вменяемым.

26 апреля 2001 года Генпрокуратура России привела полный перечень статей УК, по которым было предъявлено обвинение Салману Радуеву: терроризм, похищение людей и захват заложников, убийство с особой жестокостью, организация незаконного вооруженного формирования и участие в нем, бандитизм. 25 декабря 2001 года Верховный суд Дагестана

признал обвиняемого виновным в организации нападения на дагестанские населенные пункты Кизляр и Первомайское и приговорил его к пожизненному заключению. 11 апреля 2002 года Верховный суд России отказался изменить сроки наказания террористу. Он отбывал пожизненное заключение в одной из колоний Пермской области, известной под названием «Белый лебедь». Там его называли «Титаник» за титановые пластины в голове. В зоне Салману Бетыровичу была предоставлена возможность отправления всех мусульманских обрядов, в том числе и связанных со священным месяцем Рамадан. В интервью корреспонденту он поведал: «Мой отец, мать, брат и сестры живут в Гудермесе и к ним российские власти относятся хорошо. У меня жена, двое сыновей. Джохар и Салман, два моих сына, долго в одном месте не живут. Они постоянно перемещаются и находятся то в Турции, где моя сестра, то в Азербайджане, то в Малайзии, где мои друзья. Из этого я секрета не делаю». В марте 1996 года российские СМИ сообщали, что отец Радуева убит в результате «разборок» между бандитами.

Согласно официальному заявлению Главного управления исполнения наказаний Министерства юстиции РФ, 14 декабря 2002 года в 5.30 в терапевтическом отделении больницы учреждения УТ 389/14 ГУИН Минюста России по Пермской области врачи констатировали смерть осужденного к пожизненному лишению свободы Радуева Салмана Бетыровича. Посмертный диагноз после патологического вскрытия показал, что он скончался в результате множественных кровоизлияний во внутренние органы. Шестого декабря у него появилось небольшое кровоизлияние в глазу. Со слов заключенного, подобные проявления были в 1996 и в 1999 годах. 13 декабря состояние С. Радуева резко ухудшилось. Несмотря на все предпринятые меры и лечение, утром следующего дня он скончался.

РАМЗИ АХМЕД ЮСЕФ

(род. в 1967 г. или 1968 г.)

Международный террорист с богатым опытом диверсий и ведения партизанской войны. Организатор ряда терактов, самым известным из которых был взрыв Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке в 1993 году.

Терроризм – главная проблема, несущая угрозу государственным интересам США на протяжении последних десятилетий. На сегодняшний день она представляется еще более серьезной, чем когда-либо. Ежегодно правительство США тратит около 5 млрд долларов с целью предотвращения терактов как на своей территории, так и за рубежом. И эти затраты год от года растут. В 1984 году Конгрессом США была учреждена программа вознаграждения за помощь в борьбе с терроризмом под названием «Спасение жизней». Она рассчитана на сбор информации, позволяющей предотвратить теракты против американских граждан и их собственности, а также предоставляет возможность арестовывать лиц, виновных в совершении таких актов. Благодаря этой программе удалось выследить и отдать в руки правосудия террористов, причастных к организации теракта 28 февраля 1993 года во Всемирном Торговом центре. Директор программы «Спасение жизней» Брэд Смит сообщал, что «информатор дал сведения, необходимые для срыва спланированных террористических актов. Лидер группы Рамзи Ахмед Юсеф и его сообщники были задержаны властями США и страны, в которой находились. Если бы теракты увенчались успехом, погибли бы многие американцы и граждане стран наших партнеров по коалиции. Этот информатор и его ближайшие родственники были перемещены в безопасное место в США по программе вознаграждения информаторов».

О жизни Рамзи Юсефа до сих пор нет точных сведений, несмотря на то, что он много лет разыскивался Интерполом и агенты ФБР составили на него подробнейшее досье. Самой большой загадкой остается место и время его рождения. На сегодняшний день более-менее достоверными являются две даты: 28 апреля 1967 года и 20 мая 1968 года. Также расходятся мнения и о том, где он родился. Некоторые специалисты считают, что Юсеф уроженец Кувейта, другие уверены в том, что он родился в Ираке. Лори Милрой, в прошлом – советник президента Клинтона по Ираку, пыталась прояснить некоторые несоответствия, возникающие в его биографии и определить истину. Она категорически опровергает сведения о том, что Рамзи Юсеф – пакистанец, как это следует из его последних документов. «На самом деле он белудж, – утверждает Милрой. – Это видно по его внешности. Белуджи отличаются от других национальностей крепким телосложением и более темной кожей». Она также подчеркивает: гражданство Рамзи Юсефа неизвестно, но не подлежит сомнению, что он родился и вырос в арабской стране и свободно говорит по-арабски. К тому же какое-то время он скрывался под именем Али Белуджи.

Существует версия и о том, что подлинное имя Юсефа – Абдул Басид Карим. Его имена очень часто менялись: Рамзи Юсеф Ахмед, Рашид Юсеф, Камал Абрахам, Мухаммад Азан, Хурам Хан, Абдул Балет и более 14 других имен и псевдонимов, позволяющих ему долгие годы скрываться от преследований.

О семье Юсефа известно очень мало. Предположительно, его родители выходцы из дикой, не знающей закона области Белуджистан в Пакистане. Этот район подчинен стране, но известен своими широкими связями с различными террористическими организациями, в частности, с «Аль-Каидой». Когда мальчик был еще совсем маленьким, семья переехала в Кувейт, где его отец работал вольнонаемным. Материальное положение в семье было очень тяжелым. Родители Рамзи еле сводили концы с концами, ведь переселенцы в Кувейте считались людьми второго сорта. Их положение приравнивалось к статусу американских негров на юге США до гражданской войны.

Биографы Рамзи отмечают, что он с детства ощутил несправедливость мира по отношению к себе и своим близким. Мальчишка стал изгоем среди сверстников. Постепенно в его душе зарождалось желание перестроить мир и отомстить окружающим. Зерна фанатизма были брошены в плодородную почву и вскоре дали свои ростки. Подрастая, Юсеф стал настоящим религиозным фанатиком. Многие из его соратников позднее обращали внимание на то, что он был очень честолюбив и фанатичен. Со временем юноша проникся идеями терроризма, с которыми его познакомил дядя – Халид Шах Мохаммед, активный участник «Аль-Каиды». Также участником террористической организации стал и друг Юсефа – Абдул Мурад, с которым он сблизился еще в средней школе в небольшой деревеньке в Кувейте. Позднее друзья вместе переехали в Пакистан, а затем на Филиппины.

Повзрослев, Юсеф отправился в Англию, где на средства «Аль-Каиды» учился в колледже на факультете радиотехники, который блестяще закончил. Его выбор был не случаен. Все полученные им знания должны были быть направлены на службу терроризму.

К концу обучения, начиная с 1980 года, Рамзи проводил весенние каникулы в Пакистане, но не с местными девушками, как большинство его сверстников, а в учебных лагерях «Аль-Каиды» на границе между Пакистаном и Афганистаном. Там он вместе со своим другом Абдулом Мурадом постигал азы подрывного дела и изучал различные виды современного огнестрельного оружия. Рамзи проявил себя как талантливый конструктор (сказалось техническое образование) и вскоре из ученика-террориста стал учителем. Дьявольские конструкции взрывных устройств сделали Юсефа знаменитым среди определенных кругов: во многих газетах писали о терактах, проведенных с их использованием.

Спустя несколько лет после окончания учебы в английском колледже Рамзи стал членом египетской группировки «Хамас аль-Исламий», которую возглавлял шейх Омар Абдель Рахман по прозвищу «Слепой шейх». Именно он решил провести ряд терактов в Америке. В 1991 году один из членов группы был арестован на месте преступления. Он стрелял в радикального раввина Меир Кохана. Несмотря на то, что террорист Носаир был пойман на месте преступления с дымящимся пистолетом в руке, и имелись показания сотни свидетелей, его оправдали. Обвинительное заключение строилось только на выводах баллистической экспертизы орудия преступления и следов пороха на руках и одежде. Между тем во время обыска в его квартире были обнаружены десятки руководств по изготовлению взрывчатых веществ, а также документы, в которых описаны запланированные террористические операции в г. Нью-Йорке. Все они были написаны на арабском языке, но ни одна из секретных служб США не потрудились перевести их на английский. Это было непростительной халатностью со стороны спецслужб.

С целью совершения нового теракта «Слепой шейх» отправил Юсефа в 1992 году в США, снабдив его фальшивым иракским паспортом. Его сообщник Ахмед Аджай, летевший вместе с ним по подложным документам, был арестован прямо в аэропорту США, не пройдя паспортного контроля. При досмотре багажа Аджая таможенная служба обнаружила инструкции по созданию взрывных устройств. Юсеф, воспользовавшись большим скоплением народа на пропускном пункте, смог пройти таможенный досмотр, не привлекая к себе внимания. Для того, чтобы не вызвать подозрений и беспрепятственно находиться в стране, он попросил политического убежища.

В США Рамзи должен был пробыть месяц и вернуться обратно, уже выполнив задание. Конечной целью его путешествия стали Нью-Джерси и Нью-Йорк. Со своими руководителями, шейхом Омар Абдель Рахманом и проповедником Муслимом, он связывался по сотовому телефону, получая новые инструкции и отчитываясь о проделанной работе. К тому же Юсеф поддерживал постоянный контакт с группой мусульманских сторонников Газавата и боевиками «Аль-Каиды».

Террорист решил собрать бомбу, принцип действия которой основывается на смешивании разнообразных жидких взрывчатых веществ. Вначале он планировал провести несколько

терактов в еврейских кварталах Нью-Йорка. Но затем, посетив Всемирный Торговый Центр (ВТЦ), изменил свое решение. Рамзи не случайно выбрал своей целью ВТЦ. «Большинство людей, которые работают в Торговом Центре – евреи», – объяснил он членам террористической группы. Согласно его планам, в результате взрыва должны были погибнуть не менее 10 тыс. американцев и суммарный ущерб составить сотни миллионов долларов. К тому же, этот теракт имел бы широкий резонанс и, конечно же, посеял бы в сердцах американцев панический страх. ВТЦ являлся символом американского экономического могущества. Кроме этого теракта в планы Юсефа входил взрыв тоннеля между Нью-Йорком и Нью-Джерси.

Через третьих лиц Рамзи начал планомерно скупать составляющие компоненты взрывчатых веществ. Все составляющие были куплены в США, не вызывая малейших подозрений. В результате должна была получиться бомба, принцип действия которой основан на взаимодействии нескольких жидких компонентов. В начале операции Юсеф взял напрокат легковой автомобиль, планируя начинить его взрывчаткой и поставить в подземный гараж ВТЦ. Но по пути к Торговому Центру он попал в аварию. Юсеф так объяснил полиции происшедшее: «Извините меня. Я еще не привык к такому оживленному движению, потому что недавно покинул родину». Террорист с небольшими травмами был отправлен в больницу, откуда вскоре выписался. Это была первая его серьезная неудача, потому что Рамзи лишился не только водительских прав, но и части необходимых ингредиентов, оставшихся в багажнике разбитого автомобиля. Неудача не смутила террориста, и он продолжил осуществление своего плана.

За два дня до совершения теракта один из сообщников Юсефа арендовал фургон. 26 февраля 1993 года он был начинен взрывчаткой весом 550 кг. Затем машину поставили в подземный гараж ВТЦ в Нью-Йорке. Террористы планировали произвести направленный взрыв: одна из башен-близнецов должна была упасть на другую, что привело бы к большим человеческим жертвам и разрушениям.

Ровно в полдень, когда в ВТЦ было максимальное количество посетителей, прозвучал мощный взрыв. Одна из башен вздрогнула, но чудом устояла. Взрыв был настолько мощным, что на месте фургона образовалась воронка 60 метров в диаметре. В результате взрыва погибло 6 человек и более 1000 получило ранения и увечья разной степени, а материальный ущерб составил 500 млн долларов. Ответственность за взрыв взяла на себя арабская террористическая организация «5-й батальон армии освобождения».

Рамзи был разочарован последствиями взрыва. Он ожидал большего. Теракт в ВТЦ стал одной из самых больших его неудач. Сразу же после взрыва все террористы, кроме главаря, были арестованы. Сам Рамзи, пользуясь пакистанским паспортом на имя Абдул Басид Карима, вместе с другим террористом Абдул Рахман Ясином бежал из США. Американские спецслужбы развернули широкомасштабную акцию по их розыску и аресту, к которой был привлечен Интерпол. На различных языках распространялись плакаты «Разыскиваются», где предлагалось вознаграждение до 2 млн долларов за любую информацию, позволяющую их обнаружить и задержать. Во многих странах распространялись даже коробки спичек с изображением Юсефа и Ясина. Информация была помещена в Интернет. Но все попытки быстро найти преступников оказались безрезультатными.

В это время Рамзи находился в Пакистане, где встретился со своей семьей, а затем скрывался в своеобразном пансионате «Байт Ашухад» («Дом мученика») в г. Пешеваре, построенном для террористов Усамой бен Ладеном. Там Юсеф встречался с террористами, среди которых был и его дядя. За время пребывания в Пакистане Рамзи спланировал и организовал несколько терактов. Часть из них оказалась успешно выполнена (ряд взрывов в Иране), другие были неудачными (покушение на президента Пакистана Беназир Бхуту).

Вместе со своим старым другом Абдул Мурадом и судьей Халидом Юсеф занялся инструктажем молодых террористов. В задачи учеников кроме стандартных требований входило и умение управлять пассажирским самолетом «боинг». После нескольких месяцев тренировок все трое террористов-инструкторов под видом туристов были направлены в Манилу. Здесь Юсеф и его единомышленники все время стремились быть на виду, много времени проводили с местными девушками. Для прикрытия своей деятельности Рамзи занялся подводным плаванием с аквалангом в живописных уголках филиппинской столицы. Время, проведенное в этой стране, было потрачено не зря. Именно там был придуман один из самых резонансных терактов под кодовым названием «Вojinka». План был гениально прост и бесчеловечен одновременно. Он включал в себя несколько этапов. Самым главным из них были покушения на Папу Римского Иоанна Павла II и Президента США Билла Клинтона. Проект второго покушения был отвергнут из-за чрезмерной сложности. А первый стал частью широкомасштабной операции «Боженька».

В начале операции планировалось задействовать минимум пять членов «Аль-Каиды» одновременно с целью уничтожить 11 пассажирских самолетов США над тихим океаном 21

января 1995 года. Если бы этот план удался, все террористы могли беспрепятственно вернуться на базу в Пакистане. Целью террористов на первом этапе было убить 4000 пассажиров и полностью парализовать работу воздушного транспорта во всем мире на несколько дней и даже недель.

Никогда еще террористическая деятельность не приносила Юсефу столько удовлетворения, как в Маниле.

21 мая 1994 года террористы под руководством Рамзи совершили теракт во время проведения финала конкурса «Мисс Вселенная». 13 ноября 1994 года, заложив взрывное устройство возле стойки бара, Юсеф произвел взрыв в маленьком кафе. 1 декабря 1994 года. Шах Амин Хан Вали взорвал манильский театр Гринбелг.

Руководство «Аль-Каиды» не могло допустить провала тщательно спланированной операции «Боженка». Поэтому Рамзи решил лично опробовать бомбу в действии, чтобы при необходимости внести коррективы. 11 декабря 1994 года на борту авиалайнера, летевшего по маршруту Манила – Себу – Токио, он собрал ее в туалете и спрятал под своим сидением. Взрывчатка имела достаточно хитрую конструкцию, в которой использовались как таймер цифровое табло «Касио» и фактически не поддающийся обнаружению жидкий нитроглицерин. Юсеф покинул самолет в аэропорту острова Себу на Филиппинах, а авиалайнер продолжил свой путь в Японию. Когда самолет подлетал к конечной точке полета, кресло с японским предпринимателем, занявшим место Юсефа, взорвалось. Японец погиб на месте, а самолет сильно накренился и начал падать. Благодаря мужеству и профессионализму пилотов его все же удалось благополучно посадить в Токио. Из пассажиров больше никто не пострадал. Рамзи пришел к выводу, что необходимо увеличить мощность взрывного устройства.

После пробного взрыва Юсеф и Халид Мохаммед начали готовить бомбы для проведения терактов над Тихим океаном. Однако, 5 января 1995 года в комнате одного из отелей Манилы террорист, занятый их изготовлением, случайно опрокинул легковоспламеняющееся вещество. Вспыхнул пожар. Заговорщики бежали, забыв документы и компьютер-ноутбук. Юсеф, наблюдавший за клубами едкого черного дыма, валившего из окна горячей комнаты, приказал Мураду вернуться и забрать компьютер, когда огонь немного утихнет. Но тот опоздал. Полиция уже была на месте, и Абдул Мурада арестовали. Главарю же опять удалось скрыться. Вместе с ним бежал и Халид Шах Мохаммед. Оба лидера вновь оказались в Пакистане под прикрытием «Аль-Каиды». В изъятом ноутбуке содержалась информация, которая способствовала последующему аресту Рамзи, а также сведения о готовящемся покушении на Папу Римского Иоанна Павла II в Маниле в январе 1995 года во время визита понтифика на Филиппины. Кроме этого, в квартире полиция обнаружила большой склад оружия, монашеское одеяние и подробный маршрут движения папского кортежа. Среди найденных документов было обнаружено письмо, в котором террористы угрожали Филиппинам, если Мурада будут содержать под стражей. В заявлении писалось об угрозе применить против мирных жителей ядовитый газ в «общественных учреждениях, жилых районах и вблизи источников питьевой воды».

Несмотря на угрозы, друг и соучастник Юсефа не был выпущен из-под стражи. К нему применили допрос с пристрастием, и под нажимом полиции террорист признался в существовании второго этапа операции «Војинка». Согласно его показаниям, Мурад был избран для высшей цели в священной войне с неверными. Террорист должен был угнать коммерческий авиалайнер и разрушить здание ЦРУ. Другими целями для атаки были выбраны ВТЦ, Пентагон и штаб-квартира ФБР. Также он рассказал о том, что покушение на Папу Римского готовилось несколькими вооруженными группами, во главе которых стоял некий «саудовский миллионер». Всего по делу «Боженки» в розыск были объявлены 23 исламских экстремиста в разных странах.

Через месяц, 7 февраля 1995 года, в отеле «Su-Cusa» г. Исламабада был схвачен Рамзи. По некоторым данным, его выдал пакистанец, которого террорист хотел завербовать. Операция по задержанию Юсефа и его сообщников не была полностью успешной, так как агенты пакистанской полиции, поддерживающий группу захвата ФБР, упустили из виду Халида Мохаммеда, мирно спящего в соседней комнате. И это дало ему возможность спокойно скрыться. Во время ареста на руках Юсефа были обнаружены следы от химических ожогов.

Рамзи был отправлен в США для того, чтобы предстать на суде по обвинению в совершении теракта в 1993 году. Когда самолет с террористом на борту пролетал над башнями-близнецами, один из агентов ФБР небрежно указал на них рукой и сказал с издевкой, обращаясь к Юсефу: «Они все еще стоят». «Их не было бы, если бы я имел достаточное количество денег и взрывчатых веществ», – ответил с уверенностью террорист.

Судебный процесс над Рамзи начался только в марте 1995 года, спустя два года после теракта в ВТЦ. В распоряжении следствия к тому времени было уже достаточно доказательств

непосредственной причастности Юсефа к целому ряду терактов: к взрыву на борту филиппинского авиалайнера, заговору с целью захвата и взрыва 11 американских самолетов и т. д. Удалось установить важнейший факт, который, к большому сожалению, не стал основанием для немедленных действий на уровне правительства США: все теракты финансировал Усама бен Ладен, именно он был тем «саудовским миллионером», о котором на допросах рассказывал Абдул Мурад. Тогда спецслужбам не хватило дальновидности, а террористы не упустили свой шанс, чтобы все-таки уничтожить ВТЦ, учтя «проколы», допущенные при организации теракта 1993 года.

Суд над Рамзи Ахмедом Юсефом состоялся 12 ноября 1997 года. Он признал себя виновным в изготовлении фальшивых денег и подложных паспортов, но полностью отрицал причастность в взрыву ВТЦ и другим терактам. Ему было представлено множество улик, самой главной из которых были его отпечатки пальцев на ручном управлении взрывателя бомбы, найденного в ВТЦ. Судья Кевин Даффи приговорил террориста к тюремному заключению общим сроком 240 лет. К тому же, Рамзи обязан был выплатить компенсацию пострадавшим в размере 250 млн долларов. Суд постановил, что главарь террористической группировки будет отбывать наказание в одиночной камере. Право изредка навещать его получили только самые близкие родственники и адвокаты. Приговор был объявлен 8 января 1998 года. После его объявления Юсеф произнес пламенную речь, направленную против правительства США. Он сказал: «Я – террорист, и я горжусь этим, потому что правительство США заслужило то, что я совершил». Его друг и соратник Абдул Мурад был приговорен 18 мая 1998 года к пожизненному заключению.

Из зала суда в сопровождении охраны Юсефа доставили в Федеральную тюрьму г. Флоренция, штат Колорадо, где он содержится до сих пор. Эта тюрьма считается одной из самых дорогих в США. Ежегодно на ее содержание правительство Америки выделяет более 20 млн долларов. Рамзи содержится в камере размерами 2 × 3,5 м. Кроме стандартных «удобств», она оборудована передвижной горкой, по которой он получает еду, и телевизором.

Сейчас многие спорят о том, что же на самом деле явилось идейной подоплекой серии взрывов, проведенных Юсефом? Некоторые люди, близко знавшие террориста, утверждают, что его действия были продиктованы религиозным фанатизмом. На суде им действительно двигал экстремистский экстаз, но за время, проведенное в заключении, Рамзи не выказал особого религиозного рвения. Согласно выводам следователей, существуют две основные причины, по которым он стал террористом: Юсеф делал это профессионально, и ему это нравилось.

Несмотря на то что Рамзи находится под стражей, была сделана еще одна попытка довести до конца операцию «Воjinka». Идеи Юсефа воплотил его дядя Халид Шах Мохаммед при содействии «Аль-Каиды». Террористы угнали четыре пассажирских самолета и направили три из них на башни-близнецы ВТЦ и здание Пентагона в 2001 году. Юсеф с удовольствием наблюдал за всем по телевизору. Мечта, за осуществление которой он заплатил свободой, осуществилась. На экране маленького черно-белого телевизора рушились здания. Камера выхватывала из толпы лица людей, искаженные ужасом и болью. Эти мгновения стали триумфом для Рамзи. Его сердце замерло от предвкушения победы...

Количество жертв теракта, произошедшего 11 сентября 2001 года в США в сотни раз превысило число пострадавших и погибших во время первой попытки взорвать ВТЦ. 3 тыс. невинных людей были погребены под обломками башен-близнецов. Мы можем только надеяться, что это был последний план Рамзи, который он собирался осуществить...

РАМИРЕС САНЧЕС ИЛЬИЧ (КАРЛОС)

(род. в 1949 г.)

«Патриарх международного терроризма», создатель «террористического интернационала», террорист № 1 второй половины XX века, отметивший свой путь многочисленными взрывами, убийствами, похищениями людей, угонами самолетов. О его кровавой деятельности австралиец Патрик Белами написал книгу «Карлос Санчес: путь террориста», а в 1997 году он стал прототипом главного героя голливудского блокбастера «Шакал».

Было у отца три сына. Старшего звали Ильич, среднего – Ленин, младшего нарекли Владимиром. Так отец, фанатично преданный марксизму, решил назвать своих детей в честь вождя мирового пролетариата В. И. Ленина. Мировая слава досталась старшему из сыновей, слава страшная, кровавая. Полиция многих стран в его поисках сбивалась с ног, а он благополучно уходил, творя свое черное дело. Известный под псевдонимом Карлос или Карлос-Шакал, Ильич был причастен к наиболее громким терактам 70–80-х годов XX в. и к убийству более 80 человек. В общем, недаром он считался тогда террористом № 1. На его счету – похищение людей, угоны самолетов и сотни жертв. Этот «солдат палестинской свободы» в разные годы работал на Вади Хаддада, Муамара Каддафи, Саддама Хусейна, Хафеза Асада, Ясира Арафата, Фиделя Кастро, Джорджа Хаббанса, итальянские «Красные бригады», колумбийскую М-19, германскую РАФ, являясь при этом свыше двух десятилетий культовой фигурой для западных молодых экстремистов. В то же время он посещал Берлин, Прагу, Будапешт, где имел контакты с сотрудниками органов госбезопасности социалистических стран, был гостем румынского диктатора Н. Чаушеску, выполняя его «заказы» по устранению политических противников в других странах. Его знали лично и руководители таких соцстран, как Болгария, Венгрия, Югославия – Т. Живков, Я. Кадар и И. Тито. О нем сложилось немало легенд, и ему приписывали даже те теракты, к которым он не имел никакого отношения. «Революция является для меня высшим наслаждением», – заявил он как-то в одном из интервью. Красиво сказано, но за этими словами скрывались обыкновенное самолюбование, садизм, наслаждение властью над жизнью и смертью.

Терроризм живуч и действительно внушает страх своей жестокостью, непредсказуемостью. А грань между террористом и бандитом, даже при различии в целях, весьма условна, поскольку методы их действий схожи. Главное то, что и те, и другие сеют страх.

Ильич Рамирес Санчес, он же Карлос, Шакал, Абдалла Баракат, Мишель Асаф, Глени Гебхардт и носитель еще полудюжины псевдонимов, родился в Венесуэле в г. Каракас 12 октября 1949 года. Отец его, удачливый адвокат Хосе Рамирес Наваса, был достаточно состоятельным человеком. Кроме преданности марксизму у него была еще одна всепоглощающая страсть – женщины, что приводило к частым размолвкам в семье. Для того чтобы дети как можно больше узнали о марксизме, отец нанял частных учителей и даже написал для них инструкции – чему и как учить. Мать же стремилась, чтобы дети выросли добрыми католиками, пыталась привить веру. Ильич нежно любил и уважал мать, но, став революционером, повернулся к церкви спиной. В школе у него обнаружился талант к языкам, и впоследствии он овладел кроме испанского еще и английским, французским, немецким, русским и арабским. Когда мальчику исполнилось 13 лет, из-за разгульного образа жизни отца родители все же развелись.

После развода отец настоял, чтобы старший сын перешел в другую школу, известную своими леворадикальными педагогами. Здесь детей даже привлекали к уличным маршам с требованием разрешить запрещенную компартию. С 1964 года Ильич стал членом этой партии. Считается, что тогда он прошел боевое крещение, а по сути это было обыкновенное хулиганство: юноша «атаковал» чуть ли не в одиночку представительство компании «Пан-Америка». Согласно некоторым данным, в те годы его отправили в молодежный лагерь на Кубу, и там, под чутким руководством латиноамериканских революционеров и сотрудников КГБ СССР, он овладевал навыками по использованию взрывчатки и автоматического оружия, овладел методами шифрования.

С августа 1966 года в жизни Ильича начался новый период. Мать забрала сыновей для продолжения образования в Лондон. Ильич поступил в стаффордский колледж в Кенсингтоне. По отзывам преподавателей, он был самоуверенным и довольно ленивым, но с учебой справлялся и вскоре перешел в более престижный колледж. В то же время юноша считался плейбоем: всегда дорого одевался и вместе с братом Лениным был членом Королевского Кенсингтонского клуба. Его часто видели в сопровождении матери на различных приемах и коктейлях в посольстве. Вскоре в Лондон приехал отец. Он настоял на том, чтобы дети продолжили образование в Сорбонне и в мае 1968 года отвез Ильича и Ленина в Париж. Там в это время начались студенческие волнения, и отец отказался от парижских планов, не желая, чтобы его сыновья были вовлечены в уличные драки. Тогда возник новый вариант. По договоренности с советским посольством в Лондоне Ильич и Ленин поехали учиться в Москву, в университет им. Патриса Лумумбы. После двухмесячных подготовительных курсов Ильича зачислили на физико-математический факультет. Университет, по сути, был вотчиной КГБ, где готовили не столько специалистов, сколько будущих «агентов влияния», «борцов» с мировым империализмом, и вполне возможно, что тогда завязались контакты Комитета с молодым венесуэльским коммунистом.

Однако учеба Ильича продолжалась недолго. Преподаватели были им недовольны. Отец присылал ему много денег, и время свое Ильич проводил не в аудиториях, а в кутежах, разврате и пьяных потасовках. Позднее Карлос вспоминал: «При выборе между обсуждением линии партии по вопросу о повстанческих действиях и приятным времяпрепровождением с музыкой, женщиной и бутылкой водки политическая дискуссия занимала очень низкое место в списке моих предпочтений». Унаследовавший от отца страсть к женщинам, юноша отличался повышенной любвеобильностью. Но большинство его любовных связей, как правило, были недолгими. Впоследствии лишь одну из своих пассий, кубинку Союю Марин Ориолу он называл своей «большой историей любви». Закончилась эта история, как и следовало ожидать, печально: оставив пылкого плейбоя, Союя вернулась на Кубу, где родила от него дочь. Все попытки Карлоса возобновить отношения остались без ответа. Утешением для него стали другие девушки и политическая борьба.

В это время в мировом коммунистическом движении назрел раскол, и Ильич в Москве организовал кружок венесуэльцев, не желавших подчиняться линии компартии Венесуэлы. Он неоднократно заявлял, что не считает себя марксистом, что он – «международный революционер в духе Че Гевары». В связи с этим его не утвердили на предложенном ранее посту представителя компартии Венесуэлы в Румынии. Кроме того партия отказалась спонсировать его учебу в Москве, и дни Ильича как студента были сочтены.

Одновременно с этими событиями произошло сближение Ильича с несколькими палестинскими студентами. Они много ему рассказывали о борьбе против Израиля, об их лидере Вади Хаддаде, организовавшем террористическую операцию, чтобы освободить Палестину, и вместе с Жоржем Хабашом создавшем в начале 50-х годов XX в. Арабское Националистическое движение. В 1967 году Хаддад основал «Народный фронт Освобождения Палестины» (НФОП). Главная доктрина организации была марксистской, а основной метод борьбы – международный терроризм. Под влиянием палестинского студента Мохамеда Бодиа Ильич осознал, что его истинное призвание – борьба с империализмом и сионизмом. В 1970 году он принял участие в несанкционированной демонстрации арабских студентов, после чего его обвинили в «антисоветской провокационной деятельности» и отчислили из университета. Но ничего для Ильича страшного не произошло. Представитель Хаддада пригласил его с палестинскими товарищами в учебные лагеря террористов в Иордании, и в июле 1970 года Ильич уже находился в лагере возле Аммана, обучаясь взрывному делу и политической пропаганде. Тогда он уже стал называться Карлосом.

В сентябре 1970 года после того как израильтяне обстреляли ракетами дом Хаддада, тот приказал захватить четыре самолета, направляющихся в Нью-Йорк. Карлос в этих нападениях не участвовал, он был новичком и охранял склад боеприпасов. Король Иордании Хусейн, сочувственно относившийся к палестинцам, после захвата самолетов предпринял попытку разоружить боевиков. В результате произошли столкновения с иорданской армией, в ходе

которых погибло свыше 3 тыс. палестинцев. Этот конфликт получил название «Черного сентября» и стал первой реальной войной для Карлоса, завоевавшего репутацию бесстрашного бойца и хладнокровного убийцы. Вскоре после этого его по протекции Ж. Хабаша избрали представителем «Народного фронта» в Лондоне.

На деньги Хаддада, вернее, богатых арабских «пожертвователей», финансировались террористические группировки во всем мире. Это и фракция «Красной армии» в Германии, и «Красные бригады» в Италии, и японская «Красная армия». НФОП напрямую поддерживался Москвой. В задачу Карлоса входило составить список значимых персон, которых можно было убить или похитить, и рекрутировать новых членов для НФОП, особенно среди женщин, которые были не в силах устоять перед его латиноамериканским шармом. Объектами будущих похищений и убийств были сионисты, под которыми подразумевались бизнесмены, политики и звезды шоу-бизнеса, благосклонно относящиеся к Израилю. В поисках будущих жертв Карлос тщательно изучал английские газеты, выбирая известных граждан из числа евреев или симпатизирующих Израилю, составлял на них подробные досье. В течение года он создал список, в который вошли сотни человек. Его непосредственным руководителем в Лондоне был старый московский знакомый Мохаммед Бодиа.

В Лондоне Карлос вновь соединился со своей семьей, вернулся к жизни плейбоя и чувствовал себя как рыба в воде. Он посещал университет, где изучал экономику, позже учился на курсах русского языка в центральном политическом институте. Это было частью его прикрытия, поскольку полиция наблюдала за ним, считая неблагонадежным человеком. Однажды в его доме даже был произведен обыск. Но кроме поддельного паспорта (что полицейские сочли незначительным проступком), ничего более серьезного найдено не было.

Пока Карлос жил в относительном спокойствии, палестинские террористы провели в 1972 году ряд кровавых акций: захват самолета немецкой компании «Люфтганза», нападение на аэропорт Лод в Тель-Авиве, расстрел израильской олимпийской команды во время Олимпиады в Мюнхене. Узнав об этих событиях, Карлос проявил недовольство: он тоже хотел «настоящего» дела. 28 июня 1973 года израильские агенты взорвали в Париже автомобиль, в котором находился М. Бодиа, курировавший тогда деятельность боевиков во Франции. Но на место Бодиа назначили Мишеля Мухарбаля (как впоследствии выяснилось, он работал на израильскую разведку), а Карлоса сделали его заместителем. Он был очень недоволен, но вынужден был согласиться. Террорист считал, что необходимо отомстить за смерть Бодиа и объектами этой мести должны стать прежде всего видные представители еврейской национальности в странах Европы.

Первые террористические акции Карлос провел в Лондоне. Они оказались не совсем удачными. 30 декабря 1973 года он совершил покушение на влиятельного еврейского бизнесмена, 68-летнего миллионера Д. Сиеффа, являвшегося почетным вице-президентом Британской сионистской Федерации. Карлос дважды выстрелил ему в лицо с расстояния менее метра, но Сиефф был только тяжело ранен, а добить его убийца не успел: подоспела полиция – пришлось бежать. Уже через месяц Карлос попытался взорвать банк еврея Хапоалима. Однако бомба, сделанная из российской ручной гранаты и пластиковой взрывчатки, оказалась маломощной. Единственной пострадавшей оказалась 19-летняя девушка – секретарь банка.

Фактически с 1974 года Карлос стал руководителем европейской сети НФОП. Через него шло снабжение оружием западноевропейских террористов, он прямо или косвенно участвовал в организации серии терактов в Европе. Совместно с Мухарбалем Карлос организовал взрывы возле редакций трех французских газет и одной радиостанции, которые террористы считали произраильскими. При этом они заранее уведомили о нападении. Для терактов были использованы автомобили, начиненные взрывчаткой. В результате ночных взрывов редакциям был нанесен огромный материальный ущерб. Тогда же Карлос организовал захват посольства Франции в Голландии, взрыв в парижской аптеке и убийство уругвайского военного атташе в Париже.

Захват французского посольства в Гааге был связан со следующим. Очередную акцию Карлос должен был проводить с тремя боевиками японской «Красной армии», но одного из них, Ютаку Фурая, арестовали в парижском аэропорту Орли. При нем обнаружили фальшивые паспорта, деньги и план нападений на японские посольства в семи городах Европы. Боевик был приговорен к нескольким месяцам тюрьмы, а двух его сообщников выслали в Голландию. Вот тогда террористы и захватили посольство вместе с послом. Начались переговоры, которые с французской стороны вел тогдашний премьер Жак Ширак. Террористы в обмен на посла требовали освободить Фурая и предоставить самолет. Чтобы ускорить процесс переговоров, Карлос предпринял еще один теракт – взрыв у парижского кафе «Де Маго», находившегося в центре торгового квартала. В полдень он вошел в это модное, а потому многолюдное кафе, и с балкона второго этажа бросил в толпу гранату. В результате взрыва было убито два и ранено 34

человека. Французское правительство вынуждено было согласиться с требованиями террористов: через два дня Фураю освободили, а преступники получили самолет и 300 тыс. долларов.

В январе 1975 года Карлос и Иоханнес Вейнрин по приказу Хаддада подготовили атаку на израильский самолет в аэропорту Орли. Его должны были сбить при взлете, используя гранатомет. Но Вейнрин промахнулся. Позже они сообщили агентству Рейтер, что это их рук дело и что это акт мести за Бодиа. Через 10 дней атака была повторена. Но и здесь террористов ждала неудача: их заметил охранник и открыл огонь из автомата. Карлос сразу же скрылся, а остальные террористы ринулись в пассажирский зал. Тогда уже началась паника. Захватив 10 заложников, террористы спрятались в туалете. После переговоров им предоставили самолет, на котором они вылетели в Багдад. Карлос же в это время уже находился в Лондоне. Затем он вернулся в Париж, и это чуть было не закончилось провалом. Арестованный полицией в июне 1975 года Мухарбаль дал о нем показания. При попытке ареста Карлоса на одной из конспиративных квартир он, расстреляв трех полицейских и самого Мухарбаля, привезенного для его опознания, сумел скрыться. Пока полиция искала его в Париже, Карлос уже находился в Бейруте. Он сумел убедить Хаддада, что убил Мухарбаля как предателя, и был принят как герой-победитель. После этого случая в Париже Карлос старался особо не рисковать, но теперь само имя работало на его авторитет. Ему приписывалось даже то, к чему он не имел отношения. Карлосу это нравилось. «Чем больше небылиц напишут обо мне, – говорил он, – тем лучше, тем меньшим будет желание нормальных полицейских ловить меня. Для меня это своего рода гарантия безопасности».

Теперь Хаддад позволил Карлосу самому набрать себе команду. В нее вошло четверо: немка Габриэлла Крочер-Тидеман, два палестинца и ливанец, известные только по псевдонимам – Джозеф, Халид, Юсуф. Карлос задумал нападение на штаб-квартиру ОПЕК (Сообщество стран-экспортеров нефти) в Вене во время конференции в декабре 1975 года. Для этой «работы» он пригласил еще двух граждан Германии – У. Боса и Х. Кляйна. Предполагалось захватить собравшихся на конференции министров, потребовать за них выкуп, а двоих – шейха Ямани из Аравии и Джамшида из Ирана – убить. За месяц до нападения Карлос отрастил бакенбарды и бородку, стал носить черный берет на манер Че Гевары. В Вене он поселился в роскошных апартаментах в «Хилтоне», обедал в лучших ресторанах. Там же он встречался со своими товарищами. Инструктируя их, он указал, что во время нападения любой из заложников, который окажет сопротивление или создаст проблему, должен быть убит на месте. С этим не все были согласны, но подчинились.

Нападение было организовано с беспрецедентной наглостью. 20 декабря шесть террористов вышли из своей квартиры, неся мешок с оружием. На трамвае они добрались до штаба ОПЕК. Карлос первым вошел в здание и, непринужденно поприветствовав двух молодых полицейских у входа, спокойно отправился на второй этаж, где проходила встреча участников конференции. Подойдя к конференц-залу, террористы беспрепятственно вытащили оружие из мешка и начали стрелять. При захвате три человека были убиты, несколько десятков – ранены, 70 человек взяты в заложники. Карлос лично расстрелял экономиста из Ливии, всадив в него из пистолета весь магазин. Но Ямани он не тронул. После захвата заложников Карлос приказал секретарю ОПЕК написать под его диктовку коммюнике и следующие требования к австрийским властям: «Мы требуем читать наше коммюнике по австрийскому радио и телевидению каждые два часа, начиная с этого момента. Нам должен быть предоставлен большой автобус с завешанными окнами, который завтра в 7 утра отвезет нас в венский аэропорт. Самолет должен быть готов принять нас на борт вместе с заложниками. Любая задержка или провокация подвергнет опасности жизнь наших заложников».

На чрезвычайном заседании кабинета министров было принято решение выполнить требования террористов. Когда на следующее утро к зданию ОПЕК подъехал желтый почтовый автобус с занавешенными окнами, Карлос стоял у его дверей с пистолетом, пока в него селились заложники. Затем он сел рядом с водителем. Автобус в сопровождении санитарной машины и двух полицейских автомобилей с сиренами направился в аэропорт. В самолете Карлос разделил заложников, поместив взрывчатку под сиденьями, занятыми шейхом Ямани, Аузигаром и их помощниками. Пилоты взяли курс на Алжир. После короткой остановки там они отправились в Ливию, потом в Саудовскую Аравию, но ни одна из этих стран не захотела принять самолет с террористами, и Карлосу через четверо суток полета пришлось вернуться в Алжир. Здесь террористы спокойно скрылись, заложники оказались на свободе. Много лет спустя стало известно, что Карлосу дали уйти в обмен на жизнь Ямани, заплатив при этом огромные деньги (речь шла о 20–25, а то и 50 млн долларов), которые предоставили Саудовская Аравия и Иран. Деньги эти на террористические нужды не пошли, и Карлоса обвинили в их присвоении. Но в Алжире он жил спокойно под охраной. Алжирское правительство отказалось выдать террористов Австрии.

Казалось бы, успех в Вене еще больше должен был поднять авторитет Карлоса в глазах Хаддада. Однако было одно маленькое обстоятельство, повлекшее его изгнание из НФОП. Он не выполнил главное задание своего руководителя: не убил Ямани. Карлос еще успел организовать в июне 1976 года захват самолета компании «Эр Франс», приведший к знаменитому рейсу в Энтеббе, но после этого стал фактически террористом по найму.

После изгнания Карлоса из НФОП руку помощи ему протянул Саддам Хусейн. Их встреча состоялась в декабре 1977 года, а в марте следующего года в возрасте 49 лет от лейкемии скоропостижно скончался Хаддад. Многие подозревали, что эта весьма своевременная для Карлоса смерть была организована спецслужбами Ирака по указанию Хусейна. Видимо, в благодарность за это Карлос готовил в 1977 году убийство шаха Ирана. Как бы то ни было, но после смерти Хаддада он стал террористом № 1 и взял на себя роль лидера в этом кровавом деле. Теперь он начал создавать свою, новую организацию, состоящую из людей, способных на немедленные действия. Помимо тех, кого Карлос хорошо знал по совместным делам, в нее вошли также граждане Сирии, Швейцарии и Ливана. Это был, по сути, «террористический интернационал». Изменилась и тактика. Боевики, представляющие одну страну, осуществляли акции в другой стране и возвращались. Ответственность за это брала на себя организация, действующая в той стране, где был совершен теракт, но при этом у всех ее членов было полное алиби. Кроме того, после «дела» боевики по подложным документам скрывались в западных странах, что затрудняло их преследование спецслужбами. Особенно нравилось Карлосу «отдыхать» в соцстранах, за «железным занавесом». В начале 1980-х годов его опекало Управление по борьбе с терроризмом МГБ ГДР. Там, на секретных полигонах, проходили тренировки различные террористические группировки, в том числе и боевики Карлоса. Он выполнял и отдельные задания органов безопасности ГДР, включая взрыв на радиостанции «Свободная Европа» в Мюнхене. Контактывал террорист тогда и с Белградом, и с Бухарестом, и с Гаваной. Бывал он и в СССР, но по приказу тогдашнего шефа КГБ Ю.В. Андропова в Москву его не пускали. Поэтому в дальнейшем не удалось доказать связи Карлоса с Москвой. В соцстранах он чувствовал себя как дома и, прекрасно понимая, что огласка его контактов с официальными лицами этих стран чревата громкими политическими скандалами, вел себя дерзко и вызывающе. Об этом свидетельствует хотя бы стрельба, устроенная Карлосом в центре Будапешта. Инцидент тогда был замят и никаких санкций не последовало. В ГДР он вообще развлекался стрельбой в гостиницах в потолок. В Венгрии же была оборудована самая надежная база Карлоса. Здесь хранились десятки килограммов взрывчатки, оружие, боеприпасы и прочая террористическая амуниция.

В это время Карлос познакомился с немкой Магдаленой Копф, искусствоведом по образованию и террористкой по призванию. Женщина произвела на него большое впечатление. Сама же Магдалена сначала не проявляла к Карлосу никакого интереса, но вскоре, все же увлекшись этим обаятельным венесуэльцем, стала его женой и боевой подругой. В январе 1982 года Карлос совместно со швейцарской экстремистской группой решил взорвать во Франции строящуюся ядерную установку. Магдалена в этой акции приняла непосредственное участие, но пять ракет из гранатомета не причинили серьезных повреждений реактору. В феврале Магдалена выехала из Будапешта в Париж для проведения новой акции, но здесь она была арестована. Карлос потребовал, чтобы власти Франции освободили жену, пригрозив в противном случае начать террористическую войну. Французы отказались – война началась: 5 кг взрывчатки взорвались во французском культурном центре в Бейруте (ранено пять человек), взрыв поезда Париж-Тулуза (убита женщина, десять человек ранено, 58 травмировано), взрыв во французском посольстве в Бейруте (11 убитых, 27 раненых). Магдалену все же осудили на четыре года, и террор продолжился. Взрыв автомобиля на ул. Марбеж в Париже (один человек погиб, 63 ранено), взрыв на вокзале в Марселе (пять человек погибло). Карлос спланировал захват нескольких самолетов, нападения на британских, французских, израильских подданных.

В августе 1983 года мощным взрывом было разрушено французское консульство и культурный центр в Западном Берлине. Эту акцию подготовил И. Вейнрин, но ответственность за нее взял на себя Карлос, собственноручно, как и за все предыдущие. Только после того как М. Копф была освобождена, взрывы прекратились. (В этот период, до 1984 года, террорист скрывался в Венгрии, где попутно занимался торговлей оружием.) Карлос сразу отвез жену в Будапешт, но пробыли там супруги недолго – их попросили уехать. Венгрия в это время стала членом Интерпола и не могла больше терпеть на своей территории человека, который находился в международном розыске. Вскоре состоялись переговоры между Госдепом США и соцстранами по вопросу борьбы с терроризмом, и для Карлоса сразу же закрылась вся Восточная Европа и Куба. Террорист понял, что здесь он больше никому не нужен и ему необходимо искать новое убежище. За террористические преступления он находился в розыске по крайней мере в пяти европейских странах. Путь его теперь лежал на Ближний Восток. Но и здесь его подстерегала неожиданность – Ливия и Ирак отказали ему в гостеприимстве. Карлос в это время был неуправляем, а это было опасно даже для таких диктаторов, как С. Хусейн и М. Каддафи. Только

Сирия в обмен на некоторые услуги согласилась его принять. Деньги у Карлоса были, и он жил в роскоши в Дамаске под видом мексиканского бизнесмена.

В 1986 году Магдалена Копф родила дочь, и Карлос как бы отошел от террористической деятельности. Все секретные службы мира признали его «бывшим». Тем не менее, после вторжения Ирака в Кувейт в 1990 году появилась информация, что С. Хусейн намерен организовать ряд терактов против США и привлечь для этого Карлоса, что создало определенные политические проблемы для президента Сирии Х. Асада, и террориста спровадили в Судан.

В Судане с 1993 года он жил в отдельном доме под усиленной охраной и защитой известного исламского фундаменталиста шейха Хасана Аль Тураби. К этому времени Карлос уже развелся с М. Копф, которая с дочкой уехала к его матери в Венесуэлу. Сам он еще в 1970-е годы принял ислам, допуская многоженство, и теперь вновь женился на иорданке, собиравшей завести еще одну жену, но вел по мусульманским законам очень разгульный образ жизни. А тучи уже сгустились над его головой. В январе 1994 года президенты США и Сирии встретились в Женеве, и Х. Асад предложил Б. Клинтону голову Карлоса в обмен на вывод Сирии из «черного списка» США. Клинтон согласился. К этому договору присоединился и Судан. Кроме того, Аль Тураби была показана видеозапись оргий в доме Карлоса, что покорило правоверного мусульманина и окончательно решило судьбу террориста № 1.

Честь ареста Карлоса американцы предоставили французам. Во-первых, агенты ЦРУ не имели права арестовывать людей не на территории США, а во-вторых, еще в 1975 году Карлосу во Франции уже был вынесен заочный приговор за убийство трех агентов – пожизненное заключение. В августе 1994 года он проходил курс лечения в одной из хартумских больниц. 4 августа врач сделал ему укол – в растворе вместо обезболивающего средства оказалось снотворное. Затем его доставили в аэропорт, а на следующий день он уже был в Париже. В декабре 1997 года суд вынес свой приговор – пожизненное заключение. Правда, венесуэльское правительство хотело потребовать отмены приговора и экстрадиции Карлоса на родину, где он считается не преступником, а чуть ли не национальным героем, поскольку все свои «подвиги» он совершал не на территории Венесуэлы. Но нынешний президент страны не спешит возвращать Карлоса домой.

На суде «патриарх терроризма» заявил о себе: «Я – профессиональный революционер старой ленинской школы». Теперь этот «революционер» содержится в одиночной камере тюрьмы «Санте» под номером 25818 Р. При этом он успел жениться на своем адвокате Изабель Кутан-Пейр, написал книгу «Революционный ислам», в которой проводит мысль о том, что ислам – единственная сила, способная противостоять рабству целых наций, т. е. «американскому тоталитаризму». Карлос очень сожалеет, что ранее не был знаком с Усамой бен Ладеном, и утверждает, что акции с использованием самолетов, как это было 11 сентября 2001 года в США, планировались с его участием на «замечательной встрече антиимпериалистов, придерживающихся разных идеологий» в 1991 году во время войны в Персидском заливе. Революционный пыл Карлоса не угас, и из заключения он не раз обращался к своим «соратникам во всем мире» с призывами «нанести удары по американцам и израильтянам в поддержку палестинской интифады». И взрывы продолжают греметь, унося жизни людей.

САВИНКОВ БОРИС ВИКТОРОВИЧ

(род. в 1879 г. – ум. в 1925 г.)

Видный деятель партии эсеров, один из руководителей ее Боевой организации, организатор и участник ряда покушений на видных царских чиновников, министр Временного правительства, один из организаторов борьбы против большевизма.

Почти три секунды длился этот свободный полет. Почти три секунды летел человек, выпавший из окна, находящегося на пятом этаже следственного изолятора на Лубянке. Почти три секунды свободы... На камнях тюремного двора лежало тело. Из раздробленной головы вытекала кровь, которой он никогда не щадил во имя великой идеи – Революции, не щадил как своей, так и чужой. Это была последняя точка в трагедии человека, игрока, поставившего все на выигрыш и проигравшего все, включая право на жизнь и право на имя, вычеркнутое из списков Революции на десятилетия. Его имя Борис Викторович Савинков. Человек, внесший свою, хоть и довольно жуткую лепту в борьбу за свободу народа, не получил даже права на могилу. Где и как он похоронен – неизвестно.

Из 68 томов уголовного дела, заведенного ОГПУ по поводу деятельности савинковской организации после 1917 года, три посвящены лично ему. Личность эта довольно неординарна: революционер-террорист, борец, политик, писатель. Савинков участвовал в убийствах министра внутренних дел Плеве, московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, ряде других террористических актов, готовил покушение на царя. Не раз был арестован, отправлен в северную ссылку, бежал, в Севастополе вновь угодил в тюрьму, приговорен к смертной казни, но вновь сумел бежать. После Февральской революции 1917 года недолго пробыл на посту военного и морского министра, а затем наступил длительный период борьбы с большевиками, ярим врагом которых он стал, борьбы любыми способами, любыми методами. С ним считались на Западе, он был вхож во многие высокие кабинеты власти. Кроме того, писатель В. Ропшин – это тоже Б. Савинков. Его перу принадлежит ряд известных произведений: «Конь бледный» и «Конь вороной», романы «То, чего не было» и «Воспоминания террориста», книга очерков «Во Франции во время войны». Да, весьма одаренным был этот человек, предстающий в различных ипостасях, многогранен и артистичен – человек со многими лицами. И мнения его современников о нем абсолютно разноречивы: охотник на львов и дешевый клоун на ковче истории, кавалергард революции и смердящий труп революции, гениальный индивидуалист и сентиментальный палач. По мнению большевистского наркома Луначарского, Савинков – «Артист авантюры, человек в высшей степени театральный. Я не знаю, всегда ли он играет роль перед самим собой, но перед другими он всегда играет роль». А вот Уинстон Черчилль, не раз встречавшийся с Савинковым, увидел в нем «мудрость государственного деятеля, качества полководца и стойкость мученика».

На следствии, начавшемся в августе 1924 года, Б. Савинков дал о себе следующие показания. Родился он в 1879 году в Харькове. Отец его был судьей в Варшаве, но за революционный образ мыслей в 1905 году его выгнали со службы. Мать была сестрой художника Ярошенко, родом из Польши. У Бориса были еще два брата и три сестры. Высшего образования он так и не получил, поскольку в 1899 году за участие в студенческих беспорядках его исключили из Петербургского университета без права поступления в другое учебное заведение России. Тогда Борис вынужден был уехать для продолжения учебы в Германию. В тот период он был уже женат. Его избранницей стала дочь писателя Глеба Успенского Вера, в семье рос сын Лев. По возвращении в

Петербург в том же 1899 году Б. Савинкова арестовали и после пятимесячного заключения в крепости отправили в вологодскую ссылку. С ним поехали и жена с сыном.

Начинающий революционер поначалу примкнул к социал-демократам плехановского толка и даже внес свой вклад в это движение. Его статья «Петербургское рабочее движение и практические задачи социал-демократов», написанная в ссылке, получила положительный отзыв В. Ульянова (Ленина), который хвалил автора за искренность и живость. Но Савинкову было тесно в рамках социал-демократии. Его деятельная натура жаждала чего-то более радикального, чем теоретические рассуждения. Еще за границей он познакомился с будущим лидером партии эсеров В. М. Черновым. Взгляды эсеров с их культом героического, жертвенного индивидуального подвига, высшей личности, приносящей себя на алтарь революционной борьбы и отказ от своего «Я» ради великой цели национального и социального освобождения народа – все это было намного ближе Савинкову, человеку крайностей, максималисту и экстремисту. В своей революционной деятельности главным для себя он всегда будет считать только одно – террор.

В июле 1903 года Савинков бежал из ссылки и вскоре оказался в Женеве, где познакомился с одним из лидеров эсеров М. Гоцем. Партия эсеров к тому времени в своей деятельности использовала террор. Для этого в недрах партии была создана тщательно законспирированная Боевая организация (БО), которой руководил, после ареста Г. Гершуни, Евно Азеф. Долгие годы затем Савинков считал его своим учителем и другом. Сразу по прибытии в Женеву Борис заявил, что хочет заниматься террором. Некоторое время к нему присматривались, а вскоре.

У сыщиков царской охраны Савинков проходил под кличкой «Театральный». Действительно это был человек-театр: поляк Адольф Томашкевич, он же Кшесинский, он же скромный француз Леон Роде или представитель богатой велосипедной фирмы английский инженер Джеймс Галлей, или бельгийский подданный Рене Ток, а также подпоручик Субботин, Чернецкий, Крамер, Вениамин. Этот список можно продолжить. В 1904 году Савинков получил первое задание – ликвидация министра внутренних дел Плеве. План покушения разработал Азеф. Руководителем группы был назначен Савинков. В нее вошли Дора Бриллиант, изготовитель самодельных бомб Максимилиан Швейцер, Егор Сазонов, а также несколько других человек, обеспечивающих операцию. Было решено взорвать бомбой карету Плеве. Группа обеспечения под видом извозчиков, газетчиков, разносчиков отслеживала все передвижения министра, систему его охраны, и вот 18 марта по всему маршруту движения Плеве были расставлены метальщики бомб. Только трусость одного из них, Абрама Боришанского, спасла в тот день жизнь царскому сановнику. Но только в тот день. 15 июля одетый в форму железнодорожника Сазонов метнул пятикилограммовую, обернутую в газету бомбу в карету Плеве. Тот был разорван на куски, Сазонов – тяжело ранен. Он будет осужден на 10 лет каторги и покончит там жизнь самоубийством. Савинков был на месте покушения, видел все своими глазами, а затем. пошел в баню. Вечером он уехал в Москву на встречу с Азефом и потом – за границу.

В 1905 году Савинков готовил новый теракт. На сей раз жертвой должен был стать московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. 2 февраля друг и однокашник Савинкова по варшавской гимназии Иван Каляев бросил бомбу в карету великого князя. Убийство свершилось, но самого Каляева вскоре повесили в Шлиссельбургской крепости. Тем временем Савинков уже находился в Женеве. Нужны были новые люди, верящие в него без оглядки, способные на самопожертвование, и таких людей находить он умел. Зачем же самому пачкать руки кровью? 23 апреля 1906 года студент-поляк Борис Вноровский бросил бомбу в карету министра внутренних дел адмирала Дубасова. Но министру повезло, был убит его адъютант – граф Коновницын. В то же время Савинков готовил покушение и на царя, убедив пойти на этот шаг аристократку Татьяну Леонтьеву. Правда, из этого ничего не получилось, а вскоре в Севастополе арестовали его самого. Пощады ждать было нечего, приговор – смертная казнь. А умирать не хотелось. Позже, в романе «Конь бледный», Савинков писал: «Но как-то не верилось в смерть. Смерть казалась ненужной и потому невозможной. Даже радости не было, спокойной гордости, что умираю за дело. Не хотелось жить, но и умирать не хотелось». Обладая колоссальным честолюбием и желанием войти в историю, Савинков всегда уделял большое внимание предсмертным исповедям своих товарищей по БО. Теперь настал его час. Но самому умирать не хотелось. Ему повезло: накануне казни удалось бежать.

Настоящим ударом для честолюбивого Савинкова стало разоблачение в 1908 году В. Бурцевым провокаторской деятельности Азефа. Столько лет этот человек был для Бориса Викторовича кумиром и наставником! Эсеры приговорили Азефа к смерти, но приговор в исполнение приведен не был, и в этом соратники обвинили Савинкова. Но в действительности Азефа не убили потому, что все совершенно растерялись. Мало кто верил в его предательство. Сам же Савинков говорил, что у него не поднялась рука на его бывшего товарища и вождя: «В тот момент я его любил еще, как брата». Какой бы ни была эта любовь, но деятельность БО

резко пошла на спад. Азеф успел сдать ее боевиков царской полиции. Больше никаких громких терактов эсерам провести не удалось.

До 1917 года Савинков жил во Франции. Во время Первой мировой войны он выступал в роли военного корреспондента, отправляя свои репортажи из Парижа в Россию. Тогда же, в 1916 году, появилась его книга «Во Франции во время войны». Февральская революция в России оказалась неожиданной для всех русских революционеров-эмигрантов, включая и Бориса Викторовича. Он тут же, попрощавшись с женой и сыном, выехал в Россию. В апреле 1917 года Савинков прибыл в Петроград. Во Временное правительство, взявшее на себя после отречения царя управление страной, входили многие его товарищи по партии эсеров – Керенский, Чернов, Авксентьев, – и он, человек властный, деятельный, обладающий диктаторскими наклонностями, целиком окупился в политику. К июню 1917 года Савинков стал довольно заметной фигурой, оказывающей сильное влияние на Керенского – главу правительства. Став комиссаром Юго-Западного фронта, он пытался воодушевить солдат вести борьбу до победного конца, но те воевать уже не хотели. Дисциплина в армии падала, в стране назревал хаос. Савинков понимал, что для выхода из этого нужна твердая власть. Вот тогда и началось его сближение с человеком, схожим с ним по характеру, – генералом. Л. Г. Корниловым, назначенным по его рекомендации Верховным Главнокомандующим. Сам же Борис Викторович был утвержден на пост управляющего Военным министерством. Посол Великобритании в России Бьюкенен тогда сделал запись в своем дневнике: «...Мы пришли в этой стране к любопытному положению, когда мы приветствуем назначение террориста. в надежде, что его энергия и сила воли могут еще спасти армию». Однако положение в стране ухудшалось. В такой обстановке Савинков потребовал от Керенского немедленного ареста большевиков и введения смертной казни в тылу – на фронте она уже была введена, – но Керенский отказался это сделать. И тогда Савинков подал в отставку, но тот отставку не принял, зато назначил Савинкова военным губернатором Петрограда.

В конце августа началось выступление генерала Корнилова, целью которого было установление в России военной диктатуры. Это перепугало правительство, а близость Савинкова с генералом сыграла с ним плохую шутку. Несмотря на то, что военный министр отрицал свое участие в заговоре, считая его «политически ошибочным», ему не верили. Вся его деятельность была поставлена под контроль партии. Мало того, 31 августа Керенский снял его с должности губернатора Петрограда. Тогда Савинков без всяких объяснений ушел с поста военного министра и был исключен из партии эсеров.

Большевистский переворот Савинков встретил враждебно. Он призвал к борьбе с большевиками, вместе с частями генерала Краснова уже через два дня после захвата Лениным власти принял участие в наступлении на Петроград, а после его провала метнулся было на Дон, где создавалось правительство Донской республики, но его, революционера и террориста, встретили там довольно прохладно, и он выехал в Москву. Здесь он создал «Союз защиты Родины и Свободы» (СЗРС). В эту организацию вошли и монархисты, и республиканцы, и эсеры, и социал-демократы плехановского толка, и меньшевики – словом, все, кто с оружием в руках готов был бороться с новой властью. В СЗРС вошло много офицеров, общая их численность, по словам самого Савинкова, достигала 5 тыс. человек. Его помощниками стали полковник Перхуров и генерал Рычков. Эта организация, по сути, подпольная армия, строилась на основе жесткой конспирации и состояла из боевых пятюрок. Программа ее была коротка и ясна: Отечество, Учредительное собрание, земля – народу. Методы борьбы известны – террор. Главные его цели – Ленин и Троцкий.

Для организации терактов и содержания Союза нужны были деньги, и деньги немалые. И они нашлись. Часть необходимых средств предоставил председатель чешского национального комитета Масарик, часть – один из руководителей Добровольческой армии генерал Алексеев, часть – посольство Франции. Но в мае 1918 года чекисты арестовали и расстреляли многих савинковцев. Сам он скрывался в доме супругов Деренталей – Александра Аркадьевича и Любы. Именно А. А. Деренталь находился на связи с французами.

Хотя план покушения на Ленина не удался, отряды Савинкова все же сумели захватить города Ярославль, Муром и Рыбинск. Правда, ненадолго. Сам захват городов был кровавым, и освобождение их большевиками тоже сопровождалось большой кровью. Большевики в это время уже проводили массовый террор, но и Савинков к тому времени тоже отошел от террора индивидуального. После подавления выступления руководитель СЗРС, проскитавшись некоторое время по Новгородской губернии, пробрался в Петроград, а оттуда с фальшивыми документами отправился в Казань. По пути его не раз арестовывали красные, чуть было не расстреляли крестьяне, видя в нем большевика, но добраться до места ему удалось. Тут уже находились многие члены его организации, но здесь же располагался Комитет Учредительного собрания (Комуч), созданный под покровительством восставших против большевиков чешского корпуса, состоящего из бывших военнопленных, в основном эсеров. И Савинков распустил СЗРС. Однако,

ощущая недоверие своих бывших товарищей по партии и видя их неспособность поднять народ на борьбу с большевиками, он вступил рядовым в отряд полковника Капееля, прославившийся своими карательными действиями. Затем была Сибирь и поездка вместе с супругами Деренталь через Японию в Париж, где он стал представителем правительства Колчака, вплоть до разгрома войск адмирала. Здесь, в Париже, начались новые хлопоты: оружие и боеприпасы для белого движения, участие в защите интересов России при обсуждении Версальского договора. Но положение Савинкова было довольно унижительным. В беседах с лидерами Великобритании Ллойд-Джорджем и Черчиллем ему постоянно намекали, что белые армии – это, по сути, «карманные» армии Антанты, что за помощь надо платить – желательно отделением от России нефтяных районов страны.

В январе 1920 года Савинкова пригласил в Варшаву бывший социалист, а теперь хозяин Польши Юзеф Пилсудский, предложив ему создать Русский политический комитет и русские вооруженные формирования в Польше. Борис Викторович согласился. Из остатков армий Юденича и Деникина он в короткий срок сформировал отряд, насчитывающий порядка 2,5 тыс. человек, и сам добровольцем в конном полку участвовал в походе на Мозырь. Поход этот закончился неудачей, и тогда Савинков, порвав с Белым движением, создал «Научный союз защиты Родины и Свободы» (НСЗРС), возглавив его. Программой организации стали: борьба с Советской властью, большевиками, монархистами, помещиками, за народовластие, свободу слова, печати, собраний, мелкую частную собственность, передачу земли в собственность крестьян, право на самоопределение народов, ранее входивших в состав Российской империи. Каждый вступающий в НСЗРС приносил присягу: «Клянусь и обещаю, не щадя сил своих, ни жизни своей, всюду распространять идею НСЗРС: воодушевлять недовольных и непокорных Советской власти, объединять их в революционные сообщества, разрушать советское управление и уничтожать опоры власти коммунистов, действуя, где можно, открыто, с оружием в руках, где нельзя – тайно, хитростью и лукавством».

С 1921 года Савинков попытался развернуть в Советской России так называемое «зеленое движение», с опорой на крестьянство: партизанскую войну, с безжалостным истреблением коммунистов всеми возможными способами, в первую очередь – террором. «Поистине таинственна наша матушка Россия, – писал он А. Деренталю. – Чем хуже, тем ей, видимо, лучше. Язык ума ей недоступен. Она понимает или запоминает только нагайку или наган. На этом языке мы теперь с ней только и разговариваем, теряя последние признаки гнилых, но мыслящих русских интеллигентов». Чем хуже – тем лучше! И вновь полилась кровь народа. В Белоруссии, Украине, России создавалась сеть подпольных конспиративных групп НСЗРС, через границу с территории Польши шли истребительные отряды, Савинков вновь и вновь планировал покушение на Ленина. Но где же он брал деньги на это? Все просто. Савинков продавал западным разведкам информацию, получаемую от своей агентуры, находившейся на советской территории. Советское правительство потребовало от правительства Польши изгнать савинковцев со своей территории, и поляки вынуждены были пойти на этот шаг. Савинков перебрался в Париж и проживал в доме вместе с Александром и Любовью Дерентальями, которая являлась его личным секретарем.

Прекращать борьбу с большевиками Савинков не собирался, но денег не хватало. Он постоянно обращался за помощью к западным правительствам, но те не спешили раскошелиться, а итальянский диктатор Муссолини вообще вместо денег подарил Савинкову свою книгу с дарственной надписью. Акции Бориса Викторовича падали, особенно после того как он не смог организовать покушение на Чичерина, руководителя советской делегации на Генуэзской конференции в 1922 году. Савинков устал от непрестанной борьбы, душевные силы его таяли. Он был на грани срыва и подспудно уже понимал бесперспективность того, что делал. Вся его жизнь – борьба. А результат? С введением в России нэпа большевистский режим укреплялся, и деловые круги Запада были заинтересованы в налаживании экономических отношений с Советами. В связи с этим Савинков становился помехой, от него нужно было избавиться, его нужно было «выдавить» из Западной Европы. Но куда? В Россию. И Савинкову осталось пережить последнюю драму своей жизни – еще одно предательство, предательство тех, кому он доверял.

Между тем по приказу Ф.Э. Дзержинского в 1922 году органы ОГПУ начали против Савинкова операцию под кодовым названием «Синдикат-2», целью которой было завлечь его на территорию Советской России и обезвредить. Она началась с ликвидации ячеек НСЗРС в стране и перевербовки, в первую очередь, самых близких Савинкову людей: его адъютанта Л. Шешени, начальника комитета НСЗРС в Вильно И. Фомичева и, в конечном счете, полковника С. Павловского, посланного Савинковым с инспекцией в Москву. Велась работа по «обольщению» Бориса Викторовича и в Париже. Приезжавшие сюда агенты ОГПУ всячески навязывали ему, уже давно оторванному от российской действительности эмигранту, что в России «народилось новое поколение и что оно во имя русского народа борется с коммунистами». Ждут только его, единственного, кто способен возглавить эту борьбу. К этому Бориса Викторовича подталкивал и друг, английский разведчик-бизнесмен, или бизнесмен от разведки, Сидней Рейли, и советский

нарком Л. Красин, с которым Рейли свел Савинкова в Лондоне. Красин предложил ему явиться с повинной на родину, обещая прощение и возможность работать за границей по линии НКВД (Наркомат иностранных дел). Кроме того, Ленин уже был тяжело болен, и в Москве исподволь разворачивалась борьба между сторонниками продолжения «жесткого» курса и сторонниками смягчения режима. Казалось, все могло измениться, и Савинков решил на поездку в Россию. 15 августа 1924 года он перешел советско-польскую границу. Вместе с ним шли Александр Деренталь и его жена Люба, которая была в это время уже не только личным секретарем Бориса Викторовича. Он был уже дважды женат, имел троих детей, но личная жизнь не сложилась, а еще раз обременять себя семейными узами Савинков не хотел. Муж Любы, А. Деренталь, с таким положением вещей полностью смирился. На следующий день после перехода границы все трое были арестованы.

Почти через год, 7 мая 1925 года Савинков в письме к Дзержинскому писал: «Когда меня арестовали, я был уверен, что может быть только два исхода. Первый, почти несомненный – меня поставят к стенке; второй – мне поверят и, поверив, дадут работу. Третий исход, т. е. тюремное заключение, казался мне исключением: преступления, которые я совершил, не могут караться тюрьмой, “исправлять” меня не нужно, – меня исправила жизнь.

Так и был поставлен вопрос в беседах с гр. Менжинским, Артузовым и Пилляром: либо расстреливайте, либо дайте возможность работать. Я был против вас, теперь я с вами. сидеть в тюрьме или сделаться обывателем я не могу. Мне сказали, что мне верят, что я вскоре буду помилован, что мне дадут возможность работать». Конечно, верят, конечно, дадут, но для начала нужно: публично покаяться, признать свое поражение, неправоту и свою лично и своей партии, а следовательно, правоту своих вчерашних врагов и призвать всех своих соратников внутри страны и за рубежом, явиться с повинной, прекратить борьбу. Не сразу, но Савинков принял эти условия и обратился с письмами к своим соратникам. Это было сенсацией. «Если за коммунистами большинство русских рабочих и крестьян, – писал он, – то я как русский должен подчиниться их воле, какая бы она ни была. Но я революционер, а это значит, что я не только признаю все средства борьбы вплоть до террора, но и борюсь до конца, до той последней минуты, когда либо погибаю, либо совершенно убеждаюсь в своей ошибке... Я вел войну, и я побежден. Я имею мужество открыто сказать, что моя упорная, длительная, не на живот, а на смерть, всеми доступными мне средствами борьба не дала результатов. Судите меня как хотите...» И еще: «После тяжелой и долгой кровавой борьбы, в которой я сделал, может быть, больше, чем многие другие, я вам говорю: я прихожу сюда и заявляю без принуждения, свободно, не потому что стоят с винтовкой за спиной: я признаю безоговорочно Советскую власть и никакой другой».

В течение четырех дней, с 22 по 26 августа, следствие по делу Савинкова было завершено и передано в суд.

27 августа Военная коллегия Верховного суда СССР под предводительством В. Ульриха «без участия сторон, ввиду ясности дела» приговорила бывшего революционера и бывшего террориста к расстрелу, который, впрочем, по предложению самого ОГПУ был заменен 10-летним заключением. Ничего странного в этом нет. Один из руководителей Коммунистической партии Г. Зиновьев позднее писал: «Между судьями и подсудимым разыгралась притча о блудном сыне. Не оттого ли, что его революционной душе всегда были ближе эти враги? Вот почему, может быть, никогда не был так искренен этот авантюрист, ненавидевший лучшей, революционной частью своей души своих давальцев и союзников, как здесь, перед этим народным судом. “Военнопленный” оказался, в сущности, взятым в плен своими от чужих». Савинков же в одном из писем написал о чекистах: «Я думал встретить палачей и уголовных преступников, а встретил убежденных и честных революционеров, тех, к которым я привык с моих юных лет».

Жертва и палачи, но какая духовная близость с проводниками террористического режима! И какая ошибка в их оценке со стороны самого Савинкова! После своих признаний и разоблачений эмиграции он стал не нужен. Что такое 10 лет заключения для 45-летнего человека? У него есть шанс выйти на свободу живым. И что тогда? Куда его девать, этого бывшего революционера? Куда девать его память? Ведь заявил же он Дзержинскому вскоре после ареста: «Да, мы пользовались помощью иностранцев. Нам казалось, что все способы хороши, чтобы свергнуть тех, кто во время войны захватил власть, не брезгуя золотом неприятеля». Это же явный намек на то, как большевики пришли к власти. Проблема! В том же письме Дзержинскому от 7 мая 1925 года Савинков писал: «Если вы верите мне, освободите меня и дайте работу, все равно какую, пусть самую подчиненную. Может быть, и я пригожусь: ведь когда-то и я был подпольщиком и боролся за революцию...» Ответа не последовало. Но...

В тот же день чекисты – Пузицкий, Сперанский и Сыроежкин – повезли Савинкова на легковой машине на прогулку в Царицыно. Поздним вечером они вернулись на Лубянку и расположились в ожидании конвоя, который должен был увести Савинкова в камеру, в кабинете

Пилляра на пятом этаже. А затем последовал полет из окна. По официальной версии, Савинков покончил жизнь самоубийством, но есть и неофициальная. Она появилась в 1937 году. Бывший чекист Артур Шрюбель, умирая в лагере на Колыме, рассказывал о своем участии в убийстве Савинкова. Его выбросили из окна. Не стало человека, не стало и проблемы. Сообщение же о гибели знаменитого на весь мир заключенного последовало только через неделю.

САЛАМЕХ АЛИ ХАСАН

(род. в 1932(?) г. – ум. в 1979 г.)

Руководитель палестинской террористической организации «Черный сентябрь». Организатор убийства премьер-министра Иордании Васфи Телля в Каире в 1971 году, одиннадцати израильских спортсменов на Олимпиаде-72 в Мюнхене и других терактов.

Прозванный израильянами Красным принцем он был сыном крупного командира Организации освобождения Палестины (ООП). Умный, смелый, жестокий и в то же время обаятельный любитель «красивой жизни» (что совсем не редкость среди функционеров ООП), Али Хасан Саламех нравился женщинам. Его второй женой была «Мисс Вселенная»-71 ливанка Георгина Риза. Али дружил с президентом Ливана Беширом Жмайелем, возглавлял «Отряд-17», охранявший лидера ООП Ясира Арафата (название это происходило от телефонного номера во внутреннем коммутаторе штаб-квартиры ООП в Бейруте). Подразделение насчитывало тогда около тысячи исламских боевиков. Саламех также работал как офицер разведки при ФАТАХе (вооруженная армия Организации освобождения Палестины), читал лекции о структуре ООП в штаб-квартире ЦРУ в Ленгли. Эти связи оказались полезными и для американцев, когда в начале гражданской войны в Ливане Красный принц смог защитить американское посольство в Бейруте. Кроме того, он помог американцам эвакуировать своих граждан из этого города в 1976 году. ООП поддерживала отношения и с СССР, и со всем восточным блоком.

После поражения, полученного от Израиля в Шестидневной войне 1967 года, арабы взяли на вооружение террор. В сентябре 1970 года король Иордании Хусейн разгромил палестинские партизанские отряды в своей стране. В следующем году арабские экстремисты организовали группировку «Черный сентябрь», входившую в «Отряд-17», и руководителем ее стал один из самых опасных террористов Али Хасан Саламех. «Сентябристы» являлись военизированной структурой организации ФАТАХ, которая возникла в 1957 году. Когда же Организацию возглавил Ясир Арафат, структура стала фигурировать в докладах как «Черный сентябрь». Арафат использовал это название, чтобы таким образом дистанцировать себя и ООП от террористических актов, проводимых подопечными Красного принца, хотя продолжал контролировать эту группировку и негласно использовать ее как основную военную силу.

До Мюнхенской олимпиады боевики Саламеха совершили девять крупных терактов. Одним из первых было убийство 28 ноября 1971 года в египетской столице Каире. Мишенью стал премьер-

министр Иордании Васфи Тель – его застрелили у входа в гостиницу «Шератон». Потом они покушались на посла этой страны в Лондоне, убили пятерых иорданцев в ФРГ. 8 мая 1972 года «сентябристы» захватили в тель-авивском аэропорту самолет с 90 пассажирами на борту. Израильский спецназ сразил наповал двоих террористов, остальных обезвредил. В ответ 30 мая того же года Али Саламех руками трех японских экстремистов из «Красной армии» отомстил Тель-Авиву: в аэропорту Лод 26 туристов были убиты и 86 ранены. Затем он разработал и подготовил акцию в ФРГ.

В разгар Олимпийских игр в Мюнхене 5 сентября 1972 года в четыре часа утра восемь вооруженных исламских террористов-фанатиков перелезли через ограждение и попали на территорию Олимпийской деревни. Они незаметно подошли к общежитию, где проживали израильские олимпийцы, и открыли двери комнаты № 1. Судья по борьбе, 125-килограммовый Йозеф Гуфройнд, услышав арабскую речь, предупредил остальных об опасности и встал в дверном проеме, чтобы не пустить незваных гостей дальше. И хотя он смог выиграть всего лишь несколько секунд, этого времени оказалось достаточно, чтобы позволить тренеру по тяжелой атлетике Туви Соколовскому бежать через окно.

Ворвавшись в помещение, вооруженные боевики взяли находящихся там пятерых израильских олимпийцев в заложники, потом в другой комнате захватили еще четверых спортсменов. Тренер по борьбе Моше Вайнбергер в это время возвращался в свой номер и на пороге столкнулся с двумя вооруженными арабами. Он сразу «вырубил» одного, но второй выстрелил ему в лицо. Смертельно раненный Моше Вайнбергер смог уложить на пол и второго, но подоспевший третий террорист выстрелил тренеру в грудь, а затем в голову. Пока террористы рыскали по корпусу в поисках очередных жертв, тяжелоатлет Романо вместе с другим членом своей команды Дэвидом Марком Бергером попытались бежать через открытое окно кухни. Поняв, что это им не удастся, Йозеф схватил кухонный нож и ударил одного из бандитов. Подоспевший второй террорист расстрелял спортсмена в упор из автомата. Не ожидая такого отчаянного сопротивления, боевики так и не смогли захватить еще восьмерых спортсменов. Беглецы обратились к властям Мюнхена, рассказали о случившемся, после чего была поднята тревога.

Члены «Черного сентября» потребовали освобождения 234 заключенных палестинцев в Израиле и три самолета (когда будет получено подтверждение об освобождении узников, на одном из них они улетят в Каир). Самым активным проповедником принципа «Правительство Израиля никогда не ведет переговоры с террористами» выступала премьер-министр Голда Меир. Поэтому она ответила категорично «Нет!», когда с ней связался канцлер ФРГ Вилли Брандт и сообщил об условиях освобождения израильских спортсменов. Посовещавшись с членами правительства, Голда Меир решила срочно отправить в Мюнхен Цви Замира. Он должен был добиться от немецких властей разрешения на участие в операции по освобождению заложников специально обученных израильских спецназовцев из элитного подразделения «Сайрэт Маткаль». Замир почти уговорил канцлера, но местные власти Мюнхена, которым по Конституции Германии принадлежало решающее слово, от помощи отказались.

Руководство операцией по спасению заложников взял на себя комиссар полиции Мюнхена Шрайбер, он же по совместительству – глава службы безопасности XX Олимпиады. Комиссар решил обезвредить террористов с помощью снайперов в аэропорту Фурстенфельдбрук, когда те выйдут на взлетное поле аэродрома. Но прибыв на аэродром, полиция увидела, что экстремистов восемь, а не пять, как предполагалось ранее. Именно исходя из этого было задействовано только пять снайперов. Самолет «Боинг-727» разместили на взлетном поле, восемь полицейских, одетых в форму техников и пилотов, находились вокруг него. Но, к сожалению, у них не было радиосвязи ни с командным пунктом, ни с другими полицейскими подразделениями. Когда исламисты отошли на безопасное расстояние от заложников, Шрайбер приказал снайперам открыть огонь, но те промахнулись. Начавшаяся перестрелка между боевиками и полицией продолжалась больше часа. Спортсмены все еще сидели в вертолетах, которые доставили их на аэродром. Затем комиссар не придумал ничего лучше, чем начать атаку, чтобы оттеснить арабов от израильских заложников. Один из бандитов бросил гранату в первый вертолет, в котором сидели пять олимпийцев, и тот взорвался. Другой боевик заскочил во вторую винтокрылую машину и расстрелял оставшихся четырех спортсменов. В перестрелке погибли двое граждан ФРГ и пятеро экстремистов Красного принца, а троих из них полиция захватила. Они признались, что являются студентами и недавно проживали в Иордании. Ответным ходом Али Саламеха было убийство сотрудника «Моссада», работавшего под прикрытием первого секретаря посольства Израиля и подготовившего отчет об этой трагедии для руководства страны.

Премьер-министр Израиля Голда Меир лично курировала созданный после этой трагедии сверхсекретный антитеррористический отдел «Комитет Икс». Она поручила шефу израильской разведки «Моссад» физическое устранение 17 террористов и главных вдохновителей «Черного сентября». Были созданы ударные группы под кодовыми названиями «Гнев Бога» («Божья милость»), «Команда 101», «Мстителю», «Черный июнь». Планирование и координацию ответной

операции возмездия «Меч Гедеона» поручили Рафаэлю Эйтану – главному киллеру израильской разведки. Несмотря на тяжелое ранение в войне за независимость Израиля 1948 года, он командовал штурмовым полком и бригадой в последующих арабо-израильских войнах, а в мае 1960 года возглавлял группу, похитившую в Аргентине нацистского палача Адольфа Эйхмана. Эйтан хотел вызвать панику среди исламских экстремистов. В газетах арабских стран появлялись некрологи, а некоторые семьи террористов получали по почте письма с соболезнованиями и траурные венки. Причем, и то, и другое – незадолго до того, как происходили покушения.

Первым отошел в мир иной один из организаторов мюнхенского теракта, римский резидент «Черного сентября» Ваэла Цвайтер (Вади Абдель Зуайтер). Он был убит 16 октября 1972 года в Риме из пистолета «беретта» 22-го калибра с глушителем в подъезде своего дома.

Доктор Махмуд Хамшари, парижский резидент террористов ООП, был убит 9 января 1973 года. Радиоуправляемую мини-бомбу агенты вмонтировали в его телефонную трубку. Дождавшись, когда жена террориста с дочкой покинут дом, израильтяне позвонили по телефону. Хамшари поднял трубку, назвал себя, и ему взрывом снесло череп.

Али Хасан Саламех тоже не сидел сложа руки. Экстремисты «Черного сентября» попытались сбить самолет Голды Меир советской зенитной ракетой «Стрела» во время визита премьер-министра в Италию 15 января 1973 года. Ракета класса «земля – воздух» весила 9 кг и выстреливалась по цели с плеча пусковой установкой весом 11 кг. После пуска она автоматически следовала за воздушной целью и поражала ее. Ракеты и установки находились в югославском учебном лагере вблизи курорта Дубровник. (Давно не секрет, что с помощью Советского Союза в соцстранах были созданы военные лагеря для обучения террористов. Комитет Госбезопасности СССР помогал и палестинцам, и итальянским «Красным бригадам», и «Красной армии» ФРГ, и другим террористам. Скажем, в Югославии они проводили учебные стрельбы советскими ракетами «земля – воздух». Экстремисты вольготно чувствовали себя и в самой Москве, многие из них учились в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы.)

Из Югославии Красный принц через Адриатическое море переправил на яхте советские ракетные комплексы с боекомплектом в Италию. Ставшего ненужным свидетелем хозяина судна и его спутниц Саламех утопил. В декабре Али провел отвлекающую террористическую операцию по захвату израильского посольства в столице Таиланда Бангкоке. «Моссад» все равно вычислила, что в Италии готовится покушение на премьер-министра Израиля. Ее агенты и итальянские полицейские 15 января перехватили одну группу террористов у аэропорта в Риме. Но моссадовцы не знали, где вторая и третья группа. И тогда они «раскололи» уцелевшего боевика, который, не выдержав побоев, рассказал все, что знал. Потом взяли и вторую группу. Буквально за несколько минут до подлета самолета Голды Меир к римскому аэропорту и пуска ракет «Стрела» по этой цели израильский агент нейтрализовал и третью группу арабов с двумя пусковыми зенитными установками.

Между тем ударные группы продолжали мстить виновникам олимпийской трагедии. 24 января 1973 года погиб Аббдель Хир (Хусейн аль-Башир), резидент «Черного сентября» в Никосии. В кипрском отеле «Олимпик» он в своем номере прилег на кровать и взлетел на воздух. 6 апреля в Париже был ликвидирован один из руководителей ООП Базиль Ай-Кубайши. Именно он принимал непосредственное участие в подготовке акции в олимпийском общежитии. 10 апреля 1973 года морской спецназ, «Сайрет Маткаль» и «Моссад» провели операцию «Весенняя молодость». В ходе рейда на штаб-квартиру «Черного сентября» в Бейруте они хоть и не обнаружили Красного принца, но, помимо прочего, уничтожили находившуюся там фабрику по производству взрывчатки. 12 апреля 1973 года на Кипре от взрыва «адской машинки» погиб еще один главарь террористов – Мусса Абу Заид.

Хотя Саламех все еще был жив, палестинцы понимали, что Тель-Авив скоро доберется и до него, поэтому его решено было спрятать, а руководителем «Черного сентября» назначить алжирца Мухаммада Будиа (Мохаммеда Боду). 28 июля 1973 года в Париже израильские агенты подложили мину нажимного действия под сиденье машины нового руководителя экстремистов. Он вышел от любовницы, проверил отсутствие «посторонних взрывоопасных предметов» под капотом, в багажнике, под машиной и сел в нее, после чего мина сработала. В ответ Али Хасан Саламех провел акцию возмездия – через несколько дней его «гвардейцы» убили помощника атташе израильского посольства в Париже.

Трое арабов из «черного списка» были уничтожены в ходе десантной операции. 40 израильских спецназовцев на амфибиях скрытно достигли бейрутского берега и во время скоротечного боя убили, кроме «сентябристов», еще около ста боевиков. К сожалению, погибли и невинные: жена экстремиста, которой он прикрывался, как щитом, и его сосед по дому, который из любопытства открыл свою дверь и тут же получил пулю.

Еще целых шесть лет Красный принц уходил от карающей руки, продолжая террористическую деятельность. Профессионально подготовленный и умный, он не раз выскальзывал из ловушек, менял внешность, паспорта, но охота за ним шла по всему миру. Так однажды моссадовцы «вычислили» дом, в котором он скрывался с охраной, и решили штурмовать его в стиле «коммандос». (Иногда бесшабашность приносит свои плоды – ее меньше всего ждут от тайных агентов.) Штурм прошел без потерь со стороны израильтян, но и «мишень номер один» как в воду канула. Еще несколько раз Али удавалось оторваться от погони и затеряться «где-то в Европе», а однажды даже подстроить ловушку «Моссаду».

В израильскую разведку от алжирского информатора поступила информация, что главарь «сентябристов» скрывается в маленьком норвежском городке Лиллехаммере, живет под вымышленным именем и работает официантом. Начальник отдела активных операций Харари сам возглавил операцию, закончившуюся жутким провалом и позором. Опергруппа установила слежку и через несколько дней убедилась в идентичности подозреваемого с Саламехом. Распорядок дня и маршруты передвижений Красного принца предполагали уверенную ликвидацию. В небольшой и тихий курортный городок Лиллехаммер, где 40 лет не было убийств, прибыли исполнители. Вечером 21 июля 1973 года три агента на улице застрелили официанта, принятого за Саламеха. Затем моссадовцы укрылись на конспиративных квартирах. А на следующий день стало известно, что произошла недопустимая ошибка – убит ни в чем не повинный марокканский араб Ахмад Бучики, не имеющий никакого отношения к терроризму. Он был женат на норвежке, причем беременная женщина стала свидетельницей расстрела мужа. Основываясь на информации, полученной от «анонимных источников», полиция расследовала дело в считанные дни. В аэропорту арестовали двух агентов израильской разведки и они дали адрес «дома-укрытия», в котором в тот момент находились еще три человека. Прибыв туда, полиция арестовала сотрудников «Моссада». При обыске были обнаружены подробные инструкции и два ключа от парижской квартиры. После официального обращения французская полиция немедленно проверила адрес и обнаружила еще одни ключи. Таким образом в их руках оказались почти все адреса конспиративных квартир израильской разведки в Париже. Кроме этого французы нашли и другие свидетельства, подтверждающие причастность правительства Израиля к убийствам членов Организации освобождения Палестины. О Лиллехаммере разведчики вспоминали как о «лей-ла-ха-мар», то есть как о «горькой ночи», когда они были попросту переиграны в ходе контроперации. Шестеро моссадовцев были осуждены на пять лет лишения свободы. Правда, через два с половиной года Израиль выкупил их.

Али Саламех ликовал, что ему удалось опозорить знаменитую израильскую разведку «Моссад». Но «чудо в Энтеббе» весьма серьезно подняло авторитет спецслужб Израиля. Это произошло, когда два террориста Красного принца и два – из печально известной немецкой банды Баадера-Майнхоф захватили аэробус авиакомпании «Эр франс», который выполнял рейс из Тель-Авива в Париж, имея на борту 250 пассажиров. Воздушные пираты посадили самолет 27 июня 1976 года в аэропорту столицы Уганды Энтеббе. Пираты отпустили всех других иностранцев и взяли в заложники только граждан Израиля.

Диктатор Уганды Иди Амин, который три года назад пришел к власти в результате военного переворота, организованного с помощью израильских военных советников, к тому времени перешел на сторону Народного Фронта Освобождения Палестины (НФОП). Он не препятствовал террористам и даже предоставил своих солдат в помощь группе арабов, которая заранее прибыла в страну для поддержки воздушных захватчиков. Израиль с самого начала отверг их требование об освобождении 40 арестованных палестинцев в обмен на заложников и сделал ставку на силу. Большую роль в подготовке этой операции сыграл Брюс Маккензи, британский фермер и бизнесмен, осевший в Кении. Он был другом кенийского президента Джомо Кениаты и единственным белым членом кенийского кабинета. Маккензи, резидент британской «МИ-6», помогал кенийцам в организации системы обороны и безопасности и одновременно сотрудничал (с ведома МИ-6) с «Моссад».

Маккензи договорился с президентом Кении, Джомо Кениатой, о предоставлении израильской разведке базы в Найроби. Уже через несколько часов прибыли первые 30 агентов «Моссада» и «Амана». Они под видом туристов и бизнесменов проникли в соседнюю Уганду, в район аэропорта столицы для изучения системы охраны, путей отхода. Часть спецназовцев переправилась через озеро Виктория нелегально. Затем в ночь на 3 июля 1976 года израильские ВВС перебросили несколько групп коммандос к месту операции. Диспетчеры аэропорта Энтеббе, обманутые ложными позывными, позволили сесть нескольким самолетам типа «Геркулес» с десантниками, вооружением и даже полевым госпиталем.

Группа спецназовцев в черном «мерседесе», точной копии лимузина диктатора страны Иди Амина, ворвалась в старое здание аэровокзала и в течение нескольких минут уничтожила семерых террористов и 45 угандийских солдат. Три других члена группировки Али Саламеха были захвачены в плен. Всех заложников освободили, хотя двое невинных людей погибли. С

израильской стороны была единственная жертва – подполковник Ионатан Нетаньяху, командир одной из групп «Сайрет Маткаль», сраженный снайперским выстрелом.

Еще почти три года после этого теракта главный экстремист НФОП, цель номер один Саламех Али Хасан скрывался по разным странам, время от времени делая ответные ходы в виде террористических акций. В январе 1979 года след Али с помощью «стукача» обнаружился в ливанской столице. Рафи Эйтан под видом греческого бизнесмена сам поехал в Бейрут, чтобы на месте принять окончательное решение. Через несколько недель на улице, по которой проезжал Красный принц, взорвался припаркованный автомобиль, начиненный взрывчаткой, и Саламеха разнесло на куски.

В ночь с 9 на 10 апреля 1979 года дерзкий налет израильских командос на бейрутский лагерь завершился убийством еще нескольких виновных в мюнхенской трагедии. В 1991 году возмездие настигло последнего из 17-ти террористов Народного Фронта Освобождения Палестины, причастного к теракту и гибели олимпийцев в 1972 году – лидера «Черного сентября» Абу Ийада.

Такая операция являлась, помимо всего прочего, и чисто превентивной мерой в отношении потенциальных террористов. Возможно, неотвратимость возмездия удержит некоторых из них от последнего шага.

СПИРИДОНОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

(род. в 1884 г. – ум. в 1941 г.)

Один из лидеров партии левых эсеров, террористка, участница Октябрьского переворота. По решению Тамбовского комитета эсеров привела в исполнение приговор, смертельно ранив жандармского полковника Г. Н. Луженовского. Из 57 лет жизни 34 года провела в царских и советских тюрьмах, на каторге и в ссылках. Реабилитирована в 1992 году.

«Девушка, чистейшее существо, с прекрасной душой – без жалости, с упорной жестокостью зверя всаживает пять пуль в человека!.. Их довели до этого, довела жизнь, с постепенностью, страшною в своей незаметности. Вот оно – движение; мы все живем и действуем не как люди, а как политические единицы без души, и казним, и убиваем, и грабим страну во имя ее блага. Все позволено – цель оправдывает средства». Это слова неизвестного автора статьи «Жертва губернской революции», посвященные женщине-террористке и будущей жертве террора М. Спиридоновой.

Мария родилась 16 октября 1884 года в Тамбове в дворянской семье Александра Александровича и Александры Яковлевны Спиридоновых. Они были довольно состоятельными людьми, имели собственный дом, дачу и паркетную фабрику. Мать все внимание уделяла пятерым детям. Отец служил бухгалтером в банке и зарабатывал порядочные деньги. Маруся

была любимицей в семье и с малых лет родители возлагали на нее большие надежды: добрая, отзывчивая, щедрая, самостоятельная, не терпевшая несправедливости, она могла отдать нуждающимся все, что у нее было, в пять лет научилась самостоятельно читать, писать – без помощи гувернанток и учительниц. В гимназии она сразу стала лучшей ученицей, но и шалуньей слыла редкостной. К тому же открыто протестовала против режима и бездушия, царивших в гимназии, постоянно отстаивая свои человеческие права.

Терпение администрации было не беспредельным. В восьмом классе Марию исключили из гимназии с такой характеристикой, что продолжить обучение она не смогла и усиленно занялась собственным образованием. Да к тому же в 1902 году умер отец, и большая семья быстро обеднела. Девушке пришлось искать заработок, и она устроилась в канцелярию тамбовского дворянского собрания, хорошо зарекомендовала себя и была в добрых отношениях с сослуживцами. Умная, умеющая легко, красиво, доходчиво и сильно излагать мысли, она притягивала к себе людей. Эту способность Спиридоновой использовали товарищи по партии социалистов-революционеров (эсеров), когда направляли ее в рабочие кружки. Здесь ее очень любили и ценили как умного и образованного товарища. Она особенно привлекала своей решительностью, ясностью понимания трактуемой мысли и умением отстоять и доказать силу и значение идеи. Мария умела подчинять людей своему влиянию, могла увлечь за собой любого, настолько сильно было то впечатление, которое оставляла она в людях.

За участие в революционных демонстрациях 1905 года Мария впервые попала в тюрьму. В революцию Спиридонова пришла с обостренным чувством несправедливости, с ореолом революционной романтики, с верой, что социалистические преобразования создадут гуманное общество. А ради этого все средства хороши. Даже террор.

Четыре дня Спиридонова охотилась за своей жертвой, ночуя на железнодорожных станциях, чтобы привести в исполнение решение тамбовской организации эсеров – убить черносотенца Г. Н. Луженовского, руководившего жесточайшими карательными экспедициями в деревнях на ее родной Тамбовщине. 16 января 1906 года она настигла его на вокзале в Борисоглебске. Заплывший жиром душегуб наконец-то вышел на перрон поразмять ноги. Конечно, его тщательно охраняли казаки, но никто не обратил внимание на Марию. Крошечное кокетливое создание в гимназической форме, каштановая коса до колен, стреляющие озорными бесиками голубые глазки, модная шляпка и меховая муфточка с браунингом. Она выбрала удобное место – площадку вагона, и сделала первый выстрел. Спрыгнула на землю и вновь выстрелила. Возникший переполох позволил ей выпустить еще три пули. И все пять в цель: две – в живот, две – в грудь, одна – в руку. Если верить Спиридоновой, описавшей покушение в своем знаменитом письме, опубликованном 12 февраля 1906 года в газете «Русь», она не чувствовала никакого волнения в момент выстрелов, производимых в Луженовского. «Так как я, – писала она, – была очень спокойна, то я не боялась не попасть, хотя пришлось метиться через плечо казака; стреляла до тех пор, пока было возможно». Поражает и спокойствие, с каким девушка описывает метания раненой жертвы. «После первого выстрела Луженовский присел на корточки, схватился за живот и начал метаться по направлению от меня, по платформе. Я в это время сбежала с площадки вагона на платформу и быстро, раз за разом, меняя ежесекундно цель, выпустила еще три пули». Для революционеров, подобных Спиридоновой, Луженовский и прочие «душители народной свободы» были нелюдьми, подлежащими уничтожению.

Шестую пулю девушка приберегла для себя и если бы не ее крик: «Вот она я. Расстреливайте меня!...» – и пистолет у виска, Марию в обстановке всеобщей паники и смятения просто бы не заметили. Но она готовилась к этому поступку и уходу из жизни сознательно и спасения для себя не видела. Нажать на курок Мария не успела. Ее били страшно, прикладами, сапогами. Маленькое тело волочили по перрону, по ступеням, размахнувшись, забросили в сани, беспмятное привезли в полицейское управление, раздели донага. В ледяной камере двое охранников Луженовского, Аврамов и Жданов, приступили к пыткам. Били нагайками, сдирали отслаивающуюся кожу, прижигали кровавые раны окурками. Ни единого крика о пощаде. Приходя в себя, она созналась, что исполнила смертный приговор. Скрывать о себе Спиридонова ничего не собиралась, но обнаружила, что забыла фамилию – назвалась ученицей седьмого класса гимназии Марией Александровой. Палачи так усердствовали, что врачи, осматривающие ее после допроса, пришли в ужас. Лицо – кровавая маска, почти все зубы выбиты, левый глаз практически ослеп, легкие отбиты, она оглохла на правое ухо, все тело – сплошная рана. Аврамов, уверенный в своей безнаказанности, перевоза в тамбовскую тюрьму изувеченную, измученную арестантку, надругался над ней.

Выжила Спиридонова, наверное, только молитвами крестьян, которые ставили за ее здоровье свечи во всех церквях, когда узнали, что их палач умер, промучавшись 40 дней. 11 апреля был убит Аврамов, 6 мая – Жданов. Ответственность за устранение этих мерзавцев взяла на себя партия эсеров. Это случилось уже после заседания военно-окружного суда, вынесшего Спиридоновой 11 марта 1906 года приговор – смертная казнь через повешение. Но

многочисленные газетные публикации, раскрывшие причины террористического акта, и обнародованная информация о зверствах и издевательствах, чинимых над ней, заставили суд изменить приговор на бессрочное заключение на Нерчинской каторге.

Мария, приготовившаяся к смерти, была настолько потрясена такой «гуманностью», что решила самостоятельно уйти из жизни. На это указывают многие исследователи. В. Голованов, в частности, утверждает, что девушка «действительно желала смерти, на свидании с сестрой просила не подавать в суд апелляцию, утверждая, что ее смерть нужна для счастья народа. Первоначальный приговор – смертная казнь через повешение – удовлетворил ее, она вновь сказала сестре, что смерть была бы лучшим концом для нее – “до того ее мысли были далеки от вопросов жизни, от возможности жить и работать дальше”. Замена смертного приговора каторгой была для нее ударом...» Только категорический приказ друзей по партии заставил арестантку изменить свое решение. Способствовал этому и роман по переписке с Владимиром Вольским. Восторженные любовные письма, которые он вначале посылал Марии по рекомендации партии, чуть было не переросли в серьезные чувства двух незнакомых людей. Они требовали свиданий, а Владимир даже был готов жениться. Тюремное начальство не допустило их сближения, аргументируя отказ тем, что первый брак Вольского не был расторгнут, хотя жена оставила его четыре года назад. Несостоявшиеся супруги встретились лишь в мае 1917 года. Они оказались настолько разными людьми, что даже не нашли общих тем для разговора.

Спиридонова воспрянула духом. «Разве вы не знаете, что я из породы тех, кто смеется на кресте. Будущее не страшит меня: оно для меня неважно, – важнее торжество идеи», – писала она на волю. Ее путь из пересыльной московской тюрьмы в Нерчинск был триумфальным. На каждой стоянке поезд окружали толпы рабочих. Охрана была вынуждена присутствовать на импровизированных митингах. Спиридонова говорила перед людьми просто и мощно, но, вернувшись в вагон, валилась без сил и захлебывалась кровью.

Трижды эсеры пытались организовать побег Спиридоновой, но неудачно. Она была освобождена в марте 1917 года по распоряжению министра юстиции А. Ф. Керенского и приступила к активной политической работе в Чите. В мае приехала в Москву, где стала играть одну из главных ролей среди левых эсеров. Войдя в состав Оргбюро левого крыла партии, работала в Петроградской организации, выступала в воинских частях, среди рабочих, призывая к прекращению войны, передаче земли крестьянам, а власти – Советам, сотрудничала в газете «Земля и воля», была редактором журнала «Наш путь», входила в состав редколлегии газеты «Знамя труда»; выступая с программными заявлениями. Мария Александровна активно включилась в политическую борьбу того времени. Она стала одним из организаторов партии левых эсеров. Ее избрали заместителем председателя ЦК. При поддержке большевиков Спиридонова занимала пост председателя II и III съездов Советов крестьянских депутатов, была членом ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ее партия вместе с большевиками совершила Октябрьский переворот, и по многим важным политическим вопросам она поддерживала их позиции.

Но в период с мая по июль 1918 года в своих публичных выступлениях Спиридонова решительно осудила внешнюю и внутреннюю политику СНК, критиковала аграрную политику большевиков, говоря, что социализация земли подменяется национализацией. Вместе с Камковым она вела переговоры с членами исполкома «Революционной интернационально-социалистической организации иностранных рабочих и крестьян» по вопросу об организации антинемецкого выступления в Украине. 24 июня она председательствовала на заседании ЦК, принявшего решение «в интересах русской и международной революции положить конец т. н. передышке» и «в этих целях организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма».

К тому же как только Спиридонова осознала, что Декреты о земле в корне отличаются от программ эсеров, за которыми в революцию пришли крестьяне, она одобрила вооруженное выступление против большевиков, приняла в нем активное участие и взяла на себя организацию очередного громкого террористического акта – убийство посла Германии графа фон Мирбаха, которое вошло в историю мирового терроризма. В данном случае сама Спиридонова вместе с другими членами партии только вынесла приговор и подготовила операцию. В исполнение его привели Яков Блюмкин и Николай Андреев – оба эсеры и сотрудники ВЧК. Это убийство, которое изначально было на руку большевикам, полностью развязало им руки. Восстание было подавлено. Левые эсеры разделили судьбу ранее разгромленных кадетов, правых эсеров и других фракций. В стране фактически установилась однопартийная система.

Спиридонову арестовали 6 июля 1918 года на V съезде Советов. С этого дня жизнь для нее стала сплошной чередой заключений, слежек и ссылок. Первые аресты скорее напоминали изоляцию: посадили – постращали – выпустили – слежка. На свободе она не прекращала пропагандистской деятельности против большевиков. Своих мыслей не скрывала: правительство

сравнивала с жандармерией, «молодчиков комиссаров» называла душащими народ мерзавцами. Во время очередного ареста в ноябре 1918 года написала в ЦКП(б) откровенное письмо, осуждающее позиции большевиков. «Ваша политика объективно оказалась каким-то сплошным надувательством трудящихся. Вы или не понимаете принципа власти трудящихся, или не признаете его. Именем рабочего класса творятся неслыханные мерзости над теми же рабочими, крестьянами, матросами и запуганными обывателями. Ваши контрреволюционные заговоры, кому бы они могли быть страшны, если бы вы сами не породнились с контрреволюцией». Ее выступления перед рабочими носили еще более откровенный характер, заставляли их задумываться над сложившейся ситуацией в стране.

За инакомыслие Спиридонову в феврале 1919 года обвинили в контрреволюционной агитации и клевете на Советскую власть. «Санатории», психиатрические больницы ЧК, куда ее помещали под именем «Онуфриевой», окончательно подорвали здоровье женщины. Эта принудительная изоляция Спиридоновой стала одним из первых прецедентов применения карательной медицины. Мария Александровна была не в состоянии терпеть насилия над своей свободой и личностью. Жизнь ее превратилась в сплошной кошмар видений насилия, которые она испытала в царских тюрьмах. Три месяца Спиридонова практически не спала, затем отказалась от еды – 14 дней сухой голодовки. Товарищи по партии, Б. Камков и А. Измайлович (подруга по ссылке) с ужасом наблюдали, как она пытается уйти из жизни. Только сильный инстинкт самосохранения вывел ослабленный организм из тьмы небытия.

Но и разбитую туберкулезом, цингой, голодовкой Спиридонову большевики боялись, хотя фактически Мария Александровна «разоружилась». «С 1922 года я считаю партию левых социалистов-революционеров умершей. В 1923–1924 годах это уже агония. И без надежд на воскрешение, ибо рабочие и крестьянские массы ни на какие лозунги самого обольстительного свойства не поддадутся», – писала она впоследствии. Но так как Спиридонова не умела скрывать своего мнения и всегда открыто говорила о всех недостатках, для Советской власти она стала врагом, но врагом знаменитым – старую революционерку, террористку, боровшуюся с царизмом, трудно было незаметно уничтожить.

С мая 1923 года Мария Александровна стала политической ссыльной. Жила и работала в Самарканде, но политической деятельностью не занималась. Написала книгу о Нерчинской каторге, которая была напечатана в журнале «Каторга и ссылка» и вышла отдельным изданием. В это время Спиридонова вновь почувствовала себя молодой и энергичной – в ее жизни наконец-то появилась любовь. Она «обрела друга любимого и мужа». Илья Андреевич Майоров, бывший член ЦК левых эсеров, автор закона о социализации земли, был тоже сослан. Они жили дружно и старались не замечать постоянной слежки. Спиридонова знала, что о каждом ее слове, о каждой встрече становится известно в ЧК.

Доносы скапливались. В сентябре вновь арест, обвинение в связи с заграничными левозэсеровскими группировками и ссылка – теперь уже в Уфу. Здесь Спиридонова работала старшим инспектором кредитно-планового отдела Башкирской конторы Госбанка, крутилась по хозяйству, чтобы обеспечить сносную жизнь мужу, его сыну и престарелому отцу. А еще ухитрялась рассылать скромные посылки бедствующим друзьям, в прошлом своим единомышленникам.

В это время Спиридонова по-прежнему оставалась в числе самых популярных женщин тех лет. На митинге 1924 года в Берлине известная немецкая анархистка Э. Гольдман назвала ее «одной из самых мужественных и благородных женщин, которых знало революционное движение». А в Париже даже появился комитет, поставивший себе целью добиться переезда Спиридоновой во Францию, но им не удалось вырвать «эсеровскую богородицу» из лап ЧК. Несмотря на многочисленные ходатайства, в выезд за границу ей было отказано. Л. Д. Троцкий заявил К. Цеткин, хлопотавшей о здоровье революционерки, что Спиридонова «представляет опасность для Советской власти», а многие и вообще сомневались в устойчивости ее психики. Так, известный английский дипломат Р. Локкарт, бывший очевидцем выступления Спиридоновой еще на V Всероссийском съезде Советов (1918 г.), писал: «Сосредоточенный фанатичный взгляд ее глаз свидетельствовал о том, что перенесенные ею страдания отразились на ее психике. В качестве политической деятельницы она была не сдержанна, не деловита, но пользовалась огромной популярностью». Подтверждал это и Н.И. Бухарин, описывая случай того же времени. По его словам, они проезжали мимо рабочих, расчищающих снег по трамвайным линиям. На взмах «гр. Спиридонова достала браунинг и стала махать им, угрожая. Мне с большим трудом приходилось ее сдерживать, говорить ей: “Что вы делаете, разве можно?”» Он же характеризовал и ее поведение на митингах: «Все ее речи походило на истерические выкрики, она топала ногой, истерически кричала... Атмосфера была чрезвычайно тяжелая, напоминающая сцены из Достоевского».

Психологический надлом у Спиридоновой явно присутствовал, и тем страшней она была для большевиков. Для Марии Александровны начинался последний виток «кругов ада». В страшном 1937 году Спиридонова полной мерой оценила, что значит государственный террор против своего народа, о котором она предупреждала еще в 1918 году. Теперь ей инкриминировали подготовку покушения на К.Е. Ворошилова и всех членов правительства Башкирии, руководство несуществующей «Всесоюзной контрреволюционной организацией», вредительство, разработку террористических актов против руководителей государства, включая И.В. Сталина. По «делу» проходил 31 человек. Многие не выдерживали пыток и давали ложные показания. «Сломался» и муж Спиридоновой.

«Проявите гуманность и убейте сразу», – требовала измученная болезнями женщина. Но следователи продолжали изощренно издеваться, требуя признаний. Допросы продолжались по два-три дня без перерыва, сестра не позволяли. Ноги Спиридоновой превратились в черно-лиловые бревна. Обнаружив, что побои ее страшат меньше, чем личные досмотры, обыскивали по десять раз в день. Нашли самое уязвимое место – еще с первого ареста она с трудом переносила прикосновение чужих рук к телу. Но надзирательница тщательно ощупывала ее полностью.

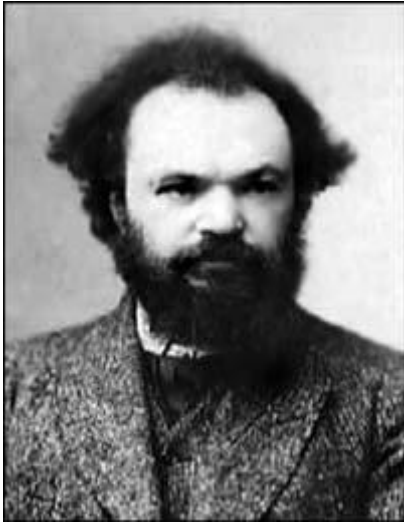
13 ноября 1937 года, после 9-месячного заключения Спиридонова отправила открытое письмо в секретный отдел НКВД (в машинописной копии более 100 листов). Писала не для того, чтобы «увернуться от обуха». Она попыталась с какой-то исповедальной искренностью объяснить, что «дело эсеров» не что иное, как сфабрикованный «фарс на тему “Укрощения строптивой”», что страдают абсолютно невинные люди, давно отошедшие от политической борьбы. Спиридонова дала понять, что никакие изымательства не заставят ее дать ложные показания. Своего следователя она называла «хорьком, смесью унтера Пришибеева с Хлестаковым, фашистом и белогвардейцем».

Мария Александровна ненавидела ложь и если бы чувствовала за собой вину, то откровенно бы призналась в этом, так как почти полностью признала политику Советской власти, новый государственный строй и сталинскую Конституцию 1936 года. «А между прочим я большой друг Советской власти, чем десятки миллионов обывателей. И друг страстный и деятельный. Хотя и имеющий смелость иметь собственное мнение. Я считаю, что вы делаете лучше, чем сделала бы я». Спиридонова осталась все таким же идейным романтиком, каким была в 1906 году.

Столь откровенные признания не изменили ее судьбу. Мыслящие, убежденные люди пугали власть, были «врагами народа». Спиридонову приговорили к 25 годам тюремного заключения. Своего приговора полностью оглошшая женщина не расслышала. Отбывала срок она в орловской тюрьме. 11 сентября 1941 года М. А. Спиридонова, ее муж И. А. Майоров и 155 узников по очередному обвинению в «злостной пораженческой и изменнической агитации» были расстреляны в Медведевском лесу. Фашистские войска приближались к Орлу, а чекисты аккуратно выкапывали деревья, сваливали в ямы тела и сверху вновь сажали деревья, восстанавливали дерн. Найти место ее захоронения не удалось до сих пор. Лес хранит покой террористки и жертвы террора Марии Спиридоновой. Она жила, боролась и умерла как борец за социальную идею, так и не осознав, что не все идеи требуют жертв, а светлое будущее не может быть замешано на крови.

СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

(род. в 1851 г. – ум. в 1895 г.)

Террорист и писатель, вдохновивший своим примером и своими произведениями революционных экстремистов в России.

Трудно быть правителем-реформатором в России, особенно, если реформы либеральны. Это почти всегда связано с жизнью реформатора. Только пять лет прошло с того момента, когда Александр II освободил крестьян от крепостного права, что вызывало крайнее возмущение во всех кругах российского общества, а 4 апреля 1866 года 26-летний дворянин Дмитрий Каракозов стрелял в императора во время его прогулки в Летнем Саду. С этого выстрела открылась эпоха политического терроризма в России. Очень скоро время террористов-одиночек пройдет и появится новый вид террора – террор организованный. Одним из первых, вставших на этот путь, будет Сергей Степняк-Кравчинский, совершивший покушение на шефа жандармов генерала Н. В. Мезенцова. В историю он вошел не только как террорист, но и как писатель. Его перу принадлежат произведения «Подпольная Россия», «Россия под властью царей», пропагандистские сказки, очерки. Степняк-Кравчинский был одним из самых знаменитых «певцов террора». На его книгах учились поколения революционеров. В одном из романов он писал: «Нам не дадут свободы в награду за примерное поведение. Мы должны бороться за нее всяким оружием. Если при этом придется страдать – тем лучше! Наши страдания будут новым оружием в наших руках. Пусть нас вешают, пусть нас расстреливают, пусть нас убивают в одиночных камерах! Чем больше нас будут мучить, тем больше будет расти число наших последователей». Да, хорошо писалось, спокойно – живя в эмиграции. Согласно этике террористов-тираноборцев тех лет покушавшийся должен был оставаться на месте преступления, чтобы свидетельствовать затем о своей принадлежности к организации. Степняк-Кравчинский с места покушения скрылся. Он не был трусом, но его действия вызвали полемику в революционных кругах.

Со второй половины XIX в. Россия по разгулу политического террора занимала в мире передовые позиции. А началось все с прокламации «Молодая Россия», написанной в 1862 году в тюремной камере студентом Московского университета П. Зайчневским, арестованным за крамольные суждения. В этой прокламации убийство провозглашалось самым рациональным способом достижения политических целей. И это вызывало огромный соблазн у сотен молодых людей подобным образом покончить с царизмом и тем самым расчистить дорогу ко всеобщему благоденствию. С той поры кинжал, револьвер и бомба на долгое время стали главными средствами воздействия революционных радикалов на власть, а шеф жандармов Н.В. Мезенцов был всего лишь первой жертвой «элитного» террора. Первым стал и Степняк-Кравчинский, подготовивший и совершивший это убийство.

Родился Сергей Кравчинский (Степняком он станет позже) 13 июля 1851 года в Украине в с. Новый Стародуб Херсонской губернии. Его отец был военным врачом и, желая, чтобы сын продолжил семейную традицию службы в армии, определил того в военную Орловскую гимназию. Образование продолжилось в Московском военном Александровском училище и в Михайловском артиллерийском училище в Петербурге, из которого Сергей был выпущен в 1870 году. Но служба не заладилась. Военная карьера мало привлекала молодого человека. Прослужив всего лишь год, он вышел в отставку и поступил в Петербурге в лесной институт. Вскоре он «нашел» себя, вступив в кружок пропагандистов социализма «чайковцев», куда,

наряду с ним, входили С. Л. Перовская, П. А. Кропоткин. Это было начало народнического движения. Уже в 1873 году в числе первых Кравчинский «пошел в народ», ведя пропаганду среди крестьян Тверской и Тульской губерний. Почти сразу же последовал арест. Однако в 1874 году ему удалось бежать из-под стражи, и он эмигрировал. Жил в Швейцарии, Бельгии, Англии, Франции, а затем уехал на Балканы, где в 1875 году в Боснии и Герцеговине началось антицарское восстание, в котором молодой социалист принял активное участие.

В следующем году Степняк-Кравчинский нелегально приехал в Петербург. К этому времени царизм нанес довольно чувствительный удар по народническому движению: многие уже находились в тюрьмах и ссылке. Полиция быстро вышла на след и самого Кравчинского. И вновь пришлось покинуть Россию. На сей раз путь лежал в Италию. Там в 1877 году он принял участие в восстании бакунистов в провинции Беневенто, после подавления которого угодил в тюрьму. Молодому человеку грозила смертная казнь, но ему повезло: в 1878 году умер король, и в Италии была объявлена амнистия. Не задерживаясь более в стране, Кравчинский переехал в Швейцарию. Там, в Женеве, он сотрудничал в эмигрантском журнале «Община», в котором опубликовал ряд статей о революционном движении. Но его тянуло домой. Душа жаждала действий.

Вернувшись в том же году в Россию, Кравчинский вступил в организацию «Земля и воля», наладил подпольную типографию, редактировал газету. Но этого было мало, это было не то. Находясь под влиянием «отца» русского анархизма М. А. Бакунина и теоретика террористического направления П. Н. Лаврова, Степняк-Кравчинский, разочаровавшись в одной только пропаганде революционных идей, одним из первых перешел к террору. Он считал, что террор – это одно из средств устрашения правительства, он расшатывает основы русского самодержавия.

Первой начала молодая революционерка Вера Засулич, ранившая из револьвера петербургского градоначальника Трепова. К этому времени реакция общества на выступления революционеров стала меняться. Они стали находить поддержку не только среди молодежи, но и среди людей старшего поколения. Суд присяжных оправдал террористку, что вызвало открытое ликование больших толп, особенно молодежи, собравшихся у здания суда. Описывая этот суд, Степняк-Кравчинский отметил: «Симпатии публики были, как всегда, на стороне слабейших. А ежедневные, ежечасные известия о поведении обеих сторон могли только усилить эти чувства. Город находился в лихорадочном возбуждении. Волнение распространялось даже на тех, кто в обычное время совершенно не интересуется политикой. Обеспокоенный растущим сочувствием к подсудимым и опасаясь «беспорядков», генерал-губернатор частным образом приказал председателю суда и прокурору окончить дело как можно скорее». Интересно, что свою лепту в оправдании терроризма внес и Л. Н. Толстой. В своей статье «Не могу молчать» он находит для террористов смягчающие обстоятельства: «...их злодеяния совершаются при условии большей личной опасности», «они в огромном большинстве – совсем молодые люди, которым свойственно заблуждаться», «как ни гадки их убийства», они не так жестоки как те, которые ведет против революционеров государство, и что убийства защитников режима, по мнению самих революционеров, ведут хоть к воображаемому, но благу для многих. Это будет написано немного позже, но как ни велик Л. Толстой, то, что он написал, – ужасно. Это – оправдание преступлений. Российское общество и без Толстого уже считало действия террористов выражением общественного возмущения и актом возмездия преступному режиму, освященного нравственным судом.

Оправдание судом В. Засулич, этой молодой восторженной террористки, спровоцировало в России новую волну террора. Безнаказанность одного в конечном итоге оборачивается злом для многих. Следующим, кто пошел на теракт, был Степняк-Кравчинский. 4 августа 1878 года он убил шефа жандармов генерала Мезенцова. Почему именно его? Генерал Мезенцов не был профессиональным полицейским. Он был армейским офицером и прославился во время Крымской войны, участвуя в обороне Севастополя. В отдельный корпус жандармов он перешел только в 1864 году, а через 12 лет возглавил его. Степняк-Кравчинский, выбрав генерала как объект нападения, объяснял это тем, что «шеф жандармов – глава шайки, держащей под своей пятой всю Россию». Он считал, что убийство Мезенцова – это удар по всему высшему правящему слою, месть за конкретную его деятельность на посту шефа жандармов, направленную против революционеров. Был, правда, в этом деле еще один след – заграничный. Вполне возможно, что решение об убийстве Мезенцова принималось не в России, тем более, что многие местные российские революционеры, даже те, кто в тот момент содержались в Петропавловской крепости, выступили против этого покушения. Дело в том, что еще в 1861 году Мезенцов, являясь адъютантом Горчакова, царского наместника в Польше, непосредственно участвовал в подавлении беспорядков в Варшаве. Как потом доносил царю Горчаков: «...Я его посылал во все места, где происходили беспорядки, и с тех пор его везде ненавидят, называя палачом».

Степняк-Кравчинский только в мае 1878 года прибыл в Россию из-за рубежа и сразу же приступил к сбору информации о шефе жандармов, о его образе жизни. За генералом было установлено наружное наблюдение. Это не представляло большой сложности, поскольку каждое утро он совершал прогулку по одному и тому же маршруту. Гуляя он без охраны в сопровождении бывшего сослуживца, находившегося на пенсии полковника Макарова. Тот не имел при себе оружия, и наблюдатели знали об этом. Кроме сбора информации при подготовке к покушению рассматривались выбор места и времени покушения, подбор оружия, определение путей и способов отхода. Все это потребовало задействования в теракте нескольких лиц и распределения ролей между ними.

Необходим был повод, чтобы убийство Мезенцова выглядело не как уголовщина, а имело политическое звучание. Ну, в России в этом недостатка не было. Еще в январе 1878 года в Одессе полиция разгромила одну из конспиративных квартир «Общества народного освобождения». При этом в завязавшейся перестрелке пятеро жандармов и полицейских получили ранения. Один из членов этого общества, Иван Ковальский, 3 августа был казнен. В тот же вечер террористы приняли решение убить на следующий день Мезенцова, якобы в отместку за эту казнь. К этому времени уже все было готово для совершения теракта.

Поначалу, на стадии подготовки, Степняк-Кравчинский собирался вызвать Мезенцова на дуэль, используя при этом пистолеты или эспадроны. Затем, намереваясь придать теракту символическое значение, он хотел отрубить генералу голову, для чего заказал особую саблю, «очень короткую и толстую». Но такой способ убийства товарищи Кравчинского признали непрактичным. Поэтому выбор оружия был остановлен на традиционном и вполне символическом кинжале. Но это был не простой кинжал, а итальянский стилет, сделанный по особому заказу за рубежом. Клинок его был очень узким, поэтому рана также была очень узкой, затягиваясь тканью тела и не давая кровоизлияния.

В день казни И. Ковальского начальник Киевского губернского жандармского управления генерал В. Д. Новицкий предупредил своего шефа о возможном покушении на него. В ответной телеграмме подчиненному Мезенцов отметил, что «эти намерения стоит отнести к области фантазий и бабьих сплетен, а не к действительности». А через несколько часов 4 августа 1878 года среди бела дня в центре Петербурга, на Михайловской площади, когда Мезенцов вместе с Макаровым возвращался домой с утренней молитвы, «неизвестный молодой человек среднего роста, одетый в серое пальто, в очках» подошел к нему и на глазах у изумленных прохожих нанес ему удар кинжалом в полость живота с проникновением через печень в заднюю стенку желудка. Другой молодой человек (как выяснилось только в 1881 году при аресте, это был дворянин Баранников), одетый в длинное синее пальто и черную шляпу, выстрелил из револьвера, правда неудачно, в Макарова. Затем оба убийцы вскочили на ожидавшие их дрожки, запряженные вороной лошадей, и скрылись. Ни Мезенцов, ни Макаров поначалу даже не поняли, что произошло. Генерал ощутил боль, но крови не было. Он сам доехал домой, а когда обнаружилось ранение, было уже поздно что-либо предпринимать. В тот же день в 17 часов 15 минут генерал Мезенцов скончался.

Произошедшее было открытым вызовом власти, актом ее дискредитации: был убит человек из ближайшего окружения императора. Кто следующий? В своих воспоминаниях князь В. П. Мещерский писал: «Убийство шефа жандармов генерал-адъютанта Мезенцова, совершенное с такой дерзостью и притом с исчезновением даже следа убийц, повергло в новый ужас правительственные сферы, обнаружив с большею еще ясностью, с одной стороны, силу ассоциации крамолы и слабость противодействия со стороны правительства. Для всех было очевидно, что если шеф жандармов мог быть убит в центре города во время прогулки, то, значит, ни он, ни подведомственная ему тайная полиция ничего не знали о замыслах подпольных преступников, и если после совершения преступления злодеи могли так ловко укрыться, то, значит, в самой петербургской полиции ничего не было подготовлено к борьбе с преступными замыслами крамольников». В связи со случившимся император прибег к чрезвычайным мерам: дела о государственных преступлениях были переданы в ведение военных судов «с применением ими наказаний, установленных для военного времени». Только время для искоренения терроризма было уже упущено. Российские революционеры вошли во вкус террора. Они поняли его действенность при относительной безопасности для организаторов, а П.Н. Ткачев, находясь в Лондоне, поставил задачу создания единой централизованной террористической организации. Она появится на следующий год после покушения Степняка-Кравчинского и получит название «Народная воля». Сам же Степняк-Кравчинский в своем сочинении «Смерть за смерть» дал наиболее полное обоснование террора. Он писал: «Мы требуем полного прекращения всяких преследований за выражение каких бы то ни было убеждений как словесно, так и печатно. Мы требуем полного уничтожения всякого административного произвола и полной ненаказуемости за поступки какого бы то ни было характера иначе как по свободному приговору суда присяжных... Мы требуем полной амнистии для всех политических преступников без различия категорий и

национальностей». Это было, по сути, требование особого статуса для террористов в государстве.

Убийство Мезенцова продемонстрировало появление нового типа революционера – террориста-профессионала. Как тогда писали: «Российский революционер становится все более и более агрессивным. Менялась даже внешность его. Вместо прежнего чумазого пропагандиста или даже современного деревенщика-народника в косоворотке и высоких сапогах на криминальную сцену России выходил джентльмен, весьма прилично одетый, вооруженный кинжалом и револьвером».

А сам Степняк-Кравчинский удобно устроился в Лондоне, свел знакомства с О. Уайльдом, Б. Шоу, Э. Войнич, основал «Фонд вольной русской прессы», писал книги о русской революции, которые принесли ему европейскую известность. Жизнь его оборвалась внезапно. 23 декабря 1895 года, переходя в тумане через железнодорожные пути, он попал под поезд. Но к этому времени уже не было в живых императора Александра II, убитого народовольцами в 1881 году, уже был повешен А. Ульянов с товарищами, готовившими покушение на Александра III, уже народились новые революционеры, предпочитавшие кинжалу динамит.

ТАГАЕВ МАГОМЕД САЙПУЛАЕВИЧ

(род. в. 1948 г.)

Террорист, один из идеологов и участников операции «Газават-бек», осуществленной бандформированиями Басаева и Хаттаба в Цумандинском и Ботлихском районах Дагестана в августе-сентябре 1999 года. Руководитель информационного центра боевиков, командующий «Дагестанской повстанческой армией имени имама Шамиля». Активный участник движения «Кавказская конфедерация», заместитель Басаева в Конгрессе народов Чечни и Дагестана. Автор книг «Наша борьба, или Повстанческая армия имама» и «Газават, или Как стать бессмертным».

Магомед Тагаев родился в 1948 году в селе Ансалта Ботлихского района Дагестана. Политическую борьбу за независимость своей республики он начал еще в конце 1960-х годов. За публичную антисоветскую пропаганду в 1969–1970-х годах приверженец отделения Кавказа от России был осужден на пять лет лишения свободы по ст. 70 УК РСФСР («Антисоветская агитация и пропаганда») и отбывал срок наказания в одной из сибирских колоний. Но это не охладило его пыл и не отбило охоту бороться с Советской властью. После развала Советского Союза Тагаев назвал себя главным идеологом ваххабитов и вновь принял активное участие в борьбе за независимость Кавказа.

Сам по себе ваххабизм в изначальном понимании – религиозно-политическое движение в исламе, возникшее в Аравии в середине XVIII в. на основе учения Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба. Оно предполагает единобожие – когда Аллах признается единственным источником творения, и только он достоин поклонения со стороны людей. В настоящее время ваххабизм является основой официальной идеологии в Саудовской Аравии, арабских эмиратах Персидского залива, в некоторых азиатских и африканских странах. С распадом СССР ваххабиты, финансируемые из разных зарубежных мусульманских фондов, стали активно действовать на территории России в Татарстане, Башкортостане, в некоторых сибирских городах и, конечно, на Кавказе. В общественно-политической сфере они проповедовали социальную гармонию, братство и единство всех мусульман, выступали с призывами строгого соблюдения морально-этических принципов ислама, осуждали роскошь и стяжательство.

Под влиянием процессов, проходящих в России и на Северном Кавказе, появились новые формы исламизации, в том числе и экстремистской направленности. Этим воспользовались «ваххабиты», формально выступающие за социальную справедливость и борющиеся против коррумпированной власти. Традиционный ислам оказался бессильным дать ответы на чаяния людей, в то время как экстремисты призывали к активным действиям, граничащим с преступностью.

В 1998 году при активном участии духовного управления мусульман Дагестана и муфтия Саида-Мухаммада Абубакарова в республике был принят новый закон о совести, который фактически вел к запрету нетрадиционалистского, реформаторски-фундаменталистского ислама – «ваххабизма». В Дагестане ваххабиты ушли в подполье, а в Чечне – с ожесточением сражаются против российских войск, погибают, убежденные в том, что будут «шахидами», то есть попадут в

рай. Многие из них руководствуются фанатичными идеологическими установками; для них смерть в борьбе с неверными – высший предел благочестия, служения Богу. Весной 1998 года была создана Исламская шура (Совет) Дагестана. В нее вошли около 45 человек из 15 районов – представители исламских джамаатов, («ваххабиты») и несколько алимов и имамов мечетей Горного Дагестана, относящихся к традиционалистам. Лидером (амиром) шуры стал Багауддин Магомадов. Председателем Совета (своеобразным спикером) – Абдурахман Магомадов из села Сасидель Цумадинского района. Он известен в Дагестане тем, что перевел Коран на аварский язык. В руководство вошел и Адалло Алиев – известный поэт, главный редактор газеты «Путь Ислама», один из тех, кто выступал в прессе в поддержку горбачевской перестройки.

М.С. Тагаев не был известен широкой публике, пока не вышли в свет его нашумевшие книжки. В 1996 и 1998 годах органами МВД Дагестана и Российской Федерации против Тагаева были возбуждены уголовные дела за публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя, содержащиеся в его брошюрах «Наша борьба, или Повстанческая армия имама» и «Газават, или Как стать бессмертным». Они издавались на территории Чечни, потом распространялись по Северному Кавказу и Дагестану, оказывая, по свидетельству очевидцев, сильное влияние на многих мусульман. В своих сочинениях Магомед Сайпулаевич представил сценарий произошедшего в августе 1999 года вторжения вооруженных сепаратистов в Дагестан. Брошюры стали учебниками для религиозных экстремистов, мечтавших под предводительством нового вождя кавказских мусульман изгнать русских с Кавказа «до самого Ростова и Волгограда». Спецслужбы и таможня не раз изымали такую литературу. Скажем, 17 мая 1999 года сотрудники УФСБ Дагестана обнаружили 205 книг при обыске в доме жителя из приграничного с Чечней района Дагестана, подозреваемого в причастности к теракту. В них можно прочитать конкретные рекомендации по ведению боевых действий против «неверных», подготовке террористов, захвату власти и изменению политического строя государства. Автор призывает «разрушать все: от Дагестана до Москвы, включая Кремль». Магомед Сайпулаевич писал: «Русской армии необходимо уничтожить свыше 2 млн дагестанцев, что невозможно без применения атомного оружия. Даже если они будут убивать мирных жителей по 500 чел. в день – геноцид дагестанского народа займет свыше 14 лет. Самим русским надо будет положить не менее 550–570 тыс. своих вооруженных змеенышей-конституционников».

Кстати, «Газават, или Как стать бессмертным» стал настоящим учебником для террористов. В нем содержатся подробные инструкции по диверсионной деятельности: как захватывать в заложники милиционеров, военнослужащих и мирных жителей; как взрывать автомобили, мосты, железные дороги, военные объекты, производственные здания, общественные места, жилые дома и т. д. Там есть, например, такие призывы: «Взрывать мосты, аэродромы, железнодорожные вокзалы, элеваторы, автопарки городского транспорта. Постоянно выслеживать семьи активных офицеров, генералов и сотрудников спецслужб. Организовывать отдельные группы, одновременно дезинформирующие МВД, ФСБ и армию противника сигналами о заложенных бомбах и других взрывных устройствах. Один из 20 сигналов должен сработать. Таким образом держать их в постоянной тревоге и страхе». В этом же издании автор провозглашает «смерть русским захватчикам и оккупантам» и продолжает: «Ну а если русские думают, что мы будем воевать только на своей земле, проливая кровь своих же, то мы им противопоставим, в отличие от Таджикистана и Приднестровья, войну на их собственной земле и на воде, в небе и даже под землей и водой, пусть не успокаиваются. Земля под русскими ногами будет гореть на Кавказе и на всех других территориях, вплоть до окраин Москвы». И далее: «Россия останется в пределах только исторической Московии, Тверской и Новгородской областей. Русским следует забыть и оставить Таганрог, забыть Астрахань, бывший Хаджи Тархан, то есть “свободный князь”, оставить Ростов, Волгоград с его настоящим именем Сары-Тын. Возникающие в связи с этим проблемы пусть Россия решает сама. А если нет – тогда вопросы номинального освобождения будем решать силой, прессингом против русских по всей территории их обитания». Еще цитата: «Мы напишем несколько новых кровавых страниц в новую историю нашего народа, мы сами будем делать свою историю, даже если придется погибнуть всем на земле... Мы будем сражаться на полях, в горах и на море. Вдоль и поперек, в Поволжье, на Урале и в Сибири, на Севере и Дальнем Востоке. Допустим, что вы своей бомбой уничтожите наше село или даже целый район, а мы в худшем случае уничтожим мосты через Волгу, соединяющие Восток с Западом России».

В связи с такими публикациями прокуратура Дагестана еще в 1996 году объявила Тагаева в федеральный розыск, и он скрылся в Чечне. Там Магомед собрал под свои знамена сотни приверженцев ваххабизма. Банда террориста базировалась на границе с Ботлихским районом Дагестана. Своими налетами она постоянно держала в страхе мирных жителей – убивала людей, захватывала заложников, угоняла транспорт и скот, поджигала дома и общественные здания, а также обстреливала военные базы и колонны Федеральных войск. И это несмотря на то что официальный Грозный тогда запретил ваххабизм. Поддержку М. Тагаеву оказывали Басаев, Хаттаб и лидер дагестанских ваххабитов Б. Магомедов. По другим данным, чеченцы считали Магомеда Тагаева далеким от религии и своими действиями дискредитирующим ислам. Тем не менее, с помощью вооруженных боевиков он рассчитывал создать на территории Дагестана

исламскую республику, которая бы объединилась затем с такой же подконтрольной ваххабитам Чечней и Ингушетией в Кавказскую конфедерацию. (Конфедерация народов Кавказа – организация, поставившая целью освобождение малых народов Кавказа от влияния России и Грузии.)

Говорят, в июле 1999 года, за месяц до кровавой террористической операции исламистов в горном Дагестане правительству республики стало известно, что в соседней Чечне экстремисты готовятся к нападению. Но соответствующих мер принято не было. В СМИ просочились сведения, что незадолго до чеченского вторжения в Дагестан состоялась встреча Шамиля Басаева с Александром Волошиным – главой администрации президента Бориса Ельцина. (В августе 1991 года, в дни ГКЧП, Шамиль принимал участие в защите Белого дома в Москве и там познакомился с будущим президентом России.) Затем из горных районов спешно вывели бригаду Внутренних войск РФ, прикрывавшую границу между Чечней и Дагестаном. Выходит, власти сначала позволили нескольким тысячам террористов оккупировать Дагестан, а потом, накануне российских президентских выборов, Федеральные силы брали штурмом укрепленные районы. В результате пострадали мирные дагестанские жители, в том числе женщины и дети. После того как бандитов выбили обратно в Чечню, началась контртеррористическая операция, превратившаяся в полномасштабную войну России с Ичкерией.

В Ботлихский и Цумадинский районы Дагестана в августе 1999 года наряду с боевиками Хаттаба и Басаева вошли отряды Б. Кебедова и М. Тагаева общим числом около тысячи человек. Они заявили, что эта акция является джихадом против федералов и пророссийского дагестанского правительства. В высказываниях Ш. Басаева, Хаттаба, М. Тагаева и других членов Конгресса народов Ичкерии и Дагестана, трансформировавшегося в Меджелис народов Кавказа, не раз утверждалось, что их нападение – «восстание мусульман», поднятое против антинародной, безбожной и коррумпированной власти Дагестана. А цель – создание исламского государства, утверждение шариата среди мусульман и освобождение Кавказа от русского ига.

Члены организации «Исламского Джамаата Дагестана» в своем политическом заявлении констатировали, что «все крупные современные мусульманские ученые единодушны в том, что подготовка к ведению джихада... является религиозной обязанностью, возложенной абсолютно на всех дееспособных мусульман, а не на какую-либо группу отдельно». В данном случае «священная война» понимается односторонне как военные действия, в то время как он предполагает и более высокую ступень деятельности мусульманина – вечное духовно-нравственное самосовершенствование, возвышение человека над своими пороками.

11 августа 1999 года Тагаев был одним из тех, кто подписал декларацию о восстановлении исламского государства Дагестан, в которой война с «неверными» была объявлена обязанностью всех мусульман Дагестана. 16 августа 1999 года он был назначен министром информации «Исламского правительства Дагестана», которое должно было взять власть в этой республике в случае успешного завершения акции боевиков. Себя Тагаев назвал «Командующим Дагестанской Повстанческой Армией имени имама Шамиля при общественно-политическом союзе Кавказской конфедерации». «Наша армия ни в коей мере не должна дорожить какими-либо ценностями города и поселка, если в них ищут защиту русские вооруженные формирования, – писал Тагаев в своей второй книге «Газават, или Как стать бессмертным». – Бой должны вести за каждую улицу, за каждый дом. Ничто в этом мире не является для нас авторитетом в священной борьбе, кроме Аллаха и Корана». Фанатики-боевики так и поступали, несмотря на человеческие жертвы.

После разгрома бандформирования сепаратистов на территории Дагестана федеральными войсками и спецслужбами Тагаев ушел в Чечню, и о нем долгое время не было слышно. В ноябре 1999 года его объявили в международный розыск по линии Интерпола в связи с обвинениями в терроризме, бандитизме и посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительных органов.

4 июля 2000 года террориста задержали в Стамбуле. Он предъявил полиции поддельный паспорт гражданина Азербайджана, по которому в апреле въехал в Турцию. В Стамбул срочно прибыли представители правоохранительных органов России с намерением принять Тагаева у турецкой стороны, с которой имеются договоренности о выдаче преступников. Однако турецкие власти, несмотря на ноты протеста российского Министерства иностранных дел, отказались выдать экстремиста России. Местный суд, признав, что Магомед Тагаев может подвергаться политическим преследованиям на родине, отказался экстрадировать его и 6 июля того же года выпустил террориста на свободу. После этого следы Магомеда затерялись. Одни газеты сообщали, что он вылетел из Анкары в столицу Азербайджана, другие – якобы сепаратист укрылся где-то на Ближнем Востоке и, как Зелимхан Яндарбиев, собирал средства для ведения «освободительной войны» на Северном Кавказе.

Выйти на Тагаева удалось случайно, в ходе расследования в Махачкале убийства оперуполномоченного УФСБ Абдурахмана Курбанова. Преступники расстреляли майора во дворе

его дома из автомата и пистолета. Оперативники вскоре установили, что с офицером милиции расправились подручные известного в Дагестане полевого командира Раппани Халилова. Арестовать самого Раппани им не удалось, но в ходе следствия был задержан член его банды. На допросе он показал, что убийство майора, как и других его коллег из милицейского управления, оплачивалось из Азербайджана. Еще задержанный рассказал, как несколько раз лично встречался с амиром Тагаевым где-то в окрестностях Баку. Узнав об этом, милиционеры обратились к своим коллегам в Азербайджане, и те установили адрес дома, в котором проживал разыскиваемый террорист. 8 апреля 2004 года 56-летний Тагаев был задержан.

По сообщению сотрудника милиции, участвовавшего в операции, террорист-идеолог сдался без боя – никаких перестрелок и силовых захватов не было. Его сначала поместили в бакинскую тюрьму, а когда вопрос о выдаче в Россию был решен положительно, полицейский спецназ Азербайджана отправил задержанного Тагаева в Махачкалу. На границе автозак встретили несколько машин с работниками спецслужб Дагестана, и вскоре идеолог терроризма был помещен в махачкалинский следственный изолятор.

Чеченский правозащитник Майрбек Тарамов, живущий в Баку, обвинил азербайджанские власти в незаконной выдаче Тагаева. Арест Магомеда Сайпулаевича, задержание и экстрадиция происходили во время приезда генерального секретаря Совета Европы Вальтера Швимера в Азербайджан. При этом чеченский правозащитник указал на постановление Европейского суда, запрещающее выдавать России лиц, задержанных по чеченским событиям. Тарамов заявил, что он намерен обратиться в Европейский суд против правительства Азербайджана по вопросу Тагаева. Майрбек считает, что Магомед Сайпулаевич не являлся одним из главных идеологов становления и развития ваххабизма, поскольку не имел ни образования, ни даже представления о религии. По религиозным воззрениям он – традиционалист, и у него нет ничего общего с ваххабитами. Правозащитник также утверждал, что арестованный не предпринимал попыток скрываться в Баку и вел аскетический образ жизни. «Это человек без семьи и близких родственников. Материально никто ему в Азербайджане не помогал. Часто я предоставлял ему небольшие суммы денег на проживание. В последний раз я встретился с ним за два дня до ареста. Он вновь просил деньги на питание».

Хотя Тагаева называли идеологом дагестанских ваххабитов, он всегда был не столько религиозным фанатиком, сколько крайним «кавказским националистом», тесно связанным с чеченскими лидерами. Он входил в окружение главы «Кавказской Конфедерации» Зелимхана Яндарбиева, а после его убийства значительная часть финансов, выделяемых исламскими экстремистами для боевиков в Чечне, Дагестане и Ингушетии, пошла через М. Тагаева. Террорист был заместителем Шамиля Басаева по «Конгрессу народов Ичкерии и Дагестана», вместе с ним и Масхадовым входил в руководство так называемой шуры народов Дагестана и Чечни, в штаб командования боевиков.

Генпрокуратура Российской Федерации предъявила Магомеду Сайпулаевичу Тагаеву новое обвинение. Первоначально ему инкриминировали две статьи Уголовного кодекса России, связанные с экстремистскими книгами Тагаева: «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя» и «Возбуждение национальной, расовой и религиозной вражды». Теперь к ним добавились: «Участие в вооруженном мятеже», «Терроризм», «Бандитизм», «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов», «Организация незаконного вооруженного формирования», «Незаконное приобретение, хранение, ношение оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ». Тагаев, частично признал свою вину и заявил, что «устал скрываться».

1 июня 2004 года Управление генпрокуратуры РФ на Северном Кавказе завершило предварительное следствие и передало уголовное дело на Магомеда Сайпулаевича Тагаева в Верховный суд Республики Дагестан.

УЛЬЯНОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ

(род. в 1866 г. – ум. в 1887 г.)

Старший брат В. И. Ленина. Член революционной организации «Народная воля». Инициатор и один из руководителей покушения на Александра III. 8 мая 1887 года был казнен в Шлиссельбургской крепости.

Имя Александра Ульянова обычно находится в тени знаменитого родственника. Но кто знает, какой была бы мировая история, если бы юный Володя не поклялся отомстить за погибшего брата, сказав при этом знаменитую фразу: «Мы пойдем другим путем».

Александр Ульянов родился 31 марта 1866 года в Нижнем Новгороде. В возрасте 3 лет вместе с семьей он переезжает в Симбирск, где его отец, Илья Николаевич, сначала занимался инспектированием народных училищ, а с 1874 года стал управляющим дирекцией.

Его воспитанием, как, впрочем, и остальных детей в семье, занималась мать, Мария Александровна, в девичестве Мария Бланк, одна из пяти дочерей врача Александра Бланка и немки Анны Грошоф (по другим источникам, Гросскопф). Мария Александровна сама хорошо знала несколько языков, поэтому учила детей читать и писать не только по-русски, но и на иностранных языках. Саша рано выучился читать, освоив грамоту еще в четырехлетнем возрасте. В 8 лет его домашнее обучение заканчивается. Александр поступает в симбирскую гимназию. Уже в младших классах, по воспоминаниям его соучеников, «этот судьбой отмеченный маленький человек являлся центром, около которого группировались все элементы класса». Он был настолько популярен среди учащихся, что гимназический выпуск 1883 года получил название «класс Ульянова».

Саша воспитывался на классической литературе – он очень любил Толстого, Пушкина, Некрасова, Достоевского. Но в старших классах увлекся запрещенной литературой. Анна, старшая сестра Александра, вспоминала: «Мы читали с Сашей Писарева, которого тогда уже в библиотеках не выдавали, которого доставали у нашего домашнего доктора, имевшего полное собрание сочинений. Мы так увлеклись, что испытали глубокое чувство грусти, когда последний том был дочитан, и мы должны были сказать “прости”». Может быть, именно с этого чтения и начался поворот судьбы Александра Ульянова на тот путь, который приведет его к виселице.

Уже в гимназии у Александра появился повышенный интерес к естествознанию. В результате увлечения зоологией он получил в семье прозвище «потрошитель лягушек». Но настоящей его страстью была химия. В 16 лет он самостоятельно, в кухне при флигеле, оборудовал себе химическую лабораторию, где не только просиживал все свободное время, но и часто оставался на ночлег. Не по годам развитый, серьезный, погруженный в ученые занятия юноша – ему прочили большое научное будущее. Близкие и знакомые считали, что ничто не помешает ему стать ученым, поскольку именно в науке видел он свое призвание.

В 1883 году, после окончания классической гимназии с золотой медалью, Александр поступает в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Университет в это время был уже одним из лучших высших учебных заведений и крупнейшим научным центром Российской империи. Анна Ульянова в своих воспоминаниях писала: «В Петербург брат приехал уже с серьезной научной подготовкой, с сильно развитой

способностью к самостоятельному труду, и прямо-таки страстно набросился на науку». В первые два года жизни в Петербурге Ульянов живет замкнуто, общается только с земляками и очень много времени уделяет лекциям и научным занятиям. Любимый ученик Д. И. Менделеева, он большую часть своего времени проводил над микроскопом и в химической лаборатории и совершенно не интересовался политикой. К концу второго курса Александр определяется в специализации, остановив свой выбор на зоологии беспозвоночных. За проведенное им «Исследование строения сегментарных органов пресноводных Annulata» он был удостоен высочайшей награды – золотой медали, которая открывала перед ним путь к дальнейшей научной деятельности. Уверенность, что Александр Ульянов станет великим ученым, была всеобщей. Никто не сомневался, что талантливый студент будет оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию.

Научные успехи Ульянова способствовали его вступлению в студенческое Научно-литературное общество университета. Возникшее по инициативе графа Гейдена, князя Голицина, князя Ливена, графа Бобринского и других реакционно настроенных студентов, общество через какое-то время получило противоположный импульс. Большое влияние на него стало оказывать студенчество, придерживающееся революционных взглядов, в том числе и будущие участники покушения на Александра III. Сюда стягиваются члены нескольких подпольных студенческих кружков. Но в таком виде Научно-литературное общество продержалось недолго, и вскоре было закрыто властями как «политически опасное».

20 марта 1886 года Ульянов стал членом Научно-литературного общества, а спустя полгода избран его секретарем. Может быть, свою роль в этом сыграло не только то, что Александр был талантливым студентом, но и его личное обаяние. «Он возбуждал во всех симпатию и уважение серьезностью и искренностью, – вспоминал И. М. Гревз, один из участников Общества. – Он был молчалив и сдержан, что-то было в нем будто суровое или меланхоличное. Но нечто твердое, сильное, умное, закаленно-преданное всегда чувствовалось, виделся крупный человек. Мы испытывали к нему определенное уважение».

И тут происходит метаморфоза. Александр Ульянов включается в политику. Вместо «Биологии» Спенсера его настольной книгой становится «Капитал» Карла Маркса. Именно в это время он принимает окончательное решение отказаться от научной карьеры и посвятить себя политической борьбе. Может быть, на это решение повлияло известие о неожиданной смерти от кровоизлияния в мозг его отца, Ильи Николаевича, в январе 1886 года.

Либеральные реформы Александра II, проведенные в 60-х годах XIX в. не отвечали действительным потребностям России и породили только социальные противоречия в обществе. Прогрессивное общество жаждет радикальных изменений, «социальную революцию для достижения царства богатства и благоденствия всего общества». Одним из средств достижения политических целей становится террор. Особую популярность это средство политической борьбы получает в студенческой среде, которая всегда отличалась общественной активностью. В прокламации «Молодая Россия», составленной Петром Зайчевским, студентом Московского университета, в первые в России убийство признавалось средством достижения социальных и политических изменений. Возникающие студенческие движения становились все более опасными для правительства. «Беспорядки эти, – говорилось о волнениях в среде учащейся молодежи в официальном издании Министерства народного просвещения, – приучают молодежь к неповиновению властям. вообще к революционному образу действий; подрывают авторитет правительственной власти...». Девизом революционного студенчества во второй половине XIX в. становятся слова Гегеля: «Все действительное разумно, все разумное действительно». Их принцип – «Цель оправдывает средства».

Дмитрий Каракозов, один из членов кружка «Организация», основанного вольнослушателем Московского университета Н. А. Ишутиным, в апреле 1863 года совершил покушение на жизнь Александра II. Каракозов промахнулся и был сослан на каторгу. А на императора в течение ряда лет было предпринято еще несколько нападений членами организации «Народная воля», последнее из которых, совершенное 1 марта 1881 года, удалось.

Все это не могло не сказаться на дальнейшей деятельности революционно настроенного студенчества. Повлияло это, видимо, и на Александра Ульянова. Тем более, что в свое время Дмитрий Каракозов был учеником его отца, Ильи Николаевича.

Александр начинает активно участвовать в студенческом движении. Еще на первом курсе в университете он организовал симбирское землячество, созданное для общения, поддержки малоимущих студентов, открытия библиотеки на общественные средства. В 1886 году студенческие землячества объединяются в Союз землячеств Петербурга, и Ульянов входит в его Совет. Он был подходящей кандидатурой на роль вожака. «Это был удивительного блеска оратор, поразительной силы, страстный и подавляющий противника аргументацией, насмешкой,

огромной начитанностью... – отзывался об Александре учившийся вместе с ним писатель А. С. Серафимович. – Он был прекрасный организатор, впивался в каждого нового человека, как-то быстро внутренне, точно в руках переворачивал его во все стороны, рассматривал и, если гош – умел привлечь, если не гош – отбрасывал».

Одновременно с участием в работе Совета Ульянов увлекается новой для него наукой – экономикой, вступает в экономический кружок университета. В это время он изучает не только классиков политэкономии, но и все, что публикуется в «Отечественных записках» того периода – «Экономические скитания» Червинского, «Отхожие промыслы» Ленского. На естественные науки времени у него уже не остается.

Александр не только много читает экономической и политической литературы. Ему хочется активно действовать. Поэтому он вместе с активом экономического кружка 17 ноября 1886 года организует вроде бы мирную студенческую демонстрацию по поводу 25-летия со дня смерти Добролюбова, заявленную как панихида у могилы русского писателя. Но количество собравшихся – 1500 человек, промаршировавших по Петербургу от Николаевского вокзала к Волкову кладбищу, – показали городскому начальству чрезвычайным скоплением, и процессия была остановлена. Приказание разойтись было проигнорировано студентами, и градоначальнику Гессеру пришлось привлечь к разгону демонстрантов городские войска. В ответ на это А. Ульянов на следующий же день сочиняет прокламацию «17 ноября в Петербурге», где высказывает все свое возмущение существующим строем и порядками, при которых «всякое чествование скольконибудь прогрессивных литературных и общественных деятелей, всякое заявление уважения и благодарности им даже над их гробом, есть оскорбление и враждебная демонстрация правительству».

Вот тут-то Александр Ульянов и приходит к мысли о необходимости более решительных мер. Его привлекает идея совершения покушения на императора. Решением всех существующих проблем был признан террор. Ульянов сколачивает группу единомышленников, посвящая в свои планы нескольких надежных студентов – Ореста Говорухина, Пахомия Андреюшкина, Василия Генералова. В конце 1886 года он узнает от своего приятеля Петра Шевырева об уже существующей террористической группе. Получив приглашение войти в нее, он, естественно, соглашается. Теперь он мог действовать. Организация была немногочисленной. Кроме Ульянова и Шевырева в нее входили еще И. Лукашевич, С. Никонов, О. Говорухин. Чуть позже ее ряды пополнились. Идти «по части бомб» решили еще несколько студентов – Василий Осипанов, Михаил Канчер, Петр Горкун и уже подготовленные Ульяновым Генералов и Андреюшкин. Александр составляет программу группы, названную им программой террористической фракции партии «Народная воля». Практически все политические требования, представленные в ней, были заимствованы из программы Исполнительного комитета «Народной воли», наиболее значительной революционной организации конца 70-х – начала 80-х годов XIX в., которая была разогнана после последнего, одиннадцатого покушения на Александра II в марте 1881 года. Программа предусматривала и «пропагандорскую», и организационную, и просветительную деятельность, хотя основной все же была террористическая. Цареубийство рассматривалось как способ дезорганизовать правительство и поднять «революционный дух народа». Планировалось собрать как можно больше людей, «привлечь к своей организации всех недовольных» для того, чтобы создать несколько боевых ячеек – сигнальщиков и метальщиков. В обязанности одних входило отслеживание «объекта», другие должны были непосредственно претворить в жизнь задуманное. Ульянов считал, что организовать разветвленную террористическую сеть им не удастся из-за недостатка средств. Но создать по крайней мере одну группу им удалось.

Группу сигнальщиков возглавил Петр Шевырев. Лукашевич и Ульянов взялись за создание метательных снарядов. Подвергая опасности собственные жизни, они приготовили две бомбы, заправленные зарядом гремучей ртути. Приготавливать динамит в самом Петербурге было рискованно – это могло повлечь за собой раскрытие их далеко идущих планов. Поэтому в феврале Александр Ульянов едет погостить к своему университетскому товарищу М. Новорусскому в предместье Парголово. Приготовив за три дня 3,5 фунта динамита, он уже в середине месяца возвращается в столицу. Вскоре после этого Шевырев был вынужден поехать на юг из-за обострившегося туберкулеза. Ульянов берет управление организацией на себя. Нельзя сказать, что это давалось ему легко. Он стал сильно задумчив, часто сидел неподвижно, «подперши голову обеими руками, с глубокой печалью на лице и взором, устремленным вдаль. И чем ближе было к развязке, тем угрюмее и мрачнее становился...» – вспоминал впоследствии И.Д. Лукашевич.

В двадцатых числах февраля заканчивались последние приготовления к теракту. Местом его проведения был выбран Невский проспект. 25 февраля Ульянов со своими товарищами собрались на квартире Канчера, где отработали мельчайшие детали будущего покушения, уточнили размещение каждого человека на улице, его обязанности и условные сигналы. Никто не сомневался в успехе, поэтому тут же, заранее, сочинили прокламацию, начинавшуюся словами:

«Жив дух земли Русской, и не угасла правда в сердцах ее сынов. Казнен император Александр...» Начиная с 26 февраля студенты-террористы каждый день выходили на Невский проспект в надежде подкараулить императора. Но ни в этот день, ни в последующие два дня февраля императорский экипаж не появился. Окончательным сроком было назначено 1 марта, шестая годовщина покушения на Александра II. В назначенный день члены боевой группы террористической фракции заняли свои позиции на улицах города. Но Александра III они так и не дождались. Около 11 часов утра 1 марта, как раз в то время, когда император собирался выехать из Аничкова дворца через Невский проспект в Петропавловский собор, шестеро из них были арестованы. Это были «метальщики» Андреюшкин, Осипанов и Генералов и «сигнальщики» – Канчер, Горкун и Волохов.

Через два дня в «Правительственном вестнике» появилось сообщение: «Первого сего марта на Невском проспекте около 11 часов утра задержаны 3 студента Санкт-Петербургского университета, при коих по обыску найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что они принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды по осмотре их экспертом оказались заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином». Сведения были преуменьшены, поскольку власти, узнав о подлинных масштабах и целях деятельности организации, ужаснулись. Было решено не оглашать подробности дела.

Провал покушения объяснялся просто. В конце февраля петербургской полицией было перехвачено письмо Андреюшкина в Харьков студенту Никитину, в котором неосторожно сообщались некоторые политические идеи террористической фракции «Народной воли». Установив «непрерывное и самое тщательное наблюдение» за Андреюшкиным, полиция вскоре вышла на его связи с остальными террористами.

В тот же день арестованные дали свои первые показания о том, что «умышляли на жизнь Государя». Канчер и Горкун, примкнувшие к группировке случайно, уже со второго допроса рассказали все, что они знали по этому делу. Было названо имя Ульянова как одного из руководителей покушения.

Александр целый день ожидал вестей о результатах теракта и, так ничего и не дождавшись, вечером пришел к Генералову. Там его уже ожидала полиция.

Так начался процесс «О замысле на жизнь священной особы Государя императора, обнаруженном 1 марта», более известный как «Второе первое марта». Сразу же начались розыски и аресты всех, кто был хоть несколько причастен к покушению. Полиция усиленно искала Шевырева в Харькове, где жил его отец, и в Крыму. Директор Департамента полиции Дурново слал телеграммы: «Необходимо перевернуть весь город вверх дном и все местности, где может находиться Шевырев, и арестовать его». 7 марта тот был задержан в Ялте.

Началось дознание, за которым с большим интересом наблюдал сам Александр III. Всего по делу было привлечено 79 человек. Ульянова допрашивали шесть раз. Сначала он отказался давать показания, но затем, поняв, что отпираться бесполезно, решил взять всю вину на себя, чтобы по возможности выгородить своих товарищей. «Я признаю свою виновность в том, что принадлежал к террористической организации фракции партии «Народной воли», принимал участие в замысле лишить жизни Государя Императора – заявил он в письменном признании. – Участие мое выражалось в следующем: в феврале этого года... я приготавливал некоторые части разрывных метательных снарядов, предназначавшихся для выполнения этого замысла, а именно: часть азотной кислоты для приготовления динамита и часть белого динамита, количество которого определить отказываюсь; затем я приготавливал часть свинцовых пуль, предназначавшихся для заряжения снарядов, для чего я резал свинец и сгибал из него пули, но стрихнином пуль не начинял». Александр Ульянов не отрицал, что знал, кто должен был совершить покушение, но, продолжал он в своем признании, «кто эти лица, кто доставлял ко мне и кому я возвратил снаряды, кто вместе со мной набивал снаряды динамитом, я назвать и объяснить не желаю; в приготовлении третьего снаряда я не участвовал, и его у себя не хранил; мне известно, что всех снарядов было три, по крайней мере, я не слышал, чтобы было больше снарядов. Ни о каких лицах, а равно ни о называемых мне теперь Андреюшкине, Генералове, Осипанове и Лукашевиче никаких объяснений в настоящее время давать не желаю. Точно времени, назначенного для выполнения покушения, я определить не могу, а сделать это приблизительно в настоящее время отказываюсь». Свою роль как руководителя он определял следующим образом: «Я не был ни инициатором, ни организатором замысла на жизнь государя императора», но позже объясняет эти слова тем, что «в этом деле не было одного определенного инициатора и руководителя». Он не отрицал, что единственное средство для достижения некоторых «экономических идеалов» он видел в террористической борьбе, которая, по его убеждению, «вынудит правительство к некоторым уступкам в пользу наиболее ярко выраженных требований общества». «Террор есть та форма защиты, к которой может прибегнуть

меньшинство, сильное только духовной силой и сознанием своей правоты против сознания физической силы большинства».

Вскоре об аресте Александра узнали в Симбирске. Мария Александровна немедленно выезжает в Петербург. 28 марта она пишет прошение на имя императора. Александр III делает на нем резолюцию: «Мне кажется желательным дать ей свидание с сыном, чтобы она убедилась, что это за личность – этот ее милейший сынок, и показать ей показания ее сына, чтобы она видела, каких он убеждений». Встреча была трогательной. Александр плакал и обнимал колени матери, прося ее простить его за причиняемое горе, рассказывал ей о долге перед родиной, который вынудил его пренебречь долгом перед семьей.

15 апреля начался судебный процесс. Перед судом особого присутствия Правительствующего сената предстали 15 человек, обвиняемых в покушении на жизнь императора. А. Ульянов отказался от казенного защитника и сам произнес речь в свою защиту, в которой вместо раскаяния и попыток оправдать себя он говорил о своих убеждениях и причинах, толкнувших его на этот путь борьбы с самодержавием. Речь его поразила всех. «Как хорошо говорил Саша: так убедительно, так красноречиво, – вспоминала присутствовавшая на заседании суда мать. – Я не думала, что он может так говорить».

По приговору суда, оглашенному 19 апреля, все 15 подсудимых были приговорены к смертной казни через повешение. Мария Александровна пыталась убедить сына подать прошение о помиловании. «Не могу я сделать этого после всего, что признал на суде, – ответил Александр. – Ведь это же будет неискренне». Но после долгих уговоров все же написал прошение: «Ваше Императорское Величество! Я вполне сознаю, что характер и свойства совершенного мною деяния и мое отношение к нему не дают мне ни права, ни нравственного основания обращаться к Вашему Величеству с просьбой о снисхождении в видах облегчения моей участи. Но у меня есть мать, здоровье которой сильно пошатнулось в последние дни, и исполнение надо мною смертного приговора подвергнет ее жизнь самой серьезной опасности. Во имя моей матери и малолетних братьев и сестер, которые, не имея отца, находят в ней свою единственную опору, я решаюсь просить Ваше Величество о замене мне смертной казни каким-либо иным наказанием. Это снисхождение возвратит силы и здоровье моей матери и вернет ее семье, для которой ее жизнь так драгоценна, а меня избавит от мучительного сознания, что я буду причиной смерти моей матери и несчастья всей моей семьи». Это было совсем не то, чего от него ждали. Не было ни раскаяния в содеянном, ни униженной просьбы, ни выявления верноподданнических чувств. Прошение было рассмотрено в особом присутствии Правительствующего сената, где решили, что оно «не заслуживает уважения». До Александра III оно не дошло. В правительственном сообщении указывалось, что Ульянов ходатайства о помиловании не подал.

Десяти осужденным смертная казнь заменялась каторгой и поселением в Сибирь. Приговор для А. Ульянова, П. Шевырева, В. Осипанова, В. Генералова и П. Андреюшкина, которые тоже вошли в список не подавших прошение, остался в силе. Эти пятеро были препровождены в Шлиссельбургскую крепость. Казнь состоялась во дворе тюрьмы на рассвете 8 мая 1887 года. Ульянову был только 21 год.

А спустя двадцать лет вооруженный народ под руководством партии, созданной его младшим братом Володи, сметет самодержавие и уничтожит саму идею царской власти в России.

ФИГНЕР ВЕРА НИКОЛАЕВНА

(род. в 1852 г. – ум. в 1942 г.)

Видная фигура в русской политической жизни конца XIX – начала XX вв. Участница революционного движения 1870–1880-х годов, член Исполнительного комитета «Народной воли», организатор и исполнитель нескольких покушений на Александра II. В 1884 году была арестована и заключена в Шлиссельбургскую крепость, где провела 20 лет.

Будучи еще ребенком, она прочла книгу, ставшую для нее одной из главных. Этой книгой было «Евангелие», строки из которого могут служить эпиграфом ко всей жизни этой убежденной атеистки и пламенного революционера: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

Вера Фигнер родилась 7 июля 1852 году в дворянской семье в имении Никифорове Казанской губернии. Предки Фигнеров были выходцами из Лифляндии. Ее отец, Николай Александрович, лесничий Казанской губернии, слыл довольно суровым и деспотичным человеком даже по отношению к собственным детям. Имение досталось ему от деда Самуила Самуиловича Фигнера, которому Павел I в конце царствования пожаловал дворянский титул. Мать, Екатерина Христофоровна, в отличие от отца, была мягкой и демократичной. Верочка, старшая среди детей, которых в семье было шестеро, росла «живой, способной девочкой, вострушкой, шалуньей и драчуньей». Читать и писать научилась рано, «незаметно, играючи». Но все же домашнее образование ее было довольно поверхностным, поскольку учителями были в основном люди случайные. Для того, чтобы подготовить старшую дочь к поступлению в институт благородных девиц, родители пригласили из Москвы гувернантку В.И. Малинину. В 1863 году Вера была принята в Казанский Родионовский институт на казенный счет. Ей нравилось учиться, она оказалась способной, но очень самолюбивой. Получив однажды по успехам четвертое место, она была задета: «Преподаватели литературы, истории и географии так отличали меня от других, что я прекрасно понимала, что первое место должно принадлежать мне, и я решила его вернуть себе». Окончила институт она первой ученицей в классе.

Вера впоследствии не слишком высоко оценивала шесть лет, проведенные в институте: «В смысле научного знания и особенности умственного развития эти учебные годы не только дали очень мало, они задерживали. духовный рост, не говоря уже о том вреде, который приносила неестественная изоляция от жизни и от людей».

Еще в институте девушка начала много читать. Неизгладимое впечатление оказала на нее поэма Некрасова «Саша». «Над этой поэмой, – вспоминала Вера Фигнер, – я размышляла, как еще никогда в свою 15-летнюю жизнь мне не приходилось думать. Поэма учила, как жить, к чему стремиться. Согласовать слово с делом – вот чему учила поэма, требовать этого согласования от себя и от других – учила она. И это стало девизом моей жизни». Как уже упоминалось, глубокий след в ее душе оставило прочтение «Евангелия». Позже она писала в своей автобиографии, что некоторые его принципы – «как отдача себя всецело раз избранной цели, – до сих пор сохранили в моих глазах свою великую ценность. Да и все другие высшие моральные ценности я получила из этой книги».

Окончив институт в 1869 году, Фигнер вернулась домой и занялась самообразованием, читая книги и демократическую прессу: «Отечественные записки», «Современник», «Русское слово»,

которые в большом количестве выписывала Екатерина Христофоровна. Общение с матерью и дядей, П. Х. Купреяновым, которые «были целою головою выше уездной обывательской среды», определило вкусы и настроения девушки.

Вера искала себя и свое место в жизни. Ее уже не удовлетворяла жизнь провинциальной барышни – обычное существование было не для нее. «Нельзя жить без деятельности, без высокой цели». И она искала эту цель. Но что делать? «Идти на сцену, стать актрисой? Или поступить в школьные учительницы?» И вот в одном из номеров журнала «Дело» 17-летняя девушка прочла статью о присвоении в декабре 1867 года Ученым Советом Цюрихского университета степени доктора медицины, хирургии и акушерства русской женщине Н. П. Сусловой. Ее пример окрылил Веру Фигнер. Ей показалось – это было и ее предназначение. Выучиться, стать врачом, а потом – «служить народу», лечить крестьян.

На просьбу отпустить ее учиться в Швейцарию отец ответил отказом. Он и так считал, что учеба в Казанском институте не пошла дочери на пользу, вселив в нее ненужные желания. Веру начали вывозить в свет, где отец познакомил ее со старшим сыном богатого казанского помещика Филиппова. Алексей Викторович Филиппов, кандидат прав, молодой судебный следователь повсюду сопровождал Веру Фигнер, в которую он безумно влюбился.

18 октября 1870 года они обвенчались. Несколько недель спустя скончался отец Веры, и мать с младшими детьми переехала в Казань.

Вера продолжала заниматься, теперь уже ей помогал в этом муж. Она занялась изучением геометрии и алгебры, совершенствованием знания немецкого языка и латыни. А поскольку в России «двери университетов закрыты для женщин как двери алтарей», она не оставляет надежды поехать учиться за границу. «Я не остановлюсь никогда и ни за что, – писала в апреле 1871 года Фигнер в письме своей институтской подруге М. Деларю, – потому что весь этот план не выдумка праздной фантазии, а моя плоть и кровь, и стимулами к деятельности будут три потребности и три цели моего существования: экономическая самостоятельность, образование ума и польза, т. е. моя полезность для других». В конце концов, ей удастся убедить мужа ехать в Швейцарию, чтобы получить медицинское образование. После окончания обучения Вера планировала совсем другую жизнь для себя и мужа. «Воротимся мы в свое имение и заживем на славу; Алексей бросит казенную службу и будет земским врачом; я заведу больницу, открою школу или ремесленное заведение. Чудно!.. Неужели все это исполнится? Тогда я считала бы себя счастливейшей в мире...»

Весной 1872 года Филипповы отправились в Цюрих. Вместе с ними поехала и Лидия Фигнер, сестра Веры Николаевны. Мечта сбылась – Вера стала студенткой университета.

Швейцария в начале 70-х годов XIX в. была крупнейшим центром русской революционной эмиграции. Цюрих наравне с Женевой привлекал студенческую молодежь России как «некоторый умственный революционный центр, которого не хотел миновать ни один русский интеллигент, попавший за границу». Причем постоянно увеличивалось число женщин, приехавших учиться в Цюрихский университет из России: в 1872 году их было всего 61, а в следующем году – уже 103. Женщины, в основном, поступали на медицинский факультет, считая профессию медика наиболее необходимой народу.

В университете была благодатная среда для развития революционных идей, здесь царил свобода слова, собраний, сходок. Среди студенческой молодежи возникли две соперничающие фракции – бакунистов и лавристов, каждая из которых стремилась расширить свои ряды. Обе фракции вели активную деятельность – устраивали лекции и диспуты, создавали кружки. В один из таких кружков попала и Вера Фигнер. Софья Бардина, вместе с которой Вера училась в университете, пригласила ее на учредительное собрание женского «ферейна», куда студентки приходили, чтобы научиться «логически говорить». Они рассуждали о социальной революции и судьбах мира, поднимали «женский вопрос», изучали «Положение рабочего класса в России» Берви-Флеровского, читали Прудона, Луи Блана, Бакунина.

«Ферейн» продержался недолго. Через несколько недель на смену ему пришел кружок «фричей», получивший свое название по имени хозяйки дома, в котором жили студентки. В его состав входило 12 женщин во главе с Бардиной, среди них Варя Александрова, Ольга и Вера Любатович, три сестры Субботины, Лидия и Вера Фигнер. Своей главной задачей они видели изучение социалистических идей, политэкономии, истории народных движений на Западе. Петр Лавров, заметивший Веру, писал о том, что «она часто присутствовала», хотя «ничто еще не позволяло предвидеть одну из самых крупных будущих деятельниц русского революционного движения».

Фигнер, с самого начала активно взявшаяся за учебу, не забросила свои занятия и теперь. В отличие от многих других, считавших, что знания для революционера – только обуза, она была

уверена, что любые знания нужны, поскольку могут пригодиться для «большого дела». Она старалась не пропускать лекции и практические занятия по анатомии, зоологии, физиологии, но вместе с тем посещала «фричей», ходила на журфиксы к П. Л. Лаврову, вместе с подругами набирала в типографии первый номер журнала «Вперед!».

Деятельность, которую развернули студенты в Цюрихе, беспокоила царское правительство. В России в 1873 году даже была учреждена Особая комиссия для обсуждения путей пресечения отъезда русских женщин в Цюрихский университет, поскольку это «явление не случайное, одиночное или местное, а результат движения, распространенного во всей России, в среде всех сословий». В докладе, предоставленном Александру II комиссией, говорилось о том, что Цюрихский университет является средоточием заграничной революционной пропаганды, и студентки оказываются вовлеченными в нее.

В «Правительственном вестнике» от 21 мая 1873 года было опубликовано обращение к русским студенткам с требованием до 1 января следующего года покинуть Цюрихский университет. Кроме обвинения в «живом участии в преступной пропаганде» студентки университета объявлялись женщинами «вольных нравов», поскольку «увлекаются коммунистическими теориями свободной любви и под покровом фиктивного брака доводят забвение основных начал нравственности и женского целомудрия до крайних пределов».

Студентки были возмущены. Вера Фигнер вспоминала: «Впечатление от этого распоряжения было удручающее, цель, ради которой мы приехали в Цюрих и ради которой было сделано столько усилий, отнималась. Планы общественной деятельности разрушались. Мало того, правительственное сообщение не останавливалось перед грязной клеветой и во всеуслышанье объявляло, что под видом науки студентки занимаются свободной любовью и применяют свои медицинские познания к истреблению последствий этой любви. Мы, учившиеся в Цюрихе, более всего были оскорблены этим обвинением...»

В защиту русских студенток выступил Ученый совет Цюрихского университета, но все же девушкам пришлось покинуть стены учебного заведения. Почти все они вернулись в Россию. Вера Фигнер решила продолжить обучение в Берне. В это время произошел ее разрыв с мужем. Алексей Филиппов примкнул к консерваторам и вскоре возвратился в Россию. Вера, переехавшая в Берн, оказалась в одиночестве. Здесь русские студентки вели себя осторожнее, боясь повторения случившегося, и жили по принципу: «Пусть революция остается в шкапах, в Цюрихе, из которого мы из-за нее изгнаны».

Вскоре перед Верой Фигнер встал выбор – закончить образование, к которому она стремилась столь сильно, или вернуться в Россию, куда ее звали друзья, основавшие «Всероссийскую социально-революционную организацию». В этот год начались аресты, и понадобились новые силы для продолжения революционной борьбы. Но до получения диплома оставалось всего полгода. Вера Николаевна делает свой выбор – она возвращается. Она признается: «Я сказала бы ложь, если бы не упомянула о той борьбе, которую мне пришлось испытать, прежде чем решиться на этот шаг... Ведь столько лет с такой энергией, постоянством и самодисциплиной я преследовала одну, совершенно определенную цель! И теперь, не кончив курса, не достигнув цели, отступить... бросить! Мне было стыдно бросить... Стыдно перед собой и перед другими. Какими глазами посмотрят на меня все те родные и знакомые, которые сочувствовали мне, ободряли меня и провожали в Цюрих с пожеланиями успехов на общественном поприще, новом тогда для женщин?»

В 1875 году за революционную пропаганду была арестована Лидия Фигнер. В декабре того же года Вера Фигнер возвратилась в Петербург. Она приняла непосредственное участие в работе народнической организации «Земля и воля». Вместе со своими товарищами в декабре 1876 года вышла, на улицы города на первую в истории России политическую демонстрацию. Затем вместе с сестрой Евгенией она уходит «в народ». Сдав экзамены на звание фельдшерицы и акушерки, она отправилась в село Студенцы Самарского уезда, где лечила крестьян и попутно вела революционную пропаганду. Спустя три месяца деятельность пришлось свернуть – сестрами заинтересовалась полиция. Вторая попытка оказалась более удачной. Сестры целый год жили в селе Вязьмине Петровского уезда Саратовской губернии. Уже за первый месяц они в своем фельдшерском пункте приняли 800 больных, а в течение 10 месяцев – пять тысяч. Здесь же сестры открыли первую и единственную на три волости школу для крестьянских детей, которую посещали и взрослые крестьяне из соседних сел и деревень, чтобы овладеть грамотой и арифметикой. А по вечерам организовывали «громкие читки» книг, обычно у кого-нибудь из местных крестьян дома. Читали Некрасова, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина. «Сестрички», как их ласково называли, быстро стали весьма популярны среди жителей, чему в немалой степени способствовала скромная жизнь, которую они вели. Просветительская деятельность двух женщин не пришлась по вкусу местным властям, за сестрами Фигнер была установлена слежка, началось дознание. Несмотря на то что ничего крамольного не выяснилось, школу закрыли на том

основании, что она существует без разрешения учительского совета. Местному начальству не нравились эти люди, которые «прикидываются, будто за мужика стоят, а на деле бунт хотят сделать», поэтому надо их «живой рукой в острог и на виселицу». Сестры вынуждены были уехать и даже перейти на нелегальное положение. Впоследствии, на «процессе 14-ти» Вера Фигнер призналась, что их деятельность «на благо народа» нигде, кроме России, не подверглась бы преследованию. «Не легкомысленное отношение, а горькая необходимость заставила меня вступить на другую путь...»

Этим путем стал террор. Фигнер пришла к выводу о невозможности мирной пропаганды при полном отсутствии политических свобод и увидела выход в «физической силе: кинжале, револьвере и динамите».

В 1879 году произошел раскол «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел». Вера Фигнер вошла в Исполнительный комитет «Народной воли» наряду с А. И. Желябовым, А. Д. Михайловым, С. Л. Перовской. Целью организации было свержение самодержавия и созыв Учредительного собрания. Средством борьбы была избрана террористическая деятельность.

Вера Николаевна Фигнер имела среди товарищей неоспоримый авторитет. Н. К. Михайловский, русский литературный критик, близкий в это время к народникам, отзывался о ней как о человеке исключительной духовной силы. «В чем состояла эта сила, это обаяние, которым она пользовалась, трудно сказать. Она была умна и красива, но не в одном уме было дело, а красота не играла большой роли в ее кругу; никаких специальных дарований у нее не было. Захватывала она своей цельностью, сквозившей в каждом ее слове, в каждом ее жесте: для нее не было колебаний и сомнений».

26 августа 1879 года Исполнительный комитет вынес смертный приговор Александру II. Было принято решение об организации покушения на него сразу в нескольких местах – Одессе, Москве, Александровске в Екатеринославской губернии. Народовольцы начали изучать маршруты следования «высочайшей особы». Фигнер приняла самое деятельное участие в подготовке терактов, возглавив террористическую группу в Одессе. Вера выехала в Одессу с запасом динамита. Там вместе с Н. И. Кибальчицем под фамилией Иваницких остановилась на конспиративной квартире. Вместе с Фроленко, которого Фигнер устроила на железную дорогу стрелочником, и Татьяной Лебедевой, выступающей в качестве его жены, они готовили взрыв царского поезда. Однако трехмесячные подготовительные работы ни к чему не привели – Александр II просто не поехал на юг.

Точно так же не увенчались успехом и покушения на железной дороге под Москвой и в Александровске. Затем была еще одна неудачная попытка – взрыв в Зимнем дворце в Петербурге в феврале 1880 года, который произвел Степан Халтурин. И снова Одесса. И снова организатор покушения – Вера Фигнер, а в ее группу теперь вошли С. Перовская и А. Якимова. И снова неудача.

Подготовка к восьмому по счету покушению велась очень тщательно. Народовольцы собирались на конспиративной квартире, которую держали Вера Фигнер и Григорий Исаев. С января 1881 года здесь происходили все заседания группы, на которых до мельчайших подробностей разрабатывался план теракта, здесь был назначен день покушения – 1 марта и составлена прокламация об убийстве царя. Фигнер вместе с товарищами здесь же подготавливала бомбы. Еще одна явочная квартира была на Малой Садовой улице, где Н. А. Богданович и А. Яковлева открыли лавку по продаже сыров. Теперь отсюда велся подкоп под проезжую часть улицы, где проходил один из маршрутов воскресных прогулок императора.

1 марта Вера Фигнер должна была находиться на своей конспиративной квартире и ждать товарищей. Григорий Исаев принес весть о том, что покушение опять провалилось – царь проехал по другой улице. Вера была в отчаянии. Очередная неудача! Снова силы потрачены зря! Но в тот же день она узнает, что все-таки цель достигнута – Александр II был казнен. «На улицах всюду шел говор, – вспоминала Фигнер, – и было заметно волнение: говорили о государе, о ранах, о крови и смерти. Когда я вошла к себе, к друзьям, которые еще ничего не подозревали, то от волнения едва могла выговорить, что царь убит. Я плакала, как и другие; тяжелый кошмар, давивший в течение десяти лет молодую Россию, был прерван; ужасы, тюрьмы и ссылки, насилия и жестокости над сотнями и тысячами наших единомышленников, кровь наших мучеников – все искупала эта минута, эта пролитая нами царская кровь».

Но затем начались всеобщие аресты. Вера Николаевна единственная из членов Исполнительного комитета осталась на свободе. Были осуждены и казнены Н. И. Кибальчич, А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, С. Л. Перовская. И тем не менее, Фигнер пыталась возродить «Народную волю», укрепляя имеющиеся связи и создавая новые. Она даже пыталась самостоятельно заниматься террористической деятельностью, организовав в декабре 1881 года в Одессе покушение на военного прокурора. Летом 1882 года ею был принят в члены партии С. П.

Дегаев, которому была поручена одесская типография. Но через полгода типография была раскрыта, а Дегаев арестован. Он оказался провокатором, согласившись выдать Фигнер властям. Был сымитирован побег из полицейского участка, и Дегаев отправился на поиски Веры Николаевны. Отыскав ее в Харькове, он устроил ей «случайную встречу» с агентом В. Меркуловым, который знал ее в лицо. Утром 10 февраля 1883 года ее арестовали прямо на улице.

Арест знаменитой революционерки произвел фурор в столице. Ее водили показывать директору департамента полиции, министрам юстиции и внутренних дел, на нее приходили посмотреть чиновники рангом пониже. Сам император Александр III на известие об ее аресте якобы воскликнул: «Слава Богу, эта ужасная женщина арестована!»

Затем были 20 месяцев, проведенные в Петропавловской крепости, и суд, получивший в истории название «процесс 14-ти». Во избежание народных волнений процесс в печати не освещался. Фигнер было предъявлено обвинение из восьми пунктов. От защиты она отказалась, заявив, что не желает «ни милости, ни снисхождения». Ее поведение на суде было настолько твердым, что восхищенный генерал Середа пришел в камеру к Вере Николаевне, чтобы поцеловать ей руку. Потом прозвучал приговор – смертная казнь через повешение, которая была «всемилодивейше заменена каторгой без срока». 12 октября 1884 года началось ее одиночное заключение в Шлиссельбургской крепости. Когда мать попыталась узнать что-либо о Вере, ей ответили: «Вы узнаете о своей дочери, когда она будет в гробу». Мать дала Вере слово не просить за нее, но почти 20 лет спустя подала прошение царю, которое удовлетворили. В январе 1903 года Фигнер объявили, что бессрочная каторга заменена на двадцатилетнюю. Она тяжело восприняла эту милость. «С горьким чувством постучала я товарищам, – пишет сама Вера Николаевна, – о свалившемся на меня несчастье, потому что несчастьем для меня было помилование. Я чувствовала себя униженной монаршей милостью. И кто же меня унижил? Мать, глубоко чтимая мать...». Но Екатерина Христофоровна так и не увидела свою дочь. 15 сентября 1904 года она скончалась от рака, а Вера Николаевна, которой исполнилось уже пятьдесят два года, покинула Шлиссельбург через две недели после этого.

Потом были два года ссылки в Архангельской и Казанской губерниях. Затем – эмиграция, пропаганда революционных идей за границей, создание Парижского комитета помощи политическим каторжанам. И снова Россия, и снова арест и ссылка в Нижний Новгород, но и здесь она продолжала свою активную политическую деятельность.

Октябрьскую революцию Вера Фигнер не приняла. Позже она вспоминала: «Переворот 25 октября старого стиля, которым началась наша социальная революция, и все последовавшее затем я переживала крайне болезненно. К борьбе социалистических партий – этих родных братьев – я была не подготовлена... Когда пришли солдаты с приказом очистить Мариинский дворец, я чувствовала себя глубоко униженной и была в числе меньшинства, голосовавшего за то, чтоб не расходиться и быть удаленными силой. Роспуск Учредительного Собрания был новым унижением заветной мечты многих поколений и наивного благоговения веривших в него масс...».

Фигнер отошла от политики и посвятила себя литературе. В 1926 году ей была назначена персональная пенсия. Она прожила долгую жизнь, пережив четырех императоров – Николая I, Александра II, Александра III, Николая II, она была свидетелем Октябрьской революции, застала годы Советской власти и начало Великой Отечественной войны. Близкие называли ее «исторической тетушкой». Умерла она в 1942 году в возрасте 90 лет, оставив после себя книгу воспоминаний «Запечатленный труд» – книгу о себе и своих соратниках, о революционной борьбе, долге и чести, о судьбе России...

ХАЛЕД ЛЕЙЛА

(род. в 1943 г.)

Террористка, член Народного Фронта Освобождения Палестины (НФОП). В 1968 году руководила первым угоном американского самолета, предпринятым палестинцами. Совершила попытку захвата израильского самолета рейса Тель-Авив – Амстердам – Лондон в 1970 году.

Террористки были всегда, начиная с древних времен. В Библии написано о прабабушке царя Давида, Руфи, которая, пробравшись в лагерь неприятеля, убила их предводителя. Женщина, замахивающаяся кинжалом на вельможу, изображена на древнеегипетских фресках. Многочисленные народницы и эсерки покушались на царских сатрапов. Софья Перовская организовала удачное покушение на российского самодержца Александра II, скромная учительница гимназии Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф. Трепова, Мария Спиридонова убила тамбовского чиновника Г. Луженовского. В середине 1950-х годов в Алжире на французское население наводили ужас «девочки Ясера». Эти студентки из приличных семей без угрызений совести подкладывали бомбы в людных местах. Только за один день, 30 сентября 1956 года, эти невинные создания взорвали сразу несколько кафе в столице Алжира. А лозунг итальянской террористки Сильвии Баральдини «Ударь одного, чтобы научить сотню», подхватили ее единомышленники из «Красных бригад». Они потрошили кассы, объявили войну средствам массовой информации, покушались на редакторов газет и прокуроров. В результате с 1971 по 1980 год погибли 15 человек.

«Прославились» и террористки из печально известной западногерманской фракции «Красной армии» («РАФ»), на 80 % состоящей из женщин. Начиная с 1970 года они почти 30 лет держали в страхе всю Германию, а затем и Европу. Экстремисты грабили банки и магазины, нападали на чиновников, похищали банкиров и предпринимателей, взрывали бомбы на американских военных базах. Особой жестокостью и дерзостью отличались Гудрун Эннслин, которая являлась одной из создательниц РАФ. В ее предках числится сам Гегель, девушку с ранних лет занимала идея переустройства мира. Для этого она оставила мужа и ребенка, организовала побег из тюрьмы своего дружка Андреаса Баадера. Не отставала от нее и ведущий теоретик терроризма 1970–1980-х годов журналистка Ульрика Майнхоф, бросившая ради «правого» дела мужа и двоих детей. Она покончила жизнь самоубийством в возрасте 42 лет. Среди активистов экстремистской Фракции – Петра Шельм и Ирмгард Меллер, отсидевшая в тюрьме 22 года, и Биргит Хогефельд, отбывающая наказание за террор.

У РАФ были продолжатели в Стране восходящего солнца, где Фусако Шигенобу создала Японскую красную армию (ЯКА). Она тоже мечтала о мировой революции. Ради этого Фусако со своими боевиками похищала детей и политиков, захватывала самолеты и отели, грабила банки и супермаркеты. Список женщин-террористок можно продолжать. Одна из них – героиня этого очерка.

Лейла Халед родилась в 1943 году в Хайфе (Израиль) в бедной арабской семье. Детство и юность она провела в лагерях палестинских беженцев в Ливане, познав все тяготы и лишения такой жизни. Потом юная Лейла вступила в ряды борцов за освобождение родной земли от оккупантов и вскоре в автоматическом оружии разбиралась не хуже бывалых воинов. Как водилось в те времена, в качестве награды за верность правому делу борьбы с мировой буржуазией Кремль пригласил ее получить высшее образование в СССР. Московские

преподаватели вспоминали потом, что перед этой умной, энергичной и обворожительной красавицей пасовали все арабские студенты. Заканчивала учебу молодая палестинка на журналистском отделении филологического факультета МГУ им. Ломоносова.

Вернувшись на родину, выпускница университета снова включилась в борьбу с Израилем как член Народного Фронта Освобождения Палестины (НФОП). «Перу этой боевой журналистки» принадлежала организация и захват пассажирского лайнера, совершавшего полет из Рима в Тель-Авив. 23 июня 1968 года в аэропорту столицы Греции Афины боевикам во главе с 25-летней Лейлой Халед удалось захватить «Боинг-707» израильской компании «Эль-Аль». Террористы заставили экипаж воздушного судна лететь в столицу Сирии Дамаск и потребовали от Тель-Авива освободить палестинских активистов, содержащихся в израильских тюрьмах, и двух взятых в плен сирийских военных летчиков. Тогдашнее правительство Израиля пошло на уступки, после чего все заложники были отпущены, но аэробус пираты взорвали. Угон привлек внимание мировой общественности к проблемам палестинских беженцев, прославил красавицу-экстремистку и вдохновил ее на новые подвиги.

В СССР среди воздушных пиратов тоже встречались представительницы слабого пола. 3 июня 1969 года во время рейса Ленинград – Таллин впервые в Советском Союзе в угоне самолета (ИЛ-14) участвовала женщина, действовавшая с двумя сообщниками. 8 марта 1988 года многодетная мать руководила своими детьми, (семья Овечиных состояла из 11 чел.) захватившими самолет ТУ-154 с пассажирами рейса Иркутск – Курган – Ленинград. 4 июля 1990 года некая Маевская попыталась в одиночку угнать ТУ-134 на линии Сочи – Ростов. 20 февраля 1993 года жена Тамерлана Мусаева, Марина, с семимесячной дочкой на руках помогала мужу в захвате и угоне в Стокгольм ТУ-134, следовавшего по маршруту Тюмень– Санкт-Петербург. Правда, в отличие от палестинских террористов, советские угонщики хотели просто выехать из коммунистического «рая» на жительство в страны «загнивающего Запада».

Но вернемся к ставшей легендарной Лейле. Она чуть не погибла, когда гостила у доктора Вади Хадада – одного из руководителей Народного Фронта Освобождения Палестины. Это он нашел красотку и обучил ее террористическому мастерству. 11 июля 1970 года ночью в его доме в Бейруте раздался взрыв. Из соседней многоэтажки были выпущены шесть реактивных снарядов советского производства. Три из них попали в гостиную и спальню, две не взорвались. В доме начался пожар. Хозяин жилища чудом спасся от смерти и был только легко ранен. Его жена и восьмилетний сын получили ожоги. Доктор Хадад, считающийся основателем Арабского националистического движения, которое после Шестидневной войны в 1967 году превратилось в НФОП, обвинил в покушении на убийство израильские и американские спецслужбы. Обаятельный и красивый, он во все свои операции обязательно включал женщин, в том числе своих любовниц. В самой первой акции при попытке убить Бен-Гуриона во время его кратковременной остановки в Дании принимала участие художница Муна Сауди. Потом была неотразимая журналистка Лейла Халед, после нее – очаровательная Кати Томас из Ирака.

Хадад использовал похищение самолетов для финансирования террористической деятельности палестинцев. Скажем, в феврале 1972 года цена освобождения заложников угнанного в Аден аэробуса авиакомпании «Люфтганза» составила 5 млн долларов. В июле 1973 года боевики, руководимые женщиной, похитили японский самолет и потребовали 15 млн долларов. На сентябрь 1970 года Вади Хадад планировал захват сразу четырех авиалайнеров. Но на сей раз Лейлу Халед и никарагуанского сандиниста Патрика Аргуэльо постигла неудача при угоне самолета израильской компании. Аэробус выполнял рейс из Тель-Авива в Нью-Йорк через Амстердам. Шестого сентября 1970 года в столице Нидерландов Лейла сумела пронести гранаты и оружие в самолет через посты службы безопасности. К тому времени она сделала несколько пластических операций и ее не смогли узнать. Бесстрашная палестинка и ее сообщник, изображая супружескую пару, поднялись на борт воздушного судна. Когда самолет приблизился к побережью туманного Альбиона, «супруги» вскочили со своих мест и, пригрозив пассажирам оружием, ринулись к кабине пилотов. Но тут летчики пошли на снижение, сделали крутой вираж и пираты упали. Сотрудники израильских спецслужб, летевшие этим же рейсом, смертельно ранили Аргуэльо. Он бросил гранату, которая, к счастью, не взорвалась. Халед не успела (или не захотела) воспользоваться гранатами, которые были спрятаны в бюстгальтере: ее схватили мужчины-пассажиры и жестоко избили. По другой версии, экстремистку обезвредили и заковали в наручники те же агенты службы безопасности. Когда авиалайнер приземлился в аэропорту Хитроу, отчаянная террористка стала предметом жаркого спора между израильской службой безопасности и лондонской полицией – каждая сторона считала, что именно она имеет юридические основания на задержание Халед. В конечном счете израильтяне уступили, и воздушная пиратка осталась в Англии. Позже она стала причиной чуть ли не политического кризиса.

Вторая группа террористов успешно захватила «Боинг-747» в столице Объединенной Арабской республики (Египт) Каире. Кроме того, швейцарский и немецкий угнанные самолеты

приземлились в Иордании. В честь этих захватов палестинцы переименовали взлетную полосу Доусонз филд в «Летную полосу Революции». В открытом заявлении НФОП назвал эти теракты первыми ударами «за американский заговор, целью которого была ликвидация проблемы палестинских беженцев руками Израиля».

«Народный фронт» затем потребовал от швейцарского и западногерманского правительств выпустить осужденных палестинских террористов, заключенных в тюрьмы этих стран, а от английского – освободить Лейлу Халед.

Германия и Швейцария выполнили условия, а Британия – нет. Тогда 9 сентября арабы захватили в Бейруте еще один аэробус с пассажирами на борту, летевший рейсом Бомбей – Лондон, и предъявили англичанам ультиматум. Другие группы боевиков Фронта совершили несколько нападений на подразделения иорданских войск, грозили государственным переворотом королю Хусейну. Тель-Авив требовал от Британии не идти на уступки. В Лондоне думали, прежде всего, о заложниках и начали секретные переговоры с террористами. 13 сентября было официально объявлено, что пассажиров обменяют на Халед. Через много лет стало известно, что сделано это было не только ради заложников, но и для того, чтобы оставить у власти короля Иордании Хусейна – тот неоднократно просил помощи у Англии и Соединенных Штатов. Ведь боевые отряды палестинцев, подстрекаемые из Сирии, уже были у самых границ его королевства и готовились к свержению законной власти. Обмен произошел, и Израиль, известный своим непримиримым отношением к террористам, вынужден был согласиться. В заключение экстремисты взорвали три самолета в иорданском аэропорту после того, как выпустили пассажиров.

Халед и после выхода на свободу руководила действиями боевиков, но непосредственно в боях участия не принимала. Она долгое время воспринималась как один из символов палестинского террора, а для арабов стала национальной героиней, образцом стойкости и преданности общему делу освобождения страны от иностранной оккупации. Ее имя не сходило с полос многих газет мира. Даже и сейчас некоторые палестинские девушки берегут ее фото как святыню и мечтают стать такой же пламенной революционеркой, как она.

Бесстрашная Лейла вышла замуж, родила двух сыновей (один из них позже прошел соответствующее обучение и стал ее телохранителем). В интервью журналистам она охотно рассказывала: «Я не испытываю никаких сожалений по поводу того, что совершила, поскольку это был не только мой субъективный выбор. Это был выбор, основанный на программе сопротивления нашему врагу. Нам приходилось защищаться, хотя мы вовсе не радовались, когда узнавали о новых жертвах. Все мы надеемся дожить до того момента, когда арабы и евреи смогут жить вместе, забыв о прежних обидах и мести».

Госпожа Халед теперь негативно относится к нынешним воздушным пиратам своей страны. По ее мнению, сейчас другое время, а в 1970-х годах в мире почти не знали про палестинских беженцев, поэтому и стоило именно таким радикальным методом привлекать внимание к этой проблеме. Сегодня она говорит, что подобные акции только вредят арабам и их имиджу. Террористкой она себя не считает. «Я полагаю, что настоящие террористы – это те, кто берет заложников ради выкупа, уничтожает лидеров без каких-либо политических оснований или убивает невинных людей. Когда мы в 1960–1970-х годах устраивали угоны авиалайнеров, то делали все возможное для того, чтобы обеспечить безопасность пассажиров и членов экипажей». «Мы жертвы израильского насилия, – продолжает госпожа Халед. – Израиль оккупирует наши исконные земли – с моей точки зрения, это самый настоящий терроризм. Вот почему нам приходится защищаться всеми силами. Убедена, что насилие иногда является вполне оправданным средством борьбы. Непримиримые израильские поселенцы на Западном берегу р. Иордан, военнослужащие израильской армии и ключевые политические фигуры израильской системы – это вполне допустимые мишени для атак активистов НФОП». Халед Лейла признает за Израилем право на существование, но в строго определенных границах. Она считает, что столицей будущего Палестинского государства должен стать Восточный Иерусалим. По ее мнению, вторая Интифада и вторжения израильских войск на Западный берег только способствовали сплочению палестинцев. «Все фракции и организации, в прошлом враждовавшие друг с другом, теперь объединились ради общего дела. Пока идет борьба с Израилем, наше единство – главное оружие. Сейчас мы все в одном окопе».

Арабские экстремисты ближе к концу 1990-х годов прекратили теракты на воздушных трассах, и даже поступали сообщения, что руководство Фронта вот-вот объявит о полном отказе от использования насилия. Однако потом представители израильских спецслужб начали заявлять, что, по имеющимся у них данным, палестинцы вновь начали планировать теракты. А после убийства израильского министра туризма Рехавама Зеэви 17 октября 2001 года власти Палестинской Автономии решились запретить деятельность военного крыла НФОП на подвластной им территории. Убийство Зеэви, который постоянно ратовал за изгнание всех арабов

с Западного берега и из сектора Газа, произошло спустя два месяца после того как израильским спецслужбам удалось убить генерального секретаря Народного Фронта Мустафу Зибри. По словам министра транспорта Израиля Эфраима Шеха, именно Зибри вновь превратил НФОП в очень активную и зловещую террористическую организацию. Госпожа Халед считает, что во взрывоопасной атмосфере Ближнего Востока физическое уничтожение министра туризма – это шаг трагический, но неизбежный. «Мы не любим насилие, но должны были как-то отомстить за убийство нашего лидера. В противном случае палестинский народ нас просто бы не понял», – сказала по этому поводу бывшая террористка. Она отрицательно относится к боевикам-камикадзе, лишаящим жизни мирных граждан, особенно плохо, когда на это идут женщины, бывшие матери или еще не ставшие таковыми. Их грех самоубийства по сравнению с мужчиной удесятывается, ибо, идя на смерть, они лишают милосердия и милости Всевышнего не только себя, но и всех своих родившихся и еще не родившихся детей.

Для вербовки смертниц часто используются особенности их психики. Например, палестинцы привлекают для этого тех женщин, которые пережили потерю или уход любимого мужа и жениха. Впадая в депрессию, они готовы жертвовать собой, мстить, желают прекратить душевную муку и даже уйти в небытие. А на миру, как говорится, и смерть красна. Вот некоторые примеры, когда несчастная любовь толкала девушек и женщин на самоубийство посредством терактов.

27 января 2002 года Вафа Ибрис из лагеря беженцев аль-Амари подорвала себя в толпе ничего не подозревающих израильтян на улице Яффо в Иерусалиме. В результате взрыва один человек погиб и свыше 90 получили ранения. Посол Саудовской Аравии в Лондоне опубликовал в различных арабских изданиях хвалебный гимн в память «сияющей красавицы Ваффы». Поэтизация образа террористки сделала свое черное дело. 29 марта 2002 года 18-летняя Айт аль-Ахрас из лагеря беженцев ад-Дахшия совершила операцию самопожертвования в супермаркете в квартале еврейских поселенцев в Западном Иерусалиме. Погибли два и получили ранения 22 человека. А вот мать двух малолетних детей, палестинка Рим Салах Рейши, которая 14 января 2003 года подорвала себя на КПП Эрез на границе Израиля с сектором Газа, пошла в смертницы не по своей воле. Совершить теракт (в котором, кроме нее, погибли четыре человека) ее отправили супруг и любовник. Муж 21-летней женщины был активистом группировки ХАМАС, взявшей на себя ответственность за взрыв. Он сумел доказать своей неверной жене, что во имя спасения чести семьи необходимо взорвать себя вместе с израильскими солдатами. Нежный любовник снабдил соблазненную им женщину «поясом шахида» со взрывчаткой, а родной супруг проводил свою дражайшую половину до КПП.

20-летняя студентка из университета Бейт-Лехем, Арин Ахмед, решила стать камикадзе, когда ей сказали, что ее любимый парень погиб в бою с израильтянами. Она хотела отомстить и предложила свои услуги так называемым «координаторам смерти» из «Танзима» – военизированной милиции, входящей в ФАТХ, которой руководит Ясир Арафат. Однако вскоре Арин узнала, что на самом деле парень погиб от неосторожного обращения со взрывчаткой. Умирать ей перехотелось. Но не тут-то было. «Координаторы» начали ее преследовать и угрожать. У отступницы не было другого выхода, как бежать и сдаться израильским властям. Похожая судьба и у 28-летней Шифы аль-Кураси. От нее ушел муж. Для женщин, воспитанных в ортодоксальных мусульманских семьях, – это страшный позор. От нее отвернулись даже близкие родственники. У Ширы не было средств содержать ребенка, и она подумывала о смерти. На нее тоже обратили внимание «добрые дяди-вербовщики». Но потом палестинка передумала уходить на тот свет и сбежала из-под опеки «доброжелателей» в Израиль.

Женские «батальоны смерти» присутствуют и в «Исламском джихаде», «Хезболлахе», ХАМАСе и других террористических организациях. На территории Палестинской автономии есть и так называемое «Женское участие в исламском движении», которым руководит Джамалия Шанти, известная как «первостатейная палестинская феминистка».

Спецслужбам Израиля известны попытки «координаторов» завербовать молодых русских женщин, вышедших в свое время замуж за палестинцев, а затем расторгнувших брак. Они находятся в состоянии стресса, ведь согласно законам шариата дети от подобных браков остаются с отцами. Несчастные матери не могут выехать за пределы автономии, так как в их положении это означало бы лишиться общения со своими детьми навсегда. И тем не менее в смертницы русские жены пока не записывались.

А как поживает наша героиня? Бывшая революционерка-террористка Лейла Халед обитает в столице Сирии Дамаске (по другим данным – в столице Иордании Аммане), ведет сравнительно тихую жизнь, пишет мемуары. Легендарная угонщица авиалайнеров до сих пор является активисткой НФОП и входит в число руководителей Палестинского Национального Совета. Кроме того, она руководит сбором пожертвований среди палестинских семей в Иордании в пользу палестинцев на Западном берегу и в секторе Газа. Мать двоих детей, жена врача-физиотерапевта говорит, что не испытывает опасений за себя и за судьбу своих близких. По ее

данным, Тель-Авив заключил «джентльменское соглашение» с Амманом, что спецслужбы Израиля не станут причинять вред палестинским лидерам, проживающим в Иордании. Те, кто лично знаком с ней, не удивляются спартанской простоте обстановки в ее кабинете и двум картинам на стенах. На одной – карта Палестины, где в свое время у семьи Халед был собственный дом в Хайфе. На другой – большой портрет легендарного кубинского революционера 1960-х годов Че Гевары, которого Лейла Халед считает своим политическим кумиром.

ХАЛИД ШЕЙХ МОХАММЕД

Полное имя – Халид Аш-Шейх Мохаммед Аль-Баллуши (род. в 1964 г.)

Один из руководителей организации «Аль-Каида», глава ее военного комитета, разработчик наиболее громких терактов, среди которых теракт 11 сентября 2001 года в США.

В октябре 2001 года в США был опубликован список 20 самых опасных террористов. В нем фигурировало и имя Халида Шейха Мохаммеда. За несколько лет до этого американская администрация предлагала только за информацию о нем 5 млн долларов, а вот на момент опубликования списка сумма возросла до 25 млн. И инфляция здесь не при чем.

Личность Шейха Мохаммеда спецслужбам известна была уже давно. Он занимал достаточно весомое положение в иерархии террористической организации «Аль-Каида», был одним из ее руководителей, ближайшим помощником Усамы бен Ладена, стоял на третьей ступени после него и Аймана аз-Завахири. Под его прямым руководством находились террористические ячейки «Аль-Каиды» в 90 странах мира. По его собственным признаниям, данным уже после ареста, он являлся главой военного комитета «Аль-Каиды», занимался распределением финансов, вербовкой новых сторонников и подготовкой моджахедов во время войны с СССР в Афганистане. Халид, как считают, причастен практически ко всем громким терактам, совершенным этой террористической организацией за последние пять лет, предшествовавших его аресту.

«Аль-Каида» была основана в 1988 году в Афганистане саудовским миллионером Усамой бен Ладеном. Главная цель организации – свержение «прогнивших» и «еретических» правящих режимов в мусульманских странах и замена их шариатским правлением. Основными врагами ислама считаются США и Израиль. «Аль-Каида» по сути – это разветвленная международная сеть, направляющая и финансирующая деятельность боевиков-исламов в различных странах мира. Джихад, священная война мусульман против «неверных», явление не новое. Он тянется, то затухая, то вновь разгораясь, из глубины веков. Меняются только его формы. Сегодня он вылился в международный терроризм. Изменился и облик самих террористов, а лучше сказать, руководителей борцов за веру. Это не бедные и тупые фанатики. Все они выходцы из очень состоятельных семей. И один из них – Халид Аш-Шейх Мохаммед Аль-Баллуши, которого весь мир знает просто как Халида Шейха Мохаммеда. Хотя он теперь человек знаменитый, но о нем самом известно немного. Действительно, о террористе такого масштаба вряд ли может быть известно все.

По одним данным, Халид родился 1 марта 1964 года, по другим – 14 апреля 1965 года. Родиной его был благополучный Кувейт. Однако власти этой страны теперь уверяют, что родившийся здесь Халид – пакистанец, и вовсе не кувейтский гражданин. Есть, правда, версия, что его отца лишили гражданства за некие политические прегрешения. Видимо, кувейтцам не очень хочется считаться земляками человека такого пошиба, тем более что именно США в 1990 году освободили страну от иракской оккупации. Отец Халида был имамом в кувейтской мечети Аль-Ахмади. Высшее техническое образование Шейх Мохаммед получил в университете штата Северная Каролина в США. Закончив учебу, Халид домой не вернулся. Он выехал из США в Афганистан, где полным ходом шла война против «красного шайтана», атеистического СССР и где проходили практику борьбы с «неверными» бен Ладен и аз-Завахири. Здесь же молодой инженер, прекрасно владевший английским, арабским и фарси, быстро освоил минно-взрывное дело и стал секретарем афганского полевого командира Саяфа. Не секрет, что многие сегодняшние враги Америки натаскивались ею же на тогдашнего главного противника США – СССР. Не тайна также, что правительства Саудовской Аравии, Египта и ряда других мусульманских стран способствовали переброске своих граждан на афганские фронты. Но вот в 1989 году война закончилась, затем не стало и самого Советского Союза, а на родине молодых мусульманских парней уже не ждали. Возвращаться даже стало опасно, поскольку экстремисты у себя дома не нужны. Тогда образованные, честолюбивые, привыкшие к боевой обстановке

молодые люди начали искать новую сферу для применения своих специфических знаний и навыков, новые фронты. И вскоре имя Халида Шейха Мохаммеда появилось в файлах ФБР США. С 1993 года его стали разыскивать ФБР и разведки союзных США стран.

В 1989 году Халид разработал план атаки на нью-йоркский торговый центр (ВТЦ), исполнителем которого стал его племянник Рамзи Юсеф, кстати, тоже воевавший в Афганистане. Тогда во время взрыва погибло шесть человек. Рамзи Юсефа арестуют и приговорят за это к пожизненному заключению в 1990 году. В 1994 году Халид появился на Филиппинах. Здесь он жил вольготно вместе со своими родственниками: занимался подводным плаванием, организовывал приемы, арендовал вертолеты. А еще планировал большинство своих операций. В 1995 году, находясь в Маниле, Халид придумал сценарий взрыва нескольких американских авиалайнеров, совершавших рейсы над Тихим океаном. План получил кодовое название «Взрывной проект». Осуществить Халиду это дело должны были помочь Абдул Хаким Мурад и Вали Хан Амин Шах. Однако операция, уже находившаяся на последней стадии разработки, сорвалась. На конспиративной квартире, где хранились взрывчатые материалы, неожиданно вспыхнул пожар. Только благодаря этому спецслужбам Филиппин удалось предотвратить теракты. Двоих террористов арестовали, но Халиду удалось скрыться. Тем не менее, вина его была настолько очевидна, что суд Южного округа Нью-Йорка в 1996 году вынес ему обвинительный приговор.

После случившегося Мохаммед в том же году отправился к бен Ладену, пообещал ему финансовую поддержку и своих боевиков-камикадзе, чтобы захватить 20 авиалайнеров США и Юго-Восточной Азии. Первоначально план состоял из двух частей. Предполагалось для начала использовать захваченные самолеты в качестве крылатых ракет для ударов по городам на западном и восточном побережьях США. Затем намечался синхронный захват или взрыв самолетов на территории Юго-Восточной Азии. Здесь выполнение операции возлагалось на связанную с «Аль-Каидой» террористическую группировку «Джемаа исламийа» и ее лидера Ридуана Исамуддина Хамбали. Однако бен Ладен поставил под сомнение целесообразность такого плана, отказавшись, в конечном счете, от захвата самолетов на западном побережье США и за пределами страны. Он же изменил и состав участников операции. Первоначально предполагалось, что роль камикадзе выполнят сторонники «Аль-Каиды» из разных стран, но бен Ладен возложил эту миссию только на выходцев из Саудовской Аравии. По мнению спецслужб, это было связано с тем, что саудовцы, учитывая хорошие отношения между двумя странами, могли легче въехать в США. Кандидатами стали два террориста. В результате тщательного отбора осталось четверо наиболее надежных. Правда, двое из них не смогли получить американские визы, и их пришлось заменить другими, включая одного из личных телохранителей бен Ладена. В 1999 году эта четверка отправилась в Афганистан проходить подготовку в лагерях «Аль-Каиды». Там они изучили все рейсы планируемых для угона самолетов и устройство «боингов». А двое, не получившие визы, должны были сосредоточиться на угоне других самолетов, в Юго-Восточной Азии, однако от этого, в конечном счете, отказались, оставив только стратегические цели на территории США.

Между тем, Халид разрабатывал другие операции. В 1998 году он с точностью до секунды спланировал осуществление взрывов американских посольств в Кении и Танзании. Эти акции унесли жизни 241 человека. В 1999 году планировалось убийство Папы Римского Иоанна Павла II во время его визита на Филиппины. Террористы намеревались произвести взрывы во время исполнения мессы. Замысел этот не удался, поскольку папа по состоянию здоровья отменил поездку. А вот документы, подтверждающие причастность Халида к этой акции, были обнаружены в его квартире в Карачи. Через год был подорван эсминец ВМС США, стоявший в Адене. Тогда погибло 17 моряков. Но самый ужасный теракт, спланированный Халидом, произошел 11 сентября 2001 года. В тот день террористы нанесли удары по ВТЦ в Нью-Йорке и Пентагону в Вашингтоне, которые унесли 3 тыс. жизней.

В интервью, данном впоследствии телекомпания «Аль-Джазира», Халид заявил о том, что первоначально планировалось направить захваченные самолеты не на ВТЦ и Пентагон, а на атомные станции США. Затем от этих планов было решено отказаться, поскольку «ситуация могла выйти из-под контроля». В том же интервью Халид приписал лично себе разработку и планирование этого теракта, а также воплощение идеи бен Ладена в реальность.

Мозговой центр терактов, изменивших мир, находился в Афганистане. Оттуда поступали деньги. Ударные же группы окончательно сформировались в США и Германии. ФБР установило, что Халид лично встречался с будущими камикадзе в Гамбурге еще в 1999 году. За три месяца до 11 сентября ФБР стало известно, что Халид переводит крупные денежные суммы на различные банковские счета. Позже выяснилось, что именно эти деньги были заплачены исполнителям терактов, ими производилась и оплата аренды квартир для террористов, пока они проходили летную практику в Калифорнии. Связь с этими смертниками поддерживалась только через электронную почту. Согласно показаниям Халида, данным после ареста, наибольшее внимание

террористы уделяли атаке на Пентагон. В самолет, который должен был врезаться в это здание, посадили наиболее опытных террористов – Халида аль-Михдхара и Навафа аль-Хазми, отобранных с самого начала. Для спецслужб это стало неожиданностью. Они предполагали, что самую важную роль среди камикадзе сыграл Мохаммед Атта, который направил свой самолет на башни ВТЦ.

После этих терактов, скрываясь в Афганистане, Халид планировал новые акции. Уже в декабре того же 2001 года подготовленный им взрывник-самоубийца Ричард Рейд попытался подорвать американский самолет, закамуфлировав пластиковую взрывчатку под толстые подошвы своих башмаков, за что получил прозвище «бомбист-башмачник». В 2002 году Халид участвовал в убийстве похищенного в Пакистане американского репортера Дэниэля Перла. Он лично перерезал Перлу горло. По крайней мере, его опознали по руке с ножом, мелькнувшей на нескольких кадрах пленки, которая была передана в США в качестве доказательства гибели журналиста. В том же году был совершен теракт в Карачи, жертвами которого стали французские военные специалисты и несколько гражданских лиц-пакистанцев. Спецслужбы подозревали Халида в причастности и к взрыву на индонезийском острове Бали, организованному исламистами.

За убийцей шла настоящая охота. На его след вывел задержанный в сентябре 2002 года Рамзи бен аль-Шиб, являвшийся правой рукой и доверенным лицом Шейха Мохаммеда. Только по случайному стечению обстоятельств (ему отказали в визе на выезд в США) он не смог примкнуть к террористам-смертникам, уничтожившим ВТЦ. Стало известно, что Халид скрывается в г. Кветта на юго-западе Пакистана. Спецслужбы подготовили тщательную операцию по его задержанию, однако из указанного места он ушел за несколько часов до рейда группы захвата. Но вот 2 марта 2003 года СМИ сообщили о его аресте. Информация о том, что Халид скрывается в Пакистане, в Равалпинди, поступила за несколько дней до его захвата. Вот по поводу этой информации существуют различные версии. По одной из них, местонахождение Халида удалось вычислить благодаря перехваченному американской глобальной шпионской системой Echelon телефонному звонку, который поступил на его телефон. По другой версии, главную роль в этом деле сыграли те самые обещанные 25 млн долларов. По сообщению источника в разведке одной из ближневосточных стран, кто-то из «Аль-Каиды» заключил сделку с США, получив награду за информацию и еще 2 млн долларов для переезда его семьи в Великобританию. Но есть и третья версия. Согласно источнику, близкому к британской разведке, выйти на след Халида помогла сама «Аль-Каида». С 2002 года в руководство организации стали выдвигаться молодые лидеры, которых раздражало патологическое желание Халида всегда быть в центре внимания. Сам бен Ладен, памятуя его заслуги, смотрел на эту страсть сквозь пальцы. Но новые люди в руководстве открыто считали Халида болтуном и хвастуном, не уделяющим должного внимания вопросам безопасности, что несло угрозу для всей организации. В итоге его постепенно отстранили от руководства ею. А последней каплей, переполнившей чашу терпения, стало то самое интервью телекомпании «Аль-Джазира», в котором Халид хвастливо заявил, что лично разрабатывал план терактов 11 сентября.

По получении информации о Халиде спецслужбам стало ясно, что медлить нельзя. Новый рейд планировался буквально наспех. Он проводился совместными усилиями пакистанских и американских спецслужб. Халид был арестован в окрестностях Равалпинди, в доме, принадлежавшем 75-летнему пенсионеру-микробиологу, члену «Аль-Каиды» Ахмеду Кадусу, являвшемуся связным между «Аль-Каидой» и пакистанской исламистской партией «Джамаат-э-Ислами», самой мощной парламентской оппозицией президенту страны Мушаррафу. Задержание Халида прошло, можно сказать, самым тихим образом: в дом ворвались 20 вооруженных до зубов полицейских, и трое находившихся там мужчин сдались без всякого сопротивления. К большому удивлению участников захвата, с внешней стороны дома не было ни вооруженной охраны, ни замаскированных снайперов. Иными словами, не были предприняты традиционные меры предосторожности по защите. Вскоре Халид был передан американцам и отправлен на базу в Баграме, а оттуда – в США. Предположительно, к нему применялись так называемые мягкие пытки: лишение сна, ночные допросы, постоянное шумовое воздействие.

Накопленный опыт работы с арестованными террористами показал, что они бесстрашны и готовы умереть за идею только на свободе. Попав же в руки спецслужб, они становятся бесценными источниками информации. Из показаний Халида стало ясно, что «Аль-Каида» намеревалась провести теракты против США, Израиля и в некоторых странах Европы, что его арест сорвал подготовку нескольких терактов, в частности, в Сингапуре. Он дал показания о гражданине Франции Закарии Муссауи, члене «Аль-Каиды», тренировавшем камикадзе «второй волны», впоследствии отмененной бен Ладеном, о планах терактов на бензоаправках и плотинах на водохранилищах в США и о подготовке и проведении терактов 11 сентября, и о тех указаниях, которые он получал непосредственно от бен Ладена. Но допросы террориста все же не дали тех результатов, на которые надеялось ЦРУ. В отношении своего шефа Халид давал довольно противоречивые показания, скорее даже дезинформацию. По крайней мере, он ничего

не сообщил о местонахождении главного террориста XX века. Так что, хотя власти США и назвали арест Халида огромным успехом, «Аль-Каида» продолжает существовать и действует.

ХАТТАБ АМИР АЛЬ

(род. в 1963 г. – ум. в 2002 (?) г.)

Террорист арабского происхождения, «прославившийся» своими деяниями на территории Чечни и Дагестана против Российской армии.

Амир аль Хаттаб называл себя борцом за веру Аллаха и при этом, в нарушение Божьих заповедей, убивал людей и неверных, и правоверных. И в связи с этим его вряд ли можно считать человеком идейным. Таким людям все равно, где воевать и кого убивать. Тем не менее, среди множества чеченских боевиков, даже «знаменитых», Хаттаб – фигура одиозная. Целью своей деятельности он ставил поражение России и освобождение Кавказа от российского влияния. Человек далеко не бесталанный – владел арабским, чеченским, даргинским, фарси и русским языками, – Хаттаб был ярким сторонником ваххабизма, самого реакционного и непримиримого направления в исламе. Уже находясь в Чечне, он женился на даргинке из дагестанского села Кармахи (Буйнакский район), имел дочь. За особые «заслуги» перед чеченским народом этот ближайший друг Шамиля Басаева Хаттаб, он же – эмир Хаттаб, «Черный араб», «Ахмед однорукий», Рахман, Аль-ибн-Хаттаб, Ахмед-бен-Вахид, Эмир Амин-Хаттаб, Амир Чеченский, Моджахед, Хаттаб Саудий, Хаттаб Урдузи – был награжден правительством Ичкерии орденами «Къоман Сий» и «Къоман Турпал». Но еще до своего появления в Чечне он успел отметиться в Афганистане и Таджикистане.

В биографии Хаттаба много путаного, вплоть до года рождения. По одним данным, он – уроженец и гражданин Саудовской Аравии, по другим – Иордании. Есть данные, что он учился в военной академии в Аммане и даже служил в гвардии короля Хусейна. А некоторые утверждают, что Хаттаб – этнический чеченец. И все-таки, предположительно, он выходец из одного из арабских племен, кочующих на границе Иордании и Саудовской Аравии, и его настоящее имя – Хабиб Абд Аль-Рахман. Его отец – саудовский араб, мать – уроженка Турции, по национальности турчанка. Род Хаттаба принадлежит к одному из древних родов Аравии, а семья у себя на родине считается довольно состоятельной и уважаемой. По некоторым данным, у Хаттаба восемь братьев.

Родился Амир в 1963 году. Когда ему исполнилось 19 лет, родственники решили отправить его на обучение в США (юноша интересовался физикой). Но он тогда заявил о своем намерении участвовать в Джихаде и, несмотря на отговоры старшего брата, ушел из дома, мотивируя свое решение правом самостоятельного выбора по шариату участвовать в Джихаде. Поэтому неизвестно, побывал ли он тогда за океаном или нет. В это время всюду полыхала война в Афганистане, и в 1984 году там среди моджахедов появился и Хаттаб. Подготовку он проходил в

одном из учебных центров на территории Пакистана, а затем принимал самое активное участие в боевых действиях против советских войск. Хаттаб был инструктором в лагерях афганских моджахедов на территории Пакистана. Опытный, хорошо подготовленный боевик-террорист, он был специалистом подрывного дела. Вот так – мечтал стать физиком, а стал наемником. Мог защищать права арабов в Палестине, но почему-то не захотел. В ходе боевых операций Хаттаб получил ранение. По некоторым данным, на пальцах его правой руки не было одной-двух фаланг, по другим – на правой руке было только два пальца. Как бы то ни было, в дальнейшем он писал и стрелял левой рукой.

В 1989 году после ухода советских войск из Афганистана Хаттаб на некоторое время вернулся домой. Правда, ненадолго. На месте не сиделось. Вскоре он вновь отправился в Афганистан, где стал помогать таджикским и узбекским беженцам. В это время Хаттаб уже придерживался ветви ваххабизма, разработанной в Афганистане палестинским мыслителем, духовным наставником Усамы бен Ладена Абдаллахом Аззамом. Хаттаб был знаком с бен Ладеном, и знаком довольно близко. Это знакомство очень скоро скажется на положении на Кавказе. Бен Ладен имел прямое отношение к разжиганию Джихада в Чечне, к превращению этой маленькой республики в трамплин в Европу.

После окончания боевых действий в Афганистане в 1992 году Хаттаб перебрался в Таджикистан, где в течение трех лет находился в рядах вооруженной исламской оппозиции. Род его деятельности оставался таким же, что и в Афганистане – диверсии и терроризм. Но и здесь все шло к концу. Нужно было искать новое место для применения своих «талантов». О войне на Кавказе, по словам самого Хаттаба, он узнал лишь в декабре 1994 года из репортажей Си-эн-эн. О Чечне же он до этого практически ничего не знал, кроме историй об имаме Шамиле. Весной 1995 года Хаттаб с тремя своими соратниками, выходцами с Ближнего Востока, прибыл в мятежную республику и до марта 2002 года активно участвовал в боевых действиях против Российской армии.

Имея значительный опыт, Хаттаб вскоре возглавил отряд, насчитывавший до 300 боевиков, из которых примерно половина были арабы-наемники. Основная база отряда находилась в селении Сержень-Юрт, юго-восточнее Грозного, в Веденском районе, граничащем с Дагестаном. Кроме того, подразделения Хаттаба базировались в селениях Ножай-Юрт, Рошни-Чу, Зандак и в ряде других населенных пунктов Чечни. Как место базирования Сержень-Юрт был выбран не случайно. В 1995 году после взятия федеральными войсками Грозного, будущий ближайший друг Хаттаба Ш. Басаев стянул на территорию бывшего пионерлагеря и турбазы в окрестностях селения всю имевшуюся в наличии технику, боеприпасы, запасы оружия и другое военное имущество. Здесь-то и был создан лагерь для подготовки боевиков – «Учебный центр Кавказ». Собственно, лагерей было несколько. Они назывались по именам их начальников: «Хаттаб-лагерь», «Абуджафар-лагерь», «Якуб-лагерь», «Абубакар-лагерь», «Давгат-лагерь». Здесь богатые террористическим опытом «учителя», в основном из Афганистана, Пакистана и ряда арабских стран, обучали способных «учеников». Обучение велось по следующим дисциплинам: партизанские методы войны, обращение со стрелковым оружием, подготовка диверсантов и минеров-подрывников, подготовка специалистов идеологической войны. При этом каждый лагерь имел специализацию. Центральный же «Хаттаб-лагерь» был штабом. Здесь было сосредоточено около 100 наемников, находилось постоянно до 20 человек «последователей», а также две единицы бронетехники и большое количество автомашин.

Подготовка в лагерях проходила по трехмесячному курсу. Одновременно там обучалось до 100 человек. За время своей деятельности центр «Кавказ» успел подготовить несколько тысяч профессиональных «читателей Корана». В головы слушателей вдалбливалась идея создания единого исламского государства от Каспийского до Черного морей. Средства на содержание лагерей приходили из ряда ближневосточных государств, а также, если учитывать близкие контакты Хаттаба с бен Ладеном, и от него тоже. В лагерях проходили боевое обучение и идеологическую обработку не только местные чеченцы и выходцы из других мусульманских народов России и бывшего СССР, но и представители стран дальнего зарубежья. В центре «Кавказ» прошли подготовку члены таких террористических организаций, как «Меч Ислама», «Братья-мусульмане», «Новое течение».

В учебный центр принимали, в основном, по направлениям, полученным от эмиров «Джамаат» или имамов мечетей, проповедовавших ваххабизм. Основная ставка при этом делалась на молодежь в возрасте от 15 до 25 лет, не определившую еще свою дальнейшую жизнь, или желавшую таким образом заработать. В последнем случае религия как бы отходила на второй план, а вот стабильная зарплата от 200 до 500 долларов в месяц и, кроме того, премии в случае уничтожения врагов, становились важнейшим фактором, побуждавшим молодежь братья за оружие. За каждого убитого российского солдата платили около 1 тыс. долларов, за офицера – 2 тысячи.

Дисциплина в лагерях была очень сурова. Молодые боевики обязаны были покинуть свои семьи и подчиняться только непосредственным командирам. Они должны были быть готовы на все и счесть за счастье «отдать жизнь за общее дело». С первых недель новобранцев обучали обращению со взрывными устройствами и проводили идеологическую обработку. Развлечений в лагерях не было. В перерывах между занятиями юношам устраивали просмотр видеокассет, на которых демонстрировались победоносные военные действия против российских войск, пытки, которым тот же Хаттаб с изощренной жестокостью подвергал русских военнопленных. Это преследовало одну цель: молодые люди должны были научиться относиться к пыткам и жестокости спокойно, как к чему-то само собой разумеющемуся.

Хаттаб лично вел обучение подчиненных ему боевиков и отличался при этом особой жестокостью по отношению к пленным, в том числе раненым, предпочитая применять холодное оружие. Он глумился над трупами российских военнослужащих, отрезая им носы, уши, снимая скальпы. Все эти действия террорист фиксировал на видео- и фотопленку с целью демонстрации своей практической деятельности. В 2001 году российские спецназовцы обнаружили в одном селении в Арчунском ущелье более 150 видеокассет с записями казней российских солдат. На пленках хорошо были видны лица исполнителей преступлений, а также лица присутствовавших при этом лидеров чеченских боевиков, включая и Хаттаба, и Басаева. Здесь же были обнаружены и призывы Хаттаба и Басаева к чеченцам – убивать «русских свиней».

Отряд Хаттаба в 1996 году уже насчитывал свыше полутора тысяч боевиков, в том числе несколько сотен арабов. К этому времени этот отряд осуществил более 20 боевых операций против федеральных войск, в основном на так называемом Центральном фронте, которым командовал Ш. Басаев. Наиболее нашумевшей стала операция, проведенная 16 апреля 1996 года на горной дороге между селами Ярышмарды и Дачуборзой (Шатойский район), когда из засады была уничтожена колонна 245-го мотострелкового полка. Тогда российская сторона потеряла 95 человек убитыми, из них 26 офицеров, и 54 ранеными. Из засады удалось уйти только 13 военнослужащим. В декабре того же года по приказу Хаттаба в селении Новые Атаги были убиты врачи из гуманитарной миссии Красного Креста. Видимо, за большие заслуги перед чеченским народом распоряжением президента Чечни А. Масхадова Хаттаб был назначен тогда руководителем учебного центра Центрального фронта, заместителем амира маджлисуй шуры Ш. Басаева, военным амиром маджлисуй шуры, командиром интернациональной бригады. 22 декабря 1997 года он совершил нападение на 136-ю мотострелковую бригаду в Буйнакске (Дагестан) и при отступлении в Чечню был ранен.

Летом 1998 года Хаттаб значительно активизировался. Даже местная служба безопасности докладывала Масхадову: «Ваххабиты группами по 15–20 человек, уезжают в Республику Дагестан, а также за последние две недели у них прибавилось крупнокалиберного огнестрельного оружия и транспорт...» Действительно, Хаттаб организовал доставку оружия и боеприпасов для проведения вооруженных акций, а затем при его прямом участии произошли события в г. Кизляр и с. Первомайское (Дагестан). В это время в отдельных районах Чечни и был отмечен наплыв ваххабитов из Таджикистана и с Аравийского полуострова. Они прибывали семьями, покупали дома и занимались усиленной пропагандой по привлечению в свои ряды новых сторонников. Также отмечалось стремление ваххабитов внедриться в службу безопасности Чечни. При этом они даже были готовы пожертвовать своей бородой. Об этом сообщали информаторы, внедренные в ближайшее окружение Хаттаба. Кстати, эти информаторы сообщили и о том, что «Хаттаб считает, что реальная власть над боевиками в Чечне есть только у него и только он может вести переговоры с федеральными силами». Другие же полевые командиры «без него ничего не стоят», и их удел – «зимовать в горах, ждать его возвращения и денег». Кроме того, Хаттаб хвастался, что если захочет, то сам будет вести переговоры с Москвой, «а не этот Масхадов или Шамиль (Басаев)».

Да, большой террор – большие деньги. А финансирование боевиков из стран Ближнего Востока шло именно через Хаттаба.

Но не только деньги поступали в Чечню извне. Поступало оружие, боеприпасы, взрывчатка – все это, кстати, тоже приносило немалую прибыль. Закупаемое в соседней Грузии оружие перепродавалось затем в Дагестан, Ингушетию, Россию. В Россию же, в основном в Москву, шла черная икра, золото, золотые изделия, валюта, что было связано с разницей курса доллара в Чечне и РФ. Огромную прибыль приносили и наркотики. Частично они производились в Чечне, частично ввозились из Туркмении и Таджикистана. Затем они как бартер или за деньги переправлялись в Грузию, но в большей своей части уходили в Россию. Обо всем этом служба безопасности Масхадова прекрасно знала. Даже в ближайшем окружении Хаттаба работали ее агенты. Одним из них был агент «Бедуин», араб, личный представитель Усамы бен Ладена в Чечне, завербованный службой безопасности. Кроме того, информация о Хаттабе поступала из родственных контактов, а также от доверенных лиц.

В феврале 2001 года ряд средств массовой информации по электронной почте получил обращение Хаттаба. «Отныне и до скончания времен, – говорилось в нем, – священное знамя Пророка будет развеиваться над всей земной твердью, над странами неверных, ибо такова воля Его. Гнусные язычники Запада, погрязшие в разврате, и вы, свиноподобные иудеи! Я, Амир правоверных Хаттаб, отдал приказ своим братьям по благочестивой вере чеченцам, находящимся в ваших грязных странах, уничтожать вас без жалости. Русские уже узнали на своей шкуре всю силу праведного гнева Всевышнего. Теперь настала ваша очередь. Пламя Джихада сметет ваш отвратительный мир, мир неверных, мы будем взрывать ваши дома, корабли, самолеты, будем убивать вас на улицах ваших нечестивых городов, ибо гибель развратных, омерзительных язычников угодна Всевышнему». Тут уж Хаттаб выступил в роли вершителя судеб мира ни много ни мало от имени Всевышнего! Высоко взлетел человек, вернее, кровожадный маньяк. А пока на весь мир сил не хватало, занялся Чечней. В марте того же года за подписью Ш. Басаева и Хаттаба последовал приказ, предписывающий боевикам взрывать и сжигать все эшелоны с нефтью, выводить из строя железную дорогу, уничтожать места нефтедобычи, заставить людей, работающих в нефтедобывающей промышленности, уходить с работы.

В марте 2002 года Генпрокуратура РФ возбудила уголовное дело в отношении Хаттаба на основании видеоматериалов, где запечатлен расстрел российских военнослужащих. На пленке фигурировал Хаттаб, лично расстреливающий одного из них. Дело было возбуждено по статьям: захват заложников, бандитизм, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов. А уже через месяц, 25 апреля, ФСБ России сообщило о том, что в результате спецоперации был уничтожен международный террорист Хаттаб. Были представлены видеоматериалы, подтверждающие данный факт. Но поскольку детали операции не разглашались, слухи были различные, особенно о способе уничтожения Хаттаба. Согласно самому невероятному из них, в тело одного из боевиков высокого ранга перед обменом его на четверых российских солдат при операции по извлечению осколка был вживлен микрочип. Этот человек находился всегда рядом с Хаттабом, поэтому тот вскоре был обнаружен и уничтожен с помощью управляемых бомб и снарядов. Однако на видеопленке никаких повреждений Хаттаба не было зафиксировано. Зато по информации боевиков он был отравлен с помощью письма, которое ему принес посыльный, оказавшийся агентом спецслужб России. В мае стало известно, что в Чечне казнили Ибрагима Алаури, который, как установило «следствие» боевиков, сотрудничал с дагестанской разведкой и лично отравил «роковое письмо», переданное Хаттабу. Как бы там ни было, но имя Хаттаба в сводках из Чечни больше не упоминается.

ХЕРСТ ПАТРИЦИЯ

(род. в 1955 г.)

Внучка известного американского газетного магната, одного из основателей жанра «желтой прессы», Уильяма Рендольфа Херста. Была похищена в девятнадцатилетнем возрасте террористами с целью получения выкупа. То ли сама по себе, то ли после соответствующего «промыывания мозгов» прониклась идеями своих похитителей, принадлежавших к «Симбионистской Освободительной Армии» настолько, что приняла участие в нескольких террористических операциях. Была арестована вместе с остальными членами СОА. Отсидев около двух лет, была амнистирована Президентом США Д. Картером и совсем недавно полностью реабилитирована Президентом Б. Клинтонем.

Когда знакомишься с историей жизни Патриции Херст, начинаешь понимать, что не все американские триллеры являются плодом фантазии голливудских сценаристов. Согласитесь, что сюжет о симпатичной и насквозь положительной дочери миллионера, которая проникается симпатией к своим похитителям, довольно распространен. Что касается заложников в принципе, то существует даже такой психологический термин, как «синдром заложника» или «стокгольмский синдром». Медицинские исследования показали, что жертва террористов, перенеся сильный стресс, поначалу вполне естественно испытывает страх, а затем, если террорист обращается с ней по-человечески, начинает проникаться к нему симпатией. В фильмах это зачастую так и изображают. Правда, большинство домохозяек постсоветского пространства не верит в то, что изнеженная детка способна бросить папины миллионы ради полной риска и опасностей жизни. Обычно или ее объявляют «с жиру бесящейся», или весь сюжет – сказкой.

Однако вернемся к нашей героине. Домашние называли ее Пэтти. Она родилась в семье известного медиамагната Уильяма Херста. Основателем же знаменитой газетной империи Херстов

был дед Патриции. До девятнадцати лет девушка мало чем выделялась из среды своих сверстников. Как и полагается наследнице многомиллионного состояния, она получила должное воспитание. При этом Пэтти всегда была скромна и вежлива. В отличие от многих ровесников своего круга, она никогда не бунтовала против родителей и вообще была малоконфликтной. Впоследствии адвокаты защиты особенно упирали на то, что она совершенно не была склонна к насилию.

Все изменилось промозглым зимним днем 5 февраля 1974 года. Еще некоторое время жители Сан-Франциско даже не догадывались о произошедшей в их городе трагедии. Но вскоре уже все газеты мира пестрели сенсационным известием: «Боевики «Симбионистской Освободительной Армии» требуют огромный выкуп за наследницу газетной империи». При этом цель похищения была самой благородной. Полученные деньги планировалось потратить на закупку продовольствия для бедняков Сан-Франциско. Новость была настолько громкой, что даже вызвала споры в журналистской среде. Обычно газетчики по просьбе полиции придерживаются подобных сообщений до разрешения дела, дабы не ухудшить участь заложника, но тут некоторые не выдержали. Один из редакторов «Ассошейтед пресс» даже обвинил телеграфное агентство в сокрытии столь важной информации: «Никто из нас, конечно, не хотел бы сделать нечто, ставящее под угрозу чью-то жизнь. Но полиция и другие всегда просят нас не печатать что-то, и у них всегда есть неотложный повод. С каких это пор мы сами принимаем решения о цензуре?»

На момент похищения Патриции было 19 лет. Родные и близкие делали все возможное и невозможное для ее спасения. В ход пошли связи на самых высоких уровнях, любые средства, специалисты самых разнообразных профилей. Но все было бесполезно. Родители были в отчаянии и готовились к самому худшему. Поэтому, когда спустя 57 дней их потерянная дочь распространила специальное заявление, они были совершенно потрясены. Девушка сообщала, что собирается принять самое активное участие в «революционном движении» и поэтому присоединяется к своим похитителям, поскольку стала полностью разделять их взгляды. Видимо, в доказательство серьезности намерений к тексту прилагалась фотография, на которой Патриция Херст была запечатлена с автоматом Томпсона в руках.

Впоследствии психологи назовут превращение девушки из высшего общества в пламенную революционерку «феноменом Пэтти». Неискушенному читателю поначалу может показаться, что в произошедшем нет ничего феноменального. Кому как не нам знать о хождении в народ дам из самых обеспеченных кругов царской России! Все это так, если бы не некоторые «но». Да, можно проникнуться идеями по благодетельствованию человечества, но не после же почти двух месяцев, проведенных в ванной комнате, где тебя насилуют и оскорбляют! Тем более, если ты чистая и невинная девушка. Все это несколько странно. Гораздо естественнее было бы возненавидеть своих тюремщиков.

Однако, невзирая на все эти соображения, юная наследница многомиллионного состояния добровольно превратилась в товарища по борьбе. При этом она даже выбрала себе новое имя – Таня. Примечательно еще и то, что «Симбионистская Освободительная Армия» («симбионистская» означает «свободная»), к которой примкнула девушка, как раз боролась с людьми ее класса. Более того, она еще и на 70 % состояла из негров. Главным девизом СОА был – «Смерть фашистским насекомым, паразитирующим на жизни народа». Нетрудно догадаться, кто имелся в виду. Переметнувшись в стан своих классовых врагов, бывшая Пэтти запела по-новому. Когда-то нежно любимая ею семья превратилась в «участников капиталистического заговора с целью убийства бедных людей в США до последнего человека».

Превратившись в Таню, Патриция как будто «поменяла кожу». Следует признать, что «линька» изменила ее кардинально. Поменялись не только взгляды, но и речь, манеры, привычки, стиль и даже частично сексуальная ориентация. Естественный и часто проявляемый интерес к противоположному полу заменили бисексуальные порывы. Вполне логично также, что девушка начала принимать самое активное участие в разнообразной деятельности организации, принявшей ее в свои ряды. Террористические акты и разбойные нападения не были исключением.

21 апреля 1975 года произошло ограбление в Кармишеле, Калифорния. Из Крокеровского Национального банка было похищено около 15 тыс. долларов. При этом была убита одна из случайных посетительниц – Мирна Опсал. 42-летнюю клиентку застрелил из дробовика один из грабителей. Осуществила операцию все та же «Симбионистская Освободительная Армия». Даже для сытой и тихой Америки ограбление банка не является какой-то сверхсенсацией. Местная теле- и киноиндустрия достаточно разработала данный сюжет. Более удивительным являлось то, что налет был совершен не одиночкой или группой обычных преступников (уголовников), а бойцами военизированной группировки. Настоящая же бомба разорвалась тогда, когда стало известно, что среди грабителей была похищенная дочь миллионера Патриция Херст. После

ареста всех участников 18 сентября 1975 года она-то и дала показания на других преступников, в том числе и по поводу своего похищения.

Остальных виновных было пятеро: Эмили и Уильям Харрис, Майкл Бортин, Сара Джей Олсон и Джеймс Килгор. Первые четверо членов СОА получили по восемь лет, но только за похищение Пэтти. Об их же участии в ограблении банка было известно только со слов Херст, и суд не счел их достаточным основанием для вынесения обвинительного приговора. Пятому же участнику вообще удалось скрыться и впоследствии покинуть территорию Соединенных Штатов. После пяти лет конспиративной жизни по поддельным документам на территории нескольких стран он, опять под вымышленным именем, осел вначале в Зимбабве, а затем в Южно-Африканской Республике. Впоследствии он стал там весьма уважаемым человеком – лектором в университете Кейптауна. Обзавелся семьей, купил дом. Его жена и мать его двух детей Терри Барнс даже не подозревала, что ее муж не только способный ученый Чарльз Пэйп, а еще и один из бывших руководителей «Симбионистской Освободительной Армии» Джеймс Килгор. Причем на своем новом поприще бывший анархист весьма преуспел. Он активно занимался научной деятельностью по социально-экономическим вопросам, в основном бедных стран. Выступал с критикой глобализации и даже написал несколько книг. Коллеги очень ценили его и даже помыслить не могли, что этот спокойный и уравновешенный человек имеет такое боевое прошлое. Так могло бы продолжаться и по сей день, если бы не движение научно-технического прогресса.

Спустя 26 лет после ограбления в Кармишеле новейшие достижения в криминалистике позволили доказать идентичность дробинки извлеченной из тела погибшей Мирны Опсал и тех, что находились в патронах дробовика изъятых у террористов при аресте. Вся четверка, которая к тому времени также успела превратиться в добропорядочных обывателей, была вновь привлечена к суду, теперь уже за убийство. Джеймс Килгор, который не менял внешность и, наверное, прекрасно понимал, что его не нашли не потому, что не могли, а потому, что не сочли нужным, пытался через посредников вести переговоры с властями Соединенных Штатов о возможном компромиссе. Три месяца его адвокаты старались договориться в связи «с возможной его выдачей в страну, где он родился». Однако не успели, и их клиент был арестован.

Что касается нашей главной героини, споры о том, виновата ли она в содеянном или нет, не утихают и по сей день. На суде адвокаты Патриции Херст всю линию защиты построили на том, что девушка плохо отдавала себе отчет в происходящем. Они утверждали, что против их подзащитной была применена одна из секретных методик психотропной войны, часто называемая «промывкой мозгов». Многие журналисты смеялись над такой постановкой вопроса. Мол, откуда малограмотным анархистам владеть государственными секретами. Судей тоже не сильно разжалобила данная версия, и приговор не был смягчен. Однако на суде вместо неистовой и жестокой Тани вновь предстала тихая и невинная Пэтти, которая утверждала, что только угроза смерти послужила причиной подобного поведения.

Владели или не владели террористы психотехниками спецслужб, но. Сама история «Симбионистской Освободительной Армии» в этом плане тоже полна загадок. 5 марта 1973 года из тюрьмы в Вакавилле совершил побег чернокожий революционер-экстремист по прозвищу Чинкуэ – Дональд де Фриз. Этот день и считается днем образования СОА. Соседями по дому, который снял беглец, были вполне благополучные белые: Расс Литтл, Патрисия Солтыстик и Вилли Вульф. Тем не менее, эти добропорядочные граждане вскоре прониклись мыслями и идеями Чинкуэ и стали разрабатывать план создания «симбионистской нации». Вскоре участников проекта стало 11. Своим символом они избрали семиглавую змею. Изначально их лозунгом был: «Смерть фашистским вредителям, которые поедают человеческую жизнь». При этом понятие фашизма было весьма расплывчатым и далеким от общепринятого. Просто все, что казалось им несправедливым, будь то чьи-то действия или идеи, тут же объявлялось фашистским, а значит, подлежащим искоренению. Так был убит 6 ноября 1973 года окружной надзиратель за школами Маркус Фостер: он предложил ввести в подшефных ему учебных заведениях удостоверения личности местного пользования.

Убийство было достаточно резонансным. СОА, что называется, громко заявила о себе. После неразберихи 1960-х годов, в свете новых идей, проповедуемых молодежью, им даже стали тайно сочувствовать. И тут борцы за идею совершают банальное похищение, да не кого-нибудь, а дочери миллионера. Теперь уже про симбионистов знали практически все. По крайней мере те, кто смотрел телевизор, читал газеты и слушал радио. Заявление девушки о переходе на сторону революции некоторым показалось верхом справедливости, но многие восприняли его как нечто небывалое. Ограбление же в Калифорнии вызвало новую бурю споров и мнений.

Захваченные в банке деньги экстремисты потратили не на обеды для бедных, как обещали, а на приобретение оружия для дальнейшей борьбы. Кроме того, была куплена машина и материалы для изготовления бомб. На этом свежеприобретенном транспортном средстве боевики СОА отправились в Лос-Анджелес для подрывной деятельности. Там они, например, взорвали

полицейскую патрульную машину, припаркованную на бульваре Заходящего Солнца возле «Международного дома блинов». Достаточно долго им почти все сходило с рук. Как бы там ни было, их везение закончилось 17 мая, когда полиция по горячим следам нашла их (накануне симбионисты неудачно пытались захватить супермаркет). Дом, где скрывались преступники, был окружен, начался штурм, и в результате взять их живыми не удалось. В завязавшей перестрелке погибли все, включая отца-основателя Чинкуэ. По данным полиции, на свободе оставалось всего девять человек из «Симбионистской Освободительной Армии».

Гибель главаря и основных лидеров стала началом конца этой одной из самых дерзких и радикальных организаций за всю историю Соединенных Штатов. Боевой дух революционеров 1970-х плавно сошел на нет. Так что, возможно, адвокаты Патриции Херст были не так уж и не правы, утверждая, что их подзащитной манипулировали. Почему бы не предположить, что вместе с Чинкуэ и его ближайшими сподвижниками канули в лету возможности управления психикой. В общем, вооруженная революция в США не состоялась. Может, это и к лучшему.

Решением суда Патриция Херст была приговорена к тюремному заключению, но в камере пробыла относительно недолго – 21 месяц. Ее помиловал бывший тогда президентом Джимми Картер. Точнее, выпустил на свободу, поскольку судимость с Пэтти не была снята. Все это опять вызвало массу пересудов. Многие не устали повторять, что были подключены папашины связи и средства, другие утверждали, что просто наконец была доказана правота защиты. Если правомочна вторая версия, то кому как не правительству быть в курсе, кто в состоянии воспользоваться методиками его спецслужб.

После освобождения юная экс-революционерка, конечно же, не пропала. Как это всегда было принято в Америке, участники особо громких скандалов всегда зарабатывали деньги, описывая их подробности. А мисс Херст оказался присущ еще и семейный талант журналистки. Так что ее воспоминания, изданные в 1982 году, принесли ей неплохие дивиденды. Вот как она описывала то, чему ее учили товарищи по борьбе: «Для совершения революции. СОА должна разделиться на три группы, по три члена в каждой, основываясь на их сильных и слабых личных качествах. Группы должны действовать как совершенно независимые, самообеспечивающиеся единицы, совместно тренирующиеся и действующие вместе. Когда мы выходили на улицы, мы должны были идти каждый своим путем, не встречаясь, за исключением временных военных совещаний всех групп СОА. Каждая боевая группа должна вербовать сообщников и перестраиваться, с тем, чтобы стать полным боевым отрядом. Мы обязаны развигивать революцию, вступая на путь «поиска и разрушения», стреляя и убивая полицейских. По ночам мы должны рыскать по улицам, охотясь на полицейских везде, где мы натыкались на них, – на постах или в полицейских машинах. Мы открываем пулеметный огонь и затем исчезаем в ночи. Так выглядит настоящая партизанская война. СОА должна нападать только на полицейских и других врагов народа. Пройдет время, и народ осознает нашу миссию и будет укрывать боевые группы СОА в своих домах. Другие присоединятся к нам, когда все это начнется».

Не обошла она в своих мемуарах и подробности знаменитого ограбления. Так, по ее словам, на вопрос Олсон о том, в каком состоянии находится раненая женщина, Эмили Харрис, пожав плечами, ответила: «Она умерла, и что с того? Обыкновенная буржуазная свинья...» И это сказала женщина, которая, по показаниям Херст, собственно, и застрелила Мирну Опсал и которая на суде утверждала, что случайно спустила курок и добавляла: «Я буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь». Не менее трогательно и странно для боевика каялся и ее бывший муж Уильям Харрис. Обращаясь к сыну погибшей, он говорил: «Я много думал о твоей матери. Она никогда не была для меня абстракцией. То, что случилось, абсолютно непростительно». Да, чего только не скажешь, чтобы избежать пожизненного заключения. А так Эмили, вернувшая себе девичью фамилию Монтегю, получила всего восемь лет, ее бывший муж – семь, а Олсон и Бортин – по шесть. Хотя, возможно, в раскаянии действительно присутствовала доля искренности, ведь времени подумать у них было более чем достаточно. Харрис, например, стал вполне успешным частным детективом. Его бывшая благоверная занялась программированием. Бортин – примерный отец троих детей и мастер по циклевке полов. Видимо, они пересмотрели свои взгляды на «прелести» буржуазной жизни.

Патриция Херст унаследовала от своего отца почти миллиардное состояние, сто тысяч из которого он завещал ей прокутить как можно скорее. Сейчас Пэтти живет в Коннектикуте. Она вышла замуж за своего бывшего телохранителя и родила ему двух детей. Знаменитый голливудский режиссер Джон Уотерс недавно снял ее в своем фильме «Безумный Сесиль». Пэтти досталась эпизодическая роль матери одного из героев. По сюжету, ее беспутный сыночек ничего не придумал лучше, как принять участие в похищении кинозвезды. Режиссер-радикал задумал снять ее в своем новом фильме и не нашел другого способа предложить ей роль. Вскоре звезде, которую сыграла Мелани Гриффит, ситуация начинает нравиться, чего не скажешь о героине Патриции Херст. Вот такой вот незамысловатый сюжет. Он вам ничего не напоминает?

Остается добавить, что уже покидая свой пост в Белом доме, Билл Клинтон полностью реабилитировал нашу героиню. Он подписал указ о полном ее помиловании и снятии судимости. Вся это история сама – как сценарий кинофильма или сериала. Повесть о богатой наследнице, которая долго страдала, но в конце концов нашла свое счастье.

ЯСИН АХМЕД

(род. в 1936 г. – ум. в 2004 г.)

Организатор и духовный лидер движения исламского сопротивления ХАМАС, один из самых заметных и влиятельных палестинских политических деятелей. Не пророк и не создатель новой религии – он основал и возглавил одну из крупнейших террористических организаций XX века. Сидя в инвалидной коляске, этот человек сумел повести за собой десятки и сотни тысяч людей и внушить страх целому государству.

На берегу Средиземного моря, на территории, принадлежащей арабскому государству, близ города Ашкелон когда-то была расположена ничем не примечательная деревенька Джура. Здесь в 1936 году появился на свет Ахмед Ясин. Ему выпало родиться в переломное для его родины время. Палестина тогда еще была мандатной территорией Великобритании, а в 1947 году решением Генеральной Ассамблеи ООН ее поделили на два государства – еврейское и арабское. Новообразованное государство Израиль прихватило себе лишний кусок земли, с чего, собственно, и началась Арабо-израильская война, вылившаяся в так называемый ближневосточный конфликт, не прекращающийся уже более полувека. В ходе той войны Джура была разрушена. Спасаясь из разоренной деревни, семья Ясина в 1949 году переехала в Газу, которая после войны находилась под контролем Египта. Еще до переезда Ахмед потерял способность самостоятельно передвигаться: когда ему было 12 лет, он получил серьезную травму, играя в футбол с деревенскими мальчишками. Следствием ее стал паралич нижних конечностей. Через несколько лет Ясин научился передвигаться на костылях, хотя уже с середины 1980-х годов он снова оказался прикованным к инвалидной коляске.

Двадцатилетний Ахмед Ясин поступил в исламский университет Айн-Шамс в Каире, где два года изучал историю британской литературы. Получив степень бакалавра, он остался в египетской столице и несколько лет преподавал английский язык в школе. Отец одного из учеников Ясина, бывший египетским наместником Газы, помог ему устроиться на работу в начальную школу «Аль-Кармель». В рекомендательном письме наместник писал, что хотя Ясин и «не в состоянии быть учителем физкультуры, но преподавать другие дисциплины он сможет замечательно».

В середине 1950-х годов Ахмед вступил в фундаменталистскую организацию «Ихван муслимун» («Братья-мусульмане»), впоследствии запрещенную президентом Египта Гамалем Абдель Насером. Одновременно с преподаванием в школе, Ясин стал проповедовать в мечетях. С

этого времени началась его карьера духовного учителя и религиозного мыслителя. Его проповеди привлекли внимание египетских властей, и в 1966 году он был арестован за «диверсионную деятельность» и приговорен к месяцу тюремного заключения. Выйдя на свободу, будущий шейх продолжил свою работу в школе.

В 1967 году в ходе Шестидневной войны Израиль захватил Западный берег реки Иордан и сектор Газа, что обострило отношения между палестинцами и израильтянами. Ясин в своих проповедях провозглашал необходимость борьбы за свободу палестинского народа и изгнание израильтян со своих территорий.

В 1973 году он создал «Исламский центр», получивший затем название «Исламское объединение». Поначалу организация даже пользовалась некоторой поддержкой со стороны израильских властей. Но уже через пару лет она приобрела достаточную силу, чтобы контролировать большинство учреждений исламского толка в Газе.

В 1979 году Ахмед Ясин основал здесь исламское общество «Аль-Джамаа аль-исламия». Оно было официально зарегистрировано израильскими властями и получило статус культурно-просветительского общества для подростков, которые играли в футбол и настольный теннис.

Но чем дальше, тем больше в деятельности «Аль-Джамаа аль-исламия» стала проявляться его политическая направленность. Организация все менее стала походить на спортивный клуб. Ясин, который к тому времени уже удостоился почетного титула шейха, «продвигал в массы» свои религиозные и политические взгляды. Он неоднократно выступал с интервью в арабских программах израильского телевидения, в которых критиковал руководителя Организации освобождения Палестины Ясира Арафата. «Аль-Джамаа аль-исламия» во главе с Ясином стояла в оппозиции к Организации освобождения Палестины. И если поначалу израильские власти относились к этому исламскому обществу терпимо и даже поощряли его деятельность, то теперь, после официального провозглашения Ахмедом Ясином своей четко выраженной антиправительственной и антиизраильской политики, они начинают принимать срочные меры к его обезвреживанию.

В 1984 году Ясина арестовали в первый раз за антигосударственную деятельность и незаконное хранение оружия. Израильский военный суд приговорил его к 13 годам тюремного заключения. Однако уже через год его освободили в рамках обмена заключенными с Народным Фронтом Освобождения Палестины. Он оказался одним из 1100 палестинских заключенных, которых израильское правительство обменяло на троих израильских солдат, захваченных в Ливане боевиками террористической организации.

Непримиримый противник Израиля, 14 декабря 1987 года он основал ХАМАС (аббревиатура названия организации Harakat al-Muqawama al-Islamiya – «Движение исламского сопротивления») как палестинское крыло организации «Братья-мусульмане». Следуя стопам «Братьев», ХАМАС сразу же объявил свои антихристианские позиции. В августе 1988 года была принята «Исламская хартия» – декларация движения, которая главной стратегической целью организации провозгласила освобождение всей Палестины от «израильских оккупантов». Вот один из ее пунктов: «Да не вступит на землю Палестины нога неверного». Ясин призывает уничтожить Израиль – это «государство возвратившихся крестоносцев», очистить территорию от израильтян и создать исламское палестинское государство «от моря до Иордана». «Нет цели более святой и важной, – говорилось в декларации. – После освобождения от израильского господства Палестина станет центром арабского и мусульманского мира». Достижение этой глобальной цели возможно только через джихад, участвовать в котором призывались не только палестинцы, но и весь арабский мир. Мирные переговоры с Израилем расценивались как «предательство принципов ислама».

Движение действовало не только в секторе Газа, но и на Западном берегу реки Иордан. Для достижения поставленных целей ХАМАС использовал как политические методы, так и террор, при этом предпочтение отдавалось последнему. Ясин приравнивал деятельность своей организации к действиям советских партизан в своем тылу в годы Великой Отечественной войны, при этом израильтяне сравнивались с немецкими фашистами. Этим сравнением шейх подтверждал свое право на вооруженную борьбу. Во главе движения стоял Консультативный совет «Маджлис аль-шура», в состав которого кроме шейха Ахмеда Ясина входили Муса Мохаммед Абу Марзук, Абдель Азиз аль-Рантиси и Халид Мишааль. Уже тогда, в середине 1980-х годов, закладывалась многоуровневая система организации. Сегодня здесь кроме руководства и боевиков представлены еще четыре главные секции – «Давах» (занимается вербовкой новых членов, сбором и распределением средств), «Аман» (собирает информацию и готовит списки потенциальных жертв), секция по организации уличных выступлений и «А-алям» (распространяет листовки и занимается пропагандой насилия). Военное крыло организации представляли так называемые «Батальоны Изз ад-Дина аль-Кассама». В сентябре 1989 года они

были запрещены Министерством обороны Израиля и перешли на нелегальное положение, продолжая заниматься террористической деятельностью. На роль боевиков-смертников вербовались в основном молодые люди 18–27 лет – преимущественно неграмотные или студенты из бедных семей. Их вербовка и пропаганда идей ХАМАСа происходила чаще всего в мечетях, благотворительных учреждениях, школах и университетах, причем не только в Палестине, но и в других арабских странах – в Сирии, Йемене, Судане. Основная идея, которая внушалась новобранцам, это смерть за святую цель: уничтожение Израиля, после чего каждого из них ждет рай. Пройдя сильную идеологическую обработку, эти молодые люди пополняли отряды шахидов. Порвать с ХАМАС никто из них обычно не решался, поскольку опасался за жизнь своих родственников да и за свою собственную.

Террористическая деятельность ХАМАС была направлена не только против израильских военных и гражданских объектов, но и против мирного израильского населения и палестинцев, подозреваемых в симпатиях к правительству Израиля. Только в 1987 году организация признала за собой совершение 46 убийств палестинцев. При этом израильтяне утверждают, что список жертв больше, по крайней мере, в два раза.

В 1989 году Ясин был снова арестован и приговорен к пожизненному заключению за организацию похищения и убийства двух израильских солдат. Но, даже будучи в тюрьме, он продолжал поддерживать связь с руководством ХАМАС не только на Западном берегу Иордана и в секторе Газа, но и с филиалами в Иране и Судане. Связь осуществлялась через посетителей.

И если до ареста шейх Ясин уже был достаточно известен не только в секторе Газа, но и во всем мире, то находясь в тюрьме, в глазах его последователей и сочувствующих он постепенно превращался в великомученика. Теперь он стал самым популярным человеком в Палестине. Это не могло не беспокоить израильтян. Но убийство его было невозможным – это вызвало бы массовые беспорядки и новую волну террора в регионе. А выпустить Ясина на свободу они не решились.

Но в 1997 году, после восьми лет заключения в израильской тюрьме, узник был освобожден. Решающую роль в этом сыграл провал операции израильской разведки по ликвидации экстремиста Халеда Машаала. Агенты Моссада были захвачены палестинцами. Израильтянам пришлось обменять Ясина на своих людей.

Сразу же после освобождения в июле 1997 года Ахмеда Ясина депортировали в Иорданию. Оттуда он перебрался на территорию Временной палестинской автономии, а в начале марта следующего года выехал из страны. За четыре месяца он побывал в странах Персидского залива, Саудовской Аравии, Сирии, Судане и Иране. Целью посещения этих арабских государств было привлечение новых последователей ХАМАС и поиски новых путей финансирования. По некоторым сведениям, годовой бюджет ХАМАС составлял около 30 млн долларов, третья часть которых поступала из стран Западной Европы и Северной Америки.

Собрав за время своего турне около 300 млн долларов, шейх Ясин вернулся в сектор Газа. Это событие стало общенародным праздником, дом Ясина в Сабре стал местом паломничества десятков тысяч палестинцев. Засвидетельствовать свое почтение пришел даже председатель совета Палестинской автономии Ясир Арафат со своей супругой Сухой.

В это время возрастает напряжение в палестино-израильских отношениях и, как следствие, увеличивается волна террора. Только за 2000–2001 годы в терактах погибло более тысячи человек с обеих сторон. Власти Израиля начали кампанию по обезвреживанию движения ХАМАС. В октябре 2001 года перед зданием больницы в Наблусе израильскими агентами была взорвана машина с Айманом Халави – одним из лидеров движения исламского сопротивления, руководителем «Батальонов Изз ад-Дина аль-Кассама». В конце того же месяца ХАМАС объявил, что организацией налажено производство собственных ракет малой дальности «Кассам-1». Муса Абу Марзук, один из лидеров ХАМАС, заявил: «Израильтяне убивают людей и уничтожают палестинские дома при помощи танков. Было уничтожено семьдесят три дома, а люди не могли этому сопротивляться. Неужели оружие могут применять только израильтяне, но не палестинцы?». Теперь война принимала совсем другие масштабы.

В ноябре 2001 года ряды ХАМАС понесли еще несколько потерь. В собственном доме в Шиджайае израильскими силами безопасности был арестован Абед Раббо Абу Хусса, руководитель местного отделения террористической организации. Спустя несколько дней в результате обстрела израильской авиации погиб еще один из лидеров ХАМАС Махмуд Абу Хануд вместе с двумя своими заместителями. Собравшиеся на похороны палестинцы были настроены крайне враждебно по отношению к израильтянам, а ХАМАС объявил о мести. 28 ноября 22-летний боевик Усама Халас близ поселения Гош-Катиф бросил в израильский автобус несколько ручных гранат, а затем расстрелял его из автомата. Погиб один пассажир, трое были ранены. Затем последовало еще несколько терактов, жертвами которых стали около 30 человек.

2 декабря 2001 года израильские спецслужбы арестовали Сахера Сулеймана, готовившего в Тель-Авиве покушение на жизнь министра обороны страны Беньямина Бен-Элиэзера. Затем последовала волна арестов высокопоставленных лидеров и рядовых членов ХАМАС.

Ясир Арафат отдал приказ арестовать лидера ХАМАС шейха Ясина. 5 декабря 2001 года Ахмеда Ясина взяли под домашний арест. Его дом был окружен палестинскими полицейскими, а ему самому запретили любые контакты с внешним миром. Узнав об этом, несколько тысяч возмущенных последователей шейха во главе с вооруженными боевиками ХАМАС попытались вызволить его. Толпа забросала полицейских камнями, затем началась перестрелка. Но все-таки победу одержали люди Арафата, вооруженные автоматами.

Ответом на арест Ясина и еще 130 деятелей ХАМАС стало заявление оставшихся на свободе активистов, в котором они потребовали от Арафата перестать подчиняться «сионистским правилам и действовать в стиле израильских спецслужб». Они пригрозили руководству Палестинской национальной администрации, что будут осуществлять теракты, если их духовного лидера не освободят и если не прекратятся аресты лидеров организации. Руководство движения отдало распоряжение своим членам не подчиняться приказам палестинских властей и, во избежание новых арестов, перейти на нелегальное положение. Угроза была выполнена. 13 декабря боевики ХАМАС обстреляли автобус с израильтянами, в результате чего погибли 10 человек и около 20 были ранены. В ответ израильская авиация нанесла удар по Наблусу. Две бомбы разорвались вблизи мечети, в которой в тот момент находились Ахмед Ясин и политический лидер группировки Махмуд Захар.

В конфликт вмешались США. Еще в октябре 2001 года было опубликовано заявление пресс-секретаря государственного департамента США Ричарда Баучера, в котором он объявил о решении Белого дома включить в список международных террористических организаций ХАМАС наряду с группировками «Хезбаллах» и «Исламский джихад». Президент США Джордж Буш потребовал от Ясира Арафата ликвидировать экстремистов и «передать убийц в руки правосудия»: «Если Арафат действительно желает мира на Ближнем Востоке, то он должен употребить власть и использовать свои силы безопасности, чтобы ликвидировать террористов».

Тем не менее, уничтожить террористическую организацию Я. Арафату не удалось. ХАМАС был чрезвычайно популярен среди палестинцев – сторонников движения насчитывалось уже несколько сотен тысяч. Ведь помимо террористической деятельности, направленной против израильтян, организация создавала и содержала разнообразные благотворительные фонды для помощи бедным слоям населения, помогала семьям погибших, раздавая продукты питания и медикаменты. О популярности движения и его лидера свидетельствует один факт. В декабре 2001 года в Палестине был издан календарь с изображением шейха Ахмеда Ясина и 26-ти шахидов, погибших при проведении терактов в Израиле. Несмотря на бедность общей массы населения и на высокую цену в 80 долларов, календарь мгновенно раскупили.

Все большее число палестинцев приходит к выводу, что создать независимое палестинское государство можно лишь посредством вооруженной борьбы, поскольку «сионистские оккупанты понимают только язык силы». После недолгого перемирия ХАМАС снова объявил о начале «тотальной войны» с Израилем на всех фронтах. В интервью немецкому журналу «Шпигель» шейх Ясин заявил, что палестинский народ «не смирится с созданием еврейского государства на земле Палестины». Палестинцы не желают терпеть на своей территории еврейское государство и могут заключить мир с Израилем в границах 1967 года «только как временное решение». «Пусть создают себе государство где-нибудь в Европе», – заявил Ясин. Он высказался против заключения с Израилем каких-либо соглашений, считая, что лишь вооруженная борьба против еврейского государства может привести к «полному освобождению Палестины».

С 2001 года Ахмед Ясин время от времени оказывался под домашним арестом, но через время его освобождали под давлением его сторонников. Но средств борьбы он не поменял. После очередного теракта на границе Газы и Израиля, унесшего пять жизней, шейх сказал: «Сейчас не время говорить о перемирии. Соппротивление будет продолжаться вплоть до прекращения оккупации». В ответ на этот отказ от мирного решения конфликта, правительство Израиля 13 июня 2003 года заявило, что их следующим шагом станет физическая ликвидация лидера ХАМАСа. Заместитель министра обороны Израиля Зеэв Бойм в своем интервью израильскому армейскому радио сказал: «Ясин помечен смертью... Ему следует зарыться поглубже, чтобы забыть о разнице между днем и ночью. Но мы найдем его в любом укрытии и уничтожим». Первая попытка была совершена 6 сентября 2003 года. Здание в Газе, где проходило совещание руководства ХАМАС, атаковал истребитель F-16 израильских ВВС ракетами малой мощности. Палестинцы потом решили, что произошло чудо – все участники заседания в этот момент вышли из квартиры на лестничную клетку. Ясин отделался легкими ранениями. В очередном интервью он подчеркнул, что не боится покушений на свою жизнь: «Мы ищем мученической смерти».

Решение об окончательной ликвидации верхушки ХАМАС было принято на заседании Кабинета Министров Израиля после двойного теракта в аэропорту Ашдода. Следующее покушение готовилось в течение нескольких дней. Операция была взята под личный контроль премьер-министра Израиля Ариэля Шарона. На этот раз чуда не произошло.

Рано утром 22 марта 2004 года, около половины седьмого по местному времени, Ахмед Ясин в сопровождении сыновей, помощников и охраны направился на традиционную молитву в собственную мечеть, расположенную недалеко от дома. Заметив в небе израильский самолет, охранники предложили шейху отказаться от поездки, но тот ответил: «Все мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся».

Когда Ясина уже усаживали в автомобиль, по кортежу было выпущено несколько ракет с вертолета АН-64 Араче, получившего наводку с самолета. Израильские спецслужбы добились своей цели – шейх Ахмед Ясин погиб на месте. Взрыв унес жизни еще двоих его помощников и одного из сыновей.

Известие о смерти духовного лидера палестинского движения сопротивления мгновенно разнеслось по стране. Началось массовое паломничество к месту гибели. Тысячи палестинцев, последователей и сочувствующих ХАМАС, хотели собственными глазами увидеть последствия трагического события и засвидетельствовать свое почтение семье шейха. В Палестинской автономии был объявлен трехдневный траур. Подобная реакция вызвала серьезные опасения израильских властей, поскольку паломничество грозило стать неуправляемым. Абдель Азиз аль-Рантиси, один из помощников Ясина, заявил на похоронах шейха: «Израиль объявил войну всему исламскому миру. Каждый мусульманин почтет за честь отомстить за это преступление». Лозунгом для последователей шейха стали слова: «Похороны в каждый еврейский дом!». Уже через несколько часов после смерти Ясина боевиками ХАМАСа были обстреляны несколько еврейских поселений в секторе Газа. А через сутки 50 шахидов объявили о своей готовности отомстить за своего лидера масштабными терактами. Общее настроение, царящее в Израиле, выразил Абу Кусай, один из лидеров группировки «Фатх», который заявил, что «смерть Ясина – это начало новой войны».

ЯХЬЯ АБДУЛ АБДУЛЛА

(род. в 1969 г. – ум. в 1994 г.)

Алжирский террорист. Известен также под псевдонимом «Эмир». Религиозный фанатик. Инциденты с его участием обычно отличались особой жестокостью. Руководил группой террористов, захватившей аэробус французской авиакомпании «Эр Франс». Был застрелен во время операции по освобождению заложников.

Канун Рождества 1994 года был окрашен для французов не столько в радостные, сколько в тревожные тона. Обычно в это время люди по возможности оставляют все дела и спешат воссоединиться с семьями, чтобы весело отметить наступающие праздники. Во Франции, как и во многих других католических странах, это пора каникул. Именно поэтому когда произошла трагедия, о которой пойдет речь, многих правительственных чиновников не оказалось на местах.

И все же описываемый нами случай, как это ни жестоко звучит, завершился в целом благополучно, хотя трое пассажиров погибли, а 13 были ранены. Вообще, когда речь идет об освобождении заложников, об успешности проведения операции говорит в первую очередь количество выживших, а не число жертв. Здесь же непосредственно в ходе освобождения были убиты только террористы (!) и ранено 25 человек, из которых девять сотрудников войск специального назначения, три члена экипажа и 13 пассажиров. Однако обо всем по порядку.

Утром, в субботу 24 декабря 1994 года в Алжире на аэродроме им. Хуари Бумедьена готовился к взлету «А-300 аэробус» авиакомпании «Эр Франс». Рейс отправлялся в 11.15 и его конечным пунктом значился Париж. До взлета оставались считанные минуты. Большинство пассажиров уже заняли свои места, настроившись на скорую встречу с родиной (среди них было много французов, включая членов посольства в Алжире). Когда в салоне самолета появились четверо молодых людей в униформе алжирской гражданской авиации, никто особо не насторожился. Однако вновь прибывшие вдруг заявили, что являются агентами охраны и потребовали повторной проверки паспортов. Тут уже пораженные подобной просьбой пассажиры обратили внимание на странный набор вооружения «охранников»: пистолет-пулемет «Узи», два АК-47 и

пистолет Макарова. После того как были надежно заперты входные двери, многие догадались, что дело плохо. Некоторые пассажиры вспоминали впоследствии, что они определили, что стали заложниками, по характерным возгласам: «Аллах велик!»

Захватчики работали слаженно, что говорило о продуманности и подготовленности их действий. Общались они между собой, называя друг друга только при помощи номеров. Трое из террористов сразу же проследовали в кабину пилотов, четвертый остался держать под прицелом салон. Как оказалось, в их арсенале находилось еще и 20 динамитных шашек, десять из которых использовали для минирования кабины самолета, а оставшиеся разместили в чемодане под пассажирскими сиденьями.

При помощи пилотов местные власти были оповещены о случившемся. Алжирская полиция тут же блокировала аэродром, как это и полагается в подобных ситуациях. В переговоры с террористами вступил лично министр внутренних дел Алжира Абдерахман Мезиан-Шариф. Для этого ему пришлось подняться в башню управления полетами. Бернар Белемм – капитан захваченного авиалайнера – сообщил основные требования нападавших. В первую очередь необходимо было освободить из-под домашнего ареста двух лидеров Исламского фронта освобождения (ИФО) – Али Белхади и Абасси Мадани. Следует заметить, что деятельность ИФО была запрещена правительством за два года до того, в 1992 году. В противном случае террористы угрожали пойти на крайние меры. К этому времени они уже доказали свою решимость: был убит находившийся в числе пассажиров безоружный алжирский полицейский. Очевидцы вспоминали, как он просил пощады во имя жены и ребенка, но ему хладнокровно выстрелили в голову. Подобная участь постигла и торгового атташе посольства Вьетнама в Алжире. Тот потребовал своего немедленного освобождения, полагаясь на дружеские отношения между странами. Вскоре его труп был выброшен на летное поле.

Кроме всего прочего террористы требовали прибытия двух журналистов – местного алжирского и французского. Власти же отказывались обсуждать что-либо, пока не будут освобождены женщины, дети и старики. Их позиция была настолько жесткой, что к вечеру 63 человека были освобождены. Тут же полицией были сняты свидетельские показания. Они подтверждали хорошую организацию преступников: те даже внимательно контролировали раздачу пищи на предмет добавления в нее чего-либо. Кроме того террористы заставили всех женщин на борту самолета, включая стюардесс, закрыть лица, как велит ислам. Тем, кому не было во что закутаться, раздали одеяла. Они по очереди читали вслух Коран и пытались обратить пассажиров-соотечественников в истинную веру. Остальных же, по словам одного пассажира, «просто терроризировали». Так же очевидцы рассказали, что все бандиты довольно молоды – выглядят лет на 20, бород не носят и коротко стрижены. Особенно всех впечатлила их готовность убивать. Одна из заложниц отметила: «Они были вежливы и корректны, но у них был вид хладнокровных убийц. Они сказали нам, что собираются преподать урок Франции и всему миру».

Естественно, в известность о случившемся сразу была поставлена французская сторона. Министр внутренних дел Паскуа проводил в это время рождественские каникулы в Грассе, поэтому генеральный директор «Эр Франс» доложил о произошедшем его заместителю Эдуарду Лакруа. Вскоре все государственные чиновники высшего звена были оповещены по «горячей линии». Уже в полдень того же дня министром иностранных дел Аленом Жюппе был собран кризисный штаб на Кэ д'Орсэ. Спустя девять часов после захвата самолета с базы под Парижем в Алжир вылетело специальное подразделение из состава Корпуса национальной жандармерии. 35 человек из состава поднятых по тревоге двух антитеррористических групп направлялись выполнять свою работу на территории другой страны. Они вылетели на точно таком же аэробусе «А-300». Командовал спецназовцами капитан Дени Фавье.

Прервал свой отпуск и премьер-министр Франции Эдуард Балладюр. Утром 25 декабря он прилетел с альпийского курорта Шамони, чтобы лично возглавить операцию. Ему было особенно тяжело, поскольку он собирался баллотироваться на ближайших президентских выборах. Поэтому любой провал мог сказаться на его политической карьере самым фатальным образом.

Отправленный в Алжир французский десант ожидала неприятная неожиданность. По каким уж причинам неизвестно, но в страну их не пустили, и самолет был вынужден совершить посадку на Балеарских островах, в Пальма де Майорка. Возможно, власти были против вмешательства иностранных военных на их территории или же хотели показать, что способны справиться сами. А может, проблема коренилась в тех противоречиях, которые были заложены еще в то время, когда Алжир принадлежал Франции. Не отпусти де Голль бывшую колонию в самостоятельное плавание, подобных трудностей, конечно же, не возникло бы. Как бы там ни было, в течение суток французское правительство пыталось убедить алжирские власти позволить их людям хотя бы обеспечить техническую поддержку. После многочисленных: «Ждите дальнейших распоряжений» капитан Фавье получил, наконец, более конкретное указание: «Направление –

Алжир. Пока приземления не предвидится». Не состоялось оно и в дальнейшем. Самолет, пролетев побережьем, был вынужден вернуться во Францию и совершить посадку в Марселе. Французам не сообщали даже текущей информации по развитию ситуации.

Террористы, между тем, сами стали настаивать на вылете в Париж, чтобы якобы дать там пресс-конференцию. Французская разведка ДСТ тем временем идентифицировала их главаря. Он уже принимал участие в нескольких кровавых терактах, что и позволило его опознать. Итак, это был 25-летний Абдул Абдулла Яхья, когда-то владелец овощной лавки и мелкий уголовник. Теперь, поднабравшись кое-какого опыта в подрывной деятельности, он был более известен под прозвищем «Эмир».

Этот террорист числился активистом ячейки «Расписывающиеся кровью» и до угона самолета был ответственным за убийство трех французских жандармов и двух сотрудников французского консульства в Алжире. На участников переговоров Яхья произвел тягостное впечатление умственно отсталого человека. Возможно оттого, что он очень слабо изъяснялся по-французски и каждое свое предложение заканчивал ритуальным «Иншалла» – «Такова воля Аллаха». Власти попытались воздействовать на его сыновние чувства, столь сильные у мусульман. Однако Абдул Абдулла в первую очередь был религиозным фанатиком, а уж потом любящим сыном. В ответ на просьбу привезенной на аэродром матери: «Ради бога, умоляю тебя, сынок, выпусти пассажиров», он выпустил очередь из автомата по контрольной башне со словами: «Мама, встретимся в раю».

Чуть позже были выяснены личности еще двух террористов: Сайда Оуфчана и Назэтдина Мехти. И главарь, и его подручные были готовы на все ради достижения своей цели. Они не ограничились первоначальными требованиями. Их уже даже не интересовало освобождение руководителей фронта исламистов, теперь они все больше настаивали на вылете в Париж. Это, с одной стороны, радовало французскую сторону, поскольку операция переносилась на их территорию, а дома, как известно, и стены помогают. С другой – настораживала, поскольку подобная настойчивость должна была на чем-то основываться. Эксперты высказали предположение, что террористы являются смертниками и хотят просто взорвать самолет над столицей Франции. 42-тонного самолета с 15 тоннами горючего на борту вполне хватило бы, чтобы засыпать город пылающими обломками, вызвав многочисленные пожары и панику. Чтобы лишить их этой возможности, решено было посадить аэробус в Марселе, где до этого приземлилась группа Фавье.

Правда, все это было пока лишь в теории, поскольку алжирские власти отказывались выпускать самолет и по-прежнему не сообщали подробностей переговоров. 25 декабря в 19.55 Яхья был выдвинут ультиматум: «Если не уберете трап до 21.00, уьем одного из пассажиров». Алжирцы не отнеслись к данному заявлению серьезно даже после того, как повар французского посольства Яник Бьюке обратился по радио с просьбой разрешить взлет, поскольку иначе его убьют. «Это только блеф», – заявили они французам, настроенным гораздо серьезнее. Когда тело застреленного неудачливого кулинара было выброшено на летное поле, французские власти пришли в ярость и стали требовать немедленного вылета самолета.

В 22.20 главарь террористов повторил свое требование. Он угрожал убить секретаря французского посла, если самолет не вылетит в полночь. Испугавшись накаляющегося тона переговоров с Парижем, президент Алжира Ламин Зеруаль лично дает распоряжение выпустить аэробус. При этом он действовал наперекор мнению министра внутренних дел, который был в корне не согласен с подобным действием. Все-таки в два часа ночи 26 декабря вылет во Францию, наконец, состоялся. В марсельском аэропорту Мариньян самолет был через три с половиной часа. Здесь его уже ждали не только приземлившиеся ранее командос, но и антикризисная группа во главе с префектом марсельской полиции, которая совместно со спецназовцами и специалистами по переговорам штаб в башне управления полетами. О «взаимопомощи» со своими алжирскими коллегами один из французов после выскажется так: «Мы должны были начать с нуля в положении, созданном без нас».

Сразу по прибытии самолет был отбуксирован на заранее подготовленную для этого площадку. Этот так называемый «бомбовый паркинг» (профессиональный жаргон) отвечал основным требованиям операции по освобождению заложников, которые к тому времени томилась в плену почти двое суток. Место стоянки было доступно для возможного штурма и в то же время хорошо просматривалось с башни. Разработка плана атаки была поручена все тому же капитану Фавье.

Тем временем террористы потребовали восполнить запасы воды, очистить туалеты и дозаправить самолет горючим. При этом топлива они просили более чем в два раза больше, чем необходимо было для полета в Париж. Это лишнее подтверждало версию экспертов о планируемом взрыве. Вскоре она была подтверждена разведкой и анонимным звонком. В

консульство в Оране позвонил неизвестный и сказал: «Это летающая бомба. Она взорвется над Парижем».

Служащие аэропорта естественно ответили согласием выполнить все необходимые операции, но, как и предписывали в подобных случаях инструкции, не торопились, растягивая время, как только возможно. Поэтому все их действия заняли несколько часов. Под видом техперсонала действовали сотрудники специальных подразделений. Имитируя испуг при виде вооруженных бандитов, они внимательно изучали место предстоящей схватки. Они выяснили, что непосредственно двери не заминированы и не блокированы. Кроме того, по некоторым данным, удалось еще установить внутри самолета подслушивающие устройства. Это давало некоторую свободу действий.

Учитывая продемонстрированную террористами готовность убивать, капитан Фавье приказал задействовать дополнительные силы. Кроме прочего, на транспортном самолете С-160 «Трансалль» в Марсель вылетело 20 бойцов из эскадрона парашютистов спецназначения национальной жандармерии. Впоследствии их присутствие оказалось очень кстати. В восемь часов сорок минут пришло официальное разрешение на штурм. Все были собраны и готовы. Не хватало только последнего приказа.

В самолете, тем временем, росло напряжение. Пассажиры были измучены долгим заточением и неизвестностью, у террористов тоже потихоньку начинали сдавать нервы. В полдень была неожиданно отпущена пожилая супружеская пара. Одновременно с этим Абдул Яхья выдвинул очередное требование: организовать пресс-конференцию вначале на аэродроме, а после непосредственно в самой столице Франции. Схватив микрофон, он истерично прокричал: «Условия диктуем мы, а не вы. Даю вам полтора часа, чтобы обеспечить вылет!» Но об этом не могло быть и речи. Выпускать самолет из уже расставленной ловушки никто не собирался. Время тянули только для того, чтобы попытаться освободить хотя бы еще какое-то число заложников и максимально измотать преступников. Премьер Балладюр дал краткие и понятные в данной ситуации инструкции: спасти заложников и уничтожить террористов.

В 16.45 произошло непредвиденное – самолет внезапно начал двигаться в сторону главного терминала. Эксперты были в недоумении. Реагировать надо было быстро, корректируя планы по обстановке. Однако аэробус остановился так же внезапно, как и поехал. До здания оставалось несколько метров. Напряжение достигло предела. Террористы читали вслух молитвы об умерших. Все опасались худшего – как минимум очередного убийства. Но был предъявлен только очередной ультиматум – или в 17.00 самолет взлетает, или будут предприняты «соответствующие действия». Роковое время наступило, но все оставалось по-прежнему. Какой выдержкой или интуицией должны были обладать военные, чтобы выдержать эту паузу и не сорваться! Вскоре преступники согласились подождать еще пять минут. Было ясно, что выдержка им изменяет. А когда Абдул Яхья дважды выстрелил по башне управления полетами и даже разбил в ней окно, министр внутренних дел Паскуа понял, что тянуть дальше нельзя, и отдал приказ о немедленной атаке.

Операция началась в 17.17. Восемь снайперов разместились на крышах зданий аэропорта, чтобы прикрывать действие штурмовых групп. Их было три – две по шесть человек и одна ударная, во главе с капитаном Фавье, в составе восьми человек. Они направлялись к самолету на движущихся трапах со стороны непростреливаемого пространства. В данном случае – с хвоста аэробуса. Тем не менее, их действия были замечены. По ним даже выпустили очередь из автомата, правда, без особого ущерба. Причем стрелявший из задних дверей боевик после этого, по словам очевидцев, побежал к остальным в переднюю часть самолета.

Группы захвата разделились. Первая (самая большая) направилась к правой передней двери, вторая блокировала левые задние двери, а последняя – правые. Труднее всего пришлось команде Фавье, которая приняла основной огонь на себя. Террористы, укрывшиеся в кабине пилотов, встретили ее шквальным огнем. Стреляли прямо из кабины, через тонкие двери, пробивая стенки. Жандарм, стоявший на трапе первым, вышиб дверь и ворвался внутрь. Только в его оружие попало пять пуль. Но профессионал на то и профессионал – даже в этой ситуации он умудрился ответить. Другой его товарищ продолжал вести огонь с простреленными обеими ногами. Ранены были и остальные бойцы группы, только Фавье, шедший шестым, чудом уцелел. Впоследствии он вспоминал, что это была «стена огня».

Второй группой командовал капитан Тарди. В ее основную задачу входил обыск всевозможных помещений на предмет выявления в них спрятавшихся террористов. Действовали они по стандартной схеме. После проникновения в самолет штурмовики приказали заложникам лечь на пол и начали планомерный поиск. Все это происходило под продолжающимся обстрелом, так что и здесь не обошлось без раненых (два человека).

Третья бригада под руководством капитана Кима обеспечивала эвакуацию заложников. В считанные минуты заработали надувные аварийные рукава. Люди, пробывшие в плену более 50 часов, не веря в собственное счастье, соскальзывали на летное поле по обе стороны самолета. Правда, всем пришлось еще немного потерпеть: встречающие заложников специалисты из спецназа вынудили их еще некоторое время провести на земле. Это было необходимо для того, чтобы никто из бандитов не ушел, смешавшись со своими жертвами.

На борту тем временем положение по-прежнему оставалось тяжелым. Террористы не только продолжали обстрел, но и, приоткрывая дверь, время от времени бросали в салон гранаты, максимально затрудняя этим продвижение десантников вперед. В самой большой опасности оказались пилоты, ведь они по-прежнему оставались вместе с исламскими смертниками, следовательно, могли оказаться зажатыми между двух огней. У второго пилота Жана Поля Бродери сдали нервы, и он выпрыгнул в окно, несмотря на предупреждение: «Как только прыгнешь, застрелю». Упав с пятиметровой высоты, он сломал себе локтевую кость, бедро и получил еще множество других травм. Тем не менее, ему удалось убежать.

Жандармы попытались забросить в кабину гранату с парализующим газом. Это удалось только со второй попытки, но, как ни странно, не привело к желаемым результатам. Выстрелы не стихали. К этому времени эвакуация пассажиров была полностью завершена и капитан Фавье отдал приказ снайперам обстрелять кабину. После десятиминутного обстрела из специальных ружей калибра 7,62 выстрелы все еще продолжались, и даже была брошена очередная граната. Однако ответный огонь становился все реже и после следующей серии снайперских выстрелов стих вовсе. Казалось невероятным, что все уже закончилось. Жандармы ждали подвоха, но тут на связь вышли пилоты: «Прекратите огонь, все уже мертво». Тем не менее, когда эта новость была передана капитану Фавье, он приказал всем выходить из кабины с поднятыми руками. Опасения не подтвердились – пилоты сказали правду. Снайперы работали великолепно. Они не только блестяще справились со своей задачей, но и не причинили вреда штурману Алену Боссо и капитану аэробуса. Это была поистине ювелирная работа.

В 17.35 капитан Фавье передал историческое радиосообщение: «Операция окончена. Потери невелики». Задача, поставленная премьер-министром, была выполнена почти идеально – 170 заложников освобождены, все террористы убиты. Несмотря на отдельные недостатки планирования и проведения, нападение террористов было отбито с минимальными потерями. Всегда бы так.

Примечания

1

Моджахеды, или муджахеды – «борцы за веру», участники различных социальных движений в странах мусульманского Востока.

[\(обратно\)](#)

2

В 1991 году организация была переименована в «Исламскую армию».

[\(обратно\)](#)

Оглавление

- [От авторов](#)
- [АБУ ДЖИХАД](#)
- [АБУ НИДАЛЬ](#)
- [АГДЖА МЕХМЕД АЛИ](#)
- [АЗ-ЗАВАХИРИ КАМИЛЬ АЙМАН МУХАММАД РАБИИ](#)
- [АЗЕФ \(АЗЕВ\) ЕВНО ФИШЕВИЧ](#)
- [АМИР ИГАЛЬ](#)

- АСАХАРА СЁКО
- БААДЕР АНДРЕАС
- БАРАЕВ АРБИ АЛАУТДИНОВИЧ
- БЕН ЛАДЕН УСАМА
- БЛЮМКИН ЯКОВ ГРИГОРЬЕВИЧ
- БОГРОВ ДМИТРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
- БРАЗИНСКАС ПРАНАС БРАЗИНСКАС АЛЬГИРДАС ВАЙЛЬ
- ДЖЕЛЛИ ЛИЧО
- ЖЕЛЯБОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ
- ЗЮЛЬКОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
- ИЛЬИН ВИКТОР ИВАНОВИЧ
- ИСЛАМБУЛИ ХАЛЕД АХМЕД ШОУКИ АЛЬ
- КАЗИНСКИ ТЕОДОР
- КАМО
- КАПЛАН ФАННИ ЕФИМОВНА
- КИБАЛЬЧИЧ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
- КОРДЕ ШАРЛОТТА
- КРАСИН ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ
- КУРЧО РЕНАТО
- МАДЗИНИ ДЖУЗЕППЕ
- МАЙНХОФ УЛЬРИКА
- МАКВЕЙ ТИМОТИ
- МЕРКАДЕР РАМОН
- МЕРКАДЕР ДЕЛЬ РИО ЭУСТАСИЯ МАРИЯ КАРИДАД
- МОРЕТТИ МАРИО
- МУКРИН АБДУЛАЗИЗ ИССА АБДУЛ-МОХСИН
- ОВЕЧКИНЫ
- ПЕРОВСКАЯ СОФЬЯ ЛЬВОВНА
- ПРИНЦИП ГАВРИЛО
- РАДУЕВ САЛМАН БЕТЫРОВИЧ
- РАМЗИ АХМЕД ЮСЕФ
- РАМИРЕС САНЧЕС ИЛЬИЧ (КАРЛОС)
- САВИНКОВ БОРИС ВИКТОРОВИЧ
- САЛАМЕХ АЛИ ХАСАН
- СПИРИДОНОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА
- СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
- ТАГАЕВ МАГОМЕД САЙПУЛАЕВИЧ
- УЛЬЯНОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ
- ФИГНЕР ВЕРА НИКОЛАЕВНА
- ХАЛЕД ЛЕЙЛА
- ХАЛИД ШЕЙХ МОХАММЕД
- ХАТТАБ АМИР АЛЬ
- ХЕРСТ ПАТРИЦИЯ
- ЯСИН АХМЕД
- ЯХЬЯ АБДУЛ АБДУЛЛА